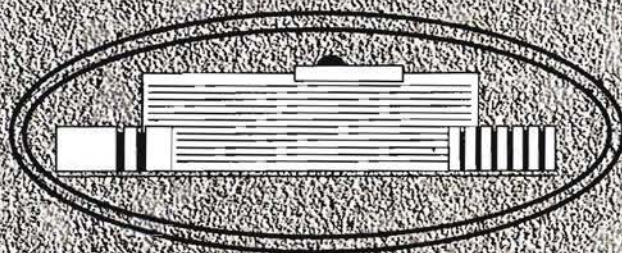

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Том 7

Витебск 2008

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Том 7

Сборник научных статей

Витебск
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
2008

УДК 378(06)
ББК 74.583(4Бен-4В)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

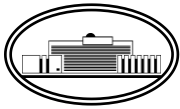
Редакционная коллегия:

А.В. Русецкий (главный редактор),
А.Л. Гладков (зам. главного редактора),
Г.И. Михасев (зам. главного редактора),
А.И. Матюк (ответственный секретарь),
В.Н. Бибило, С.Л. Богомаз, Е.В. Ванкевич, Е.А. Василенко, Н.С. Вислобокова,
Г.А. Василевич, Н.Т. Воробьев, В.И. Гидранович, В.Н. Годунов, В.П. Климович,
В.А. Космач, Т.В. Котович, В.Я. Кузьменко, О.Н. Кулиева, И.Л. Лапин, А.М. Мезенко,
В.М. Минаева, С.А. Моторов, А.А. Нестеренко, В.И. Нестерович, П.И. Новицкий,
И.М. Прищепа, В.П. Прокопцова, М.М. Рассолов, Э.И. Рудковский, Ю.А. Русецкий,
М.А. Слемнев, А.П. Солодков, Н.К. Толочко, Т.М. Тузова, В.Л. Федотов, И.А. Фурманов,
В.М. Хомич, А.А. Чиркин, Ю.М. Чурко, И.И. Шматков, В.А. Янчук

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных статей. –
В54 Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – 315 с.

УДК 378(06)
ББК 74.583(4Бен-4В)6я54

© Коллектив авторов, 2008
© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008

УДК 37.07.4:316.614.5

Изучение истории Великой Отечественной войны – важная составляющая гражданско-патриотической социализации учащейся молодежи

А.В. Русецкий, Л.А. Гащенко

Рассматривается проблематика взаимовлияния актуальных тенденций динамики общественного развития и процессов исторического познания. При этом авторы исходят из следующего тезиса: толкование прошлого невозможно отнести лишь к сфере деятельности организованных институтов получения и трансляции исторического знания, эта деятельность интегрирована в сам контекст глобального культурного процесса. В статье делается вывод о том, что способы и направленность интерпретации прошлого в значительной степени определяют характер социума, поскольку, как считают авторы, конфликт унаследованного и вновь приобретенного – один из важнейших в диалектической динамике его развития. В свою очередь, общество оказывает мощное влияние на процессы понимания и толкования истории.

В современных условиях, когда кардинальным образом пересматриваются духовные основания существования нашей страны, гражданско-патриотическая социализация учащейся молодежи является ключевой составляющей ее социализационного процесса в целом. Она призвана сформировать социально зрелые детерминанты, социально-патриотические потребности, интересы, цели и идеалы, гражданско-патриотическое сознание и гражданско-патриотическое мировоззрение. Актуальность обозначенных побудителей заключается в том, что их усвоение всем населением позволяет развиваться белорусскому обществу экономически стабильно и политически бесконфликтно, о чем и свидетельствует его нынешнее состояние.

Одним из важных компонентов гражданско-патриотических оснований учащейся молодежи является историческая память, посредством которой воспроизводится прошлое предшествующих поколений, сохраняются и транслируются в сознание современной молодежи национальная культура, язык, традиции, обычаи, история этноса. Мы субъективны и в своем субъективном свободны, но не свободны от того, что диктует культура, ценностный мир, менталитет нашего народа и переживаемая нами эпоха. Поэтому качество и полнота воспринимаемой и понимаемой исторической памяти в значительной степени характеризуется широтой и глубиной осознания донесения до поколения начала XXI столетия прошлых ценностей.

Под исторической памятью в самом общем виде следует понимать устойчивую систему представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании [1]. Она обладает инерционной устойчивостью, сравнительно стабильна, но и подвержена изменениям. Представления о прошлом, сформированные прежде, могут меняться под влиянием различных факторов. При помощи социализационного процесса историческая память прямо и непосредственно включена в систему гражданско-патриотического сознания [2]. Она чрезвычайно актуальна, поскольку содержит в себе своего рода систему координат в оценке прошлого для более глубокого осмысления настоящего и будущего. Ее роль особенно значима в формировании гражданско-патриотических ценностей у современной молодежи, в выработке у нее позитивного, бережного отношения к своей стране, ответственности, к происходящим в ней социально-экономическим, политическим и духовным трансформациям.

Историческая память как важный фактор преемственности между поколениями, является ключевой составляющей общественного сознания в целом и гражданско-патриотического сознания в частности [3], а поэтому она не столько персонифицирована, сколько социальна. Хранителем ее выступает семья, социальные группы, этносообщества. Посредством исторической памяти осуществляется связь поколений, которая носит двойственный характер, под которой понимают «истоки осмысления самих себя, истоки нравственной ответственности отцов перед сыновьями, а сыновей перед отцами. Причем взаимообогащение носит двойственный характер, родители передают свой опыт детям, дети свой»[4].

Факторами, способствующими установлению связи поколений, являются: родословная книга семьи, реликвии прожитых лет, которые передаются по наследству от отцов к детям и внукам, семейные традиции.

Подлинный гражданин не только уважительно относится к истории своего этноса, но и к истории других этносов, проживающих вместе с ним на единой территории и в едином государстве. История Отечества – это прежде всего историческая память индивидов, осознающих свое родство с предшествующими поколениями. Благодаря ей осуществляется самоидентификация людей с другими соотечественниками. При помощи исторической памяти индивиды интегрируются и консолидируются в социуме, несут за него ответственность. Уместно вспомнить гегелевскую идею, что субъективный долг преодолевает ограниченность самодостаточности, когда человек осознает, что он есть продукт истории и даже ее участник и субъект, деятель.

К сожалению, как показали проведенные нами социологические исследования (всего было опрошено 800 старшеклассников г. Витебска и Витебской области и 1522 витебских студента [5]), учащаяся молодежь еще недостаточно глубоко понимает свою причастность к истории своего народа и государства. Так, на вопрос «Готовы ли Вы работать на процветание своей Родины с полной отдачей?» только 30,8% учащихся средних школ и 22,98% студентов вузов дали утвердительный ответ (табл. 1).

Таблица 1

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- цио- нар	Заоч- ни- ки	
1. Да, со всей определенностью	25,6	32,6	34,6	30,4	30,8	23,5	22,0	22,9
2. Нет, поскольку Родина обо мне недостаточно заботится	26,9	37,4	39,0	44,4	36,9	40,6	40,0	40,3
3. Затрудняюсь ответить	47,5	30,0	26,4	25,2	32,3	35,9	38,0	36,8

Перед субъектами воспитательного процесса всегда стоит вопрос «Как соотносить общественные и личные интересы, превратить историю в судьбы людей, их влияния на историю, и каким образом история как бы вовлекает всех без исключения, а не только выдающихся личностей, в свои процессы?». Иными словами, есть определенные трудности гражданско-патриотического воспитания по сравнению с гражданско-патриотической социализацией. Если первое во многом опирается на слово, которое, несомненно, оказывает сильное влияние на формирование гражданско-патриотических качеств личности, то второе прежде всего влияет через события, материальные и иные условия жизни, то есть – через дело.

В целом каждый человек, проживая вполне стереотипную жизнь (родившись, учившись, крестившись, создал или не создал семью и умер), тем не менее попадает в историю, так или иначе влияет на ход ее развития. Однако, это влияние может быть либо действенным, активным, либо пассивным. Но еще Гегелем было доказано, что активность субъективна, во многом зависит от его гражданско-патриотических ориентаций, сохранения и усвоения прошлого опыта предшествующих поколений.

По вопросу передачи социального опыта как более сложного механизма исторической памяти существует два подхода. Один представлен концепцией К. Юнга, опирающейся на коллективное бессознательное, архетипы как модели поведения, сознания, чувствования, передаваемые бессознательным путем из поколения в поколение. Другой подход обусловлен отечественной позицией в социальной психологии, суть которой заключается в том, что трансляция социального опыта осуществляется как опосредованно, через процесс опредмечивания и распределенного, так и непосредственно, путем прямой передачи от поколения социального опыта, в котором социальные институты, идеологи, субъекты воспитательного процесса в целом отвечают за то, какие образы, идеалы для подражания они предлагают социальной группе, этносу, обществу в целом.

Проведенные нами на протяжении последнего пятилетия социологические замеры высветили новую концептуально-идеологическую парадигму – **необходимость полного возвращения государства в процессе гражданско-патриотической социализации**. Причем выяснилось и то, что следует разработать такую систему мер, которая

позволяла бы ненасильственно транслировать гражданско-патриотические ценности в сознание каждого члена общества. Как подчеркивал Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, «начиная с рождения, через детский сад, школу, вуз каждый должен не просто понять умом, но и впитать душой такие категории, как Родина, патриотизм, свой народ, своя история, культура» [6].

Особенно возрастает роль государства и его социальных институтов в сохранении в сознании учащейся молодежи исторической народной памяти о Великой Отечественной войне, как огромной ценности, духовного капитала Республики Беларусь. В последнее время достаточно откровенно участились попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны. Рядом исследователей не только ставится под сомнение значение Великой Победы, но даже ответственность за развязывание войны возлагается почти исключительно на СССР. В этой ситуации актуально и значимо мнение профессиональных историков (ученых, преподавателей).

Великая Отечественная война – важнейшая составляющая Второй мировой войны – эпохальное событие XX столетия, которое вместило экономические, политические, идеологические, военные, социальные, психологические теории и практики, взлеты и падения, ожидания и разочарования, идеалы, цели, интересы, невиданный патриотизм и героизм. И, конечно, все это мы должны соотносить с жизнью Беларуси в ее полном социальном, нравственном, духовном отношении.

Анализ исторического сознания учащейся молодежи, сформировавшейся в условиях транзитивного общества, представляет значительный научный интерес и исследовательскую проблему. Социологический мониторинг может подтвердить или развеять опасения относительно пробелов в исторических знаниях современного поколения о Великой Отечественной войне. Отсюда и предмет исследования – изучение того, как память учащейся молодежи выражает себя сегодня в знаниях, суждениях, представлениях и оценках о Великой Победе в целом и многообразных ее сторон, как взаимодействует с официальным дискурсом.

Всего опрошено по целевой выборке 2603 респондента. Анкетировались учащиеся 9, 10, 11 классов, техникумов, студенты вузов. Опрос проводился в Минской, Могилевской и Витебской областях. В последней исследовании практически проведено во всех районах и районных центрах. Возрастная структура учащейся молодежи следующая: старшеклассники составили 1659 (64%); учащиеся техникумов – 109 (4%); студенты трех государственных вузов г. Витебска – 835 (32%). В свою очередь учащиеся сельских школ и районных центров составили – 66%, городов Минска, Могилева, Витебска, городов областного подчинения – 34%.

Задачи исследования заключаются в изучении состояния и функционирования исторической памяти учащейся молодежи Республики Беларусь о Великой Отечественной войне, того, как она сохраняется, воспроизводится и проявляет себя в оценках различных сторон войны и Победы, каковы тенденции ее изменения по истечению 60 лет. В русле поставленных задач изучались знания и представления о Великой Отечественной войне, источники знаний; оценки движущих сил войны; факторы Победы; отношение к победителям, поколению, одержавшему Победу, к памятникам войны и ее участников, а также проблемы искажения исторической памяти о войне; народная память и власть.

Исходным был следующий вопрос: «Интересуют ли Вас события Великой Отечественной войны?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 2.

Таблица 2

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Очень интересуют	29	40	27	36	36	35	43	21	30
2. Скорее интересуют, чем нет	55	51	56	53	41	46	49	58	53
3. Совсем не интересуют	6	6	12	0,6	12	11,2	2	10,5	9,2
4. Затрудняюсь ответить	10	3	5	0,5	11	7,8	6	10,5	7,8

Как видно из таблицы, 83% респондентов (суммарный показатель первых двух индикаторов) интересуются историей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Из первого вопроса логически вытекает следующий: «Из каких источников Вы знаете о событиях Великой Отечественной войны?» (возможно несколько вариантов ответа). Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 3.

Таблица 3

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Изучал(а) в школе, в вузе, других учебных заведениях	67	69	77	80	74	78	86	93	83
2. Из рассказов родителей, друзей, знакомых	30	37	39	43	36	34	35	43	39
3. Из семейных «архивов»	19	37	18	21	22	19	15	20	20

Окончание табл. 3

4. Из кинофильмов, театральных постановок	67	37	57	61	55	43	56	78	62
5. Из художественной литературы о войне	60	31	42	50	43	33	50	58	48
6. Из посещения музеев, воинских мемориалов	55	24	48	55	50	38	64	69	55
7. Из походов по местам боевой славы	25	19	28	33	28	17	32	27	27

Как видно из ответов респондентов, для них наиболее распространенным источником знаний о войне является изучение ее истории в школах, вузах и других учебных заведениях, поэтому следует максимально использовать познавательный ресурс Великой Отечественной войны (ВОВ) в обозначенных социальных институтах. Тем более, что по мере удаления от этого события все труднее и труднее удерживать в исторической памяти учащейся молодежи адекватные представления о весьма значимых эпизодах войны. Кроме того, объем изучаемого материала постоянно сокращается. Например, если на изучение «Истории Беларуси» в вузах отводится 72 часа, то на преподавание спецкурса «Великая Отечественная война» (в контексте Второй мировой войны), которое было организовано по указанию Главы государства А.Г. Лукашенко, в этих же учебных заведениях отводится лишь 14–16 часов. Однако, по распоряжению Министерства образования Республики Беларусь с 2008–2009 учебного года студенты изучать его уже не будут.

Такая ситуация характерна и для других республик постсоветского пространства. Так, если в учебнике истории СССР под редакцией М.П. Кима, изданном в 1977 году, освещению событий Великой Отечественной войны отводилось 43% всего объема, то в учебном пособии для общеобразовательных учреждений А.А. Левандовского и Ю.А. Щетинова (5-е издание, 2001 г.), названном в аннотации наиболее совершенным из ныне существующих учебников, интересующему нас периоду уделено 8% объема учебника [7].

Изучение Великой Отечественной войны в полном объеме актуально еще и тем, что в современных кинофильмах, телесериалах очень часто искажается (причем сознательно) героическая борьба советского народа против фашистских завоевателей, которые, как видно из табл. 3 (индикатор 4), являются вторым по значимости источником знаний о войне. Например, некоторые кинорежиссеры в своих телесериалах пытаются убедить простых обывателей, в том числе современное поколение, что именно штрафные подразделения сыграли решающую роль в победе над фашистской Германией. Но статистика свидетельствует о другом. Не штрафники, а прежде всего молодежь внесла главный вклад в достижение Победы, что не умаляет воинов других поколений, но указывает на

объективное распределение боевой нагрузки [8]. При ежегодной средней численности Вооруженных Сил во время войны около 11,4 млн человек 6,7 млн, или 73%, находились в действующей армии. Ее основную массу составляли молодые люди – 85% [9].

Всего же за войну через штрафные подразделения прошли 427910 военнослужащих (виновные в нарушении дисциплины, паникеры, дезертиры и др.). Они иногда решали опасные и рискованные, но все же локальные задачи и нельзя им приписывать чуть ли не решающую роль, как это делается иногда в СМИ. К тому же многие штрафники проявляли мужество, досрочно возвращались в части с получением прежних званий, должностей, наград [10].

Советских воинов объединяла прежде всего любовь к социалистической Родине, боль за страдания и беды, которые причиняли немецкие завоеватели советскому народу. Их сплачивала марксистско-ленинская идеология, вера в справедливость и правильность политики ВКП(б), к ее руководителям. У них еще сильнее развивались национальные чувства соборности, товарищества, способность переносить неслыханные тяготы ради Отечества. Идеалы и цели советских воинов развивали и укрепляли в них лучшие человеческие качества, качества воинов-освободителей.

Таким образом, обозначенные факторы сыграли очень важную роль в разгроме германской военной машины. Об этом свидетельствует и мнение респондентов. Им был задан соответствующий вопрос «Укажите факторы, сыгравшие определяющую роль в достижении Победы над фашизмом?» (возможно несколько вариантов ответа). Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 4.

Таблица 4

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Ненависть к фашизму	51	33	42	39	50	37	29	34	38
2. Советское воспитание	42	49	40	39	39	37	31	32	36
3. Патриотизм	75	61	64	79	76	54	79	76	72
4. Героизм на фронте и в тылу	67	47	49	65	57	47	60	67	60
5. Открытие союзниками Второго фронта и их материальная помощь	22	24	17	13	13	22	17	19	17
6. Партизанское движение	63	58	53		61	34	68	71	59

Окончание табл. 4

7. Наличие талантливых полководцев и военачальников	39	45	29	44	21	31	35	49	39
8. Система обороны, созданная Сталиным	21	26	19	12	7	10	9	9	9
9. Огромная территория СССР, суровый климат, бездорожье	25	15	22	18	16	17	40	34	34

Как видно из цифрового материала данной таблицы, абсолютное большинство респондентов едины в том, что патриотизм и героизм советских людей на фронте и в тылу были наиважнейшими определяющими факторами (индикаторы 3 и 4), благодаря которым первому в мире социалистическому государству удалось победить в этой тяжелой и кровавой войне. Также абсолютное большинство опрошенных едины в оценке о значимости партизанского движения (индикатор 6) в разгроме фашизма. Актуальность этого показателя заключается в том, что он свидетельствует о значительной работе субъектов воспитательного процесса всех уровней в исторической социализации учащейся молодежи: приобщении ее к истинным историческим знаниям, включая и знания о белорусских партизанах. Не случайно нашу страну называли партизанской республикой. Это не психологический фантом, но факт объективной реальности. Благодаря партизанам земля «горела» под ногами оккупантов, на борьбу с ними противнику приходилось отвлекать большие силы.

Четвертую по степени важности позицию в системе факторов, определивших Победу над фашистской Германией, занимает военное искусство советских полководцев (индикатор 7). Указанная позиция вызывает некоторую тревогу. Можно предположить, что современное поколение еще недостаточно полно оценивает их роль в разгроме немецких завоевателей. В этой связи ученым-историкам, преподавателям истории Беларуси, творческой интеллигенции, СМИ и др. необходимо более активно и всесторонне освещать становление военного искусства советских талантливых полководцев и военачальников в годы Великой Отечественной войны.

В целом, как отмечал Г. Жуков, в начале войны плохо воевали не только наверху, но и внизу [11]. Понадобились огромные усилия, чтобы ликвидировать отставание и стать выше врага по боевому мастерству. И к 1944–1945 гг. советские военачальники показали высокое умение руководить войсками. Превосходные качества подавляющей части командного состава советской армии были важным фактором быстрого овладения опытом ведения современной войны, боевого искусства в Великой Отечественной войне. Именно об этом следует больше говорить с учащейся молодежью.

Существенным фактором, по мнению опрошенных, является огромная территория СССР, суровый климат, бездорожье (индикатор 9). Географические и суровые по сравнению с Европой климатические условия также сыграли свою роль. Проигрывая в первые месяцы войны пространство, Советский Союз выигрывал время, чтобы оправиться от первых ударов и собрать силы для отражения агрессора. Вспомним, что Гитлер собирался закончить военную кампанию на Востоке до зимы. По-видимому, у него были проблемы и с зимним обмундированием для солдат, и с военной техникой, не подготовленной к боевым действиям в зимних условиях [12].

Одновременно мы пытались выяснить, как глубоко респонденты знают общеизвестные факты Великой Отечественной войны. На вопрос «Сколько, примерно, советских солдат повторили подвиг А. Матросова?» только единицы смогли назвать правильную цифру – более 200, которая указывалась в прежних учебниках. У остальных разброс цифр наблюдался от 2 до 1 млн советских воинов. Многие респонденты вообще не отвечали на этот вопрос.

Неоднозначны были ответы студентов на вопрос «Оцените роль руководителей антигитлеровской коалиции в Победе над фашизмом?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 5.

Таблица 5

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Решающая									
– Рузвельт	16	23	12	10	16	15	4	8	11
– Черчилль	13	6	11	11	7	16	10	7	10
– Сталин	54	42	45	42	37	47	46	43	45
2. Значительная									
– Рузвельт	30	15	28	32	28	21	21	28	27
– Черчилль	39	28	26	40	33	27	26	39	35
– Сталин	16	16	25	22	21	27	23	26	24
3. Незначительная									
– Рузвельт	23	11	20	27	25	30	36	33	28
– Черчилль	29	13	17	24	21	19	21	22	21
– Сталин	7	13	6	10	16	8	6	12	10
4. Затрудняюсь ответить									
– Рузвельт	31	51	40	31	31	34	39	31	34
– Черчилль	19	53	46	25	39	38	43	32	34
– Сталин	25	32	24	19	26	18	25	19	21

Как видно из данных представленной таблицы, вопреки современным оппозиционным СМИ, политикам, ученым, публицистам и др., которые в своих псевдоисследованиях всячески стремятся исказить роль Сталина в разгроме фашистской Германии, учащаяся молодежь достаточно четко определила к нему свое отношение: 45% опрошенных решающее предпочтение отдали «Вождю», а не Рузвельту и Черчиллю. Вместе с тем заметим, что для Рузвельта и Черчилля это была Вторая мировая война, для Сталина – Великая Отечественная война, завершить которую не очень спешили коллеги по антигитлеровской коалиции, открыв Второй фронт лишь в июне 1944 г., когда до окончания войны осталось меньше года.

Таким образом, даже при неполноте исторических знаний учащейся молодежи и при неоднократных попытках переоценки событий исторического прошлого именно практические результаты борьбы советского народа против фашистского ига определяют их в ее исторической памяти. Игнорирование и тем более противодействие этому проявлению исторических представлений большинства молодых людей в информационной политике и практике в системе образования и воспитания контрпродуктивно, поскольку противоречит доминирующим настроениям в обществе и их объективной исторической основе.

Из предыдущих вопросов логически вытекает следующий: «Способствовало ли изучение истории Беларуси и спецкурса «Великая Отечественная война» более глубокому осознанию подвига белорусского народа в разгроме фашистской Германии?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 6.

Таблица 6

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Да, со всей определенностью	31	38	36	41	49	32	36	28	35
2. Скорее да, чем нет	55	44	47	43	28	37	44	38	40
3. Скорее нет, чем да	12	8	9	8	8	21	9	28	16
4. Затрудняюсь ответить	2	10	8	8	15	10	11	6	9

Как видно из цифрового материала данной таблицы, свыше трети респондентов дали совершенно определенный ответ – «да», 40% – ответили «скорее да, чем нет». Это неплохие показатели. Ведь проблема исторической памяти – это всегда сознательное обращение к прошлому, со своими плюсами и минусами, негативным и позитивным содержанием. Известно, что исторический факт можно рассматривать и как принадлежность к собственной истории, и как достояние науки, отражение в науке факта, имевшего место в реальной жизни.

Познание как отражение действительности, воспроизводит только часть реальности, в нашем случае часть прошлого – историю Великой Отечественной войны. Поэтому вопрос не только в том, как интерпретируются факты, но и какой полнотой фактических данных о прошлом располагает историк в данный момент (ученый-методолог, преподаватель истории Беларуси, спецкурса «Великая Отечественная война»). Следовательно, чем всестороннее историки будут «вооружены» историческими фактами о Великой Отечественной войне и чем активнее они будут использовать их в преподавательской деятельности, тем глубже будет осознан учащейся молодежью и подвиг белорусского народа в разгроме фашистской Германии. С другой стороны, любое научное обращение к истории имеет дело с проблемой исторических альтернатив. История учит тому, как нельзя поступать, она как бы предостерегает бедолами предков, которые необходимо учитывать в будущем, ее потомков.

В этой связи респондентам задавался альтернативный вопрос «Как вы считаете, победила бы сейчас наша страна в аналогичной войне?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 7.

Таблица 7

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Определенно да	14	35	18	25	39	24	33	15	22
2. Скорее да, чем нет	31	38	40	31	21	30	19	30	30
3. Скорее нет, чем да	24	12	20	21	16	23	26	31	24
4. Определенно нет	18	3	7	14	9	12	5	13	12
5. Затрудняюсь ответить	13	12	15	9	15	11	17	11	12

Сразу оговоримся, история не знает сослагательного наклонения, тем не менее, позволено произвести мысленный эксперимент и перенести респондентов из 2008 в год 1941. Лишь больше 20% опрошенных на поставленный вопрос ответили уверенно «да». Самый низкий показатель по данному индикатору наблюдается у студентов: только 15% из них сказали «определенно, да».

В альтернативном вопросе следует выделить два весьма актуальных аспекта: 1) какова боеспособность современной армии Республики Беларусь; 2) каковы гражданско-патриотические, нравственно-волевые и психологические качества учащейся молодежи – потенциальных защитников нашего Отечества.

В отличие от начального этапа Великой Отечественной войны, когда советские войска активно не приводились в повышенную боевую готовность, когда наблюдалась

разобщенность руководства боевыми действиями, проявления инициативы в условиях неудач на фронте, белорусская армия, по словам министра обороны Республики Беларусь Л. Мальцева, является одной из боеспособных в Европе. Он подчеркнул, что – «в нашей стране создана надежная система национальной безопасности, осуществляется дальнейшее строительство и развитие Вооруженных Сил, что и впредь будет надежно обеспечивать мир, стабильность и безопасность нашего Отечества, надежно гарантировать мирную жизнь и созидательный труд наших граждан» [13].

Напротив, гражданско-патриотическая составляющая, как показывает настоящий социологический мониторинг, была значительно выше у предшествующих поколений. По этому поводу выдающийся полководец, маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Г.К. Жуков, вспоминая о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. писал: «Я считаю, что молодежь принесла главную жертву в войне. Сколько прекрасных молодых людей мы потеряли! Сколько матерей не дождалось с войны детей! С командного пункта я много раз видел, как молодые солдаты поднимались в атаку. Эта страшная минута: подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. И они поднимались. Многие из них только узнали вкус жизни. Девятнадцать–двадцать лет – лучший возраст в обычной человеческой жизни. Все впереди... А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь. Дорогой ценой досталась нам мирная тишина, возможность учиться, работать, ездить, куда хочется. Мы, люди старшего поколения, этого не забудем. Важно, чтобы и молодые не забывали. Еще я бы хотел сказать молодым людям: охотники до нашей земли по-прежнему есть и, думаю, долго еще не переведутся. И поэтому в любой момент надо быть готовым к суровому часу...» [14].

Чуть ниже мы приведем результаты социологических замеров по гражданско-патриотическим качествам нынешней учащейся молодежи.

По ходу своих рассуждений заметим, что идея патриотизма является фундаментальной для понимания по существу всех вопросов, касающихся Великой Отечественной войны, особенно поведения на войне больших масс людей, отдельно взятого индивида. И особенно на территории Беларуси, где народ в целом и белорусская молодежь в частности, всегда были патриотичны по своей социальной природе.

Однако, как показывают социологические замеры, гражданско-патриотические ценности учащейся молодежи подвергаются значительной деформации [15]. Для этого используются устные выступления известных, малоизвестных политиков, публицистов, писателей, издаются псевдонаучные труды, теоретические разработки, создаются фильмы, передачи на радио, ТВ. Особенно это касается истории Великой Отечественной войны. Как подчеркивает российский ученый Л. Ольштынский, военная история всегда была важнейшим средством патриотического воспитания народа, являя примеры самоотверженного служения Родине. Пренебрежение, забвение и очернение истории разлагает молодежь, отвращает ее от военной службы и выполнения военного долга. Последствия этого, к сожалению, мы уже наблюдаем [16].

В этой связи респондентам был задан вопрос «Как Вы думаете, искажается ли история войны 1941–1945 гг. в некоторых публикациях в печати, передачах телевидения и радио?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 8.

Таблица 8

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Да, очень часто	25	22	25	35	38	27	45	44	36
2. Иногда	55	39	29	49	36	44	40	45	43
3. Нет	5	20	34	8	11	12	11	4	11
4. Затрудняюсь ответить	15	19	12	8	15	17	4	7	10

Они свидетельствуют о том, что основная масса респондентов считает, что история Великой Отечественной войны определенно фальсифицируется. Причем степень этой осознанности выше у учащихся техникумов и студентов вузов, чем у старшеклассников. В процессе бесед со студентами выяснилось, что если ранее великая победа была неоспорима и оценивалась всеми однозначно положительно, то по мере удаления от знаменательной даты появляются все новые и новые концепции, зачастую – крайне агрессивные. Общая направленность этих концепций – искажение всенародного патриотизма, проявленного в войне и в послевоенный период восстановления разрушенного хозяйства, доходящая до полного отрицания и откровенного антипатриотизма.

В силу обозначенных факторов, респондентам задавался уточняющий вопрос «Обсуждаете ли Вы с преподавателями на уроках, семинарских и лекционных занятиях ложь западных и оппозиционных СМИ о результатах исторической Победы советского народа в ВОВ?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 9.

Таблица 9

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникумы г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Да, очень часто	10	23	17	17	29	21	31	8	19,5
2. Иногда	43	55	57	52	40	39	50	38	47,5
3. Нет	44	12	20	25	25	39	15	48	26,6
4. Затрудняюсь ответить	3	10	6	6	6	8	4	6	6,4

Результаты данной таблицы таковы: практически фальсификация всенародного патриотизма, проявленного в войне, в аудиториях не обсуждается. К сожалению, самый низкий процент обсуждений в учебных аудиториях у будущих специалистов, в том

числе и у будущих субъектов воспитательного процесса. Но ведь учащейся молодежи зачастую трудно самой разобраться в «методологических концепциях», искажающих историю Великой Отечественной войны. Прежде всего, как считает уже упомянутый Л. Ольштынский, «нельзя забывать, что такое фашизм и что он нес человечеству, ибо это суровый урок истории XX века. Фашизм как социально-политическое явление представляет собой крайнюю форму террористической диктатуры крупной монополистической буржуазии, поставившей себе цель – завоевать мировое господство и установить «новый мировой порядок», обеспечивающий это господство. Он нес геноцид народам, экономическое, политическое и культурное порабощение. Характерной чертой идеологии фашизма, что часто опускается, был антикоммунизм и антисоветизм» [17].

Поэтому Победа Советского Союза являлась по своей сути национально-освободительной борьбой против фашизма и имела большую социальную направленность. Она активизировала борьбу народов, во главе которой встали самые активные силы – коммунистические партии. Именно этот факт пытается «умолчать» западная историография и пропаганда, что, в свою очередь, является очень тонкой фальсификацией. В целом преподаватели на своих уроках, семинарских и лекционных занятиях просто обязаны объяснять учащейся молодежи, что попытки переосмыслить социально-исторический опыт предшествующих поколений повлекли за собой стремление переписать военную историю, сопровождавшееся фальсификацией по всем направлениям и аспектам войны.

Поскольку преподаватели являются субъектом качества гражданско-патриотического образования учащейся молодежи, респондентам задавался и соответствующий вопрос: «Удовлетворены ли Вы преподаванием Истории Беларуси и спецкурса «Великая Отечественная война?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 10.

Таблица 10

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Да	45	49	45	56	50	41	47	47	49
2. Скорее да, чем нет	35	25	26	22	24	29	25	21	24
3. Скорее нет, чем да	10	14	16	11	9	21	9	17	15
4. Определенно, нет	9	4	8	6	8	9	6	12	9
5. Затрудняюсь ответить	1	8	5	5	9	–	13	3	3

Цифровой материал обозначенной таблицы свидетельствует о том, что только 50% респондентов дали определенную положительную оценку преподаванию спецкурса «Великая Отечественная война», что само по себе тревожно. В этой связи мы пыта-

лись выяснить упущения в изучении истории Великой Отечественной войны. Студенты должны были ответить на уточняющий вопрос: «Если Вы не удовлетворены преподаванием Истории Беларуси и спецкурса ВОВ, то почему?» (возможно несколько вариантов ответа). Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 11.

Таблица 11

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Материал излагается неинтересно, монотонно	23	35	25	15	25	23	13	21	11
2. Отсутствовала наглядность	21	38	16	13	24	28	22	20	28
3. Недостаточно было наглядных, эмоциональных примеров, раскрывающих подвиг белорусского народа	17	15	10	12	15	22	12	19	16
4. Очень много цифрового материала без его достаточного комментария	21	18	8	16	24	21	11	20	18
5. Отсутствовала должная критика современных западных и оппозиционных СМИ, искажающих результаты исторической победы советского народа в ВОВ	20	8	7	8	22	20	13	16	14

Окончание табл. 11

6. Не использовались электронные средства обучения (компьютер, Интернет, телевизор и др.)	17	37	16	18	39	12	29	20	21
---	----	----	----	----	----	----	----	----	----

В принципе комментировать здесь нечего, поскольку обозначенные респондентами дидактико-методические недостатки преподавания истории Беларуси и спецкурса «Великая Отечественная война» в определенной степени характерны при изучении и других гуманитарных дисциплин, которые нами рассмотрены в предыдущих социологических исследованиях [10, с. 296]. Подчеркнем лишь еще раз. Необходим живой, эмоциональный разговор с аудиторией по изучению истории Великой Отечественной войны. Ядром исторической социализации учащейся молодежи должны стать не только качество учебных занятий, но и широкий выход за рамки учебной программы в форме исторических кружков, факультативов, просмотра фильмов, спектаклей по исторической проблематике, использования средств художественной культуры (кино- и видеопродукцию, золотой фонд советской песенной классики и т.п.), походов по местам боевой славы, встреч с ветеранами войны и т.д.

В ходе анкетирования респондентам задавался и такой вопрос: «Какие чувства вызывает у Вас историческое прошлое Беларуси?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 12.

Таблица 12

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Чувство гордости за массовый патриотизм и героизм белорусского народа на фронтах ВОВ	53	51	64	66	71	44	75	65	63

Окончание табл. 12

2. Испытываю чувство морального удовлетворения за приобщенность к общей истории Беларуси	23	41	24	25	29	28	8	14	22
3. Чувство национальной ущемленности, горести за постоянные бедствия народа	24	8	12	9	–	18	17	21	15

Из ответов респондентов можно сделать вывод, что Победа белорусского народа в Великой Отечественной войне явилась воплощением его мужества и стойкости национального характера, величия Беларуси. Идеология Победы советских людей – непререкаемая нравственно-гражданская ценность. Массовый патриотизм и героизм белорусского народа в борьбе с фашизмом для абсолютного большинства учащейся молодежи (см. индикатор 1) выступает примером, образцом, эталоном служения своему Отечеству, бескорыстной любви к Родине.

Думается, что всестороннее изучение истории Великой Отечественной войны призвано также способствовать сплочению белорусского общества. В этой связи респондентам задавался и соответствующий вопрос: «Способствовало ли изучение истории Беларуси и спецкурса ВОВ осознанию консолидирующей идеи Республики Беларусь – сохранение национальной культуры каждого этноса, проживающего на его территории; взаимообогащение национальных культур и их процветание?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 13.

Таблица 13

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Определенно да	26	31	21	28	37	27	35	18	25
2. Скорее да, чем нет	45	45	47	44	39	33	39	34	40

Окончание табл. 13

3. Скорее нет, чем да	9	11	11	12	11	18	12	20	15
4. Определенно нет	9	4	2	5	2	6	12	9	6
5. Затрудняюсь ответить	11	9	19	11	11	16	2	9	14

Ответы респондентов убедительны сами по себе: учительский корпус и профессорско-преподавательский состав определенно не дорабатывают. Можно предположить, что при изучении истории Беларуси и спецкурса «Великая Отечественная война» недостаточно учитывался интернациональный фактор, способствовавший сплочению многонационального советского общества. Обобщение огромного числа примеров говорит о том, что, как бы не писали об отношениях между военнослужащими разных национальностей сейчас, в ту пору в них господствовал дух дружбы и взаимопомощи. Дружба народов СССР, сложившаяся на основе социалистического строя, явилась одной из важнейших составляющих прочности и силы государства, благодаря которым советские люди выстояли и победили в борьбе с коричневой чумой. «Мы жили и воевали одной боевой семьей, мы ходили в атаки, рукопашные бои..., – все мы были братья по оружию. Любили, выручали, поддерживали друг друга. Вместе нас хоронили в могилах, которые справедливо называют братскими. И лежат в них без гробов, завернутые в плащи-накидки русские, киргизы, белорусы, молдаване, туркмены», – пишет Герой Советского Союза, писатель-фронтовик В. Карпов [18].

И сегодня интернациональное единство также является одним из важнейших факторов сплочения белорусского общества. Поэтому предшествующий опыт СССР по сплочению лиц разных национальностей по защите своего Отечества и ныне должен быть поучительным для учащейся молодежи.

Предыдущий вопрос определил и формулировку следующего: «Повлияло ли освоение истории Беларуси и спецкурса ВОВ на формирование Вашей гражданско-патриотической позиции?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 14.

Таблица 14

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Безусловно, да	30	45	32	34	39	24	37	22	29
2. Скорее да, чем нет	48	35	42	44	32	36	43	35	38
3. Скорее нет, чем да	9	2	11	12	17	16	18	27	17

Окончание табл. 14

4. Нет, гражданско-патриотические проблемы мне безразличны	8	5	6	4	4	8	–	10	7
5. Затрудняюсь ответить	5	13	9	6	8	16	2	6	9

Как видно из ответов респондентов, изучение истории Великой Отечественной войны влияет на воспитание у них гражданско-патриотической позиции. Но воспитательный эффект будет более значим, если повысить качество ее преподавания, устранить отмеченные опрошенными упущения и недоработки в ее освоении (табл. 8, 9, 10 и 11).

В качестве базовых, обобщающих, вытекающих из самой темы настоящего социологического мониторинга, респондентам был задан целый блок взаимосвязанных вопросов: «Что для Вас является Родиной?» (возможно несколько вариантов ответа) (Блок А); «Что такое патриотизм в Вашем понимании?» (возможно несколько вариантов ответа) (Блок Б); «Считаете ли Вы себя патриотом?» (Блок В). Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 15.

Таблица 15

Блок А

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Место, где я родился и провел свое детство, родной дом, где меня ждут, город, которому я предан	67	54	63	73	72	68	77	68	67
2. Вся Белоруссия, страна. Все.	51	47	51	47	46	41	43	53	48

Блок Б

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Это любовь, уважение к Родине, к людям, народу, стремление к лучшему для своей Родины	67	48	64	64	64	67	69	64	64
2. Это чувство верности и преданности, долга и готовности защищать свою Родину, сражаться за нее, готовность отдать свою жизнь	56	56	55	61	68	49	51	70	61

Блок В

Варианты ответов	Сельские школы	Районные центры			г. Минск, г. Витебск, города областного подчинения		Техникум г. Витебск	Вузы	В среднем
	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.			
1. Определенно да	41,2	40	39	44	43	40	41	31	39
2. Скорее да, чем нет	12,6	14	15	16	12	16	14	17	14
3. Скорее нет, чем да	41,2	35	34	37	27	29,5	26	35	34
4. Не считаю себя таковым	–	4	6	0,5	5	7	7	8	6
5. Затрудняюсь ответить	0,5	7	6	2,5	13	7,5	12	9	7

Обозначенные блоки данной таблицы комментировать весьма сложно, поскольку в советской и постсоветской философско-социологической, политологической и психолого-педагогической литературе нет теоретико-методологической ясности в определении понятий «гражданская социализация» и «патриотическая социализация». В трактовке последних наблюдается большой разброс мнений. Одни авторы исследуют их в качестве самостоятельных, ничем не связанных между собой категорий. Другие – гражданскую социализацию отождествляют либо с политической, либо с правовой социализацией, либо с социализационным процессом в целом: приобщением личности к традициям и культуре народа. В последнем случае понятие «гражданская социализация» трактуется предельно широко.

Аналогичный подход характерен и при определении категории «патриотизм», который в основном рассматривается как определенный «набор» эмоционально-составляющих внутреннего мира индивида (место, где человек родился и вырос, провел свое детство, его родной дом, деревня, город, улица и др.). В результате из поля зрения исследователей невольно выпадают такие важные детерминанты социальной активности субъектов, как патриотическое сознание, патриотическое мировоззрение, патриотическая культура в целом. Именно последние и призваны стать предметом патриотической социализации.

Само же понятие «патриотическая социализация» впервые было введено в научный оборот одним из авторов настоящей статьи [19]. Оно находится в тесной взаимосвязи с понятием «гражданская социализация». Их нельзя ни отождествлять, ни противопоставлять друг другу. «Гражданская социализация» и «патриотическая социализация» являются перекрещивающимися понятиями. Если первое – преимущественно связано с присвоением политических, правовых и профессиональных ценностей «большой Родины» (страны в целом) [20], то второе – в основном ориентированно на усвоение ценностей «малой Родины» (приобщение индивида к национальной культуре, языку, традициям, обычаям истории своего этноса, а также ценностям его ближайшего окружения). При этом концепт «малая Родина» выступает в качестве когнитивно-культурологического остова» для всей группы наименований: Родина (Отечество, Отчизна) [20].

Следовательно, гражданские детерминанты и патриотические детерминанты должны формироваться одновременно: как гражданско-патриотические детерминанты социальной активности студентов. Именно об этом и свидетельствуют ответы респондентов, представленные в таблице 15. Даже беглый анализ цифрового материала (Блоки А и Б) высвечивает тот факт, что в обыденном сознании абсолютного числа опрошенных понятия «Родина» и «патриотизм» фиксируются синонимично.

Они рассматривают их в диалектической взаимосвязи: как гражданско-патриотические ценности, как единство «малой Родины» и «большой Родины». Иными словами, учащаяся молодежь четко осознает последние в качестве важных детерминант социальной активности. Однако, для многих респондентов они еще не являются ценностью, а поэтому и не являются источником их гражданско-патриотической деятельности. Об этом свидетельствует цифровой материал таблицы 15 (Блок В): лишь 39% опрошенных «определенно, да» считают себя патриотом, у остальных такая четкость отсутствует.

В объективности ответов респондентов мы не сомневаемся, поскольку аналогичные результаты были получены при анкетировании 602 учителей средних школ г. Витебска и Витебской области. Опрашивались педагоги различных специальностей (историки, физики, биологи, химики, географы, математики, учителя иностранных языков, начальных классов, физической культуры, социальные работники, психологи и др.) и разных поколений. Возрастные параметры последних составили: до 30 лет – 36%; от 31 до 45 лет – 50%; свыше 45 лет – 14%. Гендерная составляющая учителей такова: 80% – представители женской половины.

Результаты психологических замеров в (%) представлены в табл. 16 (Блоки А, Б, В).

Таблица 16

Что для Вас является Родина?

Вариант ответа	Учителя средних школ			В среднем
	До 30 лет	31–45 лет	Свыше 45 лет	
1. Место, где я родился и провел свое детство, родной дом, где меня ждут, город, которому я предан	67	66	60	65
2. Вся Белоруссия, вся страна, все	46	54	68	53
3. Другое	–	–	–	–

Что такое патриотизм в Вашем понимании?

Вариант ответа	Учителя средних школ			В среднем
	До 30 лет	31–45 лет	Свыше 45 лет	
1. Это любовь, уважение к Родине, к людям, народу, стремление к лучшему для своей Родины	64	67	63	65
2. Это чувство верности и преданности, долга и готовности защищать свою Родину, сражаться за нее, готовность отдать свою жизнь	52	60	64	58
3. Другое	–	–	–	–

Считаете ли Вы себя патриотом?

Вариант ответа	Учителя средних школ			В среднем
	До 30 лет	31–45 лет	Свыше 45 лет	
1. Определенно, да	38	41	56	42
2. Скорее да, чем нет	40	44	33	41
3. Скорее нет, чем да	11	7	1	7
4. Не считаю себя таковым	3	1	4	3
5. Затрудняюсь ответить	8	7	6	7

Если сравнить результаты таблиц 15 (Блок Б, индикатор 1) и 16 (Блок В, индикатор 1), то только 40% и учащейся молодежи, и учителей средних школ до 30 лет «определенно, да» считают себя патриотами. Такой невысокий показатель патриотичности можно объяснить теми трансформационными процессами, которые протекают на всем постсоветском пространстве. Прежние гражданско-патриотические ценности предали забвению, а новых еще не наработали.

Причем упущения в гражданско-патриотической социализации современной молодежи наблюдаются во всех ее звеньях: отсутствуют глубокие теоретико-методологические исследования по воспитанию детерминант гражданско-патриотической активности личности (не дорабатывают ученые-методологи); в свою очередь, отсутствие последних значительно затрудняет выпуск учебной литературы и учебно-методических пособий по формированию гражданина-патриота, адекватных реалиям сегодняшнего дня (их практически нет). В итоге это негативно сказывается на подготовке субъектов воспитательного процесса.

В заключение скажем следующее. Результаты зондажа исторической памяти нынешней молодежи, проведенного в Витебской, Минской и Могилевской областях, позволяют сделать вывод о том, что история Великой Отечественной войны в принципиальных вопросах едина для старшекласников, учащихся техникумов и студенчества нашей Родины, героическое прошлое которой сегодня «работает» на консолидацию современного белорусского общества, на связь и преемственность поколений.

Л и т е р а т у р а

1. Бойков, В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти / В.Э. Бойков // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 85–89.
2. Гащенко, Л.А. Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества: моногр. для науч. работников по спец. 22.00.01. – теория, методология и история социологии / Л.А. Гащенко. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. – С. 32–58.
3. Шмаков, С.А. Гражданином быть обязан / С.А. Шмаков. – М., 1982. – С. 6.
4. Русецкий, А.В. Патриотическое мировоззрение современной молодежи: состояние и динамика / А.В. Русецкий, Л.А. Гащенко, Е.А. Капитонова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – Витебск, 2005. – Т. 4. – С. 25.

5. Лукашенко, А.Г. Государство для народа / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. – 2006. – 3 марта. – С. 9.
6. История СССР: учебник для 10 класса, 1938–1976 гг.; под ред. чл.-корр. РАН М.П. Кима. – М.: Просвещение. – 260 с.; Левандовский, А.А. Россия в XX веке: учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов. – 5-е изд. – М.: Просвещение, 2001. – 368 с.
7. Серебрянников, В.В. Советский солдат в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / В.В. Серебрянников // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 3. – С. 43.
8. Советская военная энциклопедия: в 8 т. – М., 1976. – Т. 2. – С. 350.
9. Серебрянников, В.В. Указ. соч. – С. 60–61.
10. Карпов, В. Генералиссимус / В. Карпов. – Калининград, 2002. – Книга первая. – С. 400.
11. Саралиева, Э.Х., Балабанов, С.С. Отечественная война в памяти трех поколений / Э.Х. Саралиева, С.С. Балабанов // Социологические исследования. – 2005. – № 11. – С. 29–36.
12. Мальцев, Л. Армия белорусского народа – надежный гарант обеспечения военной безопасности государства / Л. Мальцев // Советская Белоруссия. – 2008. – 23 февраля. – С. 4.
13. Серебрянников, В.В. Советский солдат в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / В.В. Серебрянников // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 3. – С. 45.
14. Русецкий, А.В. Патриотические ценности студенчества Беларуси на рубеже нового тысячелетия / на примере вузов г. Витебска: моногр. для науч. работников по спец. 22.00.06. – социология культуры, духовной жизни / А.В. Русецкий, Л.А. Гащенко. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова, 2002». – 220 с.; Гащенко, Л.А. Патриотизм и идеология / Теоретико-методологический подход: моногр. для науч. работников по спец. 22.00.01. – теория, методология и история социологии / Л.А. Гащенко, А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий, Е.А. Капитонова. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. – 203 с.
15. Ольштынский, Л.И. Победа в Великой Отечественной войне – наше героическое и славное наследие / Л.И. Ольштынский // Высшее образование сегодня. – 2005. – № 4. – С. 11.
16. Ольштынский, Л.И. Победа в Великой Отечественной войне – наше героическое и славное наследие / Л.И. Ольштынский // Высшее образование сегодня. – 2005. – № 4. – С. 12.
17. Русецкий, А.В. Теоретико-методологический и методический анализ социализации современного студенчества: пособие для преподавателей, кураторов академических групп и воспитателей / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий, Л.А. Гащенко. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. – 58 с.
18. Гащенко, Л.А. Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества: моногр. для науч. работников по спец. 22.00.01. – теория, методология и история социологии / Л.А. Гащенко. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2001. – 203 с.
19. Сергейчик, С.И. Факторы гражданской социализации учащейся молодежи / С.И. Сергейчик // Социологические исследования. – 2005. – № 5. – С. 107.
20. Гащенко, Л.А. Патриотизм и идеология / Теоретико-методологический подход: моногр. для науч. работников по спец. 22.00.01. – теория, методология и история социологии / Л.А. Гащенко, А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий, Е.А. Капитонова. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. – С. 4–9.

Поступило 5.09.2008

УДК 378.17

Моральные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи

Е.Д. Смоленко, И.М. Прищепа

Целью работы явилось изучение моральных ценностей и репродуктивных установок будущих педагогов в контексте реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь. Исследование семейных ценностей проводилось методом анонимного анкетирования студентов дневной формы обучения УО «ВГУ им. П.М. Машерова» на факультетах белорусской филологии и культуры, социальной педагогики и психологии, биологическом, физическом и математическом.

Выявлен ряд особенностей личной жизни и суждений студентов, вызывающий опасение за демографическую безопасность страны: тенденция раннего начала половой жизни; высокая степень сексуальной активности молодых людей, наличие нескольких сексуальных партнеров и случайных половых контактов; позитивное отношение к добрачным и внебрачным половым связям большинства респондентов; индифферентное либо положительное восприятие гомосексуальной любви в каждом втором случае; допустимость супружеского счастья без детей в семье в одном случае из пяти. Репродуктивные установки большинства респондентов ограничиваются простым воспроизводством населения страны.

Авторы приходят к заключению, что проблема духовного и морально-полового воспитания студенческой молодежи в настоящее время чрезвычайно актуальна, требует разработки и внедрения инновационных форм воспитательной работы.

Актуальнейшей проблемой для большинства стран СНГ сегодня является регулирование демографических процессов в новых экономических условиях. На государственном уровне происходит переосмысление стратегической цели, задач и национальных приоритетов, разрабатывается особая демографическая политика.

Коррекция процессов прироста населения приобретает особую значимость для Республики Беларусь, что обусловлено сложившейся в ней демографической ситуацией, характеризующейся тенденциями депопуляции, снижения рождаемости, увеличения смертности во всех возрастных группах, сокращения ожидаемой продолжительности жизни и изменением характера миграционных процессов [2].

Естественная убыль населения, начавшаяся в республике в 1993 году, с каждым годом возрастала. Согласно статистическим данным, за период между переписями 1989 и 1999 гг. численность населения сократилась почти на 107000 человек, в последующие три года – еще почти на 94000 человек. В те годы наметилась тенденция неуклонного прогрессирования депопуляции, о чем красноречиво свидетельствуют демографические показатели. Если в 1993 году в Беларуси родилось на 11000 человек меньше, чем умерло, то в последующие годы разбежка в этих показателях резко увеличивалась: в 1994 году – на 19000, в 1995 году – на 32600, а в 1996 году – на 37600 человек [1].

Позитивные изменения в экономике и рост уровня материального благосостояния граждан позволили приостановить процесс депопуляции в последние несколько лет: количество родившихся в 2006 году увеличилось по сравнению с 2005 годом, а число умерших – сократилось. Это привело к уменьшению естественной убыли населения республики в 2,5 раза.

Тем не менее, уровень рождаемости сегодня не обеспечивает простого воспроизводства населения и имеет тенденцию к дальнейшему снижению. Суммарный коэффициент рождаемости снизился с 2,3 ребенка на одну женщину в 1970 году до 1,3 в 1996 году. Отличительной особенностью демографического развития республики на современном этапе является старение населения, обусловленное сокращением рождаемости и ростом смертности граждан трудоспособного возраста.

На фоне закономерных и случайных сдвигов, происходящих в процессе развития общества, в настоящее время прослеживаются существенные изменения семейных ценностей и устоев. Неопровержимыми доказательствами неблагополучия служат:

- уменьшение продолжительности жизни населения;
- высокие показатели расторжения брака;
- учащение случаев внебрачной рождаемости;
- сокращение рождаемости;
- высокие показатели искусственного прерывания беременности (абортов);
- распространение альтернативных типов брака и семьи (материнские семьи, сожительства, семьи с раздельным проживанием партнеров, гомосексуальные семьи, семьи с приемными детьми);
- учащение случаев жестокого обращения с детьми в семьях;
- высокая младенческая и материнская смертность.

В целях комплексной и системной реализации государственной социальной политики в Беларуси принята **Национальная программа демографической безопасности на 2007–2010 гг.** [2]. Объявленный Годом матери 2006 год явился основополагающим в процессе повышения социального статуса женщины-матери, престижа здоровой и крепкой семьи. 2007 год стал Годом ребенка. Нынешний 2008 год – это Год семьи, идеалом которой признается та, в которой воспитываются не менее двух–трех детей.

Главная **цель** государственной демографической политики Республики Беларусь – создание на основе повышения уровня и качества жизни условий, обеспечивающих реализацию национальных демографических интересов в сочетании с интересами человека. В целях устойчивого развития нации необходимо формирование *типа воспроизводства населения* со следующими характерными чертами:

- устойчиво снижающаяся смертность и увеличивающаяся продолжительность ожидаемой жизни;
- сознательно регулируемая рождаемость, обеспечивающая простой режим воспроизводства;
- прогрессивная половозрастная структура населения, обеспечивающая полное замещение поколений;
- здоровое детское поколение, как базис воспроизводства населения;
- оптимальные внутренние и внешние миграционные процессы.

Основными *задачами* государственной демографической политики являются:

- улучшение состояния здоровья населения;
- повышение демографического сознания и ответственности за здоровье населения на уровне общества и человека;
- уменьшение смертности и, как следствие, увеличение средней продолжительности жизни;
- укрепление семейно-брачных отношений;
- улучшение условий жизнедеятельности семьи;
- стабилизация рождаемости и ее увеличение в будущем до уровня, обеспечивающего замещение одного поколения последующим;
- улучшение положения женщин;
- решение проблем маргинальных групп населения;
- преодоление негативных последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС;
- совершенствование регулирования миграционных потоков;
- развитие международного сотрудничества государства в сфере народонаселения.

К числу важнейших *задач* национальной программы демографической безопасности на 2007–2010 гг. отнесены:

- ✓ повышение качества жизни семей с детьми путем принятия мер социально-экономического, правового, организационного характера;
- ✓ улучшение репродуктивного здоровья населения, охрана здоровья матери и ребенка;
- ✓ снижение заболеваемости и смертности населения за счет мероприятий по формированию здорового образа жизни и устранению влияния неблагоприятных экологических факторов;
- ✓ ежегодное поэтапное снижение смертности населения от всех причин (среди мер, которые позволят достигнуть этого, – повышение качества жизни людей, совершенствование социального обслуживания пожилых людей, улучшение условий и охраны труда, снижение преступлений на бытовой почве).

Среди *приоритетных направлений* государственной демографической политики будущим педагогам и воспитателям следует в первую очередь обращать внимание на такие, как:

- ❖ *в сфере укрепления здоровья, снижения смертности населения:*
  - просветительская и образовательная деятельность по формированию и распространению знаний о профилактике заболеваний и укреплению здоровья, предупреждению и искоренению вредных для здоровья привычек, ориентированная как на все население, так и на отдельные его категории, в особенности на группы повышенного риска;
  - улучшение репродуктивного здоровья населения;
  - решение медико-генетических проблем с использованием современных технологий.
- ❖ *в сфере рождаемости:*
  - формирование предпосылок, способствующих повышению репродуктивных установок женщин в долгосрочной демографической перспективе;
  - воспитание у родителей чувства ответственности за рождение здорового ребенка;

- создание реальных предпосылок для гармоничного сочетания женщинами материнства и профессиональной деятельности;
  - приоритетность охраны материнства и детства при разработке и реализации программ развития здравоохранения и других социальных программ.
- ❖ *в сфере улучшения положения женщины и социальной поддержки семей:*
- повышение престижа семьи, укрепление ее нравственных основ;
  - обеспечение равенства прав и ответственности мужчин и женщин в воспитании детей;
  - создание реальных предпосылок для реализации права супругов и личностей принимать свободные и ответственные решения в части рождения детей;
  - создание системы социального обслуживания семьи;
  - совершенствование полового воспитания подростков и молодежи, улучшение подготовки к вступлению в брак и семейной жизни.

Разработаны соответствующие *подпрограммы*: «Стимулирование рождаемости и укрепление семьи», «Охрана здоровья матери и ребенка», «Формирование здорового образа жизни и создание благоприятной среды обитания», «Укрепление здоровья и увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения», «Оптимизация миграционных процессов». Координаторами выполнения этих подпрограмм являются: Министерства труда и социальной защиты, здравоохранения, образования, спорта и туризма, природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Ответственность за воспитание будущих родителей в первую очередь возлагается на работников передового звена – воспитателей, учителей, психологов и социальных работников [5, 6]. Именно они должны быть образцом порядочности, обязаны нести в молодежную среду культуру и соблюдать морально-этические нормы, принятые в цивилизованном обществе [3, 4].

С **целью** изучения семейных ценностей и репродуктивных установок будущих педагогов нами проведен анонимный опрос 438 студентов дневной формы обучения УО «ВГУ им. П.М. Машерова» на факультетах белорусской филологии и культуры (210), социальной педагогики и психологии (58), биологическом (20), физическом (110) и математическом (40). Девушки составляли 80%, юноши – 20% из них (рис. 1).

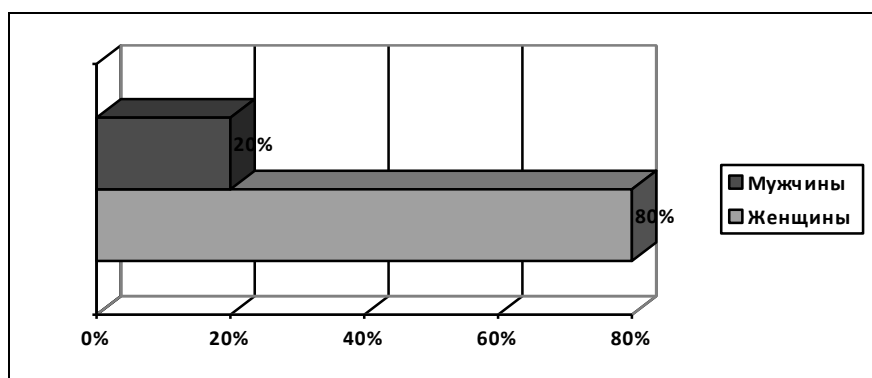

Рис. 1. Распределение респондентов по половому признаку.

Среди опрошенных преобладали лица в возрасте от 20-ти до 22-х лет (50,7%). Молодые люди (17–19 лет) составили 47,9%. Около полутора процентов принимавших участие в исследовании были старше 23-х лет (рис. 2).

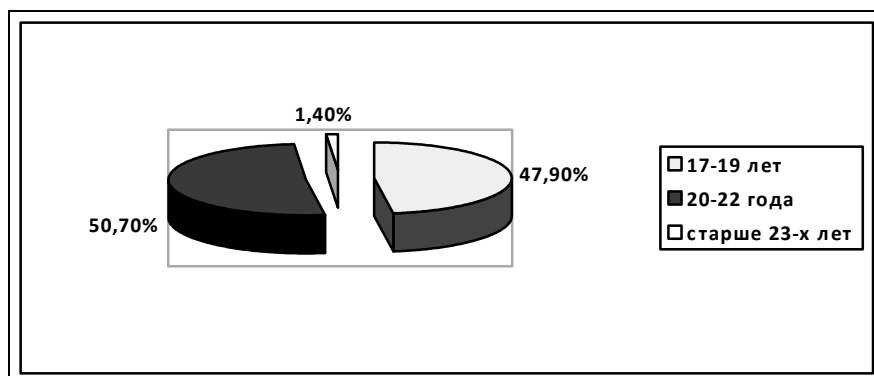

Рис. 2. Распределение респондентов по возрастным группам.

Основная часть респондентов (62,5%) постоянно проживают в городе. Жителями поселков городского типа и села являются 26,1% и 11,5%, соответственно (рис. 3).

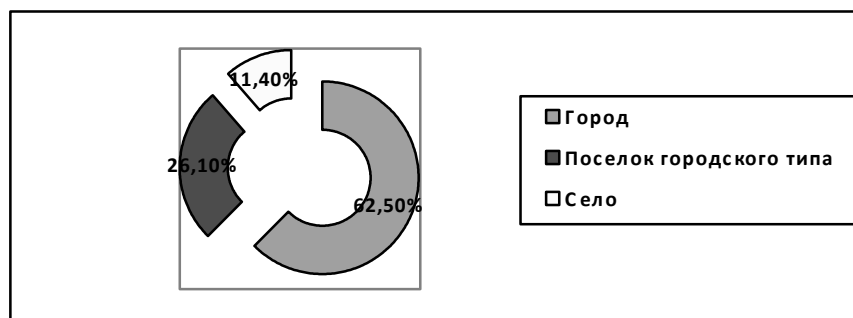

Рис. 3. Место постоянного жительства студентов.

Большинство (95,4%) из них в браке не состоят (рис. 4). Представляет интерес структура студенческих семей и возраст вступления в брак (рис. 5 и 6).

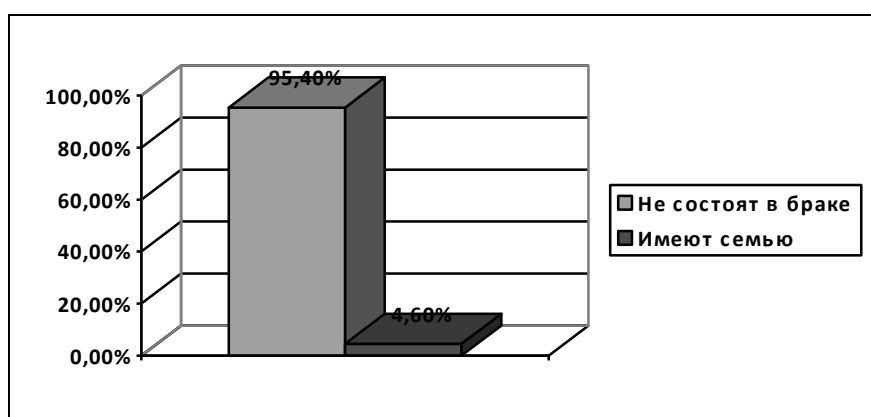

Рис. 4. Семейное положение респондентов.

Семьи имеют 3,7% принимавших участие в исследовании студентов (16 человек): 14 союзов (87,5%) зарегистрированы официально, в «гражданском» браке живут двое (12,5%).

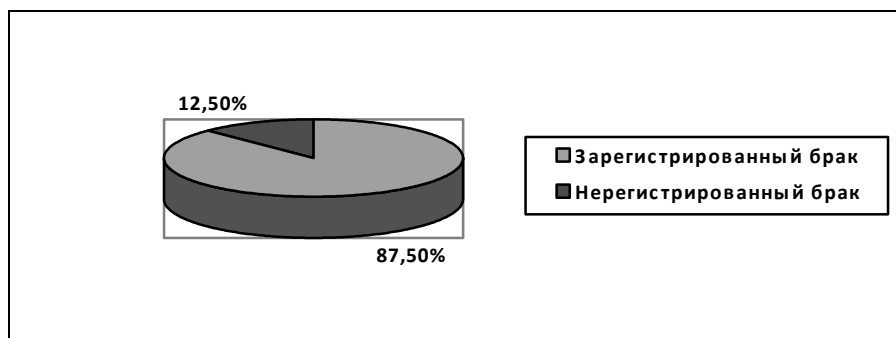

Рис. 5. Структура студенческих семей.

Возраст вступления в брак варьировал в диапазонах от 17-ти до 19-ти лет (42,9%) и от 20-ти до 22-х лет (57,1%).

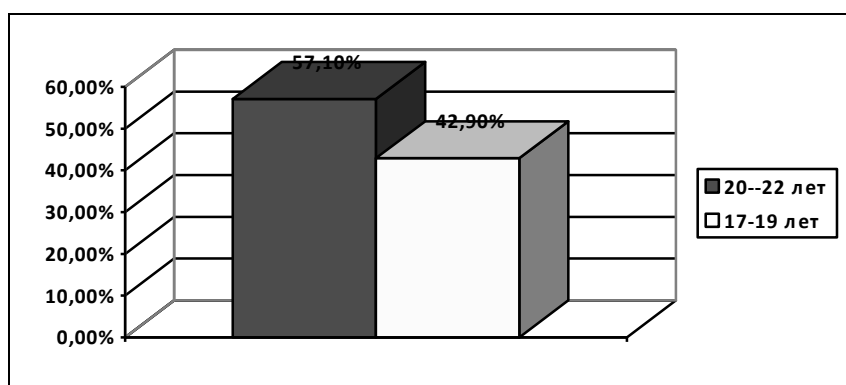

Рис. 6. Возраст вступления в брак.

23,2% студентов отнесли себя к категории девственников. Опыт сексуальных отношений имеют 76,8% принимавших участие в анкетировании (рис. 7).

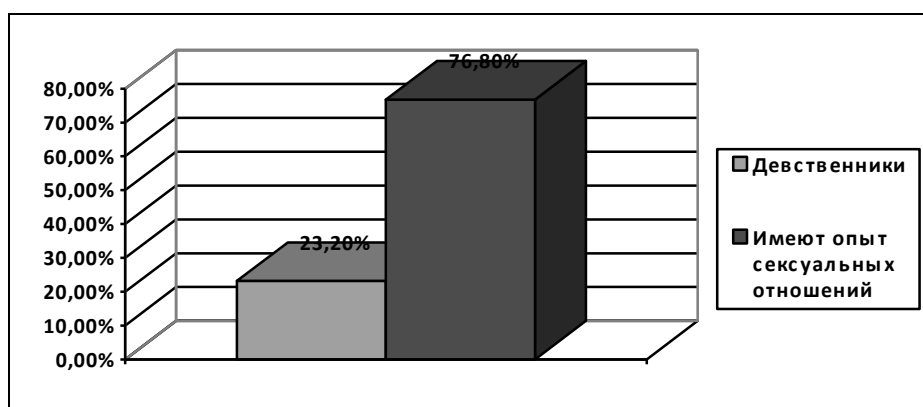

Рис. 7. Характер личной жизни опрошенных студентов.

46,4% из них живут половой жизнью регулярно, 45,2% – нерегулярно. У 8,4% в анамнезе отмечены единичные коитусы (рис. 8).

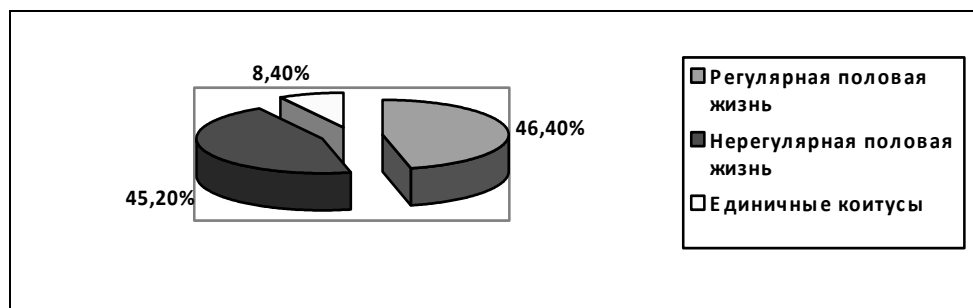

Рис. 8. Сексуальная активность опрошенных студентов.

До 17-ти лет началась половая жизнь у 15%, в возрасте 17–19 лет – у 72,9%, с 20-ти до 22-х лет – у 12,1% студентов (рис. 9).

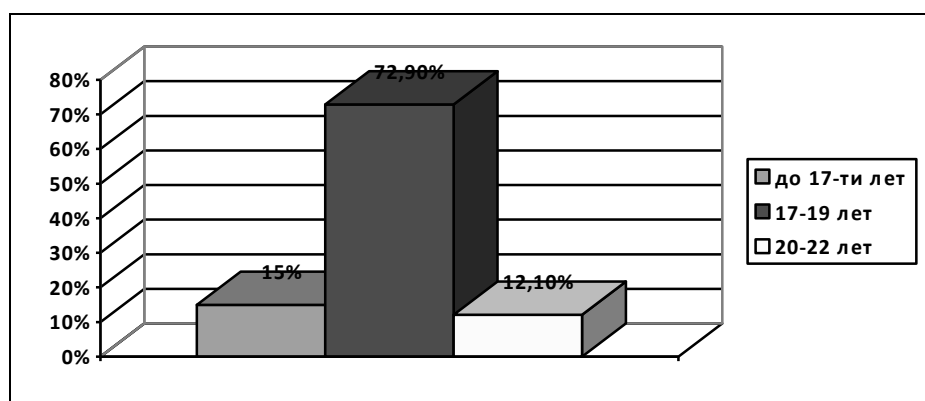

Рис. 9. Возраст начала половой жизни анкетированных.

Оптимальным возрастом девушки для начала половой жизни преобладающая часть (73,8%) молодежи считает 17–19 лет. Допускают интимные отношения до 17-ти лет 8,2% из них. Период от 20-ти до 22-х лет называют приемлемым 14,4%. Несколько человек (2,6%) считают целесообразным отложить интимные отношения на более поздний срок (23–25 лет).

С точки зрения большинства (63,5%) принимавших участие в анкетировании, юноши могут вступать в интимные отношения в возрасте 17–19 лет. Более раннее начало половой жизни допускают 19,9% из числа опрошенных. Возраст 20–22 и 23–25 считают оптимальным 11,59% и 3,95%, соответственно (рис. 10).

Вступление девушек в брак, по мнению большинства (58,9%), должно происходить в промежутке от 23-х до 25-ти лет. Возраст 20–22 года предпочитают 34,1% студентов. Создание семьи до 17-ти лет не допускает никто. 4,6% опрошенных планируют это событие на более поздние сроки – после 25-летнего рубежа (рис. 10).

По мнению большинства (52,9%), мужчина может создать семью после 25-ти лет. Возрастной промежуток 23–25 лет приемлем для 41,2%. Допускают вступление в брак до 17-ти лет, в 17–19 лет, в 20–22 года 0,5%, 0,5% и 4,9%, соответственно (рис. 10).

Рис. 10. Планируемый возраст вступления в брак.

Оптимальным возрастом женщины для рождения первого ребенка назвали 20–22 года и 23–25 лет 29,5% и 60% респондентов. 9,1% молодых людей считают таковым 25 лет и старше. Менее 1,5% допускают это событие в возрасте 17–19 лет (рис. 11).

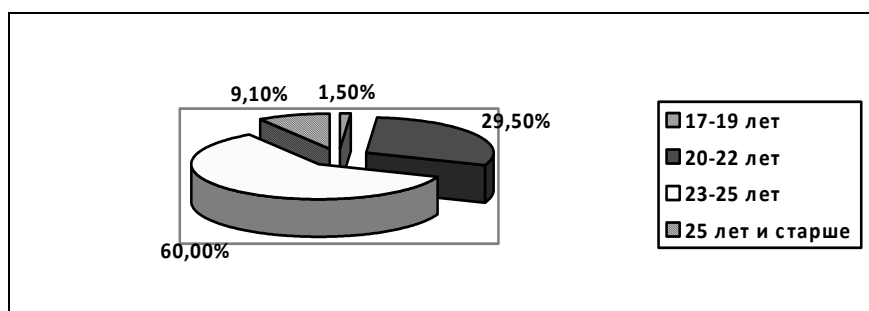

Рис. 11. Оптимальный возраст женщины для рождения первого ребенка.

Более половины студентов (54,9%), принимавших участие в исследовании, положительно относятся к добрачным и внебрачным половым связям. Негативное отношение высказали 12,1%, затруднились с ответом 33% студентов (рис. 12).

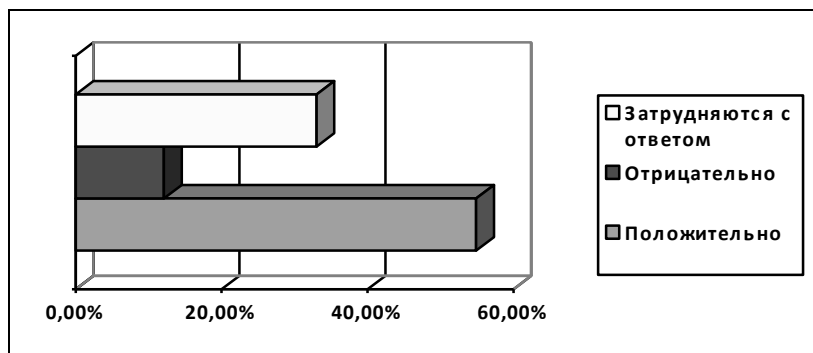

Рис. 12. Отношение к добрачным и внебрачным половым отношениям.

На одного сексуального партнера указывает четвертая часть (25,6%) живущих половой жизнью студентов. 2–3 партнера имели 39% из них. 4–5 и более в анамнезе у 22% и 13,4%, соответственно (рис. 14).

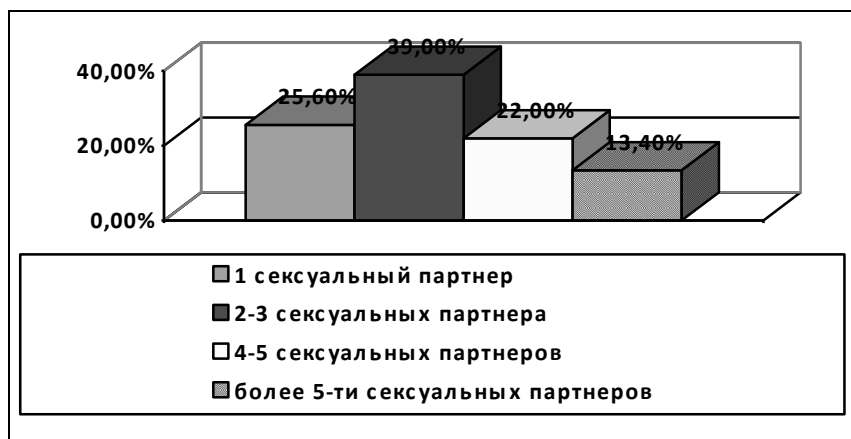

Рис. 13. Количество половых партнеров у респондентов.

Никогда не имели случайных половых контактов 65,4% анкетированных, однократные ситуации отмечают 13,5%. 16,2% студентов считают, что это бывает редко. 4,9% признаются в частых случайных половых связях (рис. 14).

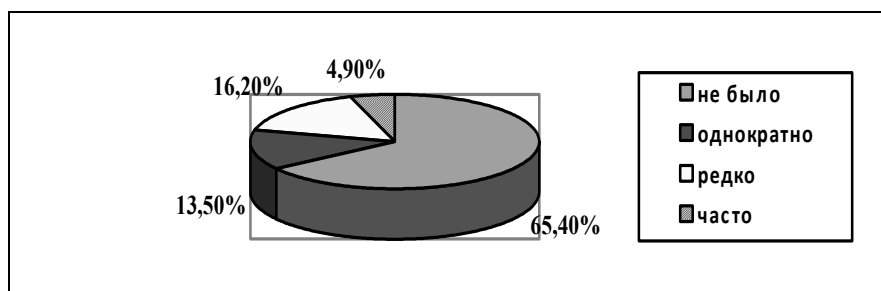

Рис. 14. Случайные половые связи в анамнезе.

Половина респондентов нейтрально относятся к гомосексуальным половым контактам. Неприемлемы такие формы любви для 46,3% молодых людей. Тревожным фактом является то, что 3,7% высказали позитивное отношение к подобным сексуальным отношениям (рис. 15).

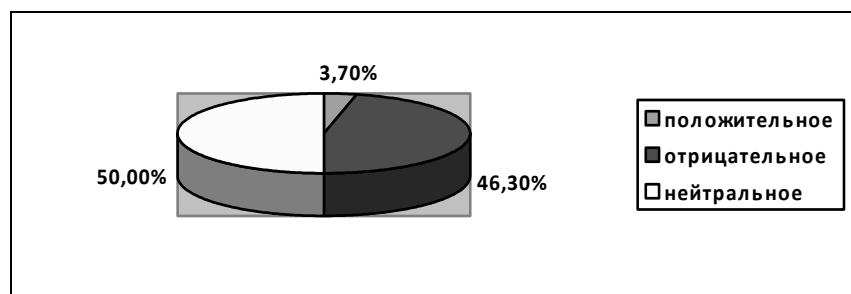

Рис. 15. Отношение к гомосексуальным половым связям.

Обязательным условием счастливой семейной жизни считают рождение детей 79,5% респондентов. Допускают бездетные семьи 20,5% (рис. 16).

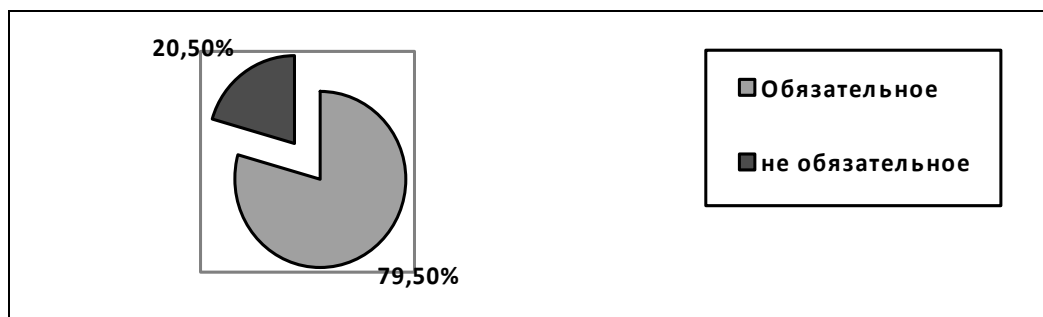

Рис. 16. Рождение ребенка как условие счастливой семейной жизни.

Идеальным количеством детей для подавляющего большинства (68,3%) представляется двое. Планируют рождение троих и более детей 17,3% студентов. Не более одного ребенка желают иметь 14,4% из них (рис. 17).

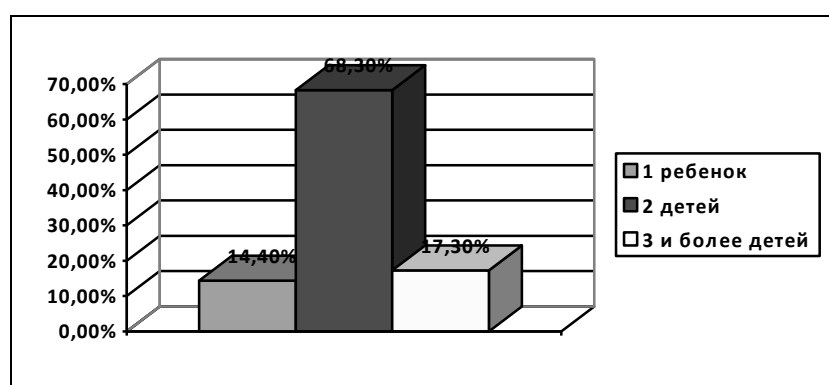

Рис. 17. Планируемое количество детей в семье.

Анализируя анкетные данные, мы пришли к **заклучению** о том, что большинство молодых людей после окончания вуза планируют создание крепкой семьи с обязательным рождением ребенка.

Тревожат и вызывают опасение за реализацию Программы демографической безопасности страны следующие факты из личной жизни будущих учителей и потенциальных воспитателей подрастающего поколения:

- Прослеживается тенденция раннего начала половой жизни.
- Высока степень сексуальной активности молодых людей – большинство из них живут половой жизнью, нередко имеют несколько партнеров и допускают случайные половые связи.
- Основная часть респондентов не исключает, а зачастую и приветствует, добрачные и внебрачные половые связи.
- Более половины студентов, принимавших участие в анкетировании, индифферентно отзываются о гомосексуальных связях либо одобряют их.

- Один из пяти опрошенных считает возможным супружеское счастье без детей в семье.
- Репродуктивные установки большинства респондентов ограничиваются простым воспроизводством населения страны.

Подводя итог сказанному, можно сделать **вывод** о том, что *проблема духовного и морально-полового воспитания студенческой молодежи в настоящее время чрезвычайно актуальна, требует разработки и внедрения инновационных форм работы.*

Л и т е р а т у р а

1. Пресс-релиз к пресс-конференции с участием представителей Министерства здравоохранения Республики Беларусь и Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА), посвященной Центрам здоровья молодежи. – 17.08.2006.
2. Пресс-релиз «Национальная программа демографической безопасности РБ: состояние, проблемы и пути реализации» – 13.08.2007.
3. Смоленко, Е.Д. Репродуктивное здоровье молодежи: актуальность и опыт изучения проблемы в студенческой среде // Проблемы врачебной этики в современном мире: тезисы III международной медицинской конференции. – Минск: УП «Изд-во «Про Христо», 2007. – С. 74–78.
4. Смоленко, Е.Д. Репродуктивное здоровье женщины: отношение к проблеме в студенческой среде / Е.Д. Смоленко, И.М. Прищепа // Экологическая антропология (ежегодник). – Минск: Изд-во Белорусского комитета «Дети Чернобыля», 2006. – С. 100–103.
5. Смоленко, Е.Д. Репродуктивное здоровье мужчины: учебно-методические материалы для кураторов студенческих групп / Е.Д. Смоленко, И.М. Прищепа. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. – 61 с.
6. Смоленко, Е.Д. Репродуктивное здоровье женщины: учебно-методические материалы для кураторов студенческих групп / Е.Д. Смоленко, И.М. Прищепа. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005. – 62 с.

Поступило 03.11.2008

УДК 316.33

Здоровье как ресурс нации

Л.А. Гащенко, П.С. Васильков

Проводится анализ формирования здорового образа жизни учащейся молодежи, рассматривается роль физического воспитания в укреплении здоровья старшеклассников. Обосновывается тезис о необходимости формирования у молодого поколения физических, социально-психологических качеств в единстве с его гражданско-патриотическими ценностями. Исследуется мотивация учащейся молодежи к занятиям физическими упражнениями во внеурочное время. Обозначена важность инновационных методов и форм физического воспитания в выработке у старшеклассников детерминант физической активности.

Здоровье населения Республики Беларусь является высшей национальной ценностью. Оно определяется, прежде всего, здоровьем современного поколения, которое, в свою очередь, социально обусловлено. Если рассмотреть ранговую шкалу группировки факторов риска, определяющих нарушения здоровья как детского, так и взрослого населения, то они будут располагаться в следующем порядке: образ и условия жизни, генетика, биология человека, внешняя среда, экология, природно-климатические условия, уровень и качество медицинской помощи.

Хотя социологические замеры показывают, что здоровье как ценность занимает одно из приоритетных мест в системе ценностных ориентаций молодежи [1], ее сознательное отношение к здоровью носит скорее декларативный характер. В действительности современное поколение не воспринимает здоровье как самоценность, которая предполагает сознательные действия личности для его сохранения, что подтверждается высоким уровнем заболеваемости детей [2]. В этой связи в Республике Беларусь, по указанию Президента А.Г. Лукашенко, разработана и реализуется комплексная программа по оздоровлению нации. Более того, в своем новогоднем обращении Глава государства отметил, что 2008 год будет Годом здоровья: «в самом широком смысле этого слова: здоровья человека, семьи, общества и страны. Усилия надо направить на развитие медицины, образования, спорта, формирование здорового образа жизни и культуры взаимоотношений, на защиту экологии и нравственных ценностей» [3].

До недавнего времени здоровье трактовалось в узкобиологическом смысле: как универсальная способность к разносторонней адаптации в ответ на воздействие внешней среды и изменение состояния внутренней среды. В этом случае речь может лишь идти о физиологических адаптационных возможностях человека [4].

Для каждого индивида естественно стремление к благополучию в различных сферах жизнедеятельности: образовании, труде, быту, отдыхе, общении и т.д. Достижение полного благополучия (физического, психического и социального) во многом зависит от того, какой образ жизни ведет человек – здоровый или нездоровый.

Взаимосвязь между образом жизни и здоровьем выражается в понятии «здоровый образ жизни» в единстве его биологического и социального компонентов. Он свя-

зан с личностно-мотивационным воплощением индивидами своих социальных, психологических и физических возможностей и представляет собой способ жизнедеятельности, направленный на сохранение и улучшение здоровья людей как условия и предпосылки существования и развития других сторон образа жизни [5]. К основным компонентам здорового образа жизни относятся: рациональное питание, организация труда и отдыха, отношение к вредным привычкам.

Физическая активность человека – главный и решающий фактор сохранения и укрепления здоровья, ничем не заменимое универсальное средство профилактики недугов и замедления процессов старения. Поэтому физическая культура не просто одна из составляющих, но и ключевая компонента здорового образа жизни. Выступая по своей сути человековедческой дисциплиной, физическая культура призвана развить целостную личность, гармонизировать ее духовные и физические силы, активизировать полноценную реализацию ее профессионального потенциала.

В этом контексте возрастает роль общеобразовательных учебных заведений, которые имеют материальное, законодательное и кадровое обеспечение для формирования здорового образа жизни учащейся молодежи в их повседневности. Развитие физических способностей подрастающего поколения следует рассматривать в рамках социализационного процесса: как развитие культуры, особо ценных личностных качеств. Исходя из сказанного, авторами настоящей статьи в рамках комплексной программы по оздоровлению населения был проведен крупномасштабный социологический мониторинг по проблеме «Здоровье как ресурс нации». Анкетировалась учащаяся молодежь 10 и 11 классов сельских и городских школ Гомельской, Минской, Могилевской и Витебской областей. При этом в последней были опрошены респонденты практически всех районных центров и городов областного подчинения.

Всего было опрошено 1276 старшеклассников. Гендерная составляющая такова: девушек – 784 (61%); юношей – 492 (39%). Как показывают наши регулярные социологические замеры, женское представительство в них постоянно выше, чем мужское, что в целом отражает демографическую ситуацию в Республике Беларусь. В отличие от предыдущих в нынешних социологических исследованиях мы специально не фиксируем общее количество городских и сельских старшеклассников. В этом нет никакой необходимости, поскольку они обладают идентичными ценностными ориентациями. Принципиальные различия отсутствуют. Все старшеклассники социализируются в транзитивном обществе.

Мы стремились на основе большого анонимного анкетирования респондентов получить, по возможности, достаточно объективную информацию об их отношении к постановке физического воспитания в общеобразовательных учебных заведениях; выяснить эффективность последнего в процессе оздоровления учащейся молодежи; определить физкультурно-спортивные потребности и интересы старшеклассников; проследить гражданско-патриотическую составляющую в физической культуре. Респондентам были объяснены задачи работы, обращалось особое внимание на необходимость формулировки конкретных ответов на все вопросы.

Здоровье следует рассматривать как особый ресурс, под которым обычно понимают запас, источник чего-либо. Здоровье тоже можно рассматривать как определен-

ный запас физических и психологических сил субъекта, необходимый ему для успешной общественно-полезной деятельности.

Этот запас не безграничен, он постепенно расходуется, поэтому его необходимо постоянно восполнять, причем делать это с опережением.

Однако значительная часть населения, и в первую очередь молодое поколение, недостаточно глубоко осознает специфику самого здоровья. Порой неоправданный оптимизм старшеклассников выражается в том, что многие из них верят в нерушимость собственного здоровья и не предпринимают усилий для его укрепления. Именно об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос «Вы уверены в нерушимости своего здоровья?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. Да	37	25	29
2. Нет	42	53	49
3. Затрудняюсь ответить	21	22	22

Но для того чтобы к здоровью было бережное, рачительное отношение необходима его адекватная оценка. В этой связи респондентам задавался и соответствующий вопрос: «Кто помогает Вам глубже оценить значимость своего здоровья? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 2.

Таблица 2

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. Телевизионные передачи, пропагандирующие здоровый образ жизни	19	50	38
2. Физкультурно-спортивные передачи	31	18	23
3. Пресса, радио, Интернет	35	37	36
4. Родители, близкие	48	62	57
5. Друзья, товарищи	33	33	33
6. Тренер-преподаватель	18	10	13
7. Преподаватели физкультуры	18	16	17
8. Кто еще, укажите	0,2	0,2	0,2

Цифровой материал данной таблицы совершенно прозрачен. Он позволяет увидеть, что роль тренеров-преподавателей и преподавателей физкультуры в пропаганде здорового образа жизни весьма незначительна. А ведь именно они как специалисты, непосредственно работающие с молодежью, по своему социальному статусу призваны постоянно разъяснять ей значимость и ценность здоровья, бережного к нему отношения и необходимости его укрепления.

В графе «Кто еще, укажите» респонденты ответили следующим образом: «собственные размышления», «физическое закаливание», «пример старшего брата», «я сама

это осознала», «никто», «мои мысли о будущем», «классный руководитель», «преподаватель биологии», «врачи». Ответы старшеклассников сознательно стилистически не обрабатывались. Как свидетельствует проведенный опрос, роль врачей, равно как и значимость тренеров-преподавателей и преподавателей физкультуры, в пропаганде здорового образа жизни очень низка. Из общего числа респондентов только 9 человек указало на то, что именно врачи помогли им более глубоко оценить свое здоровье. Но ведь кто как не врачи должны знать состояние здоровья учеников и постоянно вести профилактическую работу.

В свою очередь, упущения в профилактической работе не позволяют учащейся молодежи в полной мере осмыслить нездоровые формы досуга, вредные привычки, пагубность беспорядочных половых связей и других поступков, вредящих здоровью человека. Об этом убедительно свидетельствуют ответы респондентов на такой актуальный вопрос: «Насколько глубоко Вы осознаете далекие последствия пагубных удовольствий (курение, употребление спиртных напитков, наркотиков, беспорядочные половые связи и др.)?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 3.

Таблица 3

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. Достаточно глубоко	42	46	47
2. Приблизительно	32	34	31
3. Никогда не задумывался	17	11	13
4. Затрудняюсь ответить	9	9	9

Как видно из ответов респондентов, абсолютное большинство (как юношей, так и девушек) не имеет четкого представления об опасности вредных привычек для своего здоровья. Вместе с тем, человеческая практика говорит о том, что пока человек не заболит, он не думает о своем здоровье, которое воспринимается как некая постоянная субстанция, нечто заданное навеки от природы. Вредные привычки (наркомания, алкоголизм, курение и т.д.) – один из основных факторов риска для здоровья детей и молодежи. В механизмах их возникновения и проявления много общего, так как имеет место хроническое отравление химическими веществами, вызывающими изменение толерантности, влечений, зависимость, синдром лишения, негативное воздействие на все компоненты здоровья: духовное, эмоционально-психическое, физическое, соматическое, сексуальное и, конечно, на социальное благополучие индивида [6]. Именно об этом должны постоянно информировать учащуюся молодежь врачи, тренеры-преподаватели, преподаватели физкультуры, словом, все те, кто непосредственно работает с подрастающим поколением.

В целом, вредные привычки, опасные для здоровья отдельного человека и общества есть отражение влияний наследственности, воспитания и культуры личности [7].

Поскольку физическое воспитание играет важную роль в формировании здорового образа жизни старшеклассников, то им задавался и соответствующий вопрос: «Удовлетворяют ли Вашим интересам учебные занятия по физкультуре?». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 4.

Таблица 4

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. Да	42	40	41
2. Нет	44	40	41
3. Затрудняюсь ответить	16	20	18

Цифровой материал обозначенной таблицы говорит о том, что абсолютное большинство старшеклассников либо недовольно проведением занятий по физической культуре, либо не смогло дать на поставленный вопрос однозначный ответ. В этой связи им был задан уточняющий вопрос: «Если проведение учебных занятий не удовлетворяет Вашим интересам, то почему? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 5.

Таблица 5

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. Учебные занятия по физкультуре проводятся схематично и неинтересно	56	93	78
2. Много времени уходит на построения, строевые упражнения, команды	44	48	46
3. В залах нет современных спортивных тренажеров	67	95	84
4. Недостаточно спортивного инвентаря	42	45	44
5. Не учитываются желания и интересы самих учащихся, их анатомо-физиологические задатки	37	61	51
6. Что еще, укажите	0,2	0,2	0,2

Ответы респондентов позволяют обнаружить определенные причины, снижающие интерес к занятиям физической культуры, которые по своему характеру можно разделить на три группы: методические, организационные и личностные. Среди причин методического характера старшеклассники выделили схематизм в проведении занятий. Причем у девушек этот показатель достигает 93% (см. индикатор 1). В графе «Что еще, укажите» они уточнили свою позицию, указав на то, что предлагаемые нагрузки на проводимых занятиях не соответствуют их физическим возможностям. Причинами организационного характера являются неоправданная затрата урочного времени на построения, строевые упражнения (см. индикатор 2); нехватка инвентаря и оборудования, плохая материальная база (см. индикатор 3, 4). Среди личностных причин старшеклассники обозначили индифферентное отношение преподавателей физической культуры к их анатомо-физиологическим задаткам (см. индикатор 5). И опять-таки самый высокий показатель присущ девушкам.

В целом существуют объективные и субъективные факторы, которые должным образом снижают интерес учащейся молодежи к занятиям физической культурой. Но если для реализации объективных факторов необходимы материальные средства, то субъективные во многом зависят от профессионализма преподавателей физкультуры, насколько они владеют инновационными методами и приемами физического воспитания.

Следует отметить, что физическое воспитание не является самоцелью. По своему прямому назначению оно призвано выполнять одну из ключевых функций: способствовать формированию социальных качеств личности. Исходя из сказанного, респондентам задавались вопросы: «Способствуют ли учебные занятия физическими упражнениями воспитанию у Вас нижеперечисленных социально-психологических и гражданско-патриотических качеств?»; «Если способствуют, то укажите каких? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 6.

Таблица 6

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. Дисциплинированности	30	34	32
2. Организованности	41	40	40
3. Силы воли	54	58	56
4. Ответственности	27	23	24
5. Укрепления здоровья для своей будущей профессии	25	20	22
6. Готовности в защите своего Отечества	21	0,2	0,1

Тщательный анализ данной таблицы позволяет сделать вывод о том, что в физическом воспитании существенно ослаблена его гражданско-патриотическая составляющая. Занятия по физической культуре в основном сориентированы на выработку у старшеклассников социально-психологических качеств. Скорее всего, укрепление здоровья старшеклассников (в качестве важного социального фактора), воспитания у них готовности к защите своего Отечества преподавателями физической культуры понимается не так актуально. Скажем, формирование у девушек патриотизма как важного духовного феномена совершенно не прослеживается (см. индикатор 6).

Мы не сомневаемся в объективности ответов старшеклассников, поскольку они коррелируются с результатами социологических замеров, проведенных под руководством профессора А.В. Русецкого. Общий массив опрошенных составил 2322 респондента. Из них 1522 – студенты трех витебских государственных вузов и одного коммерческого; 800 – старшеклассники г. Витебска и Витебской области. Им, в частности, был задан такой вопрос: «Если возникнет необходимость в защите своего Отечества, то как Вы поступите?». Ответы респондентов оказались следующими: лишь 47,1% из опрошенных будут защищать свое Отечество со всей решимостью [8]. Словом, корреляционная составляющая налицо.

Безусловно, основой воспитания гражданско-патриотических ценностей индивида является семья. Именно в ней закладываются базовые ценности личности. Тем не

менее общеобразовательная школа выступает в качестве важного звена в социализационном процессе учащейся молодежи, в которой базовые ценности, сформированные в семье, должны развиваться на более высоком, социально значимом уровне. Поэтому преподаватели физической культуры во время занятий должны неуклонно разъяснять, что сохранение и развитие здоровья всего населения, и прежде всего молодежи, – это не только (и не столько) самоцель и самооценность, но очень важный фактор (ресурс) эффективной жизнедеятельности нашей страны, ее национальной безопасности.

В процессе социологического мониторинга мы также решили выяснить физическую активность старшеклассников во внеурочное время. В этой связи им был задан следующие вопросы: «Занимаетесь ли Вы во внеурочное время физическими упражнениями и спортом?» (Блок А); «Если занимаетесь, то как часто?» (Блок Б). Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 7.

Таблица 7

Блок А

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. Да	75	64	68
2. Нет	25	36	32

Блок Б

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. Занимаюсь практически ежедневно	27	15	20
2. Занимаюсь 3–4 раза в неделю	29	22	25
3. Занимаюсь 1–2 раза в неделю	35	43	39
4. Занимаюсь 1–2 раза в месяц	9	20	16

Как свидетельствует приведенный цифровой материал, абсолютное большинство юношей и девушек занимаются во внеурочное время физическими упражнениями и спортом. Данные таблицы примечательны тем, что они позволяют выявить, какова их физическая активность. Очевидно, что частота занятий у юношей на 12% выше, чем у девушек (см. индикатор 1, Блок Б). По сути дела ежедневная физическая активность есть не что иное, как регулярное выполнение физической зарядки. Она значима тем, что позволяет молодым людям уже с утра взбодриться, «стряхнуть» с себя сон и активно включиться в учебную деятельность. К сожалению, физическая зарядка, в качестве потребности, является лишь для незначительного числа старшеклассников. А как известно, потребность есть источник активности личности, ее важный побудительный мотив. Думается, что преподавателям физической культуры следует более целенаправленно пропагандировать эту важную составляющую физического воспитания.

Заметим, что частота занятий физическими упражнениями 1–2 раза в месяц не эффективна и пользы для здоровья не приносит (см. индикатор 4, Блок Б). Об этом также преподавательскому составу стоит говорить своим ученикам.

Из предыдущих ответов старшеклассников логически вытекает следующий вопрос: «Где Вы занимаетесь физическими упражнениями и спортом? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 8.

Таблица 8

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. На стадионе	48	38	42
2. В парковой зоне	13	13	13
3. В спортивных секциях	49	30	38
4. В физкультурно-оздоровительном комплексе	13	16	15
5. В фитнес-клубе	15	31	24
6. В ледовом дворце	0,7	0,8	0,7
7. В школьных спортивных залах	1	1	1
8. Где еще, укажите	0,2	0,6	0,4

Как видно из ответов старшеклассников, наиболее доступными местами для занятий физическими упражнениями являются стадион и парковая зона (см. индикаторы 1 и 2), а также двор, в котором они проживают. На это указало 0,4% респондентов, в графе «Где еще, укажите». Обозначенный цифровой материал высветил и недостаточно высокий уровень посещения учащейся молодежью спортивных секций (см. индикатор 3). Это можно объяснить тем, что спорт является специфической составляющей физической культуры. Его основу составляет особенная соревновательная деятельность, то есть деятельность, характерной формой которой является система состязаний, исторически сложившаяся преимущественно в области физической культуры социума. Посредством спорта происходят сравнения человеческих возможностей. Занятия спортом предполагают наличие отменного здоровья, физических данных и других составляющих. К сожалению, как свидетельствуют данные здравоохранения, здоровье учащейся молодежи неуклонно ухудшается, что не позволяет ей активно заниматься спортом. В частности, возрастает количество детей, отнесенных к специальной медицинской группе по физическому воспитанию: в 2005 г. – 2,1%; в 2006 г. – 3,7%. С каждым годом ухудшаются результаты обследования осанки и остроты зрения учащихся [9].

Проведенный нами опрос также показал, что 13% юношей и 30% девушек предпочитают заниматься ритмической гимнастикой. Оздоровительные программы ритмической гимнастики (как они указывали в беседе) привлекают их своей доступностью, эмоциональностью, возможностью улучшить фигуру, осанку, развить физические качества. К сожалению, опять-таки сошлемся на их мнение, количество фитнес-клубов ограничено и не всегда есть возможность оплатить абонемент.

Ответы респондентов выявили и определенные упущения в школьной системе физического воспитания: только 1% юношей и девушек посещают во внеурочное время спортивные залы общеобразовательных учебных заведений, что явно недостаточно. Возможно, в силу двухсменности работы многих школ, спортивные залы загружены. И все же их необходимо использовать с максимальной отдачей, они не должны пустовать

в свободное от учебы время, в частности, в выходные дни. Ведь очевидно, что занятия физическими упражнениями, проводимые в спортивных залах под руководством специалиста, будут более эффективными, чем их самостоятельное выполнение во дворе или парковой зоне. Безусловно, его труд должен быть дополнительно оплачен.

Одновременно респондентам был задан и такой вопрос: «Если Вы не занимаетесь физкультурными упражнениями и спортом, то почему? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 9.

Таблица 9

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. Не занимаюсь, потому что нет времени (оно все уходит на учебу)	16	38	32
2. Нет средств для оплаты физкультурно-спортивных услуг	15	12	13
3. Отсутствие подходящей компании	17	23	21
4. Мне это неинтересно	28	20	22
5. Просто ленюсь	51	47	48

Кроме первого ответа старшеклассников, с остальными можно согласиться. И вот почему. Их ссылка на нехватку времени неубедительна, поскольку, как мы уже отмечали выше, регулярные занятия физическими упражнениями можно приравнять к заурядной физзарядке, на выполнение которой затрачивается от силы 20–30 минут. И это время всегда можно найти, было бы желание и потребность.

В заключении нашего социологического мониторинга респондентам был задан подытоживающий вопрос: «Что побуждает Вас заниматься физическими упражнениями и спортом? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в табл. 10.

Таблица 10

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. Усовершенствование телосложения, приобретение оптимального веса	53	75	66
2. Укрепление здоровья, улучшение физического состояния	70	65	67
3. Получение эмоциональной разрядки, повышение настроения	37	42	40
4. Развитие физической привлекательности	36	41	39
5. Желание расширить круг общения, быть в компании друзей	24	20	22
6. Научиться давать отпор тем, кто посягает на мою неприкосновенность	23	15	18

Окончание табл. 10

7. Занимаюсь, чтобы участвовать в различных физкультурно-массовых мероприятиях, спортивных соревнованиях	24	11	17
8. Занимаюсь для достижения высоких спортивных результатов	18	5	10
9. Что еще, укажите	0,1	0,1	0,1

Эта таблица значима тем, что она позволяет определить мотивацию старшеклассников, занимающихся во внеурочное время физическими упражнениями и спортом. Подавляющее большинство из них направляет свои усилия на усовершенствование телосложения, приобретение оптимального веса, укрепление здоровья в целом (см. индикаторы 1 и 2). Ответы респондентов фиксируют также их стремление к самостоятельному развитию целого комплекса своих физических и социально-психологических качеств (см. индикаторы 3, 4, 5, 6, 7, 8), которые не в состоянии в полной мере выработать школьное физическое воспитание (см. табл. 5). В этом, на наш взгляд, заключается противоречие между личными и общественными интересами.

Некоторые респонденты на обозначенный вопрос отвечали еще и дополнительно. Результаты оказались следующими: «занимаюсь, потому что нравится этот вид спорта», «занимаюсь ради молодого человека». Правда, последних ответов было не много.

Сделаем краткие выводы. Общеобразовательная школа, как социальный институт, недостаточно эффективно пропагандирует и формирует у современного поколения здоровый образ жизни. В самом процессе физической социализации старшеклассников стихийная составляющая является определяющей по отношению к сознательной. Школьное физическое воспитание не способствует на должном уровне выработке физических и социально-психологических качеств личности. Учащаяся молодежь стремиться самостоятельно удовлетворить свои физические потребности и интересы (укрепить здоровье и улучшить физическое состояние). Это во-первых.

Во-вторых, в физической социализации старшеклассников слабо выражена гражданско-патриотическая составляющая: физические и социально-психологические качества личности формируются по сути дела в отрыве от ее гражданско-патриотических ценностей.

В-третьих, несмотря на то, что подавляющее большинство старшеклассников и занимаются во внеурочное время физическими упражнениями и спортом, тем не менее для многих они еще не являются потребностью. Физкультурно-преподавательский корпус недостаточно эффективно пропагандирует такой важный компонент физической культуры как физическую зарядку, выполнение которой не требует больших усилий.

В-четвертых, администрации общеобразовательных учебных заведений следует более активно использовать стадионы и спортивные залы школ для проведения физкультурных и спортивных вечеров, спортландий, дней здоровья, спорта и т.д.

И последнее. Только используя инновационные методы и формы физического воспитания можно сформировать у старшеклассников здоровый образ жизни, укрепить

их здоровье, которое является одним из ключевых факторов национальной безопасности страны.

Л и т е р а т у р а

1. Русецкий, А.В. Патриотические ценности студенчества Беларуси на рубеже нового тысячелетия (на примере вузов г. Витебска): моногр. для научн. работников по спец. 22.00.06. – социология культуры, духовной жизни / А.В. Русецкий, Л.А. Гащенко. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2002. – С. 57–68.
2. Гулицкая, Н.И. Состояние здоровья детей в Республике Беларусь / Н.И. Гулицкая, Л.Н. Ломоть // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2006. – № 11. – С. 12–14.
3. Лукашенко, А.Г. Советская Белоруссия. – 2008. – 4 января. – С. 2.
4. Здоровье, развитие, личность / под ред. Г.Н. Сердюковой, Д.Н. Крылова, У. Кляйнпетер. – М.: Дорфа, 1990. – 98 с.
5. Лисицын, Ю.П. Образ жизни и здоровье населения / Ю.П. Лисицын. – М.: Народное образование, 1982. – С. 41.
6. Морозов, М.А. Девиантное поведение: алкоголизм, наркомания, курение табака (Основы валеологии: учеб. пособие); под ред. В.П. Соломина, Л.П. Макаровой, Л.А. Поповой, М.А. Морозова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – С. 123–156.
7. Марков, В.В. Основы здорового образа жизни и профилактика болезней: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.В. Марков. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – С. 320.
8. Русецкий, А.В. Патриотическое мировоззрение молодежи: состояние и динамика / А.В. Русецкий, Л.А. Гащенко, Е.А. Капитонова // Ученые записки. – Витебск, 2005. – Т. 4. – С. 3–31.
9. Гулицкая, Н.И. Состояние здоровья детей в Республике Беларусь / Н.И. Гулицкая, Л.Н. Ломоть // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – С. 12–14.

Поступило 10.11.2008

УДК 94(476.5)«1875/1914»

Участие органов городского самоуправления Витебской губернии в развитии системы народного образования (1875–1914 гг.)

Л.А. Моторова, Н.С. Моторова

В 1875 г., после распространения действия Городового положения 1870 г. на территорию белорусских губерний, в городах органы местного самоуправления избавились от опеки губернских правлений и получили широкий круг полномочий. В их ведение был передан ряд социальных вопросов, в том числе участие в развитии системы народного образования.

Существует значительное количество исследований советских, белорусских и российских авторов, о системе образования пореформенного времени, но в них практически не уделяется внимания анализу деятельности городских властей в этой сфере. Исходя из того, что данная проблема в целом разработана фрагментарно, цель представленной статьи заключается в анализе роли органов городского самоуправления в развитии системы народного просвещения в 1875–1914 гг. на примере Витебской губернии.

В статье охарактеризована деятельность городских властей по распространению начального образования среди населения, оценено их участие в развитии сети средних учебных заведений, рассмотрены мероприятия городских властей, направленные на создание новых типов учебных заведений в регионе – профессиональных и высших. Отдельное внимание уделено описанию инициатив Витебской городской думы, направленных на создание университета в губернском центре.

В 1875 г., после распространения действия Городового положения 1870 г. на территорию белорусских губерний, в городах органы местного самоуправления избавились от опеки губернских правлений и получили довольно широкий круг полномочий. Фактически, в ведение городских дум и управ был передан ряд социальных вопросов, в том числе «устройство за счет городов благотворительных заведений и больниц и заведывание ими ...; участие ... в попечении о народном образовании, а также устройство театров, библиотек, музеев и других подобного рода заведений» [1, с. 823]. После введения в действие Городового положения 1892 г. за городскими властями была сохранена обязанность участвовать в развитии народного образования, в законе лишь слегка изменились формулировки: «К предметам ведомства городского общественного управления принадлежат: ... попечение о развитии средств народного образования и установленное законом участие в заведывании учебными заведениями» [2, с. 433].

Деятельность органов городского самоуправления в сфере развития системы народного образования белорусских городов, как правило, частично затрагивалась в рамках

комплексных исследований, посвященных проблемам истории образования в целом. В этой связи можно назвать следующие работы советского периода: «Из истории школы Белоруссии и Литвы» [3], «Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі» [4], «Асвета і педагагічная думка ў Беларусі са старажытных часоў да 1917 г.» [5]. В них охарактеризована сеть учебных заведений, существовавших в городах белорусских губерний, проанализированы программы обучения и его содержание, отмечены основные тенденции развития системы образования того времени. Однако, несмотря на богатый фактический материал, в данных работах присутствовали идеологические стереотипы марксистской методологии, стремление сделать акцент на наиболее негативные черты дореволюционной системы образования и недооценка роли органов местного самоуправления в развитии сети учебных заведений в городах. В 90-х гг. XX в. начался процесс переоценки исторического прошлого, появились исследования, в которых содержались новые подходы в изучении проблемы развития системы народного просвещения в пореформенной Беларуси, правительственная образовательная политика и роль в ней местных органов самоуправления – городских дум и управ, земств. В этой связи необходимо назвать прежде всего работы С.В. Снапковской – «Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст.» [6], «Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі ў Беларусі (60-я гг. XIX – пачатак XX стст.» [7]. С.В. Снапковская описала особенности государственной политики в сфере народного образования, проанализировала роль общественного движения в реформировании школьного дела, рассмотрела особенности формирования национальной белорусской школы, т.е. обратилась к проблемам, связанным с историей педагогики. Тем не менее, в вышеназванных работах уделено внимание и описанию роли органов городского самоуправления в распространении народного образования, в частности, были проанализированы инициативы Витебской и Минской городских дум по открытию высшего учебного заведения на территории Беларуси (данный вопрос был также освещен в исследовании В.И. Пичеты [8]). Однако, к сожалению, подробнее анализировалась деятельность земств. В целом современные исследования, посвященные проблемам развития системы народного образования в пореформенное время, не затрагивают такой аспект, как деятельность органов городского самоуправления в этой сфере.

В комплексных исследованиях по истории Беларуси как советского (например, «Гісторыі БССР: У 5-ці тамах. Т. 1. Беларусь ў перыяд капіталізму (1861–1917 гг.)» [9]), так и постсоветского времени (например, «Гісторыя Беларусі. Том 4. Беларусь ў складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)» [10]) авторы описали и проанализировали развитие системы народного образования, функционировавшей на территории белорусских губерний в пореформенный период, однако обошли своим вниманием роль городских властей в этом процессе.

Таким образом, исходя из того, что на современном этапе проблема участия органов городского самоуправления в развитии системы народного образования пореформенных белорусских губерний разработана фрагментарно и недостаточно, в целом отсутствуют работы, в которых была бы оценена деятельность городских дум и управ в социальной сфере, то цель данной статьи заключается в анализе роли городских властей в развитии системы народного просвещения в 1875–1914 гг. на примере Витебской гу-

бернии. Для достижения поставленной цели необходимо: 1) охарактеризовать деятельность городских властей по распространению начального образования среди населения; 2) оценить их участие в развитии сети средних учебных заведений; 3) рассмотреть мероприятия городских властей, направленные на создание новых типов учебных заведений – профессиональных и высших.

Согласно статьям Городового положения (как 1870 г., так и 1892 г.) органы городского самоуправления были обязаны заботиться о распространении народного образования. На протяжении всего пореформенного периода главным объектом внимания городских властей были низшие учебные заведения. Это объяснялось несколькими причинами: во-первых, получить разрешение на их открытие было сравнительно легко, во-вторых, затраты на их содержание были небольшими, а потому уездные города с довольно скромными бюджетами могли позволить себе выделять пособия на эти цели. Кроме того, в условиях модернизации и индустриализации экономики было необходимо содействовать распространению грамотности среди горожан, т.к. создававшееся крупное производство требовало если не высококвалифицированных, то хотя бы грамотных кадров, а данную задачу можно было решить лишь через развитие системы начального образования.

Как правило, органы городского самоуправления Витебской губернии выплачивали пособия на содержание городских приходских, двухклассных народных (в Дирекцию народных училищ) и городских училищ. Последние начали получать широкое распространение после принятия 31 мая 1872 г. «Положения о городских училищах», согласно которому существовавшие ранее в городах уездные училища подлежали преобразованию в городские. Обучение в городских училищах было платным. Кроме того, их выпускники не могли продолжить обучение в средних и высших учебных заведениях [5, с. 248]. В начале 1880-х гг. в Витебской губернии городские училища существовали лишь в Лепеле, Режице и Динабурге [11, с. 209]. В городских училищах с шестилетним сроком обучения преподавались следующие предметы: Закон Божий, чтение и письмо, русский язык и церковнославянское чтение с переводом на русский язык, арифметика, практическая геометрия, география и история Отечества с необходимыми сведениями из всеобщей истории и физики, черчение и рисование, пение, гимнастика [3, с. 74]. В Витебске, Велиже, Невеле, Люцине, Дриссе, Себеже, Сураже продолжали функционировать уездные училища. Их учебная программа включала следующие предметы: Закон Божий, русский язык с церковнославянским чтением, математика (арифметика и геометрия), география и история России, черчение и рисование [11, с. 210]. Кроме того, в городах Витебской губернии насчитывалось 27 городских приходских училищ, в которых обучалось 1476 человек [11, с. 211]. В основном приходские городские училища являлись одноклассными учебными заведениями с двухлетним сроком обучения. Как правило, они были предназначены для детей низших слоев городского населения [5, с. 247].

Органы городского самоуправления старались оказывать посильную финансовую помощь всем вышеперечисленным начальным учебным заведениям. Так, в 1877–1880 гг. городское общественное управление г. Невеля выплачивало на содержание народного и городского приходского училищ ежегодное пособие в размере 296 руб. 86 коп. [12, л. 13 об.], г. Городка – 318 руб. 19 коп. [13, л. 18 об.], городское общественное

управление г. Дриссы выплачивало на содержание приходского училища ежегодное пособие в размере 278 руб. 46 коп. [14, л. 12 об.], г. Лепеля – 350 руб. 82 коп. [15, л. 24 об.], г. Себежа – 146 руб. 86 коп. [16, л. 20 об.] и т.д. Конечно, размер пособий был небольшим, но и бюджеты городов были весьма скромными. Например, по данным на 1880 г., сумма доходов г. Невеля составила чуть более 6600 тыс. руб. [12, л. 49 об.], г. Городка – чуть более 6700 руб. [13, л. 57 об.], г. Дриссы – чуть более 5100 руб. [14, л. 27 об.], г. Лепеля – около 9000 руб. [15, л. 42 об.], г. Себежа – чуть более 6400 руб. [16, л. 61 об.]. Необходимо отметить, что из этих сумм городские власти были обязаны отчислять средства на содержание правительственных учреждений, полиции и пожарных команд, выплачивать налоги, обеспечивать исполнение воинской квартирной повинности, полностью содержать тюрьмы, благоустраивать города [1, с. 837; 2, с. 454–455]. Эти выплаты поглощали львиную долю доходной части городских бюджетов.

Кроме выплаты пособий городские власти могли выступать с предложениями о преобразовании существовавших ранее училищ или открытии новых. Например, на заседании Витебской городской думы 27 сентября 1895 г. гласный А.О. Волкович предложил рассмотреть вопрос об открытии в Витебске городского училища. Но так как городской бюджет испытывал дефицит, а открытие училища требовало значительных финансовых затрат, то дума признала открытие четырехклассного городского училища в принципе желательным и постановила поручить управе подготовить ходатайство в Министерство народного просвещения об оказании помощи «на сей предмет» [17, л. 601–601 об.]. Вновь к рассмотрению этого вопроса городская дума вернулась на заседании 3 мая 1896 г., на котором был заслушан ответ Министерства с предложением «при участии казны» преобразовать витебское уездное училище в четырехклассное городское училище с ремесленным классом. Первоначально, согласно решению Государственного Совета, витебские городские власти должны были выплачивать на содержание училища пособие в размере 1700 рублей, но в связи с финансовыми затруднениями города эта сумма сократилась до 850 руб. [18, л. 101–102]. На заседании 7 февраля 1903 г. Витебская городская дума рассмотрела и одобрила предложение Дирекции народных училищ о предоставлении ежегодного пособия в размере 800 руб., первоначально предназначенного на содержание четырехклассного городского училища, на открытие нового городского трехклассного училища [19, л. 14 об.]. А в 1905 г. после рассмотрения отношения директора народных училищ, в котором поднимался вопрос об обеспечении помещением планировавшегося к открытию третьего городского училища с ремесленным классом, дума постановила предоставить на эти цели кредит в размере 1500 руб. [19, л. 58 об.]. В 1910 г. городские власти Витебска подняли вопрос об открытии четвертого городского училища в Витебске и поручили управе согласовать этот вопрос с Дирекцией народных училищ. Но так как в 1910 г. в Витебске был открыт учительский институт, а при нем – исключительно на средства казны городское училище по положению 1872 г., то Министерство народного просвещения отклонило это ходатайство [20, л. 177–177 об.].

В крупных городах губернии (Витебске, Двинске) в связи с интенсивным увеличением населения в начале XX в. стала остро ощущаться нехватка низших учебных заведений. В 1910 г. по подсчетам городских властей в Витебске с населением более 90 тыс.

человек дети младшего школьного возраста (от 8 до 11 лет) составляли примерно 6,5 тыс. По нормам, принятым в то время, оптимальное число учащихся в низшей школе должно было составлять 50 человек, следовательно, «городу Витебску нужно иметь до 130 училищ, из коих половина обслуживала бы женское население и половина – мужское» [20, л. 177 об.]. Однако, по состоянию на 1910 г. в Витебске насчитывалось всего 30 низших начальных училищ, считая все училища Министерства народного просвещения как для христиан, так и для евреев, церковно-приходские школы. В этих школах обучалось не 1,5 тыс. детей, как должно было быть по норме, а около 3 тыс. Таким образом, низшие начальные училища были переполнены и могли принять менее половины детей младшего школьного возраста. Учитывая все вышеизложенное, городская управа совместно с Дирекцией народных училищ и Училищной комиссией выступили с предложением передать средства, ассигнованные городской думой на открытие четвертого городского училища, на открытие дополнительных приходских училищ – мужского и женского. Предполагалось ассигновать на эти цели 500 руб. в текущем 1910 г., а с 1911 г. – выделять ежегодное пособие в размере 1400 руб. Училища планировалось открыть уже в 1910 г. [20, л. 177 об. – 178]. Кроме того, городские власти Витебска с 1908 г. начали выделять средства на открытие параллельных отделений в приходских училищах. По постановлению думы от 3 октября 1908 г. из городского бюджета было ассигновано 1600 руб. на создание параллельных отделений при четырех приходских училищах. Тогда же городские власти выразили пожелание, чтобы создаваемые параллельные отделения как можно скорее превратились в самостоятельные учебные заведения [21, л. 158–158 об.].

Органы городского самоуправления не только выступали с инициативой создания новых низших учебных заведений, но и оказывали посильную финансовую помощь на содержание школ и училищ других ведомств. Наиболее ярко это проявилось в деятельности городских властей г. Витебска, т.к. доходная часть бюджета города была гораздо больше, чем у ряда уездных городов губернии, а кроме того статус губернского города обязывал по мере возможности откликаться на ходатайства других ведомств и учреждений. В частности, Витебская городская дума на заседании 30 ноября 1893 г., рассмотрев ходатайство Витебского уездного отделения Епархиального училищного совета об ассигновании денежных средств на открытие новых церковно-приходских школ и школ грамоты, постановила ежегодно выделять на эти цели из городского бюджета по 100 рублей [22, л. 450–450 об.]. Спустя некоторое время представитель от городских властей был приглашен участвовать в «занятиях Витебского отделения Епархиального училищного совета». Основанием послужило письмо преосвященного Серафима, Епископа Полоцкого и Витебского от 25 февраля 1909 г. Оба раза (в 1909 г. и 1912 г.) на эту должность избирался Б.А. Бялыницкий-Бируля [23, л. 63–63 об.]. Кроме того, на основании письма преосвященного Никодима, Епископа Полоцкого и Витебского, Витебская городская дума 12 сентября 1912 г. избрала своего представителя для участия в работе Полоцкого Епархиального училищного совета – П.И. Синеокова. Таким образом, городские власти получили возможность участвовать в разрешении наиболее важных вопросов церковно-школьной жизни [23, л. 414–415]. После рассмотрения 11 ноября 1909 г. ходатайства о предоставлении субсидии училищу, существовавшему при Евангелическо-Лютеранской церкви (которое финансировалось исключи-

тельно за счет платы за учение, церковной субсидии и пожертвований горожан) Витебская городская дума постановила предоставить с 1 января 1910 г. ежегодное пособие в размере 200 руб. «при условии участия в заведывании училищем представителя от города» [21, л. 246–246 об.].

Городские власти стремились установить контроль над деятельностью тех низших учебных заведений, которым оказывали материальную помощь. В частности, по поручению думы Витебская городская управа выступила с ходатайством «о предоставлении городу права участвовать в педагогических советах субсидируемых городом городских и приходских училищ с правом решающего голоса чрез своих представителей, избираемых Думою, хотя бы пропорционально уплачиваемой городом субсидии на содержание училищ» [21, л. 41]. В ответ на это ходатайство Министерство народного просвещения уведомило, что по положению в педагогических советах городских училищ участие представителей от города не предусмотрено, а при приходских училищах педагогических советов нет. Было рекомендовано обратиться с ходатайством о создании при местных городских училищах попечительских советов, а при приходских – попечительств. Городская дума Витебска своим постановлением от 3 октября 1908 г. поручила управе возбудить соответствующее ходатайство, а на заседании 19 августа 1909 г. уже избрала первых представителей в попечительские советы городских училищ и почетных блюстителей в приходские училища [21, л. 41–42 об.].

Кроме открытия новых учебных заведений, перед городскими властями встал вопрос об их размещении и, как следствие, необходимость построить для этого собственные здания. На заседании 13 октября 1910 г. Витебская городская дума заслушала доклад председателя Училищной комиссии И.Ф. Иваницкого, основанный на протоколах заседаний комиссии 26 и 29 июля 1910 г. Суть доклада сводилась к тому, что городу необходимо построить собственные здания для размещения учебных заведений, получавших городские субсидии. Подчеркивалось, что на тот момент сложились благоприятные условия для реализации данного проекта. В частности, 22 июня 1909 г. вышел закон о создании при Министерстве народного просвещения школьно-строительного фонда, 14 июня 1910 г. – «закон об отпуске средств на нужды начального образования». Выразили готовность помочь в расширении сети начальных учебных заведений и горожане. Так, землевладелец В.П. Сулима-Самуйло подарил городу несколько участков земли, дворянин Е.А. Дембинский-Пиоро сделал письменное заявление, в котором выразил готовность предоставить городу в кредит древесину, необходимую для постройки зданий, а кирпичный заводчик Кан – кирпич. Правление Витебского городского общественного банка предложило городу ссуду на эти цели под 8% годовых. Витебский земский комитет также выразил готовность выделить пособие. В результате Витебская городская дума одобрила предложение, выраженное в докладе И.Ф. Иваницкого, и поручила Училищной комиссии детально разработать практическую сторону вопроса [20, л. 207–208].

В меньшей степени органы городского самоуправления Витебской губернии оказывали помощь средним учебным заведениям. Как правило, эта помощь выражалась в выплате пособий и учреждении городских стипендий, за счет которых могли бы обучаться дети менее состоятельных горожан. Например, городское общественное управле-

ние г. Неделея вносило в начале 1880-х гг. пособие в размере 100 руб. на содержание витебской женской гимназии [12, л. 13 об.]. Витебские власти также делали отчисления в пользу средних учебных заведений. Например, на содержание учениц в семиклассном женском училище Витебская городская дума назначила 2 мая 1885 г. пособие в размере 300 руб. [24, л. 526 об. – 527], после открытия в 1905 г. женской Алексеевской гимназии городские власти предоставили ей ежегодное пособие в размере 3000 руб. [25, с. 68].

Порой городские власти выступали с инициативами создания новых средних учебных заведений. Например, в 1870-х гг. жители города Двинска предложили открыть женское среднее учебное заведение, учитывая то, что в городе существовали лишь частные училища, а многие родители не имели средств отправлять учиться своих дочерей в гимназии других городов. Эту инициативу поддержал П.Ф. Дубровин, который на тот момент занимал должность городского головы. При его активной поддержке Двинская городская дума на заседании 15 декабря 1877 г. постановила возбудить соответствующее ходатайство перед правительственными учреждениями. П.Ф. Дубровин обратился за поддержкой к виленскому генерал-губернатору и витебскому губернатору с просьбой оказать содействие в открытии в городе женской семиклассной гимназии Ведомства императрицы Марии, но из-за отсутствия средств у Ведомства на создание нового учебного заведения получил отказ. Затем двинский городской голова обратился в Виленский учебный округ с ходатайством об открытии женской семиклассной гимназии ведомства Министерства народного просвещения. Примерно в это же время Двинская городская дума постановила предоставить единовременное пособие в размере 1000 руб. на первоначальное обустройство проектируемой гимназии, а также ежегодное пособие в размере 3000 руб. После длительной переписки с вышестоящими инстанциями выяснилось, что Двинску трудно надеяться на открытие гимназии, т.к. государственное казначейство ввиду крайней ограниченности средств не могло выделить необходимую субсидию на ее содержание в размере 6–7 тыс. руб. В этих условиях двинские городские власти решили возбудить ходатайство об открытии женской прогимназии и ассигновать на ее содержание 3 тыс. руб., а городской голова П.Ф. Дубровин представил копию постановления думы в Виленский учебный округ. Н.А. Сергиевский, занимавший в то время должность попечителя округа, поддержал перед Министерством народного просвещения упомянутое выше ходатайство. После длительного согласования в различных министерствах и ведомствах Государственный Совет 14 мая 1879 г. постановил открыть в г. Двинске женскую четырехклассную прогимназию с 1 июля 1879 г. Однако городские власти на достигнутом не остановились; на заседании 10 июня 1881 г. дума уполномочила городского голову П.Ф. Дубровина возбудить ходатайство о преобразовании открытой ранее женской прогимназии в гимназию. Вновь последовала длительная переписка с различными министерствами и ведомствами, и при поддержке Н.А. Сергиевского в конце концов это ходатайство было удовлетворено. После того, как городские власти г. Двинска гарантировали обеспечить содержание гимназии в случае, если специальных средств учебного заведения будет недостаточно, Государственный Совет постановил преобразовать прогимназию в гимназию с 1 июля 1884 г. Со своей стороны, на заседании 15 июля 1884 г. Двинская городская дума выразила попечителю Виленского учебного округа Н.А. Сергиевскому «благодарность городского

общества за его теплое и доброжелательное участие в деле основания в Двинске женской гимназии» [26, с. 1–7].

В 1910 г. городское общественное управление выступило с инициативой создания классической мужской гимназии в Полоцке. На заседании 26 августа городская дума постановила: в случае согласия вышестоящих инстанций на создание правительственной гимназии или реального училища предоставить на эти цели казне единовременное пособие в размере 2000 руб. и ассигновать ежегодное пособие в размере 1000 руб. [27, л. 9 об.]. Но это предложение осталось без ответа со стороны Министерства народного просвещения. В 1911 г. ряд гласных Полоцкой думы (отец Дмитрий Гнедовский, В.Д. Шутко, И.Н. Бакаев, М.Л. Каценельсон и пр.) подали на имя городского головы Н.О. Лосковича заявление с просьбой обсудить на одном из ближайших заседаний вопрос об открытии мужской классической гимназии имени П.А. Столыпина (он при жизни являлся почетным гражданином города) и возбуждении соответствующих ходатайств перед Министерством народного просвещения и Министерством внутренних дел. Эта инициатива была полностью одобрена думой, причем было решено ассигновать ежегодное пособие из городских средств в размере 2000 руб. на содержание учебного заведения, а также безвозмездно предоставить Министерству народного просвещения необходимое количество земли в черте города для постройки здания гимназии [27, л. 9–9 об.]. После всех необходимых согласований попечитель Виленского учебного округа в конце 1913 г. сообщил, что открытие мужской классической гимназии в Полоцке назначено на 1 июля 1914 г. [27, л. 10], а в январе 1914 г. городские власти заключили с Ф.И. Стефановичем договор о трехлетней аренде каменного трехэтажного здания для первоначального размещения этого учебного заведения [27, л. 11].

Как видно из приведенных выше примеров, открытие новых средних учебных заведений в городах требовало от городских властей значительных финансовых вложений и настойчивости. Учитывая то, что любое предложение необходимо было согласовывать в различных ведомствах и инстанциях, принятие окончательного решения откладывалось на несколько лет.

Городские власти с 1905 г. получили право участвовать в деятельности средних учебных заведений. Это было связано с предложением Министерства народного просвещения от 25 ноября 1905 г., направленным на имя управляющего Санкт-Петербургским учебным округом, по которому городскому голове или избранному городской думой представителю была предоставлена возможность присутствовать на заседаниях педагогических советов средних учебных заведений с правом решающего голоса. В Витебске эта обязанность была возложена на городского голову, а после открытия в 1905 г. женской Алексеевской гимназии для посещения ее педагогических советов был избран отдельный представитель городской думы – И.Ф. Иваницкий (в 1909 г.) [21, л. 43–43 об.]. Представители городских властей также участвовали в заседаниях педагогических советов мужской гимназии, реального училища, однако не имели права присутствовать на заседаниях педагогического совета учительского института [23, л. 33–33 об.].

Городские общественные управления старались приурочить к юбилеям значимых исторических событий учреждение новых стипендий, открытие новых учебных заведений. Например, в честь празднования столетнего юбилея победы в Отечествен-

ной войне Витебская городская дума на заседании 8 августа 1912 г. постановила учредить «Городскую стипендию в память Отечественной войны». В мужской гимназии и Алексеевской женской гимназии ее размер составил по 70 руб., в Мариинской – 60 руб. [23, л. 357–357 об.].

Некоторые частные средние учебные заведения стремились перейти в ведение городских властей, так как это гарантировало предоставление дополнительных пособий из городского бюджета и давало возможность добиться льгот по внесению арендной платы. Например, в конце 1913 г. к городским властям Витебска обратился И.Р. Неруш с ходатайством о принятии в ведение городской управы находившейся под его руководством частной мужской гимназии в связи с ее тяжелым финансовым положением. Гимназии грозило закрытие, для избежания которого требовалась субсидия в размере 5 тыс. руб. Городские власти согласились сократить арендную плату на 2 тыс. руб. при условии привлечения субсидии в размере 3 тыс. руб. со стороны земства, а также выразили согласие принять учебное заведение в свое ведение [28, л. 837–840].

По мере возможности городские власти пытались содействовать и распространению профессионального образования в городах. Например, вопрос об открытии реального училища в Витебске городской думой поднимался неоднократно. На одном из январских заседаний в 1880 г. планировалось рассмотреть вопрос о возможности открытия этого учебного заведения, а на ноябрьском заседании – предложение губернатора уступить одно из городских казенных зданий для размещения училища [29, л. 3, 25]. В 1912 г. городские власти, рассматривая все возможные варианты размещения реального училища в городе, пришли к выводу о наибольшей целесообразности отвести под его постройку участок в третьей части города, так как там вообще не было ни одного среднего учебного заведения. Было решено, что если Министерство народного просвещения по каким-то причинам не устроит предложенный участок земли, то городские власти приобретут подходящий участок в третьей части города [23, л. 102].

Власти Витебска несколько раз поднимали вопрос об открытии нового для города типа профессионального учебного заведения – коммерческого училища. На заседании 10 октября 1901 г. группа гласных, в т.ч. И.Ю. Сабин-Гус, М.С. Пакшвер, В.В. Счеснович, выступила с инициативой возбудить ходатайство о создании в городе коммерческого училища. В заявлении гласных говорилось: «Потребность в подобных училищах для города Витебска ощущается самым настоятельным образом. Наш город с 70000 населения имеет одну лишь классическую гимназию, которая не в состоянии удовлетворить духовным потребностям своих жителей, не говоря уже о том, что доступ в гимназию открыт не всякому, сам характер гимназической программы не соответствует часто наклонностям детей... Городу Витебску необходимо воспользоваться настоящим моментом для возбуждения надлежащего ходатайства об открытии в нем как преимущественно коммерческом городе коммерческого училища» [30, л. 429]. Однако это ходатайство не получило надлежащего ответа в вышестоящих инстанциях, поэтому на заседании 17 января 1905 г. Витебская городская дума вновь рассмотрела предложение управы об открытии коммерческого училища и вновь поручила возбудить соответствующее ходатайство [19, л. 31 об.]. Спустя некоторое время, училище было открыто.

Необходимо отметить, что органы городского самоуправления г. Витебска приняли активное участие в подготовке к открытию учительского института. В 1910 г. дума рассматривала вопрос о предоставлении помещения для планировавшегося к открытию института. После осмотра имевшихся в городе помещений городской архитектор, управляющий Виленским учебным округом и директор института признали наиболее пригодными здания бывших казарм Ленкоранского полка. В городскую думу было направлено ходатайство с просьбой уступить казармы для временного размещения института, а также было предложено обсудить вопрос о возможности произвести необходимый ремонт и переделки за счет городского бюджета. Городской архитектор определил сумму платы за аренду помещения в размере более 4800 руб. На аренду помещения институт располагал суммой в 5500 руб., из которых 2500 руб. ассигновала дума и 3000 – земство. Ввиду необходимости снимать отдельную квартиру для директора (на что предполагалось потратить 1200 руб.) управляющий учебным округом предложил городским властям снизить арендную плату до 4300 руб. Данное предложение было полностью одобрено думой [20, л. 35–36]. Спустя некоторое время (в 1912 г.), власти города постановили приобрести участок земли у В.П. Сулимы-Самуйло для постройки отдельного здания для размещения витебского учительского института [23, л. 101 об.].

В целом открытие учительского института в Витебске являлось полностью заслугой городского общественного управления, которое подготовило ряд ходатайств в различные инстанции и сумело довести начатое дело до успешного завершения. Во время своего выступления перед думой 25 августа 1910 г. городской голова И.Ю. Сабин-Гус отметил особую роль городских властей в создании института, заметив, «что без особых хлопот с нашей стороны этого счастья пришлось бы, пожалуй, ждать довольно долго» [20, л. 77].

Спустя некоторое время после открытия института на повестку дня был в очередной раз поставлен вопрос о создании высшего учебного заведения. На заседании 6 марта 1913 г. Витебская городская дума заслушала заявление, поданное гласным П.Ф. Косовым, в котором предлагалось возбудить ходатайство перед Министерством народного просвещения об открытии в Витебске университета. П.Ф. Косов отметил, что еще в 1907 г. этот вопрос стоял на повестке дня и что он в качестве витебского городского головы участвовал в его обсуждении на уровне министерства. Итогом этих обсуждений стало решение об открытии в Витебске учительского института. Вообще же возможность создания университета обсуждалась на заседаниях думы и в 1903 г. (27 августа и 10 декабря), и в 1906 г. (7 декабря). На этих заседаниях дума выражала принципиальное согласие на открытие университета и в своих постановлениях отмечала, на какие финансовые затраты готова пойти в этом деле. К 1913 г. настроения не изменились, поэтому было решено на основании предложения П.Ф. Косова поручить Училищной и Финансовой комиссии совместно с городской управой и гласными, желающими принять участия в разработке этого вопроса, в недельный срок подготовить докладную записку о необходимости открытия университета в Витебске. После утверждения докладной записки – избрать специальную комиссию для подготовки соответствующего ходатайства в высшие правительственные учреждения [28, л. 231–231 об.].

Уже 13 марта 1913 г. Витебская городская дума смогла заслушать докладную записку, в которой говорилось, что с ухудшением состояния городских финансов город может выделить незначительное пособие государственному казначейству в случае открытия университета. Однако была выражена готовность предоставить для университета участок земли любых размеров в пригороде (Билевской даче), и оговаривалась возможность обложения торговых документов и земельной недвижимости в губернии дополнительным ежегодным сбором в пользу университета. В докладной записке была отмечена готовность частных лиц сделать пожертвования (правда, в незначительных размерах), а также предложение П.Ф. Косова предоставить участок земли в размере 10 десятин в черте города. Несмотря на все вышеперечисленные материальные затруднения, в записке подчеркивалась настоятельная необходимость открытия университета в Витебске как «городе, сохранившем вполне русский облик, стоящем на рубеже края, где русское движение борется с инородческим влиянием». Авторы записки предложили еще до отправления специальной депутации в Санкт-Петербург направить в Министерство народного просвещения для поддержания ходатайства перед министром В.Е. Литевского, занимавшего на тот момент должность городского головы, и П.Ф. Косова. Городская дума полностью одобрила эту инициативу, но поручила ходатайствовать об открытии высшего или среднего специального учебного заведения в том случае, если в открытии университета будет отказано [28, л. 251–252]. Но этим планам не было суждено реализоваться в связи с началом Первой мировой войны.

Таким образом, на протяжении всего своего существования, начиная с 1875 г., органы городского самоуправления Витебской губернии старались принимать участие в развитии системы народного образования в городах. Их успехи в этом направлении напрямую зависели от размеров доходов городов. Например, по статистическим данным на 1906 г. общая сумма расходов городских властей на образование составила 34715 руб., но если более богатые города затрачивали на эту статью расходов значительные суммы (например, Двинск – более 17 тыс. руб., Витебск – около 7 тыс. руб.), то небольшие уездные центры, которые с трудом могли найти дополнительные источники доходов, ограничивались весьма скромными суммами: в Дриссе городские власти потратили на народное образование всего 300 руб., в Люпине – 312 руб., в Себеже – 295 руб. и т.д. [25, ведомость № 14]. Большая часть этих денег уходила на финансирование низших учебных заведений, которые пользовались спросом у населения, а их открытие не требовало слишком больших вложений.

Небольшие затраты на развитие системы народного образования объяснялись и тем, что городские власти при утверждении бюджетов на год не имели права самостоятельно увеличивать ассигнования по одним статьям расходов и уменьшать по другим. Любое изменение должно было получить одобрение витебского губернатора. Кроме того, большую часть городских доходов поглощали затраты на содержание правительственных учреждений, полиции и пожарной команды, на осуществление квартирной воинской повинности, на уплату различных налогов и погашение займов. Например, Финансовая комиссия 18 апреля 1912 г. представила на заседании Витебской городской думы доклад, в котором излагался анализ сметы городских расходов за 1911 г. В докладе отмечалось, что 20% доходов было затрачено на осуществление воинской квартирной

повинности, 12,5% – на содержание полиции, а на систему народного образования – всего 5% [23, л. 177]. Пример Витебска в этом отношении не был исключением, а скорее рядовым случаем не только для белорусских городов, но и для городов Российской империи в целом. Так, П.И. Синеоков, принявший участие в работе Первого всероссийского съезда городских деятелей, состоявшегося 10–20 сентября 1913 г. в Киеве по инициативе местного городского общественного управления, отметил в своем отчете: «Съезд ярко обрисовал все нужды городов. Нужды оказались почти одни и те же: у всех отсутствие средств и недостаток кредита» [28, л. 711–712].

Еще одна проблема, с которой сталкивались городские общественные управления при открытии новых учебных заведений, особенно средних, заключалась в наличии огромного количества бюрократических проволочек на пути любой инициативы, исходившей снизу. Органы городского самоуправления на протяжении нескольких лет вынуждены были заниматься согласованием в различных учреждениях и ведомствах, писать ходатайства, обращаться за помощью в различные инстанции, начиная от губернатора и заканчивая министром. Наиболее ярко это проявилось на примере открытия женской гимназии в Двинске: только настойчивость городского головы П.Ф. Дубровина и сочувственное отношение попечителя Виленского учебного округа Н.А. Сергиевского помогли городу получить долгожданное учебное заведение.

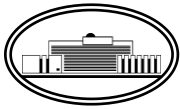
Несмотря на все вышеперечисленные трудности, органы городского самоуправления Витебской губернии сумели внести свое лепту в развитие системы народного образования в городах и во многом содействовали появлению новых учебных заведений, а значит, распространению грамотности среди большей части горожан, повышению уровня образования населения.

Л и т е р а т у р а

1. Городовое положение 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLV. Отделение первое. 1870 г. – СПб.: Типография второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1874 г. – С. 823–839.
2. Городовое положение 11 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XII. 1892 г. – СПб.: Государственная типография, 1892 г. – С. 433–456.
3. Из истории школы Белоруссии и Литвы / В.З. Смирнов (отв. ред.). – М.: «Просвещение», 1964. – 323 с.
4. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / рэдкал.: С.А. Умрэйка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: «Народная асвета», 1968. – 621 с.
5. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / М.А. Ткачоў [і інш.]; пад рэд. М.А. Лазарука [і інш.]. – Мінск: «Народная асвета», 1985. – 464 с.
6. Снапкоўская, С.В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. / С.В. Снапкоўская. – Мінск: НІА, 1998. – 192 с.
7. Снапкоўская, С.В. Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі Беларусі (60-я гг. XIX – пачаткам XX ст.): вучэб. дапаможнік для студэнтаў вышэйш. навуч. устаноў / С.В. Снапкоўская. – Мінск: НІА, 2001. – 160 с.
8. Пічэта, У.І. Пытанне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым / У.І. Пічэта. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 48 с.
9. Гісторыя БССР: у 5 т. / галоўн. рэд. калегія: І.М. Ігнаценка (старшыня) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 2: Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.) / рэд. кал. тома: К.Л. Шабуня (гал. рэд.) [і інш.]. – 1972. – 688 с.

10. Гісторыя Беларусі ў 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.
11. Памятная книжка Витебской губернии на 1885 год. – Витебск: Типография Губернского правления, 1885. – 505 с.
12. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Фонд 1416. – Оп. 3. – Д. 14838. Роспись г. Невеля.
13. НИАБ. Фонд 1416. – Оп. 3. – Д. 14843. Роспись г. Городка.
14. НИАБ. Фонд 1416. – Оп. 3. – Д. 14839. Роспись г. Дриссы.
15. НИАБ. Фонд 1416. – Оп. 3. – Д. 14840. Роспись г. Лепеля.
16. НИАБ. Фонд 1416. – Оп. 3. – Д. 14842. Роспись г. Себежа.
17. НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 52. Объявления витебского городского головы о повестке дня заседаний думы и списке гласных думы, доклады городской управы о страховании городского имущества, о составлении обязательных постановлений, о санитарном состоянии города, об утверждении сметы расходов на содержание городского приюта для бедных мальчиков, о благоустройстве г. Витебска, о предоставлении французу Гильону концессии на устройство и эксплуатацию трамвая и др.
18. НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 59. Постановления, доклады управы.
19. НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 76. Книга записи постановлений городской думы за 1901–1906 гг.
20. НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 158. Доклады управы за 1910 г.
21. НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 140. Доклады, постановления и отчет Витебской городской управы за 1909 г.
22. НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 46. Протоколы заседаний городской думы за 1893 г.
23. НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 185. Доклады управы за 1912 г.
24. Обзор Витебской губернии за 1906 год. – Витебск: Губернская типография, 1907. – 109 с., 28 ведомостей.
25. Историческая записка 25-летия Двинской женской гимназии, 1879–1904 гг. / сост. Д.И. Михайлов. – Витебск: Губернская Типолиитография, 1905. – 47 с.
26. НИАБ. Фонд 2523. – Оп. 1. – Д. 14. Дело об открытии в городе Полоцке мужской гимназии.
27. НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 440. Доклады управы городской думе о расширении трамвайной линии и устройстве тротуаров, о заключении договора с акционерным обществом «Витебский трамвай» на устройство освещения, о возбуждении ходатайства об открытии университета и адресного стола в городе Витебске, о состоянии городской пожарной команды и расквартировании городских, план города Витебска.
28. НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 20. Донесения витебского городского головы витебскому губернатору о времени и повестке дня заседаний городской думы.
29. НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 612. Доклады управы городской думе о благоустройстве города, о сдаче театра в аренду, о смете доходов и расходов, о стачке трубочистов в мае 1901 г., о пожаре 24 июня 1901 г. и об увеличении пожарной команды, об открытии коммерческого училища, отчет городского банка за 1900 г., сведения оценочной комиссии о землевладении церквей и отдельных лиц в городе Витебске и раскладке государственного налога.

Поступило 18.09.2008

УДК 338(476.5)

Реальность и перспективы малых и средних городов: региональный аспект

Л.Ф. Трацевская

Переход к модели устойчивого развития Республики Беларусь невозможен без устойчивого развития ее населенных мест и территорий составляющих ее регионов. Особую роль в этом процессе призваны сыграть малые и средние городские поселения, стимулирование развития которых является неотъемлемой частью государственной региональной политики.

В статье анализируется ход социально-экономических процессов в малых и средних городах Беларуси, выявляются устойчивые и новые тенденции их протекания на современном этапе. Особое внимание при этом уделяется региональному аспекту проблемы. Определяется значение данных поселений для народнохозяйственного комплекса республики и Витебской области, характеризуются основные проблемы, препятствующие их динамичному развитию. Выясняется, в какой степени целенаправленное государственное регулирование может способствовать решению обозначившихся проблем.

Важное место в статье отводится анализу выполнения в 2007 г. основных целевых параметров Государственной комплексной программы развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 годы в Витебской области. Исследование основывается на достаточном фактическом материале, касающемся производственно-хозяйственной деятельности предприятий региона.

Переход к модели устойчивого развития Республики Беларусь осуществляется в конкретных условиях развития материальной среды населенных мест и территорий регионов. Такие ее составляющие, как состояние производственной и социальной инфраструктуры, инженерно-технических систем, виды и интенсивность использования территорий, отношение к историко-культурному наследию могут содействовать или создавать препятствия устойчивому развитию [1]. В Республике Беларусь исторически сложилась система расселения, отражающая характерные особенности природных условий, хозяйственной деятельности, социально-демографического и историко-культурного развития государства. Выступая как сеть населенных мест, объединенных пространственными, социально-экономическими и культурными связями и находящаяся в иерархической соподчиненности, она в соответствии с принятой градостроительной классификацией включает 207 городских и 24,1 тыс. сельских поселений. Население Республики Беларусь распределяется по ее территории следующим образом: в городских поселениях проживает 71% населения, сельских – 29%. В систему городских поселений входит 112 городов (24 города с численностью населения свыше 50 тыс. чел. и 88 малых и средних) и 95 поселков городского типа, которые различаются по административному статусу и численности населения [2].

Распределение городских поселений Республики Беларусь по видам показано на рис. 1.

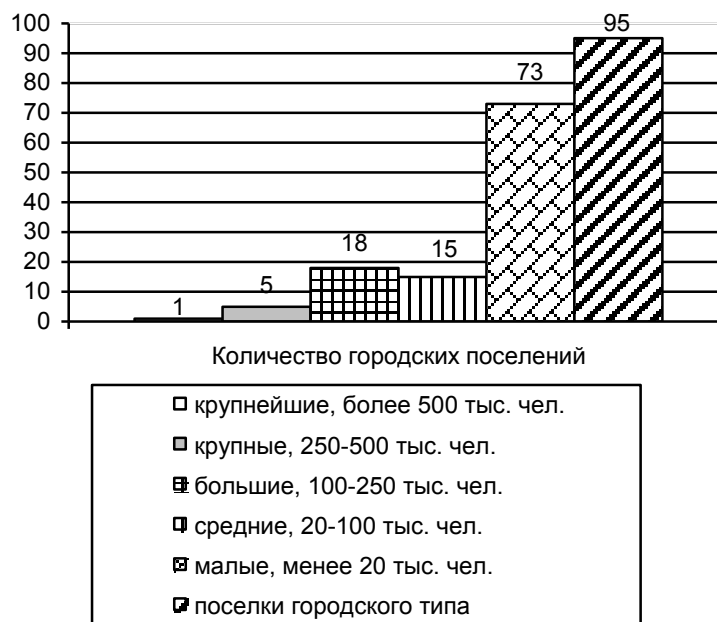

Рис. 1. Группировка городских поселений Беларуси по состоянию на 1.01.2008 г.*

Как свидетельствуют данные рисунка, в Беларуси из 24 городов с численностью населения свыше 50 тыс. чел. один (г. Минск) относится к категории крупнейших, 5 (областные центры) – к категории крупных городов. Кроме того, в данную группу входят 8 больших городов областного подчинения с численностью населения от 100 до 230 тыс. чел. (Барановичи, Пинск, Орша, Новополоцк, Мозырь, Борисов, Солигорск, Бобруйск) и 2 города средней величины областного подчинения с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел. (Полоцк и Жодино). Восемь средних городов с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел. (Кобрин, Жлобин, Речица, Светлогорск, Лида, Слоним, Молодечно и Слуцк), также относящиеся к этой группе, находятся в районном подчинении. Из 88 городов к категории средних относятся 15 городов с населением от 20 до 50 тыс. чел. и 73 – к категории малых [2]. Таким образом, Республика Беларусь является страной небольших городов: в ней почти четверть населения проживает в 183 малых и средних городских поселениях с численностью населения до 50 тыс. чел. (в 88 городах, 95 поселках городского типа).

Данные городские поселения распределяются по регионам Беларуси следующим образом (табл. 1).

* Источник: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь.

Таблица 1

Распределение малых и средних городских поселений Республики Беларусь по категориям и административному статусу (по сост. на 1.01.2008 г.)^{*}

Количество малых и средних поселений	В республике	По областям					
		Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская
Всего, из них:	183	25	39	30	29	38	22
Города	88	17	15	13	11	19	13
Городские поселки	83	7	24	13	17	16	6
Курортные рабочие поселки	11	1	–	4	1	2	3
Поселки	1	–	–	–	–	1	–

Из данных таблицы следует, что больше всего малых и средних поселений расположено в Витебской (39, или 21,3% всего их количества) и Минской (38, или 20,8%) областях. Меньше всего – в Могилевской (22 поселения, или 12%) и Брестской (25, или 13,7%).

Витебщина занимает среди других внутривнутриреспубликанских территорий особое место не только по преобладающему числу малых и средних городов, в которых проживает 263 тыс. чел. (пятая часть населения данного региона), но и потому, что среди них 28 относится к проблемным. Критериями отнесения к таковым выступают уровень безработицы и наличие градообразующих предприятий. Так, в 22 из малых и средних поселений Витебской области уровень безработицы превышает средний по региону, а в 6 имеется лишь одно градообразующее предприятие [3]. В то же время, в Брестской области расположены только 17 малых и средних поселений, которые можно считать проблемными. В Гомельской их 27, Гродненской – 22, Минской – 21, Могилевской – 23 поселения.

Кроме того, распределение населения по малым и средним городам Витебской области отличается значительной неравномерностью (рис. 2).

Как показывают данные рисунка, наибольший удельный вес (38,5% областных городков) приходится на поселения с численностью жителей от 5 до 10 тыс. чел. Более четверти из них с населением от 2 до 5 тыс. чел. К городским поселениям Витебской области, где проживает от 20 до 50 тыс. чел., относится 1 населенный пункт, или 2,6% от их общего количества.

^{*} Источник: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь.

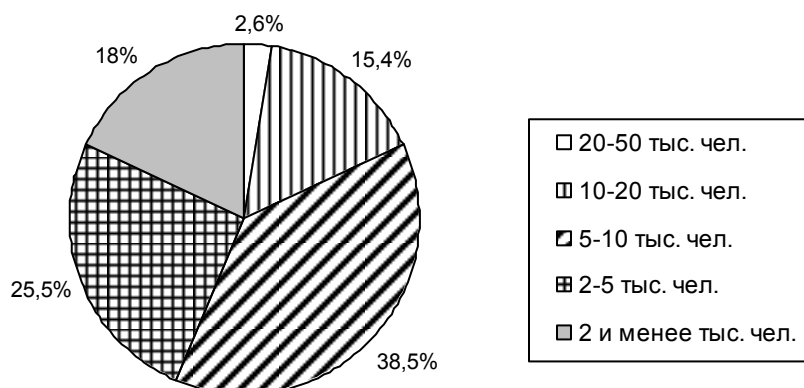

Рис. 2. Распределение малых и средних городских поселений Витебской области по численности населения.*

Малые и средние города занимают особое место в историческом развитии Витебской области. Многие из них на протяжении столетий являлись культурными центрами прилегающих территорий. В них развивались ремесла, промыслы и другие традиционные производства. До настоящего времени многие городки Витебщины сохранили ценные фрагменты исторической планировки и застройки, уникальные ансамбли и памятники архитектуры, рядовую застройку прошлых лет. Большинство из данных городских поселений имеют высокий потенциал для развития благодаря сохранившемуся историко-культурному наследию, удобству размещения, благоприятным климатическим и экологическим условиям, традиционности расселения и связанной с этим привлекательностью для различных групп населения.

В настоящее время, располагая определенным экономическим и социально-культурным потенциалом, более активную роль в системе расселения Витебской области начинают играть города средней величины. Большинство из них относится к промышленному типу. Ведущими отраслями экономики, в которых занято около 45% всех работающих, проживающих здесь, являются: пищевая промышленность, машиностроение и металлообработка, промышленность строительных материалов, легкая промышленность. Среди основных факторов, содействующих развитию средних городских поселений региона, можно выделить:

- достаточно развитую систему социально-культурного и бытового обслуживания, что позволяет им уже сейчас полноценно выполнять функции центров культурно-бытового, медицинского обслуживания, образования и других социально необходимых видов общественного обслуживания прилегающих малых городов и сельских районов;
- значительные объемы жилищного фонда, имеющего централизованное инженерно-техническое оснащение, а также приближенные к жилью системы общественного обслуживания;

*Источник: Витебское областное управление статистики и анализа.

- сравнительно здоровую среду обитания. В средних городах наблюдается меньшая концентрация населения, промышленных предприятий, транспорта, облегчено общение людей, более доступны пригородные зеленые зоны отдыха.

Группа малых городских поселений Витебской области включает города различных функциональных типов: промышленные, агропромышленные, рекреационные. Около половины данных поселений является административными районными центрами. Их градообразующий потенциал представлен традиционными видами промышленного производства, развивающегося на местных ресурсах: пищевой, легкой, лесной и деревообрабатывающей промышленностью, производством строительных материалов, перерабатывающими сельскохозяйственную продукцию предприятиями, добывающей промышленностью. Основными условиями, способствующими развитию малых городов региона в ближайшей перспективе, можно считать:

- относительно более низкие цены на недвижимость и дешевую рабочую силу, которые делают выгодным размещение инвестиций. Вследствие этого здесь можно ожидать повышения деловой активности, возрастания спроса на землю и строительные услуги;
- низкий уровень загрязнения окружающей среды, сохранение природных комплексов;
- уникальную роль данных поселений как носителей преемственности и народных традиций.

В то же время, несмотря на ряд предпосылок устойчивого развития, средние и малые городские поселения Витебской области сталкиваются с проблемами, препятствующими преодолению сложившихся здесь негативных тенденций. Это касается не только экономики, но и демографии, экологии, инфраструктуры, использования территорий. Так, многие малые города региона в настоящее время не имеют надежной экономической базы, что затрудняет их развитие. Экономика в них основана на традиционном местном производстве, имеющем аграрную и аграрно-промышленную специализацию, поэтому носит, в основном, моноотраслевой характер. В таких поселениях ликвидация даже одного промышленного предприятия может иметь (а на практике так уже происходит) весьма негативные последствия не только для проживающих здесь, но и для населения прилегающих территорий, для которого работа на этом предприятии является основным источником дохода. Таким образом, наличие неустойчиво работающих или убыточных градообразующих предприятий создает угрозу для социально-экономической стабильности не только в данных населенных пунктах, но и в зоне их территориального влияния.

Экономическая напряженность в областных городках и явившееся ее следствием снижение доходов населения и возможности трудоустройства не могло не оказать влияния на демографические процессы. Так, растущая безработица, ограниченные возможности трудового выбора вызвали отток образованного и трудоспособного населения (особенно молодежи) в более крупные города. В результате этих негативных явлений за последние 10 лет уменьшилась численность населения в 11 поселениях Витебской области (Богушевск, Воропаево, Сураж, Друя и др.) [3].

Усугубляются экологические проблемы малых городов региона. Это связано с тем, что производство, транспорт, коммунальное хозяйство в большинстве из них не обеспечены

адекватными системами очистки, удаления или утилизации твердых отходов. В результате здесь наблюдается высокий уровень загрязнения окружающей среды. Кроме того, в настоящее время в условиях стремительного роста стоимости городской земли становится очевидной проблема эффективного использования данными поселениями своих территорий. Как показывает ее исследование, малые и средние города Витебской области отличаются чрезмерно расточительным землепользованием. Так, в пределах городской черты этих поселений земли, не освоенные под городские функции (заросшие кустарником, пойменные, заболоченные, земли без определенного назначения), занимают до 50%. В то же время неэффективно используются и освоенные территории (жилые, производственные, рекреационные). Это подтверждается тем, что при средней по Республике Беларусь плотности населения около 3000 чел. на кв. км плотность населения в малых и средних населенных пунктах Витебской области не превышает 2000 чел. на кв. км [3].

Кроме этого, среди актуальных современных проблем городков Витебщины можно выделить низкий качественный уровень объектов жизнеобеспечения (системы энергоснабжения, канализационных и водопроводных сетей, комплекса котельных, транспортных коммуникаций и др.). Услугами водопровода, канализации, центрального отопления, как правило, обеспечены не более 60% жилищного фонда малых и средних городов региона при среднем по республике значении этих показателей в размере 81–84% [3]. Не менее важной и острой для данных поселений является проблема физического и морального износа имеющихся инженерно-технических систем жизнеобеспечения, большинство из которых были сооружены еще в 60–80 годы прошлого века. Такой низкий уровень благоустройства объясняется тем, что основным типом жилища областных городков традиционно были индивидуальные жилые дома, которые по существовавшей до недавнего времени градостроительной концепции рассматривались как территориальный резерв для строительства многоэтажного стандартного жилья. В результате инженерное обеспечение индивидуальной жилой застройки не имело приоритетного значения для градостроительного развития.

Проблемой является и состояние транспортной инфраструктуры малых и средних городов Витебской области: здесь повсеместно наблюдается неудовлетворительное состояние дорожных покрытий. Многие из этих городских поселений не имеют обходных автомобильных дорог, вследствие чего транзитный транспорт проходит непосредственно через городские центры, резко ухудшая условия проживания.

Следует также отметить, что в последнее время значительно обострилась угроза разрушения архитектурно-ландшафтной среды городков Витебщины. Вследствие этого в ряду особых проблем стоит сохранение и восстановление их историко-культурного наследия. Многие из этих поселений располагают ценными памятниками архитектуры, градостроительства и являются хранителями истории, культуры и национальных традиций. Если не принять срочных мер, то это может привести к утрате значительной части сохранившейся ценнейшей исторической городской среды, безвозвратному исчезновению традиционного облика многих малых и средних городов Витебской области.

Устранению обозначенных негативных тенденций призвана служить Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь № 265 от 7 июня

2007 г. Она направлена на улучшение занятости, повышение уровня жизни и престижности проживания в этих населенных пунктах и предполагает решение следующих задач:

- формирование необходимых макроэкономических условий и предпосылок для стабилизации социально-экономической ситуации и устойчивого экономического роста;
- обеспечение сохранения (в пределах целесообразности) существующих предприятий, создание благоприятных условий для размещения новых производств и развития предпринимательства;
- улучшение демографической ситуации;
- создание предпосылок для привлечения инвестиций в модернизацию и развитие жилищного сектора, сферы жизнеобеспечения, объектов социальной инфраструктуры;
- повышение эффективности работы органов местного управления и самоуправления, формирование информационной базы по малым и средним городским поселениям и создание мониторинга их социально-экономического развития.

В качестве важнейших направлений развития данных поселений в Программе выделены:

- модернизация и техническое переоснащение промышленных предприятий, инженерно-технической инфраструктуры;
- развитие производств и всех видов деятельности, непосредственно связанных с переработкой местных ресурсов, сельскохозяйственной продукции, обслуживанием сельского и местного хозяйства (торгово-закупочная деятельность, лизинг и продажа необходимой техники, снабжение удобрениями, строительное, мелиоративное, ветеринарное обслуживание и организация служб по селекции сельскохозяйственных растений и животных);
- проведение реструктуризации неэффективно работающих градообразующих предприятий с сохранением рабочих мест;
- развитие транспортных и информационных коммуникаций;
- формирование рациональной структуры занятости;
- разработка налоговых стимулов для развития малого предпринимательства;
- развитие сезонных форм занятости;
- развитие сферы услуг с учетом реальных потребностей населения;
- комплексное благоустройство городских территорий и повышение эффективности использования земельных ресурсов;
- развитие туристической деятельности на основе модернизации существующих и строительства новых объектов туристической инфраструктуры, восстановления зон исторической застройки с созданием в жилых зданиях современного уровня комфорта и инженерно-технического оснащения;
- стимулирование развития ремесел и видов деятельности, основанных на народных традициях;
- государственная поддержка наиболее проблемных поселений и предприятий, включая градообразующие.

Таким образом, решение обозначенных задач и реализация намеченных направлений развития малых и средних городов призваны обеспечить комплексное развитие их производственной и социальной инфраструктуры, их экономической базы, создание и переоснащение расположенных здесь перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию производств. Особое значение придается повышению финансовой устойчивости градообразующих предприятий, формированию благоприятных условий для осуществления инвестиционной и предпринимательской деятельности, привлечению отечественного и иностранного капитала, расширению банковского сектора.

Программой предусматривается осуществить в малых и средних городах Беларуси около 1000 инвестиционных проектов с объемом финансирования в размере более 2,5 млрд долл. США [4]. Среди них выделены 195 наиболее значимых, которые намечено разместить в 111 населенных пунктах. В городских поселениях Брестской области предстоит реализовать 47 таких проектов, в Гомельской – 40, Гродненской – 35, Минской – 46, Могилевской – 17 [4]. Что же касается Витебской области, то здесь предполагается осуществить 10 важнейших инвестиционных проектов.

Одним из определяющих индикаторов социальной стабильности в малых и средних городах является состояние местных рынков труда. Важнейшим целевым ориентиром в этом направлении будет выход к концу 2010 г. на уровень безработицы в 1% от численности экономически активного населения, увеличение численности занятых в экономике этих городских поселений, создание в них более 1000 новых рабочих мест [5]. Для 36 наиболее проблемных городков разработан комплекс конкретных мер по ослаблению напряженности на рынке труда. До конца 2010 г. будет осуществляться поэтапная работа по стабилизации социально-экономической ситуации в малых городах, где она наиболее сложна. В Витебской области такими населенными пунктами являются Поставы и Новолукомль. В Брестской – Ганцевичи, Микашевичи и Иваново. В Гомельской – Василевичи и городской поселок Октябрьский. В Минской – городской поселок Уречье.

Что же касается важнейших целевых ориентиров развития городков Витебской области, то в рамках Государственной комплексной программы развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 годы здесь предусматривается следующее (табл. 2).

Из приведенных данных следует, что к концу 2010 г. по сравнению с 2005 г., предшествующим разработке Государственной комплексной программы, численность занятых в экономике малых и средних городских поселений Витебской области вырастет на 8,8%, объемы промышленной продукции и потребительских товаров в среднем увеличатся более чем в 1,5 раза. Важным инструментом успешного развития городков региона можно считать активизацию самозанятости населения и малого предпринимательства. Сегодня в Республике Беларусь фактически сформировалось правовое поле для стимулирования развития предпринимательства и привлечения инвестиций. К концу 2010 г. в малых и средних поселениях Витебской области на осуществление различных инвестиционных проектов предполагается привлечь 797 млн руб. Это будет способствовать увеличению числа располагающихся здесь малых предприятий до 501, созданию 16374 рабочих мест, снижению безработицы до 1% к экономически активно-

му населению. Номинальная среднемесячная заработная плата повысится в 1,8 раза (до 732,8 тыс. руб.).

Таблица 2

Основные положения социально-экономического развития малых и средних поселений Витебской области на 2007–2010 гг. *

Показатели	Ед. изм.	Годы						Индекс изменения, % (2010 г. к 2005 г.)
		2005 отчет	2006 оценка	2007	2008	2009	2010	
Численность занятых в экономике	тыс. чел.	124,5	126,8	129,0	131,4	133,3	135,5	108,8
Продукция промышленности	%	–	108,4	107–109	108–110	108–110	109–111	147,5–158,0
Производство потребительских товаров	%	–	111,6	108–110	109–111	108–110	108–110	153,2–164,9
Уровень безработицы на конец года (к экономически активному населению)	%	2,5	2,1	1,9	1,7	1,4	1,0	–
Создание новых рабочих мест	мест	2580	3306	3918	2900	2980	3270	<u>126,7</u> 16374 **
Число малых предприятий	ед.	317	356	387	423	466	501	157,4
Номинальная начисленная заработная плата на конец года	тыс. руб.	394	477,4	533,6	598,5	666,1	732,8	186,0

Первые итоги выполнения Государственной комплексной программы в Витебской области свидетельствуют о том, что предусмотренные на 2007 г. задания по развитию малых и средних городских поселений региона, в основном, выполнены. Создано 4,4 тыс. новых рабочих мест (темп роста по отношению к прогнозному годовому параметру составил 111,8%). Уровень безработицы снижен с 1,7% в начале года до 1,5 к его концу. Темп роста объема производства промышленной продукции достиг 108,5%, потребительских товаров – 108,1%. Среднемесячная заработная плата составила 639,6 тыс. руб., что на 8,8% больше уровня прошлого года. В 2007 г. в экономику городков региона привлечено более 360 млрд руб. инвестиций (126,7% их годового прогнозного объема). Начата реализация свыше 250 инвестиционных проектов, освоено свыше 170. Внедрено в производство 13 новых видов продукции. Так, введена в эксплуатацию линия по производству твердых сыров в Шумилинском филиале ОАО «Молоко» мощностью 2 тонны в смену, организовано производство мебельного поролон на КУП «Россонский комбинат промышленных товаров». Начато производство пружинных блоков и механизма трансформации на ОАО «Городокский ремонтный завод», создано новое производство по перера-

* Источник: Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 гг. – Мн.: ОАО «Красная звезда», 2007. – С. 80–81.

** Сумма за 2006–2010 гг.

ботке твердых сыров в Докшицком филиале ОАО «Лепельский молочный комбинат». ЧПУП «Нова-Керамика» на арендуемых у ОАО «Доломит» производственных площадях приступило к производству декоративных керамических изделий. Основными источниками финансирования данных мероприятий были бюджетные ресурсы (132 млрд руб., или более 36% всех освоенных инвестиций), собственные средства предприятий (около 30% всех средств), а также кредиты банков (24%). Объем бюджетных средств, направленных на реализацию инвестиционных проектов в малых и средних городах Витебской области, превысил средний по региону, составивший 32%. Это подтверждает повышенное внимание государства к проблемам функционирующих здесь предприятий.

Из 10 важнейших инвестиционных проектов, предусмотренных к реализации Государственной комплексной программы развития регионов, малых и средних городских поселений, в 2007 г. в Витебской области было освоено 3. Так, приступили к выпуску клинкерного кирпича на керамическом заводе в городском поселке Оболь. На эти цели привлечено более 2,8 млрд руб. инвестиций. Открыто 26 новых рабочих мест. Введена в эксплуатацию автозаправочная станция компании «Беларуснефть-Витебскоблнефтепродукт» (инвестировано около 2,9 млрд руб.). В г. Барань ООО «Амели ТД» на неиспользуемых производственных площадях РУП «Лес» открыло предприятие по производству швейных изделий, создав 33 рабочих места. Продолжилась работа по освоению второй очереди инвестиционного проекта «Реконструкция деревообрабатывающего производства ОАО «Оршанский КСМ»» в городском поселке Копысь Оршанского района, предусматривающего организацию выпуска клееного мебельного щита и погонных изделий. Организовано 20 рабочих мест. Финансирование мероприятия осуществлялось за счет средств бюджета, было инвестировано более 11 млрд. руб. Шесть инвестиционных проектов из 10, включенных в Государственную комплексную программу, являются переходящими, их реализация продолжается. В 2007 г. предприятиями малых и средних городских поселений области были освоены 4 инвестиционных проекта, предусматривающих привлечение иностранных инвестиций. Благодаря этому источнику финансирования на ОАО «Глубокский молочноконсервный комбинат» осуществлено техническое перевооружение производства, на ОАО «Лепельский молочноконсервный комбинат» стало возможным приобретение нового технологического оборудования, на ОАО «Верхнедвинский маслодельно-сыродельный завод» – строительство цеха и покупка автоматической линии по производству сыров, на ОАО «Толочинский маслодельно-сыродельный завод» – реконструкция цеха цельномолочной продукции. Для финансирования данных проектов ОАО «Белагропромбанк» открыл кредитные иностранные линии на сумму свыше 40 млрд руб. Кроме того, в городах Витебской области приступили к осуществлению 9 проектов, вошедших в Государственную программу инновационного развития Республики Беларусь. Как наиболее значимые из них можно выделить следующие. Техническое перевооружение на ОАО «Лепельский молочноконсервный комбинат», реконструкция туннельной печи для производства клинкерного кирпича на КПУП «Обольский керамический завод», расширение емкостного хозяйства на КДУПП «Полоцкий винодельческий завод», организация производства мебельного поролон на КУПП «Россонский комбинат промышленных товаров», техническое перевооружение на ОАО «Миорский мясокомбинат» и КУП

«Подсвильский ЗПП». В 2007 г. на инвестирование данных мероприятий было направлено более 25 млрд руб.

В малых и средних поселениях региона в анализируемом периоде наблюдалось расширение сферы торговли и услуг. Так, прирост торговых площадей здесь составил 3 тыс. кв. м, что превысило прогнозное задание на 9,1%. Количество объектов общественного питания увеличилось на 15 единиц. Это позволило открыть 516 дополнительных посадочных мест. Наиболее значимыми из них являются: ресторан при ГПУНП «Браславские озера» в г. Браслав (на 82 места), кафе при ЧУП «Арт-старт» (на 70 мест) в г. Толочин, пиццерия на 20 посадочных мест при ООО «Витхимторг» в городском поселке Бешенковичи.

Что же касается социальной сферы городков Витебщины, то в 2007 г. здесь были осуществлены следующие мероприятия. В г. Верхнедвинске построено 2 дома для детей-сирот. Выполнены работы по реконструкции лечебно-профилактических учреждений в населенных пунктах Ветрино, Видзы, Воропаево, Лынтупы, Освея и Яновичи, проведены реконструкция и модернизация операционных и реанимационных блоков центральных районных больниц в городских поселках Бешенковичи, Лиозно, Россоны, Ушачи, Шумилино и г. Сенно. Отремонтированы помещения музыкальной школы и библиотеки в городском поселке Воропаево. Велись ремонтно-строительные работы в учреждениях культуры городских поселков Видзы, Яновичи, Освея, Подсвилье и Езе-рище. Кроме того, осуществлялось строительство городского стадиона в Глубоком, конно-спортивного манежа в Толочине, физкультурного комплекса в Россонах. В г. Барань за счет средств областного бюджета создается Центр олимпийского резерва по конному спорту и коневодству. С начала 2007 г. в рамках данного проекта освоено более 200 млн руб., открыто 16 новых рабочих мест. В Браславе в туристическом комплексе «Дривяты» построен развлекательный центр, в котором создано 18 рабочих мест. Помимо этого, в малых и средних поселениях области в 2007 г. введено в действие 59,5 тыс. кв. м общей жилой площади.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 265 от 7 июня 2007 г., дающим местным Советам депутатов право предоставлять налоговые льготы субъектам хозяйствования, реализующим инвестиционные проекты по выпуску конкурентоспособной продукции и организации новых производств, в 2007 г. более благоприятные условия хозяйствования были предоставлены 11 таким предприятиям. Преференции по налогу на недвижимость, земельному налогу и платежу за использование природных ресурсов получили такие из них, как ОАО «Глубокский молочно-консервный комбинат» и «Глубокский консервный завод», КУП «Подсвильский завод пищевых продуктов», ОАО «Лепельский молочно-консервный комбинат». Благодаря государственной поддержке на развитие производства и выполнение показателей бизнес-планов данными предприятиями было дополнительно использовано 497,9 млн руб. собственных средств, высвобожденных вследствие льготирования. Помимо этого, 103 субъекта хозяйствования, зарегистрированные и осуществляющие свою производственную деятельность в малых и средних городских поселениях Витебской области, получили льготы по республиканским налогам на сумму более 11,1 млрд руб. Анализ экономических показателей работы предприятий, получивших налоговые послабления по обозна-

ченному Указу Главы государства, свидетельствует о том, что они эффективно ими воспользовались. Так, 54 из них увеличили выплаты в бюджет, 4 плательщика ликвидировали убыточность, 8 рассчитались с задолженностью перед бюджетом, а 22 – существенно ее сократили.

Кроме того, в малых и средних поселениях региона в 2007 г. было создано 372 малых предприятия, что способствовало формированию дополнительных условий трудоустройства проживающего здесь населения и снижения уровня безработицы.

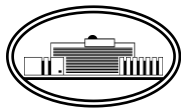
Вместе с тем, в работе по выполнению Государственной комплексной программы развития регионов, малых и средних поселений в Витебской области в 2007 г. имелись определенные упущения. Так, в регионе, несмотря на выполнение в целом по малым и средним населенным пунктам, показателей по производству продукции промышленности и потребительских товаров не выполнили, соответственно, 7 и 19 поселений. Не обеспечили выполнение задания Программы по созданию новых рабочих мест в Бигосове (только 30% годового задания), Видзах (23,5%), Новолукомле (52,1%). По уровню безработицы по-прежнему проблемными остаются города Барань (2,9% к экономически активному населению), Поставы (2,8%), Дубровно (1,9%), а также городские поселки Боровуха (3,1%), Болбасово (2,3%), Ореховск (2,2%).

Тем не менее, несмотря на обозначенные недостатки, положительные тенденции в социальной и экономической сферах городков Витебской области в 2007 г. преобладали. Следовательно, дальнейшая реализация Государственной комплексной программы как стратегии их развития, основанной, с одной стороны, на активизации использования внутренних ресурсов, а с другой – на системе реабилитационных мероприятий при государственной финансовой поддержке, позволит создать стартовую платформу для последующих более активных действий по устойчивому развитию малых и средних городских поселений региона. Возрождение и развитие данных городских поселений, их культурной и функционально-хозяйственной роли – актуальнейшее направление современного социально-экономического развития всей Витебской области, более полного и рационального использования ее ресурсного потенциала.

Л и т е р а т у р а

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Республики Беларусь; редкол: Я.М. Александрович [и др.]. – Мн.: Юнипак, 2004. – 200 с.
2. Указ Президента Республики Беларусь от 12 января 2007 г. № 19 «О некоторых вопросах государственной градостроительной политики» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2007. – № 15, 1/8258.
3. Трацевская, Л.Ф. Региональные особенности и тенденции развития социально-экономического потенциала Витебской области / Л.Ф. Трацевская // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2003. – Том 2. – С. 74–83.
4. Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 годы. – Мн.: ОАО «Красная звезда», 2007. – 199 с.
5. Остапович, И. Из белорусских городков – европейские? / И. Остапович // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2008. – № 14. – С. 16.

Поступило 27.07.2008

УДК 37.035

Проблемы формирования правовой культуры учащейся молодежи: теория и практика

А.А. Бочков, А.А. Сухарев, В.В. Янч

Построение демократического социального правового государства ставит проблему формирования правовой культуры не только в теоретическую, но и практическую плоскость. Дегуманизация общества, правовой нигилизм проявились прежде всего в молодежной среде. Чтобы бороться с пороком, нужно изучить его. Изучение состояния правовой культуры учащейся молодежи представляет собой своеобразный срез правовой действительности общества. Безусловно, что при анализе эмпирических данных необходимо учитывать отсутствие у нее социального опыта, юный возраст, максимализм в суждениях. Вместе с тем, полученные данные являются индикатором уровня правовой действительности и должны нацеливать государственные органы на системную и качественную работу по созданию государственной программы формирования правовой культуры различных категорий населения.

Трансформационные процессы, начавшиеся в середине 90-х годов, привели к значительным изменениям, затронувшим не только отношения власти, собственности, распределения, но и духовную сферу жизни общества. Эти изменения произошли и в системе ценностей, на которых строилось воспитание молодежи в советском обществе. В результате начавшегося социального расслоения, дифференциации доходов, дисбаланса в сфере распределения в сознании многих молодых людей произошла деформация ценностных ориентаций, следствием которой явился рост молодежной преступности. Стремительно растущие потребности и интересы молодежи столкнулись с невозможностью их удовлетворения в создавшихся социально-экономических условиях легитимными способами. Отсутствие должного социального контроля, кризис правосознания и правовой культуры способствовали тому, что зачастую молодые люди стали выбирать противоправные способы удовлетворения своих завышенных потребностей, решения социально-бытовых проблем.

Глобализация и институализация риска, превращение случайности в определяющее условие самоорганизации общества сменили поведенческие модели. Обозначенные изменения в общественной жизни поставили ученых перед необходимостью конструирования новой социологической парадигмы молодежи – рискологической (В.И. Чупров, Ю.А. Зубок). Данная парадигма рассматривает риск социализации и формирования правовой культуры в двух аспектах:

- понимание риска как явления, обуславливающего условия жизнедеятельности личности;
- рассмотрение деятельности самой личности в ситуации неопределенности.

В этих условиях белорусское государство в качестве одного из приоритетных направлений своей деятельности сделало укрепление законности, бескомпромиссную борьбу с преступностью. Существенное внимание стало уделяться противодействию преступности среди учащейся молодежи, формированию правовой культуры несовершеннолетних. Однако, несмотря на прилагаемые в последние годы усилия со стороны государства и его органов, динамика подростковой преступности пока не обнадеживает. Поэтому проблемы формирования правовой культуры молодежи по-прежнему остаются в центре внимания государства, педагогов и ученых.

Генеральный прокурор Республики Беларусь Г.А. Василевич в своей статье «Роль прокуратуры в становлении правового государства» [1, с. 3–10] отметил, что в первом полугодии 2008 года число зарегистрированных преступлений снизилось на 9,7%. Вместе с тем он подчеркнул, что «серьезное беспокойство вызывает ситуация с особо тяжкими и тяжкими преступлениями», а также на то, что «в республике сложилась тревожная ситуация, связанная с алкоголизацией населения практически всех возрастных категорий», и с тем, что «отсутствует системная и целенаправленная работа ... по профилактике подростковой преступности».

Г.А. Василевич в своем интервью газете «Беларусь сегодня» 19.06.2008 г. отметил, что главным направлением профилактической работы по предупреждению преступности должна быть работа с детьми и молодежью. Особое место в этой работе принадлежит правовой культуре.

Академический юридический словарь под редакцией А.Н. Азрилияна содержит следующее определение правовой культуры: «Правовая культура – качество правовой жизни общества и степень гарантированности государством и обществом прав и свобод человека, а также знание, понимание и соблюдение права каждым членом общества. Правовую культуру определяют: степень развитости правосознания населения; уровень развития правовой деятельности; степень совершенства всей системы правовых актов» [2, с. 316].

С.Г. Дробязко, В.С. Козлов в структуру правовой культуры включают:

- правовые принципы;
- правовое законодательство;
- юридические формы (источники) права;
- прогрессивное правосознание;
- правовые процедуры;
- законодательную технику;
- систематизацию законодательства;
- правовую законность;
- правовое воспитание;
- правовой порядок [3, с. 468].

При изучении правовой культуры обычно различают ее содержание и уровень. Содержание правовой культуры обуславливается направленностью правовой идеологии и правовой политики, а также действующей правовой системой. Уровень правовой культуры определяется степенью ее интенсивности и насыщенности.

Выделяют три уровня, степени индивидуальной правовой культуры:

1-й – первичная ступень законопослушного поведения, которая предполагает минимум правовой культуры, ниже которой уже идет делинквентная область правонарушений.

2-й – это типовые модели правового поведения, которые позволяют субъектам взаимодействовать в правовом поле, когда они не пытаются нарушать юридически заключенные договоренности и моральные обязательства.

3-й – это высшая степень безупречного социально-правового поведения, обусловленная не только внешними механизмами правового регулирования, но и внутренними нравственно-этическими мотивами [4, с. 622].

Важнейшим показателем правовой культуры общества выступает уровень правосознания граждан. Известный правовед И.А. Ильин указывал, что правосознание представляет собой феномен еще более значительный, чем право. Оно понимается как «естественное чувство права и правоты», как «особая духовная настроенность инстинкта» [5, с. 140, 142–145]. Таким образом, правовое сознание представляет собой относительно самостоятельное явление, составляющее духовную основу правовой системы, ядро правовой культуры. В силу этого изучение правовой культуры, в том числе и правовой культуры учащейся молодежи, невозможно без исследования правосознания как отдельных индивидов, так и социальных групп.

Можно ли изучить правосознание как целостный феномен во всех его проявлениях? Несмотря на кажущуюся простоту вопроса, все не так однозначно. Сложность проблемы изучения правового сознания определяется прежде всего его идеальной природой, такой же, как и природа самого сознания человека, до сих пор так и остающаяся загадкой даже для современной науки. В состав правосознания входят такие составляющие, как правовые чувства, представления, идеи, знания, оценки, ценностные ориентации, убеждения, потребности, интересы, поведенческие установки. Такая сложная структура правосознания и порождает определенные проблемы в его изучении. В западной литературе используются даже различные термины-синонимы правосознания: *sense of justice* – чувство справедливости и *consience of law* – сознание права. В первом случае акцент делается на эмоционально-психологической стороне правосознания, во втором – на его рациональной составляющей, прежде всего осознанном отношении к праву, основанном на его знании.

Трудности в изучении правосознания обусловлены тем, что оно органично слито с сознанием человека, тесно переплетено с политическим, нравственным, религиозным сознанием. Правосознание качественно неоднородно у юристов-практиков, юристов-ученых, у правонарушителей и законопослушных граждан. В связи с этим ни в национальном, ни в международном масштабе до сих пор никому не удалось создать единую методику изучения правосознания.

Исходя из вышесказанного, целесообразным представляется использование дифференцированного подхода к изучению правосознания как с учетом специфики его носителей, так и собственной структуры. Очевидно, что из всех компонентов правового сознания наиболее доступными для изучения являются правовые знания. Их исследование может быть осуществлено через создание вопросников, которые включают в свой

состав правовые ситуации, задачи, вопросы на знание правовых норм. Они позволят выявить уровень информированности граждан об особенностях правового регулирования отдельных сфер правовых отношений.

Помимо выявления уровня знания права, можно подвергнуть измерению групповое сознание и ценностные ориентации социальных групп и коллективов, выявить отношение населения к государству, существующей правовой системе, ее институтам, юристам, работникам правоохранительных органов и др.

Можно даже попытаться определить поведенческие установки населения, используя вопросы типа «Как бы Вы поступили в ситуации, когда...?». Однако, следует при этом иметь в виду, что поведенческая установка и реальное поведение граждан не всегда совпадают в конкретной правовой ситуации из-за эмоционально-психологической вовлеченности в нее индивида и неспособности в силу этого полностью контролировать свое поведение.

Указанные выше подходы к изучению правосознания как сердцевины правовой культуры были использованы при исследовании правовой культуры учащейся молодежи.

При подготовке исследования была высказана гипотеза: правовая культура несовершеннолетних характеризуется наличием деформаций, обусловленных не столько дефицитом правовых знаний, сколько поведенческими установками, а также дефектами, допущенными в ходе социализации личности.

Исследование проводилось в 2008 г. среди учащихся выпускных классов средних школ г. Витебска и Витебской области в количестве 349 человек* методом анкетирования. Анкета структурно включала в себя блоки вопросов, направленных на выявление уровня правовой информированности (знаний права), оценочно-мотивационного и поведенческого уровней правовой культуры молодежи. В ряде случаев респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов ответа.

Изучение уровня правовой образованности показало, что в целом выпускники владеют основами правовых знаний. Так, 91% опрошенных уверены, что высшей юридической силой обладает Конституция, 5,7% отдали предпочтение закону перед другими нормативными правовыми актами, 3,3% декрету Президента. 96,8% учащихся 11-х классов считают, что по форме государственного правления Беларусь является республикой, политический режим которой – демократический (96,3%). Более 2/3 уверены, что признаком республики выступает производность государственной власти от суверенитета народа (88,5%), а формой непосредственной демократии выступает референдум (82,8%). Большинство опрошенных убеждены в том, что Республика Беларусь является демократическим социальным правовым государством, основанным на верховенстве права (55,3%), обеспечивающим права и свободы человека (93,7%), независимость судей (86,8%).

Основная масса респондентов знает, что Президент Республики Беларусь является главой государства (97,4%), а белорусский парламент называется Национальным собранием (82,2%). Учащиеся уверены, что быть избранным в Палату представителей

* Возраст: 17 лет – 52,7%, 18 лет – 32,6%, 16 лет – 14,7%; пол: мужской – 43,3%, женский – 56,7%, место постоянного проживания: город – 82,5%, село – 17,5%.

Национального Собрания Республики Беларусь гражданин имеет право по достижении 21 года (73,6%).

Большинство респондентов ассоциируют наше государство с такими характерными чертами, как демократическое (60,3%), миролюбивое (75,1%), культурное (70,2%), открытое (68,2%), сильное (50,1%).

Рассматривая важнейшие принципы правового государства, которые осуществляются в Республике Беларусь, 41,3% относят к ним неприкосновенность частной собственности, 37,8% – независимость судов, 46,7% – верховенство закона, 42,4% – соблюдение основных прав и свобод граждан. Вместе с тем лишь 25,5% опрошенных воспринимают в качестве такого принципа соблюдение законов всеми органами государства.

Значительная часть опрошенных полагает, что за годы реформирования белорусского общества обеспечение прав человека изменилось в положительную сторону (25,5%), в чем-то положительную, в чем-то отрицательную (59,9%).

Респондентам был задан вопрос о том, у кого, по их мнению, находится реальная власть. Большинство опрошенных считают, что реальная власть сосредоточена у Президента страны, правительства, парламента. Такая оценка места органов власти в управлении обществом вытекает из требовательной позиции Президента к работе всех государственных органов. В своей речи на заключительном заседании палат парламента третьего созыва 23.10.2008 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко отметил, что защита конституционного строя, обеспечение мира, согласия в обществе, реализация принципов социальной справедливости стали важнейшими направлениями деятельности всех ветвей власти.

Лишь 5,2% полагают, что реальная власть сегодня находится в руках преступных группировок. Это свидетельствует о том, что в Республике Беларусь удалось в значительной степени обуздать преступность и претворить в жизнь принципы законности и правопорядка. Не случайно, что 19,5% опрошенных оценивают деятельность государства по укреплению законности и правопорядка в стране «безусловно, положительно», а 60,7% – «скорее положительно, чем отрицательно», т.е. более 2/3 опрошенных признают работу государственных органов в этом плане эффективной.

От качества принимаемых законов, их соответствия прогрессивным объективным тенденциям, интересам и потребностям большинства народа зависят темпы построения правового государства, участие молодежи в их реализации. 74,2% уверены, что содержание принимаемых законов определяется Президентом, 40,1% – парламентом, 15,4% – администрацией Президента, 7,2% – лидерами политических партий и движений.

Это говорит, с одной стороны, об эффективной работе Президента и его администрации по осуществлению нормотворческой деятельности, а с другой – о неразвитости институтов гражданского общества.

Положительное отношение к государству проявляется в высокой степени доверия молодежи к его органам. Следует признать, что самой высокой степенью доверия обладает Президент, затем идет церковь, дальше расположились парламент, суды, правительство и другие государственные органы. Только 4% старшеклассников доверяют профсоюзам и 3,1% – политическим партиям и движениям.

На вопрос «Как Вы считаете, чьи экономические и социальные интересы защищает сегодня государственная власть в Республике Беларусь?» – 38,7% ответили, что пенсионеров, 36,4% – молодежи, 34,4% – военнослужащих, 23,8% – рабочих государственных и частных предприятий, 19,8% – крупного финансового, торгового и промышленного бизнеса, 16% – бюрократии, 10% – малого и среднего предпринимательства. Все это в целом свидетельствует о социальном характере власти и выражении ей интересов различных категорий населения.

Вопрос реализации права, осуществления законодательства на практике является очень актуальным. Это связано с качеством нормотворческой деятельности, уровнем исполнительской дисциплины, соответствием законов интересам и потребностям народа. По мнению 46,1% опрошенных старшеклассников, законы не исполняются прежде всего потому, что граждане их не знают, 21,8% – из-за коррупции в органах власти, 18,6% – из-за ослабления исполнительской дисциплины, 14,6% – из-за неуважения законов гражданами.

Правовой характер нашего государства проявляется в реализации на практике прав и свобод граждан. Это положение нашло подтверждение в ходе исследования.

По мнению респондентов, в наибольшей степени в нашем государстве обеспечены права личности (64,8%): на личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, свободу передвижения. 60,5% старшеклассников, считают, что действующий правопорядок в полной мере обеспечивает социальные права на отдых, образование, медицинскую помощь.

49,3% респондентов уверены, что в Республике Беларусь обеспечены экономические права на частную собственность, свободный выбор профессии, защиту от безработицы. 31,2% полагают, что обеспечиваются гражданские права на судебную защиту, личную безопасность, а 20,3% – политические права на свободу слова, создание общественных организаций, проведение митингов и др. При этом более трети опрошенных уверены, что мешает обеспечивать в полной мере защиту прав большинства населения – коррупция в государственном аппарате (37,8%), пассивность граждан (32,7%), просчеты в деятельности правоохранительных органов (31,8%), недостатки действующего законодательства (26,4%), слишком мягкие меры ответственности правонарушителей (23,8%), бюрократизм (20,6%).

Реализация прав человека в значительной степени зависит от успешной борьбы с преступностью. При этом 50,7% опрошенных считают, что законодательство в борьбе с преступлениями используется в основном эффективно. Только 10,6% респондентов, по их мнению, уже сталкивались с нарушениями своих прав при поступлении на работу (учебу), 11,5% – при обращении в милицию, 4,3% – при получении паспорта или регистрации вида на жительство.

Важную роль в построении правового государства играет стабильный правопорядок. 67% опрошенных отметили его улучшение в той или иной степени в стране, а 52,4% респондентов заметили его укрепление на региональном уровне. 55,9% полагают, что укреплять правовой порядок нужно постепенно, без мер чрезвычайного положения, настроены действовать решительно, даже если потребуется ограничить демократию, – 23,8% опрошенных.

Не подтвердились в ходе исследования представления о том, что на обыденном уровне доминируют убеждения, будто победить преступность можно быстрыми, решительными и жесткими мерами. Так, лишь 28,6% старшеклассников считают, что снизить преступность помогло бы ужесточение уголовного законодательства, а 23,8% высказались за увеличение сроков лишения свободы за совершенные преступления. В то время как 46,7% выступают за профилактические меры, 5,4% – за декриминализацию уголовного законодательства, а 18,9% высказались за замену лишения свободы альтернативными видами наказания.

Интересно, что 22,9% опрошенных положительно относятся к смертной казни как исключительной мере уголовного наказания, 38% – в чем-то положительно, в чем-то отрицательно, 30,4% – отрицательно. Как видно из приведенных цифр, дискуссия об отмене смертной казни по-прежнему остается актуальной среди населения.

При выявлении мотивационно-потребностного уровня опрошенных оказалось, что большинство старшеклассников (58,4%) уверены в необходимости правовой культуры для выполнения функций, связанных с различными видами жизнедеятельности. Потребность в правовой культуре для будущей профессиональной деятельности видят 31,2% респондентов, при этом только 6% отрицают ее роль. Таким образом, имевшее место до исследования предположение о нигилистском отношении молодежи к правовой культуре не подтвердилось. Молодежь достаточно критично оценивает уровень своей правовой культуры. Так, 63% опрошенных определили уровень своей правовой культуры как средний, 11,5% – как высокий, 4% – как очень низкий (14,9% – затруднились ответить). 38,1% признали у себя недостаточность правовых знаний, 30,4% – нехватку практических правовых умений, 30,7% – сложность правовых норм для понимания. Низкий уровень правовой культуры ближайшего окружения отметили 23,2% опрошенных.

На вопрос «Желаете ли Вы повысить уровень своей правовой культуры?» ответили «да» 55,3% респондентов, «нет» – 6,3%, скорее «да», чем «нет» – 31,5%, т.е. большинство опрошенных готовы повышать свой уровень правовой культуры. При этом наиболее эффективными путями повышения правовой культуры считаются: встречи и беседы с профессиональными юристами – 45%, проведение юридических консультаций – 41,3%, введение специализированных правовых курсов – 39,2%, посещение мест лишения свободы – 26,1%, привлечение к охране общественного порядка – 22,9%, и только 9,2% опрошенных не видят в этом необходимости.

Важной частью исследования явилось изучение поведенческого уровня правовой культуры старшеклассников. В анкету были включены вопросы, целью которых было выяснение того, как, по мнению опрошиваемых, они поступили бы в той или иной юридически значимой ситуации. Например, был задан вопрос о том, могли бы респонденты нарушить закон ради получения материальной выгоды. Ответы на него распределились следующим образом: 26,4% опрошенных ни при каких условиях не нарушали бы закон ради получения материальной выгоды; скорее нет, чем да – 48,4%; да – 2%; пожалуй да, при определенных условиях – 12,6%.

Будучи свидетелем преступления, 52,1% респондентов обратятся в правоохранительные органы, 27,2% активно вмешаются с целью противодействия преступнику,

11,7% сделают вид, что их это не касается, 6,3% постараются незаметно скрыться. Таким образом, уровень активной жизненной позиции нашей молодежи в противодействии правонарушениям, в том числе возможно с риском для жизни и здоровья, достаточно высокий.

В острой конфликтной ситуации 59,6% респондентов сделают все для примирения сторон и сглаживания конфликта, 14,9% не будут вмешиваться, 8,9% постараются разрешить ее в свою пользу с помощью всех возможных средств, вплоть до применения силы.

Государственные структуры являются теми органами, куда прежде всего обращаются за защитой своих прав несовершеннолетние. Так, на вопрос «Куда бы Вы обратились за защитой Ваших личных прав?» 61% опрошенных ответили – в милицию, 36,4% – в суд, 10,6% – в средства массовой информации (газеты, телевидение), 8% – в администрацию Президента, 7,7% – в прокуратуру, 6,9% – к руководству учебного заведения. Это свидетельствует о достаточно высоком авторитете правоохранительных и судебных органов среди молодежи.

Правовая информированность является неотъемлемой составной частью правовой культуры. В связи с этим, респондентам был задан вопрос о том, откуда они получают правовую информацию. Ответы на него распределились следующим образом: 71,9% – из СМИ, 33,8% – от друзей и родственников, 16,6% – путем обращения к юристу, 15,2% – из официальных источников, 14,3% – из научно-популярной литературы. Таким образом, в основном молодые люди получают юридическую информацию из неофициальных источников. Это может способствовать получению недостоверных, искаженных чьим-либо пристрастием или личным опытом правовых знаний. Очевидно, что государственным органам следует усилить работу по пропаганде правовых знаний, налаживанию каналов трансляции правовой информации в молодежной среде.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что современная молодежь не является «потерянным» поколением. Учащиеся старших классов владеют в достаточной степени знаниями о правах и свободах человека, осведомлены об основах конституционного строя Республики Беларусь, положительно оценивают деятельность государства и его органов по борьбе с преступностью. Более того, у многих сформирована поведенческая установка, направленная на противодействие правонарушениям. Более половины респондентов готовы сообщить в правоохранительные органы о совершаемом преступлении, а 27,2% сами готовы лично противостоять преступнику.

Несмотря на то, что среди опрошенных есть сторонники ужесточения уголовного наказания за преступления, все же значительное количество респондентов (46,7%) видят необходимость в улучшении профилактической и воспитательной работы в молодежной среде.

В борьбе с подростковой преступностью следует больше внимания уделять правовому просвещению, профилактике преступлений, формированию правовой убежденности и навыков правомерного поведения. На сегодняшний день существенной проблемой является повышение социально-правовой компетентности и правовой культуры самих педагогов школ и других учебных заведений.

Существенным фактором повышения правовой культуры является государственная, религиозная, общественная деятельность по распространению воззрений о праве и правопорядке с привлечением ресурсов искусства, литературы, СМИ, церкви, учебных заведений. Важным также является повышенное внимание и уважение со стороны государства к правам и свободам граждан, создание гарантий к их реализации на практике.

Заслуживают внимания предложения юристов-практиков, ученых о создании системы ювенальной юстиции, которая бы включала в себя ювенальный суд, ювенальную прокуратуру, адвокатуру, социальную, психологическую службу, а также модернизированные специальные воспитательные и пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних.

Законодателю следует также прислушаться к предложениям о принятии закона «Об информационно-психологической безопасности детей и подростков», который бы создал правовую базу для защиты подрастающего поколения от распространения информации, разрушающей нравственно-психологическую сферу личности.

Нужны материальная, правовая база и специальные государственные органы, призванные заниматься исключительно проблемами преступности среди несовершеннолетних. Необходима разработка концепции предупреждения правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних на государственном уровне, включающая экономическую, социальную, уголовную, судебную, исправительно-трудовую, профилактическую политику в соответствии с учетом международных стандартов.

Л и т е р а т у р а

1. Законность и правопорядок. – 2008. – № 3 (7).
2. Юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – М., 2007.
3. Дробязко, С.Г. Общая теория права: учебное пособие / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – Минск, 2007.
4. Бачинин, В.А. Энциклопедия философии и социологии права / В.А. Бачинин. – СПб., 2006.
5. Ильин, И.А. Собр. соч.: в 10 т. / И.А. Ильин. – М., 1993. – Т. 2.

Поступило 10.08.2008

УДК 378.661.17

Организационные подходы к оздоровлению образовательного пространства в условиях медицинского вуза

З.С. Кунцевич, В.И. Турковский

Обобщен опыт длительной работы УО «ВГМУ» по формированию здоровьесберегающей образовательной среды. Раскрыта структура многоплановой деятельности университета, способствующая развитию культуры жизнедеятельности будущего специалиста и ее базового компонента – здоровья человека. Представлены условия эффективного налаживания процесса обучения, ориентированного на сохранение и укрепление здоровья студентов.

Раскрыты организационные подходы к оздоровлению образовательного пространства и показаны условия их эффективной реализации.

Проблема воспитания культуры здоровья студентов медицинского вуза и их подготовки к формированию здорового образа жизни пациентов занимает важное место в системе непрерывного медицинского образования.

Актуальность этой проблемы в современных условиях очевидна для нашей республики и стран ближнего и дальнего зарубежья в связи с тем, что в здравоохранении складывается новый подход, который позволяет направить деятельность врачей различных специальностей на решение проблем первичной и вторичной профилактики, на формирование здорового образа жизни каждого индивида. При этом гигиеническое воспитание населения в рамках профилактики болезней и борьбы с вредными привычками должно уступить место холистическому подходу к личности на основе формирования здоровья, воспитания у человека ценностного отношения к нему, оздоровления окружающей среды.

Учитывая социальную значимость здоровья, назрела необходимость подготовки специалистов-медиков, сочетающих в себе глубокие медицинские и валеологические знания и умения, способных к формированию у детей и взрослых здоровьесохранного поведения.

Формирование профессиональных знаний и умений о сохранении и укреплении здоровья человека, личностных качеств у студентов медицинского вуза представляет собой комплексную проблему, которая не может быть решена только введением в учебные планы вуза дисциплины «Валеология». Это связано с тем, что формирование культуры здоровья индивида основывается на знаниях об окружающей среде (природной и социокультурной), на знаниях о строении и функционировании организма, на знаниях причин возникновения заболеваний, которые опираются на предметные области, представленные в учебном процессе медицинского вуза общетеоретическими, медико-биологическими, клиническими и социально-гуманитарными дисциплинами.

Одним из важнейших условий сохранения и укрепления здоровья студентов является также оздоровление всего образовательного пространства в высшем учебном заведении. Это предполагает реализацию здоровьесохранного подхода к организации обучения, условий жизни и отдыха студентов, сотрудничество педагогов, общественных организаций, обслуживающего персонала вуза с целью создания целостного адаптационно-реабилитационного пространства (рис. 1).

Решение данной задачи потребовало разработки программы оздоровления образовательного пространства и на ее основе создания оздоровительного социума в рамках учебного заведения. Мы считали, что при разработке программы стоит учесть следующие факторы:

- психологические и физиологические возрастные особенности студентов;
- социально-психологические этапы обучения (адаптация к обучению в вузе, вхождение в профессиональную деятельность и др.);
- регионально-климатические и экологические условия проживания и связанные с ними нарушения состояния здоровья;
- условия обучения и проживания студентов и их влияние на состояние здоровья и развитие студентов.

Учет этих факторов позволил определить основные направления реализации программы валеологизации образовательной среды, такие как:

- формирование здорового образа жизни (профилактика болезней и вредных привычек, организация питания студентов, физическое совершенствование);
- выработка нравственных, этических, эстетических, гигиенических норм поведения;
- соблюдение экологических и гигиенических условий обучения и проживания;
- формирование валеологических знаний и умений студентов в учебно-воспитательном процессе;
- диагностика, профилактика и лечение патологических морфофункциональных отклонений и заболеваний студентов.

Реализация этих направлений потребовала осуществления психолого-педагогического и валеологического мониторинга за состоянием здоровья студентов и преподавателей. Он включал разработку мероприятий, направленных на усвоение валеологических знаний и умений, способствующих воспитанию у студентов валеологической и экологической ответственности, позволяющих осуществлять постоянный контроль за состоянием физического и психического здоровья студентов и реализовывать программы физического воспитания, социальной и медицинской реабилитации.

При организации психолого-педагогического и валеологического мониторинга нами были выделены блоки подходов и определены задачи каждого из них в плане решения проблем валеологизации образовательной среды (рис. 2).

Блок учебно-методического обеспечения имеет междисциплинарный характер. Его основные задачи: подготовка системы интеграционных программ, методических разработок для преподавателей и студентов, учебных пособий, обеспечивающих поэтапное формирование знаний и умений студентов по сохранению и укреплению здоровья.

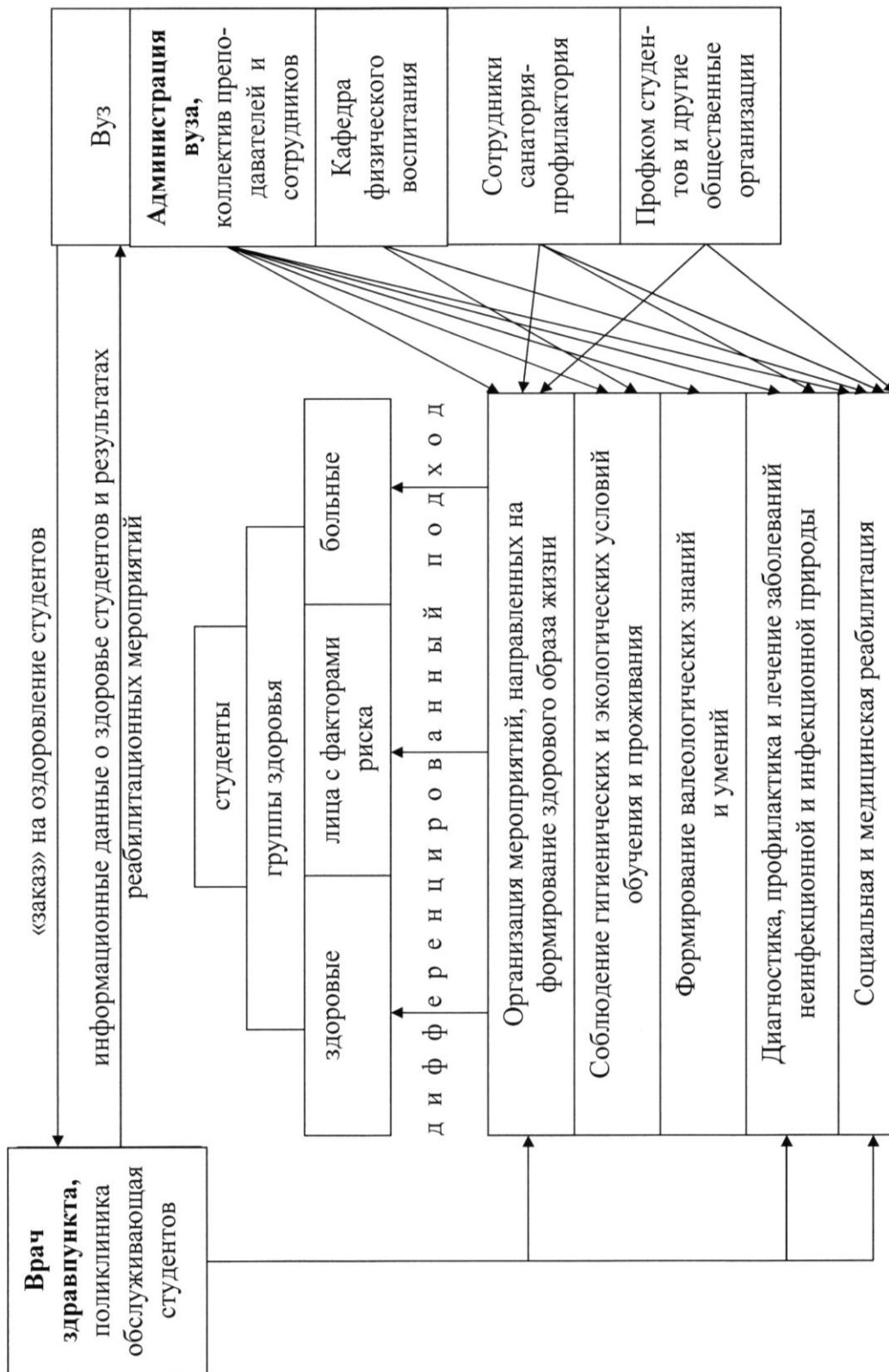

Рис. 1. Мероприятия, направленные на оздоровление образовательной среды на уровне вуза.

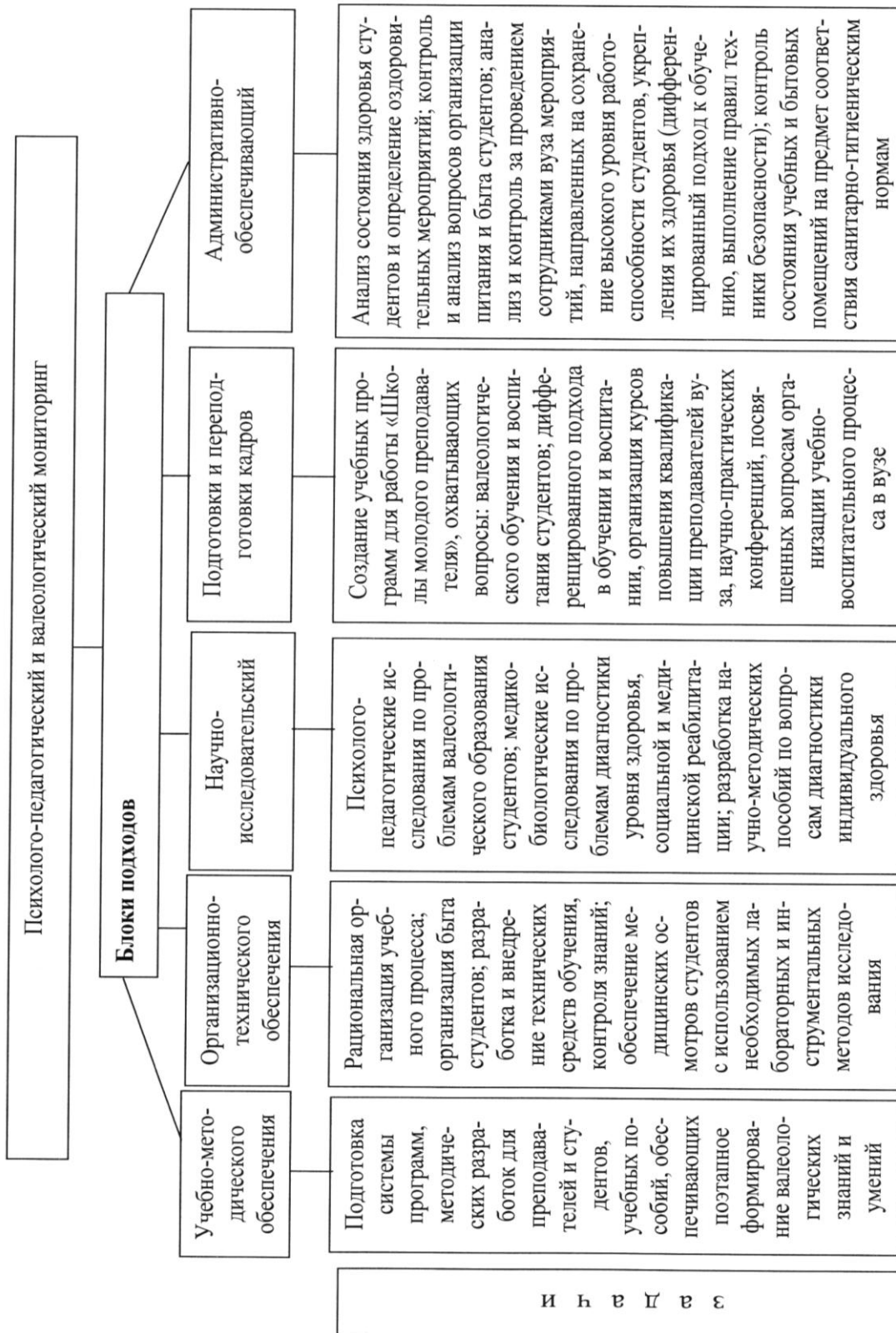

Рис. 2. Основные направления психолого-педагогического и валеологического мониторинга.

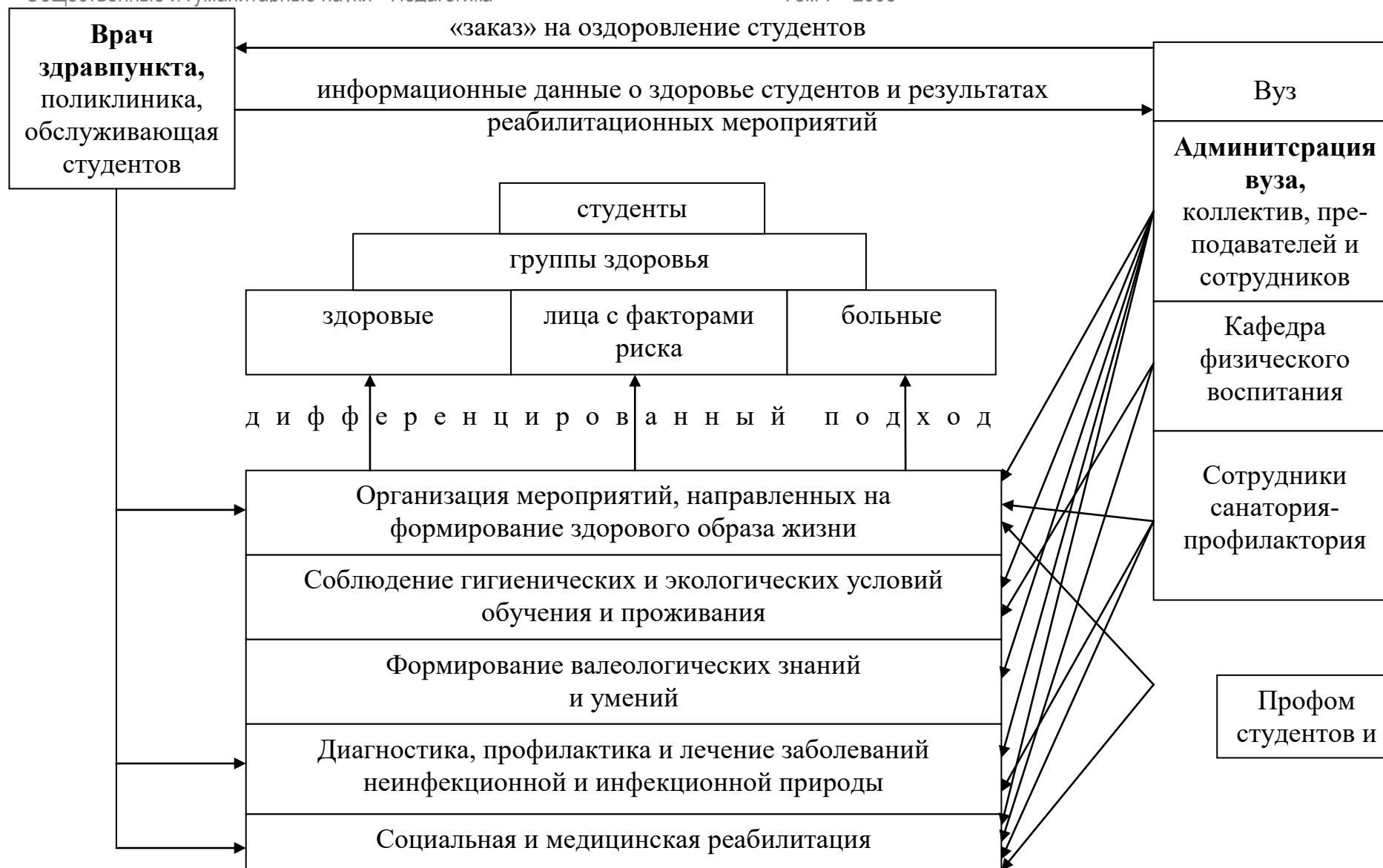

Рис. 1. Мероприятия, направленные на оздоровление образовательной среды на уровне вуза.

Рис. 2. Основные направления психолого-педагогического и валеологического мониторинга.

Блок организационно-технического обеспечения характеризует направления деятельности: по рациональной организации учебного процесса; организации быта, питания, досуга студентов; разработке и внедрению технических средств обучения, контроля знаний; обеспечение медицинских осмотров студентов с использованием необходимых лабораторных и инструментальных методов исследования.

Научно-исследовательский блок решает задачи организации психолого-педагогических исследований по проблемам обучения и воспитания студентов, медико-биологических исследований по проблемам диагностики уровней здоровья студентов, социальной и медицинской реабилитации, а также предполагает разработку научно-методических пособий по вопросам диагностики индивидуального здоровья.

Блок подготовки и переподготовки кадров решает задачи: создания учебных программ и проведения занятий в «Школе молодого преподавателя», которые направлены на преодоление трудностей преподавателей в организации дифференцированного подхода в обучении и воспитании студентов, формировании у них здоровьесохранных знаний и умений; организации курсов повышения квалификации преподавателей вуза, проведения научно-практических конференций, посвященных вопросам организации учебно-воспитательного процесса в вузе.

Административно-обеспечивающий блок определяет направления деятельности администрации вуза, контролирующих органов: по определению оздоровительных мероприятий; по контролю и анализу вопросов организации питания и быта студентов; по анализу и контролю за проведением сотрудниками вуза мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья студентов (дифференцированный подход к обучению, выполнение правил техники безопасности и др.); по контролю за поддержанием учебных и подсобных помещений в надлежащем состоянии, соответствующем санитарно-гигиеническим нормам.

В рамках нашего исследования выделенные подходы дали возможность определить и реализовать комплекс мероприятий, форм и методов работы, направленных на сохранение и укрепление здоровья студентов и сотрудников вуза.

1. *Учебно-методическая работа* предусматривала создание интегративных программ и методических разработок, дающих преподавателям возможность использования знаний из различных дисциплин в практической деятельности по обучению студентов на основе междисциплинарного подхода, а также помогающих студентам систематизировать свои знания при самостоятельной внеаудиторной подготовке к занятиям и в учебно-практической деятельности.

Для оказания организационно-методической помощи преподавателям и студентам по вопросам формирования здорового образа жизни в ВГМУ с 1998 года при кафедре социальной гигиены, организации, управления и экономики здравоохранения действует учебно-методический кабинет по формированию здорового образа жизни (ЗОЖ), задачами которого являются:

- содействие повышению качества преподавания вопросов формирования ЗОЖ;
- оказание всемерной помощи в активном творческом изучении студентами проблем формирования ЗОЖ, в расширении и углублении их теоретических и профессиональных знаний;
- обучение студентов навыкам самостоятельной работы, творческому применению знаний и умений в практической деятельности;
- оказание помощи сотрудникам различных кафедр по изучению проблем формирования ЗОЖ среди населения;

- осуществление методической помощи организациям, школам, предприятиям, обеспечивающим формирование ЗОЖ.

Учитывая то, что вопросами формирования здорового образа жизни студентов занимаются практически все преподаватели вуза, которые являются кураторами учебных групп, была разработана памятка «Здоровье студента», содержание которой представлено ниже:

Памятка «Здоровье студента»

(для кураторов учебных групп)

Преподаватель ответственен за здоровье студента.

Преподаватель должен стремиться:

- устранять учебные перегрузки; результат обучения должен зависеть от применения эффективных методов и приемов работы на занятиях и при организации внеаудиторной работы, от мастерства преподавателя, а не достигаться за счет учебных перегрузок, т.е. здоровья студентов;
- заботиться о благоприятном климате в учебной группе, стремиться к тому, чтобы в вузе царил культ здоровья;
- изучать психофизиологические особенности каждого студента, применять дифференцированный подход в обучении и воспитании студентов;
- учить студентов здоровью, т.е. формировать валеологические знания и умения при проведении занятий по предмету и организации воспитательных мероприятий;
- формировать у студентов экологические знания и умения, организовывать их деятельность по оздоровлению природной среды;
- создавать в учебных лабораториях адекватные условия для реализации студентами гигиенических правил и норм поведения;
- в индивидуальной работе с родителями обсуждать и решать вопросы сохранения и укрепления здоровья студентов;
- быть примером для студентов в соблюдении норм здорового образа жизни.

В целях формирования профессиональных валеолого-методических умений студентов и углубления их валеологических знаний в вузе ежегодно проводятся смотры-конкурсы текстов лекций и санитарных бюллетеней на тему: «Образ жизни и здоровье населения», «Нет – вредным привычкам». В жюри конкурса входят преподаватели вуза, представители областного центра здоровья, представители общественных студенческих организаций.

При методическом обеспечении учебного процесса особое внимание уделялось индивидуализации и дифференциации обучения, созданию различных «стартовых» условий для развития и обучения каждого студента с учетом его индивидуальных возможностей.

Учитывая, что чрезмерная умственная нагрузка попадает под категорию «длительно травмирующих ситуаций» и, по мнению психиатров, чаще всего приводит к развитию неврозов, нами особое внимание обращалось на организацию внеаудиторной самостоятельной работы студентов. На основе анализа изучения бюджета времени студентов на самоподготовку к занятиям, нами были выявлены наиболее трудоемкие темы занятий и формы подготовки студентов.

Для уменьшения затрат времени на самоподготовку и оптимизации режима труда и отдыха студентов наиболее сложные для усвоения и большие по объему темы были разукрупнены. На целом ряде кафедр были подготовлены и изданы методические разработки и указания по самоподготовке студентов к лабораторно-практическим занятиям и другие методические пособия.

2. *Соблюдение санитарно-гигиенических требований к учебно-воспитательному процессу* предусматривало:

- составление учебной частью института оптимального расписания занятий и оптимального графика внеаудиторных мероприятий (проведение отработок занятий, работа в компьютерном классе и др.) с целью профилактики переутомления студентов;
- составление оптимального графика проведения контрольных мероприятий;
- наличие учебных комнат, оснащенных необходимым оборудованием и отвечающих гигиеническим требованиям; соблюдение норм искусственной и естественной освещенности;
- соблюдение преподавателями и студентами при работе в учебных научно-исследовательских лабораториях правил техники безопасности.

3. *Диагностическая работа* была направлена на своевременное выявление заболеваний студентов и включала организацию и проведение ежегодных медицинских осмотров студентов с использованием необходимых лабораторных и инструментальных методов исследования. На основании проведенных в течение последних десяти лет медицинских осмотров студентов ВГМУ можно констатировать, что в процессе обучения в вузе здоровье студентов ухудшается. Если на первом курсе патологическая пораженность студентов составляет 73%, то на шестом курсе этот показатель достигает 88%. Изучение заболеваемости по отдельным нозологическим формам показало, что в последние годы увеличивается число студентов с миопией средней и высокой степени. Среди заболеваний наиболее часто встречаются заболевания органов дыхания, пищеварения, эндокринной системы.

Профилактические осмотры, проводимые в вузе, позволяли распределить студентов на группы в зависимости от уровня их здоровья и определить основные направления первичной и вторичной профилактики заболеваний и реабилитационные мероприятия.

В рамках диагностической работы представляло интерес выявление факторов, обуславливающих среди студентов поведение, сопряженное с риском для здоровья. Беседы со студентами позволили выделить факторы индивидуального характера, такие как:

- увеличение импульсивности в данный возрастной период;
- искаженные представления о степени опасности (характерные для данного этапа познавательной деятельности);
- стремление к поведению, противоречащему требованиям общества и семьи (что обусловлено потребностью в самоутверждении);
- любопытство и страсть к экспериментированию.

Среди факторов внешнего окружения, обуславливающих поведение, сопряженное с риском для здоровья, студенты чаще всего называют стремление к получению поддержки со стороны сверстников, т.е. потребность принадлежать к определенному кругу является важным мотивом определенных видов поведения.

Факторы, обуславливающие поведение, сопряженное с риском для здоровья, позволили определить направления работы преподавателей вуза, общественных организаций по профилактике вредных привычек и травматизма, выявить нравственно-этические аспекты формирования здорового образа жизни.

4. *Коррекционно-реабилитационная работа* предполагала преимущественно использование индивидуальных форм взаимодействия со студентом, позволяющих учи-

тивать параметры его психического и физического развития, уровень здоровья, степень восприимчивости к воздействию факторов внешней среды.

Основываясь на данных профилактических осмотров студентов, в вузе была разработана система реабилитационных мероприятий, включающая:

- разработку единых комплексных планов лечебно-профилактических и санитарно-оздоровительных мероприятий в вузе с учетом результатов ежегодных периодических медицинских осмотров студентов;
- целенаправленное проведение плановых лечебно-оздоровительных мероприятий;
- анализ эффективности диспансеризации студентов с привлечением к этой работе профессорско-преподавательского состава университета;
- обеспечение квалифицированной консультативной и стационарной помощи студентам в лечебно-профилактических учреждениях и специализированных клиниках;
- организация диетического питания студентов в столовой университета;
- оздоровление студентов в санатории-профилактории и санаториях республики, обеспечение проведения студентам вуза плановой санации полости рта;
- выделение и оборудование помещения для занятий специальных медицинских групп по физическому воспитанию.

5. *Физкультурно-оздоровительная работа* была направлена на развитие физических качеств студентов и формирование навыков контроля и самоконтроля физических нагрузок. Мероприятия по формированию физической культуры студентов проводятся кафедрой физического воспитания, спортивным клубом университета совместно с профкомом студентов и отделом воспитательной работы на протяжении всего периода их обучения в вузе и осуществляются в следующих формах:

- осуществление педагогического контроля за динамикой физического развития и физической подготовленности студентов;
- усиление профессиональной направленности преподавания физической культуры;
- организация работы спортивных секций, групп здоровья;
- регулярное проведение в вузе спартакиады факультетов, курсов, между общежитиями;
- проведение дней здоровья института, факультетов;
- оборудование спортивных комнат во всех общежитиях;
- оборудование возле студенческих общежитий игровых площадок по волейболу, баскетболу, бадминтону, городкам;
- возобновление работы туристического клуба университета.

Несмотря на то, что указанные выше виды работы различаются в отношении конкретных преследуемых ими целей, а также используемых для этого средств, их объединяет лежащая в основе применения всех этих методов работы идея сохранения и укрепления здоровья студентов.

Однако дело укрепления здоровья студентов, в котором принимают участие и они сами, неразрывно связано с их образом жизни. Поэтому в основе программы, определяющей оздоровление образовательного пространства, должно лежать четкое понимание факторов, определяющих образ жизни молодежи, проявляющих себя во время учебы и отдыха, в личных взаимоотношениях, а также позитивная концепция здоровья, которая подразумевает наличие у студентов способности к общению, самовыражению, творчеству

и изменению себя и своего окружения в лучшую сторону. При этом важными условиями активного участия студентов в оздоровлении образовательной среды являются:

- наличие средств связи, обеспечивающих возможность свободного доступа студентов к информации, которая требуется для принятия решений по оздоровлению окружающей среды и своего организма, и предоставляющие им возможность делиться своими собственными идеями;
- предоставление возможности усовершенствования организаторских навыков студентов путем участия в управлении процессом оздоровления образовательной среды в учебном заведении, т.е. использование студентов в роли «проводников информации» в молодежной среде;
- учет мнения студентов при постановке задач формирования здоровьесохранного поведения;
- применение многопрофильного подхода в деле укрепления здоровья студентов с учетом социальных, экономических, политических и культурных условий жизни.

Таким образом, здоровым может считаться такой молодой человек, который имеет возможность реализовать свои потенции роста и самовыражения и внести вклад в дело сохранения и укрепления как собственного здоровья, так и здоровья других людей. Основываясь на данных положениях, нами определены условия эффективного оздоровления образовательного пространства на уровне медицинского вуза:

- развитие потребностно-мотивационной сферы студентов к деятельности по сохранению и укреплению своего здоровья и здоровья других людей;
- изменение шкалы ценностей студентов в сторону гуманистических принципов, рассматривающих здоровье как одну из приоритетных ценностей;
- учет закономерностей профессионального становления и развития личности студентов;
- программно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса, адекватное целям и задачам формирования культуры здоровья студентов-медиков;
- моделирование профессиональной деятельности врача по сохранению и укреплению здоровья пациентов в учебно-воспитательном процессе вуза;
- развитие системы взаимодействия преподавателя со студентами, наличие постоянной обратной связи между ними, что обеспечивает развитие у будущих врачей рефлексивно-оценочных качеств личности;
- развитие креативности, т.е. способности студентов выходить за рамки установленных образцов при планировании и организации здоровьесохранной деятельности;
- стимулирование личностного и профессионального роста преподавателей вуза.

Л и т е р а т у р а

1. Войтенко, В.П. Здоровье здоровых (введение в санологию) / В.П. Войтенко. – Киев: Здоров'є, 1991. – 246 с.
2. Кунцевич, З.С. Концепция валеологического образования в высшей медицинской школе / З.С. Кунцевич. – Витебск: ВГМУ, 2000 – 18 с.
3. Лоцилов, В.И. Введение в валеотехнологию / В.И. Лоцилов. – М., 1997. – С. 27–67.

Поступило 04.09.2008

УДК 796.012

Развитие скоростно-силовых способностей у мальчиков с учетом индивидуальных темпов формирования организма

П.К. Гулидин

Изучается динамика уровня развития скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц у мальчиков от десяти до одиннадцати лет с ускоренными, средними и замедленными темпами формирования организма. В исследовании были определены сенситивные периоды: субкритические, низкой, средней и высокой чувствительности в развитии скоростно-силовых способностей школьников, где показано, что у мальчиков с различными темпами формирования организма чувствительные периоды у большинства одних и тех же мышечных групп не совпадают. Представлена программа оптимизации скоростно-силовой подготовки мальчиков 10–11 лет на уроках физической культуры и результаты педагогического эксперимента, подтверждающие эффективность ее применения.

Введение. Рост, развитие организма человека происходит неравномерно. Каждый возрастной этап – это своеобразный период со своими характерными особенностями, морфологическими и функциональными преобразованиями, присущими только ему. Развитие организма происходит непрерывно, и крайне трудно определить, где оканчивается один этап развития и начинается другой. К тому же каждый растущий организм развивается индивидуально. Он шагает в зрелость по своей, только ему присущей программе развития. На каждом этапе формируется своя функциональная система, обеспечивающая полное взаимодействие с внешней средой. Вот почему паспортный возраст не всегда отражает действительные этапы становления растущего организма [1, 2, 3, 4]. А педагоги в своей работе с детьми, начиная с младшего школьного возраста, должны учитывать не только паспортный возраст, но и биологический, который отражает индивидуальные темпы формирования организма детей [5].

Однако до настоящего времени содержание программы и системы физического воспитания, организация и методика обучения школьников и тренировки юных спортсменов разрабатывается с ориентацией на календарный возраст детей. Учет одного календарного возраста, с педагогической точки зрения, является, по крайней мере, недостаточным. В научно-методической литературе много говорится о необходимости дифференцированного подхода на основе учета биологического возраста и предлагается ряд подходов в решении этой проблемы [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. Однако дальнейший анализ исследовательских материалов показывает, что в работах разных авторов по изучению скоростно-силовых способностей и организации оптимального подхода в их развитии имеются очевидные противоречия. Например, мы обнаружили явно противоречивые суждения об учете морфологических признаков (рост, вес, длина конечностей, окружность грудной клетки) при развитии физи-

ческих способностей, в том числе и скоростно-силовых. Одна группа исследователей определила зависимость скоростно-силовых способностей от морфологических показателей и рекомендовала давать нагрузки больше тем, у кого больше рост и вес, и меньшие – более низким и обладающим меньшим весом [13, 14, 15]. Другие считают, что не всегда индивидуумы с высокими морфологическими показателями опережают сверстников в темпах роста и развития всего организма, а индивидуумы с низкими показателями отстают [16, 17]. Третьи, исследуя периферическое кровообращение, обнаружили, что у ряда мальчиков, превосходящих сверстников в основном по росту, при силовых и циклических упражнениях в характере периферического кровообращения наблюдались отклонения от нормы. Они проявлялись в изменении оптимального соотношения растяжимости и сократимости сосудов, в неадекватных изменениях объемной скорости кровотока, в падении максимального кровяного давления в период восстановления [18].

Другое направление организация методики гармонического развития скоростно-силовых способностей – это оказание соразмерных педагогических воздействий в наиболее благоприятные периоды. Еще в 1977 году А.А. Гужаловский разработал методику определения сенситивных периодов для физических способностей и определил хронологию их развития. В его исследованиях мальчики в возрасте 10–11 лет имеют периоды низкой чувствительности в развитии скоростно-силовых способностей, несколько ближайших промежутков до этого и после этого возраста имеют субкритические периоды. Это говорит о необходимости более целенаправленного подхода к развитию у ребят скоростно-силовых способностей [19].

Однако у ряда авторов были получены несколько другие результаты по определению возрастных промежутков, имеющих сенситивные периоды в развитии изучаемых способностей [20, 21].

На наш взгляд, это связано с тем, что скоростно-силовые способности изучались по тестам прыжок в длину или высоту с места. Во-первых, данные тесты – это региональные показатели скоростно-силовых способностей и по ним нельзя определить группы мышц, имеющие благоприятные периоды для педагогического воздействия, а многие исследователи обращали внимание на наличие сенситивных периодов у отдельных групп мышц в развитии скоростно-силовых способностей [22, 23]. Во-вторых, на результаты в данных тестах оказывает большое влияние прирост веса, и все это, при относительно небольших выборках, могло давать несколько иные данные.

Мы считаем, что, изучив особенности развития скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц по информативному инструментальному методу политензодинамометрии, параллельно с объективными показателями биологического возраста «по зубной формуле» и сопоставлением с тестами и контрольными упражнениями, сможем обосновать необходимость разработки путей оптимизации скоростно-силовой подготовки мальчиков 10–11-летнего возраста. А изучив реакцию организма мальчиков с ускоренными темпами формирования организма (УТФО), средними темпами формирования организма (СТФО) и замедленными темпами формирования организма (ЗТФО) на подобранные и разработанные средства и методы развития скоростно-силовых способностей, без вреда для здоровья школьников сможем положительно влиять на соразмерное воспитание изучаемых способностей, на более высокие результаты в контрольных упражнениях.

Цель нашего исследования – оптимизация скоростно-силовой подготовки мальчиков 10–11 лет в процессе физического воспитания на основе учета индивидуальных темпов формирования организма.

Методология и методы проведенного исследования. Основные положения системно-структурного анализа использовались в качестве методологии исследования. В работе использованы следующие методы: теоретический анализ научно-методической литературы; педагогические наблюдения; беседы с учениками и учителями; антропометрия; метод определения биологического возраста; политензодинамометрия; радиотелеметрический метод определения времени опорных фаз в беге; тестометрические обследования; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

Результаты исследований. Наше исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе оценивалась скоростно-силовая подготовленность с помощью известных тестов и контрольных упражнений: прыжок в длину с места, сумма тройных прыжков на левой и правой ноге, бег 30 м со старта, 20 м с хода, метание набивного мяча сидя из-за головы, метание теннисного мяча с разбега. Полученные показатели скоростно-силовой подготовленности (табл. 1.) свидетельствуют о различных физических возможностях школьников с ускоренными, средними и замедленными темпами формирования организма.

Таблица 1

Показатели скоростно-силовой подготовленности мальчиков 10–11 лет с учетом индивидуальных темпов формирования организма ($\bar{x} \pm S \bar{x}$)

Показатели скоростно-силовой подготовленности	Группы мальчиков					
	УТФО	СТФО	ЗТФО	p(УТФО-СТФО)	p(СТФО-ЗТФО)	p(ЗТФО-УТФО)
Прыжок в длину с места (см)	163±1,96	168±1,14	171±1,55	<0,05	>0,05	<0,01
Сумма тройных прыжков (см)	882±11,44	927±6,35	937±10,45	<0,01	>0,05	<0,01
Бросок набивного мяча (1 кг) сидя из-за головы (см)	315±5,32	290±4,01	275±3,76	<0,01	<0,01	<0,01
Метание теннисного мяча с разбега (м)	29,44±0,08	28,06±0,29	26,82±0,25	<0,01	<0,01	<0,01

Окончание табл. 1

Показатели скоростно- силовой подготов- ленности	Группы мальчиков					
	УТФО	СТФО	ЗТФО	p(УТФО- СТФО)	p(СТФ О- ЗТФО)	p(ЗТФО- УТФО)
Бег 30 м со старта (с)	5,64±0,05	5,49±0,03	5,60±0,02	<0,01	<0,01	>0,05
Бег 20 м с хода (с)	3,08±0,05	2,98±0,01	3,12±0,02	<0,05	<0,01	>0,05

Мальчики с УТФО имеют более низкие показатели при выполнении прыжка в длину с места, по сумме тройных прыжков на левой и правой ноге по сравнению с группами с СТФО и ЗТФО ($p<0,05$). В свою очередь не выявлено достоверных различий в указанных тестах между группами с ЗТФО и со СТФО ($p<0,05$).

При выполнении скоростных тестов в беге на 30 м со старта и 20 м с хода лучшие результаты выявлены у мальчиков со СТФО ($p<0,05$), в то время, как у мальчиков с УТФО и ЗТФО достоверных различий не обнаружено ($p>0,05$).

В метаниях набивного и теннисного мяча лучше показатели в группе исследуемых с УТФО ($p<0,01$). Для мальчиков со СТФО характерны также более высокие результаты в метаниях по сравнению с мальчиками с ЗТФО ($p<0,01$).

При анализе взаимосвязи биологического возраста и скоростно-силовой подготовленности (табл. 2.) установлено, что биологический возраст у мальчиков 10–11 лет имеет сильную связь со скоростно-силовыми показателями мышц рук по результатам броска набивного мяча (1 кг) сидя из-за головы $r=0,721$ при $p<0,01$ и среднюю связь с метанием теннисного мяча с разбега $r=0,536$ при $p<0,01$. Региональный показатель скоростно-силовых способностей нижних конечностей – прыжок в длину с места и биологический возраст имеют слабую обратную связь $r=-0,375$ при $p<0,01$. Связь биологического возраста и суммы тройных прыжков на левой и правой ноге не обнаружена: $r=0,129$ при $p>0,05$.

Таблица 2

Корреляционная зависимость биологического возраста с показателями скоростно-силовой подготовленности

Биологический возраст	Прыжок в длину с места	Сумма тройных прыжков	Бросок набивно- го мяча (1 кг) сидя из-за головы	Метание тен- нисного мяча с разбега
Количество по- стоянных зубов	-0,375	0,129	0,721	0,536

Результаты свидетельствуют о том, что физическое развитие и двигательные возможности зависят от конкретных темпов формирования организма.

Возрастное увеличение массы тела – ведущий признак индивидуального развития мальчиков 10–11 лет, оказывающий влияние на уровень их физической подготовленности, не согласуется с результатами, показанными школьниками в упражнениях скоростного характера (бег на 30 м со старта и на 20 м с хода). Мальчики с УТФО и большей массой тела уступали в результатах выполнения скоростных упражнений своим сверстникам со СТФО и меньшей массой ($p < 0,05$). Аналогичные изменения выявлены при выполнении упражнений скоростно-силового характера (прыжок в длину с места и сумме тройных прыжков). Результаты были выше у мальчиков со СТФО и с ЗТФО, обладающих меньшей массой по сравнению со сверстниками с УТФО. Причем результаты в прыжке в длину с места и сумме тройных прыжков у мальчиков с ЗТФО выше, чем у мальчиков с УТФО ($p < 0,01$). В упражнениях, связанных с преодолением внешних противодействующих сил, возрастное увеличение массы тела вступает в синергизм с характером выполняемых движений. В метании теннисного и набивного мячей результаты у мальчиков с УТФО наиболее высокие, чем у мальчиков с СТФО и ЗТФО.

Результаты прыжка в длину с места, показывающие уровень развития скоростно-силовых способностей ног и броска набивного мяча сидя из-за головы, показывающего уровень развития скоростно-силовых способностей рук, не согласуются ни в одной группе, обладающей различными темпами формирования организма. Это показывает, что развитие скоростно-силовых способностей региональных, а возможно и локальных групп мышц происходит неодновременно и имеет свои особенности и закономерности у мальчиков с УТФО, СТФО и ЗТФО.

На втором этапе исследовалась динамика развития скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц у мальчиков с ускоренными, средними и замедленными темпами формирования организма в возрастном отрезке от 10 до 11 лет. Исследование развития скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц у мальчиков с различными темпами формирования организма и не занимающихся спортом проводилось в 10 и 11 лет. До этого были проведены предварительные исследования, где определялось количество постоянных и молочных зубов у школьников в 10 лет, контингентом для изучения являлись учащиеся четвертых классов г. Витебска, у которых паспортный возраст составлял 10 лет $\pm$ 6 месяцев и 11 лет $\pm$ 6 месяцев. Всего было обследовано 1295 мальчиков в десятилетнем возрасте, а потом их же обследовали в одиннадцать лет.

Обследование проводили стоматологи областного физкультурного диспансера и спортивной школы-интерната. Результаты показали, что в развитии зубов у школьников г. Витебска в десять и одиннадцать лет имеются значительные индивидуальные различия в сроках прорезывания постоянных зубов. А из работ Р.Н. Дорохова, И.И. Бахраха известно, что у детей, развивающихся по акцелеративному типу, смена молочных и прорезывание постоянных зубов происходит в более ранние сроки, чем у остальных детей, тогда как у детей, развивающихся по ретардированному типу, отмечается отставание по количеству прорезавшихся постоянных зубов. Формула, учитывающая порядок, сроки прорезывания и смены зубов, является объективным индикатором биологического возраста от 6 до 13 лет [24, 25].

Это позволило выделить три группы детей, отличающихся от сверстников темпами формирования организма: мальчики с УТФО имели отклонение больше предела $\bar{x} \pm 1\sigma$; мальчики с ЗТФО меньше данного предела; мальчики с СТФО в пределах колебаний квадратического отклонения.

Из обследованного контингента были подобраны методом достаточно больших чисел группа с УТФО – 141 человек, группа с СТФО – 152 человека и группа с ЗТФО – 145 человек. Для измерения импульса силы было решено взять время опорной фазы в беге у мальчиков данного возраста. Время опорной фазы в беге определялось при помощи разработанной нами «радиотелеметрической системы регистрации временных характеристик бега и прыжков». Средняя арифметическая величина опорной фазы в беге на 30 м для групп с УТФО, СТФО и ЗТФО получилась равная 160 м.с.

В результате исследований возрастных изменений показателей скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц у мальчиков от семи до семнадцати лет были получены данные, позволяющие вычислить среднегодовой процент прироста для всех изучаемых групп мышц: сгибатели предплечья (СПр)–19,41%; разгибатели предплечья (РПр)–19,49%; сгибатели плеча (СП)–19,18%; разгибатели плеча (РП)–20,83%; сгибатели туловища (СТ)–16,84%; разгибатели туловища (РТ)–15,02%; сгибатели бедра (СБ)–20,95%; разгибатели бедра (РБ)–16,68%; сгибатели голени (СГ)–22,30%; разгибатели голени (РГ)–24,00%; подошвенные сгибатели стопы (ПСС)–18,96%.

Имея данные о среднегодовом проценте прироста и уровне развития скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц в 10 и 11 лет у мальчиков с УТФО, СТФО и ЗТФО, мы определили индекс интенсивности роста скоростно-силовых способностей в каждой группе, для вышеперечисленных групп мышц.

Полученные результаты показали, что индекс интенсивности роста скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц в возрастном периоде от 10 до 11 лет колеблется от 0,88 до 2,68. У мальчиков, имеющих различные индивидуальные темпы формирования организма, большинство одних и тех же групп мышц имеет разные значения индекса интенсивности роста показателей скоростно-силовых способностей. В табл. 3 представлены данные об изменении уровня развития скоростно-силовых способностей всех исследуемых групп мышц от 10 до 11 лет у мальчиков с УТФО.

Так, индекс интенсивности роста данных способностей в группе мальчиков с УТФО имеет высокие показатели у РТ ($i=2,05$), СГ ($i=2,17$), РГ ($i=2,04$) и РП ($i=2,34$); средние показатели индекса интенсивности роста изучаемых качеств выявлены у СБ ($i=1,66$) и СТ ($i=1,59$); несколько ниже имеют индекс интенсивности роста показателей скоростно-силовых способностей СПр ($i=1,26$), СП ($i=1,35$), ПСС ($i=1,37$) и меньше единицы обнаружен данный индекс интенсивности роста у РПр ($i=0,92$), РБ ($i=0,88$).

Изучение динамики развития скоростно-силовых способностей мальчиков в возрастном отрезке от 10 до 11 лет показывает, что у всех исследуемых групп мышц за данный временной промежуток обнаружен статистически достоверный прирост ($p<0,05$ и $p<0,01$).

Таблица 3

Динамика развития скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц у мальчиков с УТФО в возрастном периоде от 10 до 11 лет

Группы мышц	Импульс силы (н.с.)		Достоверность различий (p)	$\bar{X}_2 - \bar{X}_1$	Индекс интенсивности роста (i)
	в 10 лет ($\bar{X} \pm S\bar{X}$)	в 11 лет ($\bar{X} \pm S\bar{X}$)			
СПр	3,38±0,23	4,20±0,29	<0,05	0,82	1,26
РПр	2,81±0,19	3,32±0,17	<0,05	0,51	0,92
СП	3,05±0,21	3,84±0,26	<0,05	0,79	1,35
РП	3,96±0,25	5,89±0,32	<0,01	1,93	2,34
СТ	5,41±0,37	6,86±0,33	<0,01	1,45	1,59
РТ	10,17±0,59	13,30±0,56	<0,01	3,13	2,05
СБ	2,48±0,19	3,34±0,21	<0,01	0,86	1,66
РБ	10,37±0,46	11,89±0,43	<0,05	1,52	0,88
СГ	2,18±0,12	3,22±0,18	<0,01	1,04	2,17
РГ	5,03±0,39	7,49±0,48	<0,01	2,46	2,04
ПСС	8,41±0,47	10,59±0,55	<0,01	2,18	1,37

Мальчики с СТФО (табл. 4) имеют несколько иные данные. Так, высокими показателями интенсивности роста скоростно-силовых способностей обладают СТ (i=2,64) и СБ (i=2,68); средними – СПр (i=1,68), СП (i=1,64), РП (i=1,79), РТ (i=1,89), СГ (i=1,86), РГ (i=1,55), ПСС (i=1,59); низкими – РПр (i=1,33), РБ (i=1,24). Прирост показателей импульса силы в данном возрастном промежутке статистически достоверен для всех групп мышц мальчиков с СТФО (p<0,01).

Таблица 4

Динамика развития скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц у мальчиков со СТФО в возрасте от 10 до 11 лет

Группы мышц	Импульс силы (н.с.)		Достоверность различий (p)	$\bar{X}_2 - \bar{X}_1$	Индекс интенсивности роста (i)
	в 10 лет ($\bar{X} \pm S\bar{X}$)	в 11 лет ($\bar{X} \pm S\bar{X}$)			
СПр	2,88±0,13	3,82±0,16	<0,01	0,94	1,68
РПр	2,15±0,11	2,71±0,10	<0,01	0,56	1,33
СП	2,61±0,14	3,43±0,15	<0,01	0,82	1,64
РП	3,87±0,18	5,31±0,21	<0,01	1,44	1,79
СТ	4,51±0,20	6,52±0,26	<0,01	2,01	2,64
РТ	9,63±0,43	12,36±0,51	<0,01	2,73	1,89
СБ	2,69±0,12	4,20±0,17	<0,01	1,51	2,68
РБ	11,02±0,51	13,30±0,59	<0,01	2,28	1,24
СГ	2,23±0,09	3,15±0,12	<0,01	0,92	1,86
РГ	5,47±0,22	7,50±0,34	<0,01	2,03	1,55
ПСС	8,92±0,44	11,61±0,41	<0,01	2,69	1,59

Высокие показатели индекса интенсивности роста скоростно-силовых способностей у мальчиков с ЗТФО (табл. 5) имеют ПСС ($i=2,09$); средние показатели – РГ ($i=1,85$), РБ ($i=1,57$), РПр ($i=1,75$), СПр ($i=1,73$); низкие показатели – СП ($i=1,23$), РП ($i=1,38$), СТ ($i=1,43$), РТ ($i=1,50$), СБ ($i=1,27$), СГ ($i=1,39$). Разница абсолютных показателей скоростно-силовых способностей по импульсу силы у мальчиков с ЗТФО между возрастными десять и одиннадцать лет статистически достоверна ($p<0,05$, $p<0,01$). По методу А.А. Гужаловского (1977) были определены сенситивные периоды: субкритические, низкой, средней и высокой чувствительности. Так, было установлено, что ПСС у мальчиков с ЗТФО; СТ, СБ у мальчиков с СТФО; РП, РТ, СГ, РГ у мальчиков с УТФО имеют периоды высокой чувствительности в развитии скоростно-силовых способностей в изучаемом возрастном отрезке.

Таблица 5

Динамика развития скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц у мальчиков с ЗТФО в возрастном периоде от 10 до 11 лет

Группы мышц	Импульс силы (н.с.)		Достоверность различий (p)	$\bar{X}_2 - \bar{X}_1$	Индекс интенсивности роста (i)
	в 10 лет ($\bar{x} \pm S\bar{x}$)	в 11 лет ($\bar{x} \pm S\bar{x}$)			
СПр	2,72±0,12	3,67±0,14	<0,01	0,95	1,73
РПр	1,95±0,08	2,62±0,13	<0,01	0,67	1,75
СП	2,56±0,12	3,16±0,15	<0,05	0,60	1,23
РП	3,81±0,15	4,90±0,16	<0,01	1,09	1,38
СТ	4,82±0,19	5,98±0,22	<0,01	1,16	1,43
РТ	9,44±0,37	11,57±0,45	<0,01	2,13	1,50
СБ	2,37±0,11	3,00±0,10	<0,01	0,63	1,27
РБ	9,72±0,51	12,26±0,57	<0,01	2,54	1,57
СГ	2,37±0,11	3,10±0,14	<0,01	0,73	1,39
РГ	5,72±0,21	8,25±0,33	<0,01	2,53	1,85
ПСС	8,07±0,31	11,26±0,42	<0,01	3,19	2,09

Периоды средней чувствительности в группе детей с УТФО обнаружены в развитии данных физических способностей у СБ, СТ; в группе детей с СТФО – у СПр, СП, РП, РТ, СГ, ПСС; в группе детей с ЗТФО – у СПр, РПр, РБ, РГ. Выявлены периоды низкой чувствительности у школьников с УТФО по показателям импульса силы у СПр, СП, ПСС; у школьников со СТФО – у РПр, РБ; у школьников с ЗТФО – у СП, РП, СТ, РТ, СБ, СГ. Только в группе мальчиков с УТФО у мышечных групп РПр и РБ обнаружены субкритические периоды в развитии скоростно-силовых способностей по показателям импульса силы. На рисунке показана сравнительная характеристика интенсивности роста скоростно-силовых способностей у мальчиков с различными темпами формирования организма в возрастном отрезке от 10 до 11 лет, где видно, что в развитии мальчиков с УТФО, СТФО и ЗТФО чувствительные периоды у большинства одних и тех же мышечных групп не совпадают. Скоростно-силовым способностям в данном

возрасте, как и другим показателям нервно-мышечного аппарата, свойственна большая индивидуальная изменчивость и вариабильность, обусловленная неравномерностью развития, возрастом, уровнем биологической зрелости, различиями в показателях физического развития.

Результаты вышепредставленного исследования, исходя из положений, высказанных рядом авторов [26, 27], позволяют предположить необходимость дифференцированного подхода в воспитании скоростно-силовых способностей у мальчиков с различными темпами формирования организма на основе изученных чувствительных пе-

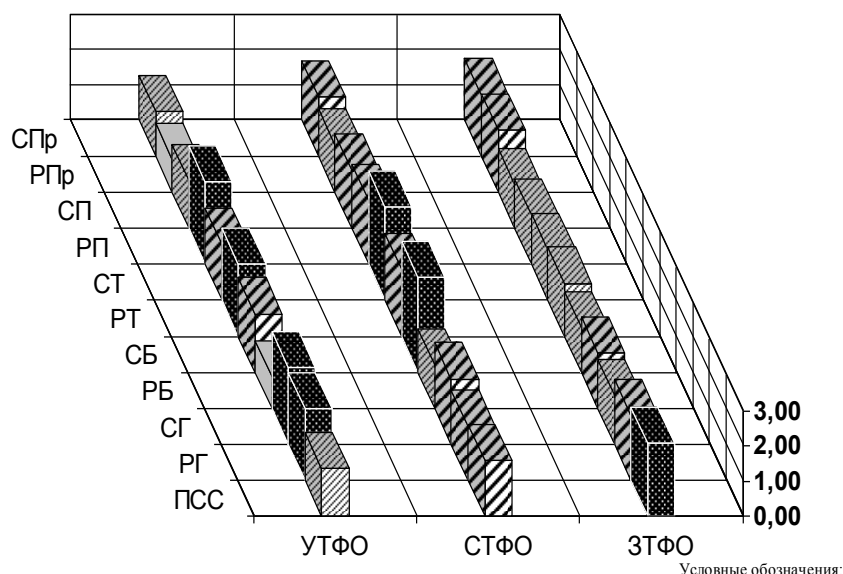

Рис. 3. Сравнительная характеристика интенсивности роста показателей скоростно-силовых показателей мальчиков с различными темпами формирования организма в возрасте от 10 до 11 лет.

(Условные обозначения:

■ – высокой чувствительности, ▨ – средней чувствительности, ▩ – низкой чувствительности, □ – субкритические).

На третьем этапе исследований разрабатывалась программа оптимизации скоростно-силовой подготовки мальчиков 10–11 лет на уроках физической культуры.

В структуре физической подготовки учащихся младших классов средних школ на уроках физической культуры скоростно-силовая подготовка является одним из ведущих направлений педагогического процесса, обеспечивающего возможность эффективного решения педагогических задач, обусловленных разнообразием двигательной деятельности.

В исследованиях, касающихся изучения динамики развития скоростно-силовых способностей и влияния на них индивидуальных темпов формирования организма мальчиков 10–11 лет, установлена неравномерность интенсивности развития этих процессов. Не вызывает сомнений, что использование в практической деятельности полученных за-

кономерностей возрастного развития скоростно-силовых способностей и изучение возможных путей оптимизации воспитания этих качеств у мальчиков 10–11 лет имеет важное значение для результатов их скоростно-силовой подготовленности.

Актуальность приобретает вопрос по совершенствованию методики воспитания изучаемых способностей, решающей задачи соразмерного (гармоничного) согласования особенностей биологического возраста с направленными педагогическими воздействиями.

При создании программы оптимизации скоростно-силовой подготовки мальчиков 10–11 лет на уроках физической культуры, мы выявили возможность использования нескольких особенностей для решений поставленной задачи.

Первая – необходимость подразделять мальчиков данного возраста на три учебные подгруппы в зависимости от индивидуальных темпов (ускоренный, средний и замедленный) формирования организма для того, чтобы на основе полученных результатов о чувствительных периодах в развитии скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц, осуществлять педагогические воздействия в каждой подгруппе. Проводя предварительные исследования, мы пришли к выводу, что можно рекомендовать следующий объем педагогических воздействий для развития скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц на уроках физической культуры: 25% – для мышечных групп, обладающих периодами высокой чувствительности; 50% – средней чувствительности; 100% – периодами низкой чувствительности. Процент рассчитывался от общего объема уроков физической культуры, где учебными планами предусматривается развитие данных физических способностей. Такое распределение объемов педагогических воздействий компенсирует более низкий уровень естественного развития физических способностей отдельных групп мышц и дает возможность получить более гармоничное соотношение топографического «рисунка» скоростно-силовых способностей у мальчиков 10–11 лет. Таким образом, сто процентов от объема педагогических воздействий на развитие скоростно-силовых способностей должно планироваться у мальчиков с ускоренными темпами формирования организма для следующих групп мышц: сгибателей предплечья, сгибателей плеча, подошвенных сгибателей стопы; у мальчиков со средними темпами формирования организма – у разгибателей предплечья, разгибателей бедра; у мальчиков с замедленными темпами формирования организма – у сгибателей плеча, разгибателей плеча, сгибателей туловища, разгибателей туловища, сгибателей бедра, сгибателей голени. Пятьдесят процентов объема педагогических воздействий на скоростно-силовые способности должно быть направлено на мышцы сгибателей бедра, сгибателей туловища у мальчиков с ускоренными темпами формирования организма; сгибателей предплечья, сгибателей плеча, разгибателей плеча, разгибателей туловища, сгибателей голени, подошвенных сгибателей стопы у мальчиков со средними темпами формирования организма; сгибателей предплечья, разгибателей предплечья, разгибателей бедра, разгибателей голени у мальчиков с замедленными темпами формирования организма. На всех уроках, где планируется развитие скоростно-силовых способностей, двадцать пять процентов объема педагогических воздействий должно быть направлено на скоростно-силовые способности у мальчиков с ускоренными темпами формирования организма на мышцы разгибателей плеча, разгибателей туловища, сгибателей голени, разгибателей голени; у мальчиков со средними темпами формирования организма – сгибателей туловища, сгиба-

телей бедра; у мальчиков с замедленными темпами формирования организма только на мышцы подошвенных сгибателей стопы.

Вторая особенность нашей программы заключается в учете положительного влияния уровня развития скоростно-силовых способностей мышц-антагонистов (сгибателей на разгибатели, и наоборот). Педагогические наблюдения, анализ литературы и школьных программ показывают, что в практике физического воспитания школьников при развитии скоростно-силовых способностей абсолютное большинство средств и методов предусматривают воздействие упражнений только регионального характера, которые направлены в основном на группы мышц-разгибателей. В.П. Филин [28] указывает, что в связи с неравномерным развитием силовых характеристик мышц-сгибателей и разгибателей в детском возрасте необходимо систематически воздействовать на те группы мышц, которые без применения физических упражнений менее всего развиваются в повседневной жизни. Экспериментальные исследования Т.П. Юшкевича [28] доказывают эффективность педагогических воздействий на группы мышц-сгибателей, повышение уровня которых положительно влияет на развитие их антагонистов. А работы А.И. Кузнецова, Г.Б. Шацкого [29] показывают, что локальная скоростно-силовая работа по данным электромиографии вызывает большую мышечную активность по сравнению с региональными упражнениями. Поэтому при разработке представленной программы оптимизации развития скоростно-силовых способностей мальчиков мы уделили особое внимание подбору локальных упражнений для всех изучаемых групп мышц, как сгибателей, так и разгибателей. Необходимость воздействия на все основные группы мышц подтверждается результатами наших исследований [30], которые показывают, что возраст 10–11 лет для развития скоростно-силовых способностей является одним из самых благоприятных, так как почти для всех групп мышц в этом возрасте скоростно-силовые характеристики не согласуются с субкритическими периодами. Для разгибателей и сгибателей плеча, предплечья, туловища, бедра, голени, стопы были разработаны учебные задания по развитию скоростно-силовых способностей на тренировочном устройстве «качалка» и с набивными мячами.

Третья особенность – решение задачи о чередовании педагогических воздействий на отдельные группы мышц. Для этого в предварительном эксперименте были проведены исследования по изучению реакции сердечно-сосудистой системы на скоростно-силовую нагрузку. Результаты данного исследования показали (табл. 6), что локальная скоростно-силовая нагрузка (время 20 с, темп – одно повторение в 2 с, отягощение 30% от максимальной силы) для мальчиков 10–11 лет с ускоренными, средними и замедленными темпами формирования организма не влияет отрицательно на сердечно-сосудистую систему.

Что касается региональной нагрузки скоростно-силового характера (время 20 с, 10 прыжков максимальной высоты), то необходимо очень осторожно дозировать нагрузку особенно для детей с ускоренными темпами формирования организма, у них выше реакция на нагрузки и восстановление происходит более длительное время, чем у детей других групп. В процессе урока физической культуры контроль состояния сердечно-сосудистой системы не всегда можно провести своевременно для всех детей. Данные о реакции сердечно-сосудистой системы помогли установить, что чередование упражнений локального и регионального характера с ординарными интервалами отдыха 15–20 с позволяет выполнять скоростно-силовую работу, поддерживая высокую моторную плотность урока.

Таблица 6

Изменение частоты сердечных сокращений и артериального давления крови под влиянием локальной и региональной скоростно-силовой нагрузки у мальчиков 10–11 лет ($x \pm Sx$)

Вид нагрузки	Показатель	Группы мальчиков		
		УТФО	СТФО	ЗТФО
1	2	3	4	5
Локальная на РБ	1	88±2,1	86±2,9	83±1,5
	2	125±3,9	120±3,4	114±2,1
	3	115±2,4	98±2,8	96±1,7
	4	99±2,5	91±3,1	88±1,8
	5	90±2,3	87±2,7	85±1,6
	6	103±3,6	97±3,0	99±2,7
	7	111±3,1	104±3,2	105±2,9
	8	66±1,7	62±1,8	63±1,2
	9	64±1,5	61±2,0	60±1,4
Локальная на РПр	1	92±3,6	84±2,1	87±1,9
	2	110±2,7	118±3,1	103±2,5
	3	96±3,3	97±2,6	94±2,3
	4	93±3,1	91±2,7	89±2,1
	5	92±3,2	88±2,4	87±2,0
	6	104±2,4	101±2,6	98±2,1
	7	106±2,2	105±2,7	102±2,6
	8	65±1,2	62±1,5	60±1,7
Региональная «Прыжки вверх с места»	9	65±1,3	61±1,5	60±1,3
	1	91±3,3	85±2,9	81±2,3
	2	175±4,3	157±2,5	148±3,1
	3	151±3,8	139±2,7	131±3,4
	4	132±3,4	121±2,8	115±2,9
	5	115±3,6	103±2,7	95±2,6
	6	105±2,9	99±2,6	97±3,0
	7	127±3,7	120±2,8	123±3,3
	8	67±1,8	64±2,4	61±1,9
9	62±2,1	61±2,2	57±2,5	

Примечание: 1 – исходные данные ЧСС (уд/мин); 2 – ЧСС (уд/мин) после нагрузки; 3 – ЧСС (уд/мин) – через 30 с восстановления; 4 – ЧСС (уд/мин) – через 60 с восстановления; 5 – ЧСС (уд/мин) – через 90 с восстановления; 6 – систолическое давление (мм рт. ст.) до нагрузки; 7 – систолическое давление (мм рт. ст.) после нагрузки; 8 – диастолическое давление (мм рт. ст.) до нагрузки; 9 – диастолическое давление (мм рт. ст.) после нагрузки.

Четвертой особенностью программы является применение нескольких методов скоростно-силовой подготовки. Из педагогических наблюдений известно, что наиболее

часто применяются повторный и повторно-прогрессивный методы. А литературные данные о развитии скоростно-силовых способностей у детей, занимающихся спортом, показывают эффективность ударного и изокинетического метода. Ю.В. Верхошанский [31], анализируя методы скоростно-силовой подготовки, выявил, что каждый метод имеет свое особое воздействие на конечный результат развития скоростно-силовых способностей. Поэтому в своих исследованиях мы предприняли попытку использовать повторный метод в определенной комбинации с ударным и изокинетическими методами. Данное сочетание методов обеспечивает применение разработанного нами тренировочного устройства «качалка».

Пятая особенность программы заключается в возможности применения дополнительных, индивидуальных учебных заданий на отстающие группы мышц мальчиков 10–11 лет в зависимости от показателей уровня скоростно-силовой подготовленности у каждого ученика.

Таким образом, на основании учета индивидуальных темпов формирования организма, критических периодов развития скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц, реакции сердечно-сосудистой системы мальчиков на нагрузку была разработана программа оптимизации скоростно-силовой подготовки мальчиков 10–11 лет на уроках физической культуры, которая предусматривает использование разработанных нами тренировочных средств и комплексов упражнений.

На четвертом этапе исследования решалось экспериментальное обоснование программы оптимизации скоростно-силовой подготовки в учебном процессе по физической культуре. При изучении динамики развития скоростно-силовых способностей у мальчиков в возрасте от 10 до 11 лет с различными темпами формирования организма было выявлено, что в данном возрастном периоде одни и те же группы мышц имеют неодинаковый естественный прирост абсолютных скоростно-силовых показателей.

Наличие выявленных нами различных чувствительных периодов для развития скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц школьников 10–11 лет в зависимости от индивидуальных темпов формирования организма и определило задачу основного педагогического эксперимента: обосновать эффективность программы оптимизации скоростно-силовой подготовки мальчиков 10–11 лет на основе учета индивидуальных темпов формирования организма и чувствительных периодов в развитии различных мышечных групп.

Для решения этой задачи был проведен основной педагогический эксперимент, который проходил на базе средних школ города Витебска.

Педагогический эксперимент характеризовался естественными условиями проведения и строился по схеме параллельного эксперимента.

Контрольная и экспериментальная группы были однородны по показателям уровня физического развития, физической подготовленности, по технической подготовке в выполнении контрольных упражнений, что определялось в ходе педагогических наблюдений.

В ходе педагогического эксперимента было проведено по 37 уроков в каждой группе, где стояли задачи по развитию скоростно-силовых способностей. В экспериментальной и контрольной группах на уроках физической культуры отводилось одинаковое время на развитие скоростно-силовых способностей по 10–12 минут. В контрольной группе при проведении уроков не учитывались индивидуальные темпы формирования организма. В экспе-

риментальной группе при решении задач по развитию скоростно-силовых способностей мальчики были разделены на три подгруппы: с ускоренными, средними и замедленными темпами формирования организма. В контрольной группе уроки по развитию скоростно-силовых способностей проводились по программе физического воспитания для общеобразовательных школ, а в экспериментальной группе по разработанной нами программе оптимизации скоростно-силовой подготовки мальчиков 10–11 лет на уроках физической культуры. Анализ контрольных измерений показал, что в контрольной группе и экспериментальной произошли статистически достоверные изменения изучаемых показателей ($p < 0,05$). В контрольной группе (табл. 7) достоверный прирост показателей скоростно-силовых способностей обнаружен у сгибателей предплечья, разгибателей плеча, разгибателей туловища, сгибателей бедра, сгибателей голени, разгибателей голени, разгибателей плеча, сгибателей туловища, разгибателей голени и подошвенных сгибателей стопы ($P < 0,05$); статистически не достоверны изменения показателей импульса силы оказались у сгибателей плеча ($P > 0,05$).

Таблица 7

Динамика скоростно-силовых показателей отдельных групп мышц у мальчиков контрольной группы (n=21) за период педагогического эксперимента

Группы мышц	Импульс силы $\bar{x} \pm S\bar{x}$		Достоверность различий	
	До пед. эксперимента	После пед. эксперимента	t	p
СПр	2,99±0,16	3,56±0,18	2,367	< 0,05
РПр	2,30±0,12	2,74±0,13	2,487	< 0,05
СП	2,74±0,15	3,19±0,17	1,985	< 0,05
РП	3,88±0,19	4,99±0,22	3,819	< 0,01
СТ	4,91±0,25	6,21±0,42	2,660	< 0,01
РТ	9,74±0,46	11,84±0,50	3,091	< 0,01
СБ	2,51±0,14	3,16±0,15	3,168	< 0,01
РБ	10,37±0,49	11,95±0,52	2,211	< 0,05
СГ	2,26±0,10	2,92±0,14	3,836	< 0,01
РГ	5,40±0,27	7,26±0,36	4,133	< 0,01
ПСС	8,46±0,41	10,48±0,50	3,124	< 0,01

В экспериментальной группе мальчиков у всех изучаемых групп мышц произошло статистически достоверное ($p < 0,01$) повышение скоростно-силовых показателей (табл. 8.), за время педагогического эксперимента.

Сравнительный анализ величины импульса силы для сгибателей и разгибателей верхних, нижних конечностей и туловища в экспериментальной и контрольной группах (табл. 9) показал, что у мальчиков экспериментальной группы после педагогического эксперимента показатели скоростно-силовых способностей выше, чем у мальчиков контрольной группы.

Таблица 8

Динамика скоростно-силовых показателей отдельных групп мышц у мальчиков экспериментальной группы (n=21) за период педагогического эксперимента

Группы мышц	Импульс силы $\bar{x} \pm S\bar{x}$		Достоверность различий	
	До пед. эксперимента	После пед. эксперимента	t	p
1	2	3	4	5
СПр	2,87±0,17	4,37±0,21	5,552	< 0,01
РПр	2,32±0,14	3,08±0,15	3,704	< 0,01
СП	2,81±0,16	3,93±0,19	4,509	< 0,01
РП	3,83±0,21	5,89±0,25	6,309	< 0,01
СТ	5,07±0,27	7,09±0,45	3,849	< 0,01
РТ	9,81±0,49	13,65±0,53	5,320	< 0,01
СБ	2,46±0,13	3,94±0,15	7,456	< 0,01
РБ	10,44±0,52	13,15±0,55	3,580	< 0,01
СГ	2,35±0,12	3,57±0,16	6,100	< 0,01
РГ	5,37±0,25	8,41±0,37	6,808	< 0,01
ПСС	8,53±0,48	12,36±0,49	5,584	< 0,01

Статистически достоверно увеличились показатели импульса силы у мальчиков экспериментальной группы у сгибателей предплечья, сгибателей плеча, разгибателей голени, разгибателей туловища, сгибателей бедра, сгибателей голени, разгибателей голени, подошвенных сгибателей стопы ($P < 0,05$). Достоверные различия для разгибателей предплечья, сгибателей туловища, разгибателей бедра отсутствовали ($P > 0,05$).

Таблица 9

Скоростно-силовые показатели отдельных групп мышц у мальчиков экспериментальной и контрольной групп в конце педагогического эксперимента

Группы мышц	Импульс силы $\bar{x} \pm S\bar{x}$		Достоверность различий	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа	t	p
СПр	4,37±0,21	3,56±0,18	2,929	< 0,01
РПр	3,08±0,15	2,74±0,13	1,713	> 0,05
СП	3,93±0,19	3,19±0,17	2,903	< 0,01
РП	5,89±0,25	4,99±0,22	2,703	< 0,01
СТ	7,09±0,45	6,21±0,42	1,430	> 0,05
РТ	13,65±0,53	11,84±0,50	2,484	< 0,05
СБ	3,94±0,15	3,16±0,15	3,677	< 0,01
РБ	13,15±0,55	11,95±0,52	1,585	> 0,05

Окончание табл. 9

Группы мышц	Импульс силы $\bar{x} \pm S\bar{x}$		Достоверность различий	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа	t	p
СГ	3,57±0,16	2,92±0,14	3,057	< 0,01
РГ	8,41±0,37	7,26±0,36	2,228	< 0,05
ПСС	12,36±0,49	10,48±0,50	2,685	< 0,01

В конце педагогического эксперимента более высокое достоверное увеличение результатов выявлено у мальчиков экспериментальной группы по сравнению с мальчиками контрольной группы в следующих контрольных упражнениях: прыжке в длину с места, беге на 60 м, метании мяча на дальность ($P < 0,05$).

Различия в показателях скоростно-силовой подготовленности между контрольной и экспериментальной группами после педагогического эксперимента позволяют констатировать эффективность использования программы оптимизации скоростно-силовой подготовки у мальчиков 10–11 лет.

Выводы. 1. Выполненный анализ научно-методической литературы свидетельствует об отсутствии комплексных параллельных исследований, объединяющих познание возрастных закономерностей развития скоростно-силовых показателей отдельных групп мышц школьников и изучения степени воздействия на проявления этих закономерностей биологического возраста, поиска на этой основе путей оптимизации скоростно-силовой подготовки детей школьного возраста. Наличие комплексного подхода является необходимым условием современных исследований разнообразных проблем физического воспитания учащихся в школьный период, который характеризуется большой биологической изменчивостью, а также разными адаптационными возможностями детей к педагогическим воздействиям.

2. В зависимости от индивидуальных темпов формирования организма у мальчиков 10–11 лет, установлены особенности в их скоростно-силовой подготовленности. Мальчики с ускоренными темпами формирования организма существенно отличаются повышенными скоростно-силовыми показателями по результатам выполнения упражнений в метании теннисного и набивного мячей в сравнении с мальчиками со средними и замедленными темпами развития организма ($p < 0,05$), но имеют более низкие результаты в прыжке в длину с места ($p > 0,05$).

3. Показано, что чувствительные периоды в развитии скоростно-силовых способностей отдельных групп мышц у мальчиков 10–11 лет проявляются гетерохронно и зависят от индивидуальных темпов формирования их организма. Периоды высокой чувствительности отмечены у исследуемых с ускоренными темпами развития для разгибателей плеча, туловища и голени, сгибателей голени; у исследуемых со средними темпами развития – для сгибателей туловища и бедра; у мальчиков с замедленными темпами – для подошвенных сгибателей стопы. Периоды средней чувствительности в группе мальчиков с ускоренными темпами формирования организма обнаружены в развитии сгибателей туловища и бедра; в группе мальчиков со средними темпами формирования организма – для сгибателей предплечья, плеча, голени и для разгибателей пле-

ча, голени и подошвенных сгибателей стопы; в группе мальчиков с замедленными темпами формирования – для сгибателей предплечья и разгибателей предплечья, бедра, голени. Периоды низкой чувствительности в развитии скоростно-силовых способностей мышечных групп выявлены у мальчиков с ускоренными темпами формирования организма для сгибателей предплечья, плеча, подошвенных сгибателей стопы; в группе со средними темпами – разгибателей предплечья, бедра; в группе с замедленными темпами развития – сгибателей туловища, бедра, голени и разгибателей туловища, плеча. Полученные данные являются основой для целенаправленных педагогических воздействий и оптимизации развития скоростно-силовых способностей у школьников 10–11 лет.

4. В педагогическом эксперименте подтверждена эффективность разработанной нами программы оптимизации скоростно-силовой подготовки мальчиков 10–11 лет на уроках физической культуры. В экспериментальной группе произошло достоверное повышение скоростно-силовых показателей, в сравнении с контрольной группой, для мышц – сгибателей предплечья, сгибателей и разгибателей плеча, разгибателей туловища, сгибателей бедра, сгибателей и разгибателей голени, подошвенных сгибателей стопы ($p < 0,05$), но несущественны различия для разгибателей предплечья, сгибателей и разгибателей туловища.

Л и т е р а т у р а

1. Бахрах, И.И. Акселерация и детский спорт / И.И. Бахрах, Р.Н. Дорохов. – Смоленск, 1978. – 18 с.
2. Булгакова, Ж. Соотношение темпов биологического развития и прироста основных морфофункциональных показателей юных пловцов / Ж. Булгакова, А.Р. Воронцов, И.Ю. Радыгина // Теория и практика физической культуры. – 1985. – № 11. – С. 27–28.
3. Волков, В.М. Тренеру о подростке / В.М. Волков. – М.: Физкультура и спорт, 1974. – 74 с.
4. Воронцов, А.Р. Биологический возраст как источник ошибок при отборе девочек-пловчих 13–14 лет / А.Р. Воронцов // Теория и практика физической культуры. – 1979. – № 7. – С. 31–34.
5. Властовский, В.Г. Акселерация роста и развития детей / В.Г. Властовский. – М.: МГУ, 1976. – 279 с.
6. Глазков, Т.А. Влияние тренировочных нагрузок на формирование двигательного навыка в скоростно-силовых видах легкой атлетики: автореф. дисс... канд. пед. наук: 13.00.04 / Т.А. Глазков; ГЦОЛИФК. – М., 1985. – 21 с.
7. Голуб, О.С. Динамика взаимосвязи компонентов силовых способностей юных гандболистов 10–17 лет с учетом паспортного и биологического возраста / О.С. Голуб // Вопросы теории и практики физической культуры и спорта: республ. межведомственный сборник. – Минск: «Вышэйшая школа», 1985. – Вып. 15. – С. 44–47.
8. Колодченко, В.П. Методика определения антропометрического биологического возраста человека / В.П. Колодченко // Теория и практика физической культуры. – 1990. – № 2. – С. 35–36.
9. Патрусов, А.В. Индивидуализация в системе школьной физической культуры как рефлексия гуманизации / А.В. Патрусов // Ученые записки: сб. научных трудов / гл. ред. М.С. Кобринский. – Мн.: Академия физического воспитания и спорта РБ, 2000. – Вып. 4. – С. 263–267.
10. Петровский, В.В. Проблемы дифференцированного физического воспитания в средней школе / В.В. Петровский, Т.Ю. Круцевич // Теория и практика физической культуры. – 1990. – № 5. – С. 47–50.
11. Сергиенко, Л.П. Половые особенности влияния наследственности среды на развитие двигательных качеств человека / Л.П. Сергиенко // Теория и практика физической культуры. – 1990. – № 3. – С. 15–19.
12. Plasma Norepinephrine in Responses to Cycle Exercise in Boys and Men. Rowland T.W., Maresh C.M., Charkoudian N. et. al. – Int. J. Sports Med. – 1995. – N 17. – P. 22–26.

13. Ананьева, Н.А. Физическое развитие и адаптационные возможности школьников / Н.А. Ананьева, Ю.А. Ямпольская // Вестник Рос. АМН. – 1993. – № 5. – С. 19–24.
14. Вербицкий, Г.И. Взаимосвязь между весом тела и показателями двигательных качеств у подростков с различной степенью биологической зрелости / Г.И. Вербицкий // Теория и практика физической культуры. – 1974. – № 9. – С. 42.
15. Сироткина, Б.А. Опыт исследования взаимосвязи между результатами двигательной деятельности детей и уровнем их физического развития: автореф. дисс... канд. пед. наук: 13.00.04 / Б.А. Сироткина / ГЦОЛИФК. – Москва, 1969. – 23 с.
16. Бахрах, И.И. Исследования и оценки биологического возраста детей и подростков / И.И. Бахрах, Р.Н. Дорохов // Детская спортивная медицина; под ред. С.Б. Тихвинского, С.В. Хрущева. – М.: Медицина, 1980. – Гл. 15. – С. 165–171.
17. Волков, Л.В. Физические способности детей и подростков / Л.В. Волков. – Киев: «Здоров'я», 1981. – 120 с.
18. Гужаловский, А.А. Физическое воспитание школьников в критические периоды развития / А.А. Гужаловский // Теория и практика физической культуры. – 1977. – № 7. – С. 37–39.
19. Кузнецова, З.И. Когда и чему. Критические периоды развития двигательных качеств школьников / З.И. Кузнецова // Физическая культура в школе. – 1975. – № 1. – С. 7–9.
20. Эйдер, Е. Научно-методические основы возрастного развития и направленного совершенствования физических качеств школьников 7–19 лет: автореф. дисс... д-ра пед. наук: 13.00.04 / Е. Эйдер; АФВ и СРБ. – Минск, 2001. – 61 с.
21. Голуб, О.С. Критические периоды развития скоростно-силовых способностей гандболистов 10–17 лет // Вопросы теории и практики физической культуры и спорта: республ. межведомственный сборник. – Минск: «Польмя», 1986. – С. 45–48.
22. Казарян, Ф.Г. Особенности возрастной динамики мышечной силы и проблемы рационализации силовой подготовки в школьном возрасте: автореф. дисс... д-ра пед. наук: 13.00.04 / Ф.Г. Казарян: ГЦОЛИФК. – М., 1975. – 52 с.
23. Филин, В.П. Воспитание физических качеств у юных спортсменов / В.П. Филин. – М: Физкультура и спорт, 1974. – 231 с.
24. Юшкевич, Т.П. Совершенствование силовых качеств у юных легкоатлетов / Т.П. Юшкевич, В.В. Петрикевич // Теория и практика физической культуры. – 1984. – № 9. – С. 30.
25. Юшкевич, Т.П. Асимметрия в развитии силовых качеств у бегунов на короткие дистанции / Т.П. Юшкевич // Теория и практика физической культуры. – 1989. – № 3. – С. 27–29.
26. Кузнецов, А.И. Избирательно-направленные нагрузки как метод силовой и скоростно-силовой подготовки / А.И. Кузнецов // Теория и практика физической культуры. – 1969. – № 5. – С. 55–59.
27. Кузнецов, А.И. Пути использования избирательно-направленных мышечных нагрузок локального характера при развитии и совершенствовании двигательной функции: автореф. дисс... д-ра пед. наук: 13.00.04 / А.И. Кузнецов: ГДОИФК. – Л., 1974. – 42 с.
28. Шацкий, Г.Б. Использование регионального упражнения и упражнения локального воздействия с ударной стимуляцией мышц в специальной силовой подготовке юношей-спринтеров: дисс... канд. пед. наук: 13.00.04 / Г.Б. Шацкий. – Минск, 1996. – 135 с.
29. Гулидин, П.К. Возрастное развитие скоростно-силовых качеств отдельных групп мышц у мальчиков в период от 7 до 17 лет / П.К. Гулидин // Веснік ВДУ. – 2001. – № 1 (9). – С. 95–103.
30. Верхошанский, Ю.В. Основы специальной физической подготовки спортсменов / Ю.В. Верхошанский. – М.: Физкультура и спорт, 1988. – 331 с.

Поступило 10.09.2008

УДК 82(476.5)(091)

В начале пути: литературная жизнь Витебщины в послереволюционные годы (1918–1924)

А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий

Авторы воссоздают тот социокультурный фон, те культурно-просветительские процессы, движения, начинания, знакомят с деятелями художественной культуры, сформировавшими в конце 10-х – начале 20-х годов XX в. в Витебске неповторимую духовно-творческую обстановку, которая в разных вариантах может читаться как школа Витебской художественной культуры.

Комплексного и системного осмысления и изучения путей становления и развития художественной культуры послереволюционной Витебщины белорусскими исследователями практически не велось. Есть публикации, анализирующие развитие отдельных видов и жанров художественного творчества, однако целостной картины художественной жизни Подвинья–Поозерья–Верхнего Поднепровья (в границах нынешней Витебской области*) до сих пор не сложилось.

В данном материале нам хотелось бы воссоздать тот социокультурный фон, те культурно-просветительские процессы, движения, начинания, познакомиться с теми деятелями художественной культуры, которые в конце 10-х – начале 20-х годов XX в. сформируют в Витебске неповторимую духовно-творческую обстановку, которая в разных вариантах может читаться как школа Витебской художественной культуры и у авторов которой на основе традиций (а иногда и вопреки им) росло желание творчески-новаторского поиска, освоения новых тем и способов их понимания и выражения. Тем более что и в наше время зачастую пропагандируются теории создания нового искусства лишь определенными группами (типа Пролеткульта 20-х годов XX в., провозгласившего своей задачей создание самостоятельной пролетарской культуры исключительно силами рабочего класса. – А.Р., Ю.Р.)** или супермодными авангардистскими течениями.

* Витебская губерния с 7 ноября 1917 г. входила в состав Западной области РСФСР; в январе–феврале 1919 г. – в БССР, затем в РСФСР. В связи с образованием Гомельской губернии (апрель 1919 г.) в Витебскую губернию переданы Сенненский уезд Могилевской губернии (июль 1919 г.) и Оршанский уезд Гомельской губернии (ноябрь 1920 г.). По мирному договору РСФСР с Латвией от 11.08.1920 Двинский, Люцинский и Режицкий уезды отошли к Латвии. В феврале 1923 в связи с укрупнением уездов упразднены Городокский, Дриссенский и Сенненский уезды; Лепельский уезд переименован в Бочейковский. 10 марта 1914 в связи с 1-м укрупнением БССР Витебская губерния упразднена. Оршанский, Бочейковский, Витебский, Полоцкий уезды вошли в состав БССР, Велижский, Невельский, Себежский – в Псковскую губернию РСФСР.

17 июля 1924 г. после передачи Витебской губернии в состав БССР создана новая административно-территориальная единица – **Витебский округ** (1924–1930) с центром в г. Витебске. Включал 12 районов: Бешенковичский, Витебский, Высочанский, Городокский, Езерищенский (упразднен в 1929), Кузнецовский (упразднен в 1927), Лиозненский, Меженский, Сенненский, Сиротинский, Суражский, Чашникский; 3 города (Витебск, Городок, Сенно), 5 местечек, 131 сельсовет. Окружной газетой стала «Заря Запада». Упразднен 26 июля 1930 г.

** См.: «Пролетариат и искусство». Резолюция по докладу А. Богданова на I Всероссийской конференции пролетарских организаций; Богданов А.А. Пути пролетарского творчества: тезисы. – М., 1920 и др.

Вспомним, что заявлялось: «...Центр тяжести [нашей] литературной работы переносится на дневник, репортаж, интервью, фельетон и т.п. «низкие» литературные формы газетной работы, которую [мы] и считаем наиболее современной формой литработы».

Думается, что вряд ли найдутся оппоненты точке зрения, сформировавшейся в конце XX – начале XXI в. в отношении Витебска, города, который, несмотря на средоточие пролетарской и мелкобуржуазной интеллигенции, по интенсивности культурно-художественной жизни в 20-е годы XX в. не уступал Москве и Петрограду (О. Акунович).

Правда, чаще всего эту активность соотносят с развитием изобразительного искусства, которое, действительно, для Витебска тех лет было определяющим, значимым, непреходящим...

Однако в художественной культуре 20-х годов были и театр, и литературная жизнь, и культурно-просветительная работа. Было творчество слова, действия, стиха, эпиграммы, сатиры, народной художественной традиции...

Изучение архивных материалов, сохранившейся периодической печати, воспоминаний очевидцев того времени позволяет сделать вывод, что проблемы художественной жизни послереволюционного Витебска достаточно широко освещали «Известия Витебского губернского совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов» (далее «Известия». – А.Р., Ю.Р.), «Окна РОСТА», «Витебский листок». Читателям регулярно предлагались материалы о творческой деятельности Витебских художников-авангардистов Иосифа Мазеля, Льва Зевина, Соломона Юдовина, Льва Лейтмана, Моисея Кунина, приехавших в Витебск в 1918–1919 гг. по приглашению губернского уполномоченного по делам искусств Марка Шагала и группировавшихся вокруг его художественной мастерской (о них чаще печатались материалы в «Витебском листке», реже – в «Известиях»); о творческой группе художников-супрематистов УНОВИС («Утвердители нового искусства»), объединившихся вокруг Казимира Малевича (Эль Лисицкий, Нина Коган, Давид Якерсон, Вера Ермолаева). Внимание УНОВИСУ в большей степени уделяли «Известия» (печатались как дискуссионные, так и критические статьи (например, статья С. Раппопорта «Художественная работа» (Известия. – 1919. – № 2) в меньшей – «Витебский листок».

О публичных концертах-митингах и театральных постановках, устраиваемых агитационно-просветительским отделом Губернского военного комиссариата (Губвоенкома), возглавляемого М. Пустыниным, писали практически все издающиеся в городе газеты. Вот, к примеру, одно из сообщений в газете «Известия» о музыкально-поэтическом цикле, начавшемся в марте 1919 г. и соединившем воедино поэтическое слово, эстрадный стиль и мастерство декламации: «Вечера тарара-бумбия. В театре «Рекорд» со вторника, 18 марта, пойдет ряд юмористических вечеров на злобные темы при участии т.т. Пустынина и Грилина, которыми написаны для этих вечеров ряд юмористических песен, куплетов и лубков. В первую программу вошли, между прочим, песенки: о кончине (Пара гнедых), о ситце, о муке и крупчатке, о современной ревности, музыкальные **Почему?**, две краткие юмористические лекции: **О голоде и о ситце** и т.д. Конферансье – также под руководством т.т. Пустынина и Грилина. Вечера эти пойдут

под названием «Тарара-бумбия». «Окна РОСТА»*, которые расклеивались в ста пунктах города и тираж которых доходил до пяти тысяч экземпляров, давали анонсы культурных и политических событий в городе и стране, печатали фельетоны, сатирические зарисовки, революционную поэзию. Все эти публикации выходили в специальном разделе «Сатира» и сопровождалась агитационными картинками и карикатурами. О. Акуневич, например, свидетельствует, что ВитРОСТА со дня открытия в июле 1919 г. и по январь 1921 г. издало в общей сложности более чем 25-тысячным тиражом 8 политических и 30 сатирических плакатов.

Стиль поэтических экспромтов так же, как и общность изобразительных приемов, литературная техника, стилистическое подобие позволили исследователям предположить, что рисунки эти выполнял родоначальник Советского газетного дизайна Эль (Лазарь) Лисицкий, а автором поэтических творений был доселе неизвестный в Витебске М. Пустынин. Подобный вывод подтверждается объявлением о специальном выпуске «Окон РОСТА», опубликованном в первом номере «Известий» в августе 1919 г.: «Завтра Витебское отделение «РОСТА» совместно с губагеном «Центропечати» выпускает специальный агитационный номер «РОСТА». В номере будут помещены статьи Мих. Пустынина Дарвалдая (Дарвалдай – один из псевдонимов М. Пустынина. – А.Р., Ю.Р.), Мерлина, Грицетта и многих других, а также карикатуры художника Лисицкого».

Можно утверждать, что влияние средств массовой информации на становление и развитие художественной жизни Витебска и губернии в 20-е годы было определяющим. На наш взгляд, их роль заявлена идеологической функцией прессы. Если обратиться к деятельности «Известий» (первый в Витебске советский печатный орган. Газета основана 11 ноября 1917 года), то можно увидеть, что каждая *редакционная статья по проблемам искусства являлась выражением официального мнения, как партийной, так и советской власти*. А значит, советская газета не просто анализировала деятельность художественных групп и течений, но фактически определяла направленность их развития, давала ориентацию начинающим поэтам, прозаикам, художникам-профессионалам на личностное самоопределение их места и роли в социалистическом строительстве.

Если, к примеру, в августе 1918 – марте 1919 г. все новые художественные веяния определялись **«a priori»** пролетарскими направлениями в искусстве и газеты пытались донести до читателя, убедить его в революционном смысле формо-цветового экспериментирования М. Шагала и К. Малевича, то уже в следующие полгода (март–октябрь 1919 г.) на страницах газет все чаще задается вопрос о том, является ли художественный авангард (футуризм, УНОВИС, конструктивизм) пролетарским искусством? А после появления в «Известиях» в ноябре 1919 г. острокритической статьи С. Раппопорта «Художественная работа» в прессе начинают регулярно печататься материалы, в которых и приверженцы творчества Шагала, и «Утвердители нового искусства» критикуются за формотворчество, оторванность от жизни, неспособность создать подлинно пролетарское, отражающее суть революции искусство.

Одной из форм выражения требований коммунистической идеологии к художественному творчеству нового общества стали печатавшиеся на страницах «Известий» и

---

* Витебское отделение Российского телеграфного агентства (РОСТА) создано 25 июля 1919 г. Первые агитационно-пропагандистские художественные плакаты появились в Витебске в начале августа 1919 г.

«Витебского листка» краткие комментарии или пересказы речей ответственных партийных и советских работников. Например, в «Известиях» (1919, № 3), писавших об открытии в Витебске художественного училища, читаем: «Тогда (до победы Октябрьской революции. – А.Р., Ю.Р.) искусство существовало только для отдельных счастливых чиков, «сильных мира сего», для **рабочей же массы**, среди которой бесспорно **имеется много талантов** (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.), двери в храм науки были крепко-накрепко закрыты, и если кто-нибудь из них и попадал, то это являлось вообще каким-то чудом. Теперь же совсем другое дело. Двери в святое святых науки и искусства открыты для всех рабочих, и **эти пасынки жизни** (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) теперь могут свободно пользоваться теми преимуществами, которые принадлежат им по праву испокон веков». И это – цитата из речи государственного советского служащего Марка Шагала на открытии Витебского художественного училища (правда, высказываются сомнения, что она принадлежит художнику Моисею Кунину, чьи материалы напечатали «Известия»). Еще раньше, в конце 1918 года тот же Марк Шагал, являвшийся Витебским губернским уполномоченным по делам искусств и одновременно заведовавший подотделом ИЗО губисполкома, в петроградской газете коммунистических футуристов «Искусство коммуны» поместил свой отчет о праздновании первой годовщины Октября в Витебске: «К моменту Октябрьской годовщины губерния Витебская была разукрашена около 450 большими плакатами, многочисленными знаменами для рабочих организаций, трибунами и арками... – писал М. Шагал. – Вечер 6 ноября горел незабываемым огнем. Это был праздник и **нашего искусства**» (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.).

С установочными статьями партийной и советской власти России по проблемам художественной культуры витебский читатель смог познакомиться и на страницах центральных газет, поступление которых в Витебск из Москвы значительно увеличилось с середины 1918 года. В «Витебском листке» за 1919 г. читаем: «...в настоящее время губагентство печати получает следующие издания: московские «Известия» – 2000 экз., московская «Правда» – 650 экз., «Беднота» – 7000 экз., «Известия петроградских советов», «Красная газета», «Жизнь национальностей» – по 50 экз., «Экономическая жизнь» – 35 экз., «Профессиональные движения» – 25 экз., «Красный балтийский флот» – 100 экз., местные «Известия» и «Витебский листок» – около 11 тыс. 500 экз.».

Именно московско-питерские издания донесли до начинающих витебских, полочских, оршанских авторов, пытающихся найти свое писательское место, определиться в поэтике слова, емкости фразы, соответствия оценки действительности не только лучшие образцы новой поэзии, прозы, сатиры и юмора, но и произведения членов Ассоциации пролетарских писателей, левовцев, конструктивистов, имажинистов.

Авторы статей, может быть, в революционном порыве, духе времени, может быть, исходя из собственных эмоциональных оценок не всегда понимаемого послеоктябрьского момента, тем не менее проявляют озабоченность, как быть с бесспорно многими талантами, этими «пасынками жизни» (по М. Шагалу), которые готовы и жаждут отдать свой талант на укрепление этой жизни. И здесь мы подчеркнули бы *вторую характерную для этих времен функцию прессы в отношении художественной культуры, авангардного искусства, художественной жизни. Назовем ее творчески ориентирующей*. Нет, для пробующих молодые силы в стихах и прозе, приехавшие в

Витебск М. Пустынин, Арго, А. Исбах не печатали рекомендаций и не давали творческих советов, но своими произведениями, утверждающими понимание и осмысление происходящих событий, своей стилистикой и метафорой, они ориентировали молодых на постижение сути поэтического и прозаического творчества, поиск путей собственного литературного выражения.

Наверно, не задумываясь над проблемами **поэтического учительства** М. Пустынина, когда напечатал, а в театральных постановках артисты стали читать его стихотворение «Товарищ» (один из оригинальных поэтических примеров того времени). Мы даже предполагаем, что оно дало повод В. Маяковскому для написания «Стихов о советском паспорте». Сегодняшние критики непременно найдут в нем нарушение требований традиционных литературных канонов. Но для тех, кто искренне хотел писать о революции, о новых явлениях в повседневном бытии, даже, о слове «товарищ» – это стихотворение было творческим ориентиром для сверки своих личных душевных намерений и поэтических устремлений. Приведем, например, «Товарищ» М. Пустынина:

*«Товарищ»!.. В одном этом слове –
Восстаний народных итог,
За равенство пролитой крови,
За братство изжитых тревог!..*

*В нем – отклик всех высших смятений,
Которыми жив человек,
Заветов, надежд и стремлений,
Из века несущихся в век!*

*В нем – символ борьбы без пощады
С насильем, нас мучивших встарь...
В нем – трепет и мощь баррикады,
В нем – красного знамени ярь!*

*В нем жажда – к волнующей нови
От царской уйти кабалы...
«Владимирки» путь – в этом слове,
За счастье борцов – кандалы!..*

*В нем черным конец лихолетья,
Взлелеянных грез торжество...
Над словом не смейтесь вы этим:
Народ – пострадал за него!*

*В нем – ответ великих пожарщ,
Лишений, порывов, невзгод...
Не смейтесь над словом «товарищ»:
Его – заработал народ!..*

Еще в одном своем стихотворении М. Пустынин (под псевдонимом «Дарвалдай») пусть и в агитационной, призывной форме показал начинающим витебским литераторам, что значит стихотворное звучание произведения, что такое его реплика и стиль, что надо для того, чтобы оно воспринималось и при чтении, и на слух, «заходило» слушателя:

*...Мы верим пламенно
В поступки небывалые,
В события высокие,
В красивые дела!
.....
Мы верим в невозможное!
И, радостью тревожною
Пронзенные насквозь,
Душой мы чуем страстную,
Что близки дни прекрасные!..*

Отметим, что М. Пустынин свои стихи, частушки, эпиграммы очень часто декламировал сам.

...Думайте, начинайте, молодые. Но помните, что суть поэтического слова не в нагромождении понятий, эпитетов, искусственно рифмованных строк, а в проникновении напечатанного слова, его открытости и душевности, его восприятию как реализации душевного поэтического порыва и даже побудителя к практическим действиям.

Собрав воедино витебское творчество М. Пустынина, увидим, что он был категорическим противником формотворчества. И своей поэтикой, творческой манерой предостерегал начинающих авторов от шаблонности, бравурности, прямолинейности. Вот одно из его поэтических обращений:

*Нам цензор встарь давал уроки,
Но как бы цензор не был строг –
В статьях обычно были строки,
И мы читали между строк.
Теперь беру газет я грудю,
Но в них зияют «островки»,
Как между строк читать я буду
Статью, в которой «ни строки».*

Молодым литераторам, приверженцам «Окон РОСТА» в творческом становлении повезло чуть больше, чем другим.

Во-первых, при «Окнах РОСТА» с января 1921 г. функционировали трехмесячные курсы подготовки журналистов (первая школа, созданная в Белоруссии). Хотя в ходе учебы особый упор делался на практическую ориентацию будущих рабкоров и селькоров (впоследствии именно эта часть журналистских кадров придет в литературные объедине-

ния), все же значительное время уделялось формированию творческих навыков, постижению секретов журналистского, скажем, словесно-писательского мастерства.

К тому же, инструкторско-иногородний отдел ВитРОСТА выпустил в помощь местным работникам печати восемь бюллетеней (первых в Белоруссии) – о технике газетного дела, стенных газетах, об информации, устной агитации, основах редакторского дела и т.п. Эти издания, в основу которых были положены лекции, прочитанные в школе журналистов, несомненно, сыграли положительную роль в развитии рабсельковского движения; по сути они стали пособием, с помощью которого можно было подготовить выпуск своей газеты.

Во-вторых, Витебские «Окна РОСТА» в 1921 г. издавали журнал «ВитРОСТА», предназначавшийся, правда, главным образом, для работников РОСТА. В то же время в журнале печатались материалы, доступные для широкого круга читателей. Например, в январском номере журнала рассказывалось о деятельности ВитРОСТА, сообщалось о выпуске «Окон сатиры» и о втором губернском съезде журналистов. Были напечатаны статья «Наша школа журнализма», отрывки из лекций, прочитанных в школе под названиями «От газеты-лавочки к газете-знамени», «О верстке, игре шрифтов и прочем». Под рубрикой «Советы молодым журналистам» опубликованы «Десять заповедей советского (витебского) журналиста» С. Мерлина, дающие содержательно-творческую ориентацию начинающим авторам небольших рассказов, заметок, фельетонов. О их практической значимости свидетельствуют мнения исследователей о том, что они «по своей сути не потеряли актуальности и до сих пор» (А. Подлипский).

В помощь начинающим авторам в первом номере журнала выделен раздел «Литколлегия», напечатаны статьи «Рабочая жизнь» (о литколлегиях), «Литколлегии и военная печать», «Читальный зал РОСТА», «Еще о литколлегиях», а также несколько сотен ярких стихотворных строк, написанных витебскими литераторами за период с июля 1919 по январь 1921 года. Вот, к примеру, одно из восьмистиший, посвященных союзу рабочих и крестьян и приуроченное к «Неделе крестьянина»:

*Красному солнцу не страшен ущерб.
Солнцем стремленья пылают российские.
Если сплетутся и молот и серп,
То победят они танки английские.
Горе-Антанта плетет сотни уз.
Нам ли бояться похода антантского?
Что этой бешеной своры союз
Против союза рабоче-крестьянского?*

Сотрудники журнала оказывали непосредственную помощь всем уездным газетам, выходящим в это время в Витебской губернии (в Полоцке, Сенно, Орше, Невеле, Городке, Лепеле, Дриссе) (в т.ч. и по вопросам литературной работы, отношения к художественному наследию прошлого и современному авангардному процессу).

В то время совсем молодой А. Исбах подчеркивал, что бюллетени ВитРОСТА «...были и двухсторонние и совсем миниатюрные, величиной в носовой платок, печат-

тались на грубой, оберточной и на тонкой папиросной бумаге всех цветов. Но выходили регулярно, заменяли периодическую местную прессу, и вокруг них создавался свой рабковский и сельковский актив».

Для специализирующихся в жанре сатиры и юмора «Журнал ВитРОСТА» открыл специальный отдел «Сучки и задоринки»*. Авторы высмеивали примазывавшихся к Советской власти ноздревых, корбочек и других гоголевских персонажей, разоблачали проявления бюрократизма и волокиты, зарождающихся в среде совслужащих, публиковали литературные пародии, карикатуры, изошутки, юмористические объявления. Следует отметить, что «Сучки и задоринки» не были свободны от обывательского подхода отдельных авторов к оценке трудностей восстановительного периода, с которыми приходилось сталкиваться населению Витебска и губернии. Такого рода материалы снижали (и не только в «Журнале ВитРОСТА») идейный и общественный уровень публикаций, придавали им окраску, характерную для многих других дореволюционных изданий.

Думается, что и к витебским «Окнам РОСТА» и к «Журналу ВитРОСТА» может быть с полным правом соотнесена оценка российских «Окон РОСТА», данная им на первом съезде работников телеграфного агентства 16–21 мая 1920 г. В. Маяковским: «Первая и основная наша задача – это приковывание внимания, это заставить бегущую толпу, хочет она или не хочет, всеми ухищрениями остановиться перед теми лозунгами, перед которыми мы ее хотим остановить (см.: ЦГАОР(?), ф. 391, оп. 1, ед. хр. 9, л. 244) и «пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись», а «мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла» (см.: Маяковский В. Собр. соч.: в 8 т. – М. – 1967. – Т. 2. – С. 125).

Конечно, были и голод, были холод и разруха, но для работающих в РОСТА журналистов, литераторов, полиграфистов «сильнее всего была мечта о большом, настоящем искусстве, полном пафоса и страсти, искусстве благодарном и героическом, настоящему нужном победившему народу» (см.: Комсомольская правда. – 1964. – 14 июля).

Видя и понимая, что витебские «Окна РОСТА» благодаря своей доходчивости, наглядности и сатирической направленности, пользуются огромной популярностью среди красноармейцев и рабочих, поэт, пародист, юморист, сатирик Михаил Пустынин (он же в 1918–1919 гг. – начальник Витебского отделения РОСТА) пришел к выводу о необходимости «перевода» «Окон РОСТА» на живой язык театра: «Наблюдая как перед сатирическими «Окнами РОСТА» собираются толпы красноармейцев и рабочих, я подумал: «А как здорово было бы вместо рисованных сатирических фигур использовать живых актеров». Размышления М. Пустынина поддержали энтузиасты театрального дела – ответственный секретарь Витебского отдела Союза РАБИС А.А. Гольдман, режиссер Витебского театра А.А. Сумароков, работник РОСТА, он же – главный режиссер Витебского городского театра Н.П. Абрамский. Идея была с пониманием воспринята и в губернском комитете ВКП(б).

---

* Это было обычное явление в русле молодой советской журналистики. Можно вспомнить, что в 1918 г. частично из-за нехватки бумаги, а в основном из-за разногласий с новой властью вся популярная до революции сатирическая и юмористическая периодика прекратила свое существование. И только в начале 20-х годов газеты, стоящие на позициях ВКП(б) начали открывать сатирические рубрики (в «Рабочей газете» – «Крокодил», в «Гудке» – «Смеха» и т.п.).

Заведовать литературной частью театра было поручено М. Пустынину. Он же был и ведущим драматургом (кроме Пустынина авторами материалов для выступлений были Ад-Ар. Арго и А. Исбах, оперативно и смело откликаясь на злобу дня). Художником театра был М. Шагал. Руководителем и главным режиссером стал переехавший в Витебск петроградский актер М.А. Разумный, занятый во всех постановочных номерах вместе с женой А.П. Чаадаевой. Театр открылся 7 февраля 1919 г. и получил название «Теревсат» в рамках принятой в то время «революционной скороречи» от названия «Театр революционной сатиры»*.

В своих размышлениях мы не будем исследовать историю деятельности Теревсата (это тема для других авторов), попытаемся проследить ту роль, которую известные к тому времени авторы «Теревсата» сыграли в литературной жизни Витебщины, ориентации начинающих дарований на выбор творческого пути, а впоследствии и на рост их профессионального мастерства.

Особенностью поэтических произведений в Теревсате было то, что они часто не имели твердо фиксированного текста, воспринимались на слух, получая усиливающее влияние от «дыхания» толпы с одной стороны, и с другой, – имели возможность постоянного содержательного обновления, используя новые материалы через оперативную связь с ВитРОСТА. Вспоминает М. Пустынин: «Быстро меняющаяся международная и внутренняя обстановка, перенос тяжести военных усилий с одного фронта на другой, проведение то одной, то другой политической или хозяйственной кампании заставляли выводить на сцену в качестве объекта сатиры то Керенского, то Краснова, то Юденича, то Колчака. Сегодня Теревсат обрушивается на меньшевиков, дезертиров, мешочников, завтра на взяточников, попов, саботажников. Разрабатывать твердые тексты, просто не было времени. Намечалась только тема выступления, основной сюжет, который бесконечно варьировался, иногда даже во время представления. Играть часто приходилось без сценических подмостков, порою прямо среди зрителей, которые втягивались в действие как активные его участники. Реплики, вопросы, выкрики зрителей, среди которых бывали подчас враждебные и провокационные, заставляли актеров всегда быть начеку. Нужно было иметь огромное самообладание, находчивость и способность к импровизации, чтобы довести до конца эти представления».

Но ведь в этой толпе присутствовали и те, кто уже избрал для себя путь поэтического постижения истины, путь новый и неизведанный, на котором грубая правда времени согревалась романтической верой в будущее. Молодым авторам хотелось своими силами сказать о тех, кто претворял в жизнь идеалы революции, кто, в их понимании, был «кузнецом Коммуны». Преданность своему «сегодня», стремление зафиксировать его, равнялось для авторов периода разрухи и «военного коммунизма» порыву и прорыву в светлое завтра: одно без другого не мыслилось.

Литинститута еще не было. А писать хотелось. Вот поэтому звучащие с эстрады и доступные через печать стихи М. Пустынина, Арго, Исбаха (а чуть позже и молодых белорусских авторов) были и учебником, и правилом стихотворчества для начинающих.

Столичный журнал «Вестник театра» (1920, № 59), анализируя деятельность Витеб-

---

* 6 февраля 1919 г. витебские «Известия» (№ 47) опубликовали стихотворение М. Пустынина «Метла» с подзаголовком «К завтрашнему спектаклю Теревсата», ставшее впоследствии гимном Теревсата.

ского Теревсата, писал: «В постановке первое внимание обращается на агитационное значение номера, а художественность из-за недостатка средств стоит на втором плане».

В следующем номере журнала (1920, № 60), приветствуя контакт актеров и зрителей, соучастие последних в действии – игра, агитатор ЦК РКП(б) Е.П. Херсонская, видевшая выступление артистов на Западном фронте, отмечает: «Люди чувствуют, что **эта сатира, этот театр** доступны им не только как зрителям, но и как творцам. А это не то ли, чего мы добиваемся в **народном театре?**».

Репертуар Теревсата (а всего в течение года было поставлено свыше 120 спектаклей, которые посмотрели до 300 тыс. зрителей) был достаточно разнообразным – от исполнения теревсатовского марша и доходчивых запоминающихся частушек до показа сатирических сенок на темы внутренней жизни страны – о бюрократах и дезертирах, о волоките и разгильдяйстве, о предателях и кулаках; от исполнения стихов о мировой революции и победах Красной Армии до постановки агитпесенок на темы внутренней жизни страны; от исполнения революционных песен «Варшавянки», «Замучен тяжелой неволей» и песен, созданных в самом Теревсате до политической сатиры, раскрывающей деяния Антанты и ее покровителей – Черчилля, Ллойд-Джорджа, Пуанкаре и т.п. Инсценировавшие сообщения прессы, театрализованные политобозрения Теревсата по своему художественному воплощению во многом смыкались со знаменитыми «Окнами РОСТА». Представления пользовались огромным успехом (А. Шатских).

Однако для нас в данном случае более важным представляется многообразное жанрово-литературное наследие постоянного «текстовика» Теревсата М. Пустынина, в лубочно-сатирическом плане пояснявшего происходящие события.

Вот, к примеру, произведения, написанные поэтом для премьерного спектакля, состоявшегося в Витебске 7 февраля 1919 г. Это: «**Марш Теревсата**» – текст М. Пустынина; «Ковчег Теревсата» – **политсатира** М. Пустынина; «Блокада» – **агитпьеса** М. Пустынина; «Конь Блед» – **пародия** М. Пустынина; «Приключения ангела мира» – **политсатира** М. Пустынина; «Тересатовские **частушки**» – текст М. Пустынина; «Блокада» – **стихи-пародия** М. Пустынина; «Их интернационал» – **песня для хора** М. Пустынина.

В спектаклях Теревсата, сыгранных перед бойцами и командирами в период его работы на Западном фронте (до 25 декабря 1919 г.), жанровый перечень еще более разнообразен. Здесь **тантомореск*** и **балаганное представление, петрушечное представление и сценка с пением, пьеса-мюзикл и лубок, театрализованные частушки и песня-пародия, пьеса-мюзикл и куплеты с танцем**. И все это жанровое многообразие предлагалось зрителю на фоне музыкально-песенного оформления, делая через сочетание слова и музыки оценку текущего момента более доступной и понимаемой.

Стихи, песни и лихие частушки, четверостишия, написанные М. Пустыниным, были особенно яркими и запоминающимися. Вот несколько примеров: **рефрен из «Марша Теревсата»:**

---

* Тантомореск, или живой плакат. На сцене ставилась ширма или щит, на котором были нарисованы смешные фигуры в необычных позах. В этих фигурах были прорезаны отверстия для голов и рук актеров, находившихся за щитом. Перед зрительным залом «выступали», таким образом, плакаты с живыми лицами и руками, исполнявшие самые разнообразные по содержанию сценки, частушки, диалоги, песенки.

*Пусть развеселой задирой
Будет наш Теревсат,
Пусть искрометной сатирой
Клеймит он тех, кто хочет назад.
Мы победим скуку серую,
Веруем в то горячо.
Мы с нашей радостной верою,
Метлы возьмем на плечо...*

Частушки для отправлявшихся на фронт красноармейцев:

*Живо, живо! К цели, к цели!
Ты лети, лети, вагон!
С нами пушки и шрапнели!
Враг наш будет побежден!
На носу дворянской клики
Надо будет зарубить:
«Мы зажгли пожар великий,
Вам его не потушить».*

Частушки для витебских крестьян:

*Это дело не фасон,
Горе-гореваньище,
Коль поля возьмет барон,
Что же нам останется?*

Пародия на басню Демьяна Бедного «Пьяный чиж»:

*Бродя однажды по Фонтанке,
Я Чижика увидел сквозь окно.
Что Чижик тот упал на дно,
Я видел по его осанке:
В глазах светились грусть, и боль,
И неизбывная кручина,
Ну, словом, старая картина,
Герой, которой – алкоголь.
...Вокруг над Чижиком смеялись,
Иные даже издевались,
А Чижик, весь в слезах, являя пьяный пыл,
Все пил да пил...
А я скажу: когда бы этот Чижик
С вниманьем прочитал пять-шесть партийных книжек,
Тогда бы он не шел в кабак,
А поступил бы на рабфак.*

По воспоминаниям современников, шутки, эпиграммы, пародии М. Пустынина «были исполнены «мягкого юмора и какого-то особого беззлобного пустынинского толка» (Е. Зозуля), а сам сатирик-юморист органически мягкий, беззлобный человек, который вовсе не хочет поразить объект своей насмешки насмерть, а хочет посмеяться над его слабыми сторонами без наступления, издевательства и сатирического улюлюканья».

Известный театральный обозреватель 20-х годов В. Блюм, оценивая «марш Теревсата» писал в 1920 г. в журнале «Вестник театра»: «Лучший номер вечера – марш теревсата, великолепно приспособленная на службу революции буржуазная шансонетка... (в качестве музыкального оформления использовалась музыка из оперетты Ж. Жильбера «Пупсик». – А.Р., Ю.Р.). Когда публика осмелеет и научится вместе с размещенным в ложах хором подпевать refrain, будет совсем славно – и улыбатально, и «коллективно» (см.: «Вестник театра». – 1920. – № 74. – 20 ноября).

Сам М. Пустынин оценивал теревсатовские митинги-концерты следующим образом: «Ни нас (руководителей театра. – А.Р., Ю.Р.), ни зрителей ничуть не смущало несоответствие революционного текста и бульварной мелодии. Важно было, что текст «доходил», подхватывался всем залом со свистом, пристукиванием каблуков и веселыми возгласами». Создание Теревсата явилось непосредственным ответом на потребность в новом искусстве. И поэтому в постановках первоочередное внимание обращалось не столько на художественное, сколько на агитационное значение. Номера не блистали «отделкой», да Теревсат на тонкости и не покушался, главное было «зажечь» зал, дойти до души зрителей. А это у него получалось. «Люди чувствуют», что эта сатира, этот театр доступны им не только как зрителям, но и как творцам. А это не то ли, чего мы добиваемся в народном театре».

Еще одним «учебным» пособием для молодых были сатирические, остропародийные поэтические изображения Арго-Гольденберга Абрама Яковлевича (1897–1968)*. (Заметим, что советские и российские исследователи считают, что именно в Витебске объединились богатый опыт М. Пустынина и Арго и понимание эстрады М. Разумным)**.

Ориентиром для начинающих служили лубок Арго «В теплушке», его же «Балаганное представление», пьеса-лубок Арго и Н. Адуева «Петруха и разруха», частушки и стихи Арго «Памяти парижских коммунаров», красноармейские частушки Арго и Деге (Д.Г. Гутмана) «Лешка-гармонист» и др. Большая часть произведений Арго и его соавторов печатались в журнале «Раненый красноармеец», «Заноза», «Комар» и др. Многие из них были напечатаны в «Окнах РОСТА», ежедневной политико-литературной газете «Отклики» (выходила в Витебске с 1922 года, как орган секции журналистов и полиграфистов Витебской губернии), «Витебской крестьянской газете», областной официальной газете «Заря Запада» и др.

Многие из начинающих поэтов-сатириков знали изобретенное еще до революции выражение Арго «инцидент исперчен» (вместо «испорчен»). Его, кстати, гораздо позже взял на вооружение В. Маяковский и даже включил в свою записку, оставленную на месте самоубийства.

* Публиковался под псевдонимом Арго, Елизавета Воробей, Дядя Емеля, Семипядей Волбухин и др.

** Режиссер витебского «Теревсата».

Как сатирик, привыкший бичевать пресловутую «злобу дня», Арго требовал от молодых, только становящихся «на крыло» поэтов, нетерпимого отношения к халтуре и головотяпству. При этом, «бичевание» пороков непременно должно быть облечено в увлекательную форму, освещенную высоким профессионализмом.

Сохранилось следующее воспоминание об Арго. Уже к 1919 г. он «делал все необходимое для того, чтобы возникла сатира. Уже тогда он работал в своем жанре, уже тогда он давал то лучшее, что мы встречаем в малоформистских произведениях, что мы чрезвычайно уважаем». (см.: Стенограмма творческого вечера А.Я. Арго в Доме советского писателя ССП СССР. 1935, май, 17 // ИМЛИ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 15–16). В начале 20-х годов Арго был среди самых оперативных сатириков. Его сатирические миниатюры иллюстрировали самые животрепещущие вопросы, обсуждаемые в прессе: литературные премьеры, новейшие театральные постановки, положение с изданием журналов, заграничные чиновничьи поездки, дискуссии о «Лефе», проблемы пола, личности, политики, дачный отдых...

Ситуация благоволила сатире: цензоры еще не видели врагов там, где их не было. А поэтому перо Арго было зубастым, учащим, ориентирующим:

*Вот Ленин! Он прост был и колоссален,
Он знал, что и как,
А вот остальные – Зиновьев и Сталин –
Сплошной пустяк...*

(см.: «Красный перец». – 1926. – № 6).

Можно сказать, что витебским литераторам повезло: именно им в начале творческого самоопределения представилась возможность слушать, заучивать эпиграммы, басни, фельетоны Арго, пользовавшиеся постоянной популярностью у читателя.

Начинающий поэт, а впоследствии сподвижник М. Пустынина и Арго по Теревсату Александр Исбах* вспоминает: «Далекie невозвратимые дни моей ранней юности. Тысяча девятьсот двадцатый год. Родная Белоруссия. Город живет тревожной и напряженной жизнью. Фронт совсем близко. Военные госпитали переполнены ранеными. Городские заборы ежедневно оклеиваются огромными зелеными плакатами РОСТА: «Оперативная сводка», «Полевой штаб Республики»...

...Большинство «Ростовцев» были еще совсем юными, только вступающими на тернистый путь журналистики. Признанным нашим мэтром являлся поэт-сатирик Михаил Яковлевич Пустынин. Он был ответственным руководителем губРОСТА и стоял в центре всех общественных литературных начинаний. На его строгий суд приносил я свои первые рабкоровские заметки, корявые стихи, фельетоны, разящие акул международного империализма и громящие местных, домашних бюрократов и взяточников.

Какое счастье я испытал, когда первый отредактированный Пустыниным стихотворный фельетон появился на страницах «Известий»! Мне тогда было пятнадцать лет, и я уже видел впереди сверкающие вершины Парнаса».

* А. Исбах начал печататься в витебских изданиях с 1920 г. Сотрудничал с витебскими журналами «Школа и революция», «Искусство», с газетами «Известия», «Витебский листок». В 1921 г. переехал в Москву.

Уже в преклонном возрасте профессор А. Исбах написал о Витебске 20-х годов XX ст.: «...Лето 1921 года в нашем городе ознаменовалось расцветом литературы и искусства. Особенно гордились мы театром революционной сатиры, созданным при РОСТА. Основателем и художественным руководителем Теревсата был Пустынин.

Саму творческую атмосферу А. Исбах предлагает в следующей редакции: «Следующая очередь была моя. Я начал читать при полной тишине только накануне созданные стихи:

*Три года... Как гордо звучит это слово!
Три года... Как гордо звучит этот звук!
Три года прошло, и сегодня мы снова
Справляем наш праздник мозолистых рук.*

Мне казалось, что весь зал замер, покоренный силою этих строк

*Три года... Как гордо звучит это слово!
Три года... Как гордо звучит этот звук! –*

мастерским рефреном начал я вторую строфу.

И в этот миг приглушенный бас Михаила Яковлевича прозвучал из боковой ложи:

– Три года – это два слова, а не одно.

В зале засмеялись. Я пошатнулся. Вот он, подвох, которого я боялся. Но я все же дочитал до конца стихотворение и ушел со сцены, упиваясь звуками аплодисментов

Всякое бывало...».

Значит, было у Пустынина время для встреч с молодыми литераторами, разбора их произведений, ориентации их на поиск путей собственного самовыражения.

Традиционно считалось, что с переездом Витебского Теревсата в Москву деятельность М. Пустынина и И. Исбаха в Витебске прекратилась. Однако это не так: в Москву отбыла только часть труппы Теревсата во главе с Марком Разумным (в июне 1922 г. демонстративно ушел из московского Теревсата). Другие авторы и создатели театра остались в Витебске, прежде всего М. Пустынин и А. Сумароков, продолжавшие активно развивать традиции Теревсата. Вот несколько объявлений из витебских газет того времени. 19 июня 1920 г. «Стенная газета РОСТА» поместила следующее объявление: «Завтра, 20 июня будет в первый раз пущен оборудованный Губкомом Р.К.П. и политпросветом Губвоенкома – агиттрамвай. С 1 ч. дня агиттрамвай даст несколько спектаклей-митингов на базарах. С 8 ч. будет дан спектакль-митинг на площади Свободы и в других людных местах». 12 января 1921 года «Известия» в статье «Первый агитационный вечер ВитРОСТА» (подписана инициалами И.Б. (Исаак Бахрах): «Теревсат. Главный номер агитвечера – Теревсат начался последним актом пьесы «Этапы», после которого перед зрителем прошел ряд новых сатирических пьесок, принадлежащих перу т. Пустынина, в исполнении артистов Сумарокова, Брауна, Шатри, Лызлова, Ангорской и др.»).

Творческая натура М. Пустынина не ограничивается лишь театральными исканиями*. Весной 1921 года по его инициативе и при непосредственном участии в Витебске был организован Витебский союз поэтов (Витебское бюро союза поэтов), в который кроме М. Пустынина вошли В. Волошинов, П. Медведев, А. Сумароков, А. Исбах, И. Амский и другие. 10 мая 1921 года «Известия» в заметке «К поэтам» анонсировали: «Сегодня все местные поэты и литераторы должны явиться на суд ценителей поэзии и искусства. Витебское бюро союза поэтов ждет от этого вечера очень много (...). Сегодня, 10 мая в 8^{1/2} час. веч. в клубе Сорабиса (Замковая ул.) состоится Вечер Поэтов. Выступят поэты: Медведев, Волошинов, Пустынин, Исбах, Амский, Гольдасон, Сумароков, Ярославцев, Суховская, Стернин, Дионесов и др. После вечера состоится организационное собрание всех местных поэтов». Состоявшаяся беседа, по воспоминаниям современников, закончилась далеко за полночь. Следует подчеркнуть, что встречи начинающих витебских авторов с членами бюро союза поэтов были и постоянными, и результативными.

На наш взгляд, в исследованиях духовной жизни Витебска 20-х годов незаслуженно редко пишут о той огромной роли, которую в формировании духовно-художественного облика Витебска 20-х годов XX ст. сыграла просветительская, лекционно-пропагандистская деятельность Губполитпросвета и Губкомпросса, активно работавших с известными российскими учеными, искусствоведами и литераторами. Такими, как П. Медведев**, Л. Пумпянский, В. Волошинов***, М. Бахтин****, К. Малевич, В. Архангельский и др.

Жизнь и деятельность в Витебске каждого из них заслуживает отдельного исследования. Для нас же важным представляется тот вклад, который они внесли в формирование литературно-духовной среды Витебска 20-х годов, обогащение ее знаниями по истории и теории развития западноевропейской и русской литературы. И, что особенно заслуживает внимания – лекции, беседы, доклады одного из участников часто дополнялись материалами другого. Из опубликованных материалов следует, к примеру, что **Льву Васильевичу Пумпянскому (1891–1940), уроженцу Витебской губернии**, принадлежала инициатива в выдвигании ряда литературно-теоретических проблем, подхваченных в дискуссиях, а впоследствии глубоко и оригинально развернутых и разработанных **М. Бахтиным**. Так же, как и публичные лекции молодого **В. Волошинова** (он читал лекционные курсы по истории драматургии и театра, костюма и внешнего

* Свидетельством тому, что поиск новых форм агиттеатра постоянно занимал его, является издание М. Пустыниным в январе 1922 г. брошюры «Да будет светгазета!».

** Медведев П.Н. в Витебске с начала 1917 г. Был последним городским головой Витебска. После Октябрьской революции организовал Народный университет (позднее переименованный в Пролетарский), избирался его ректором. Во главе подотдела искусств он вместе с Добужинским, Шагалом, Малько налаживал духовную жизнь Витебска в 1918–1922 гг. Организовал «Общество свободной эстетики». Уехал в Петроград летом 1922 г.

*** Волошинов В.Н. (1894–1936) – близкий друг семьи М.М. Бахтина. Участник бахтинских витебских и невельских «философских вечеров-дискуссий». Приехал в Витебск к перенесшему операцию М. Бахтину в феврале 1921 г. Стихи В. Волошинова печатал витебский журнал «Искусство». Возвратился в Петроград в 1922 г.

**** Бахтин М.М. переехал из Невеля в Витебск в конце лета 1920 года. Официальными должностями М. Бахтина в Витебске были должности профессора Народной консерватории (с 1923 г. музыкального техникума) профессора Института народного образования (педагогический институт). Некоторое время преподавал литературу и психологию в школе № 16 2-ой ступени, а также выступал как лектор внешкольного подотдела ГубОНО, лектор Рабиса, руководил группами частных учеников. Летом 1921 г. женился на сотруднице Витебской научно-педагогической библиотеки, уроженке Бешенкович Елене Околович. Уехал в Петроград летом 1924 г.

быта. – А.Р., Ю.Р.) часто дополнялись комментариями и пояснениями М. Бахтина. Тот же М. Бахтин оказывал консультативную помощь популярному лектору, по образованию юристу П. Медведеву, которому трудно было вести полемику с русскими формоискателями от искусства без поддержки М. Бахтина.

Следует подчеркнуть, что и Л. Пумпянский, и М. Бахтин, и В. Волошинов занимали ответственные посты в различных государственных учреждениях образования, культуры и искусства. К примеру, Л. Пумпянский входил в «лекторскую коллегия» Пролетарского университета и комиссию по улучшению и пересмотру учебников школьного подотдела ГубОНО; М. Бахтин наряду с преподавательской работой выполнял обязанности инструктора по охране памятников старины и искусства по Невельскому уезду; сначала заместителем, а затем заведующим секцией музыкального образования в Губнаркомпросе работал В. Волошинов.

Несколько слов о Л. Пумпянском. За год с небольшим жизни в Витебске он прочел большое количество лекций, определяющая роль среди которых принадлежит циклу «История идей европейской культуры» (...А. Шатских приводит такой интересный факт: витеблянин Г.Я. Юдин, слушавший Л. Пумпянского, вспоминал, что одна из лекций Пумпянского, записанная в его тетради под номером 172). Популярностью пользовались такие формы донесения искусства до зрителей, как концерты-митинги, лекции-концерты, концерты-вечера, спектакли-митинги, театрализованные суды*, агитационные вечера ВитРОСТА и др. Вот некоторые из названий лекций, прочитанных Л. Пумпянским: «История идей европейской культуры», «Философия античности», «Об античном театре», «Великая Французская революция (культурологический анализ. В нескольких частях)», «Философские размышления об архитектуре», «Построение символической действительности в произведениях Пушкина», «Поэзия Гете», «Философия музыки» и др. Заметим, что лекции читались не только для студентов Педагогического (Народного), или Пролетарского университетов, слушателей филиала Московского археологического института и Народной консерватории. Л. Пумпянский читал самостоятельные и объединенные в отдельные циклы лекции в театральной студии Р. Унгера, Витебской научно-педагогической библиотеке, клубе РАБИСа, Витебском городском театре, школах города. А вот тематика лекций, читаемых в 1920 г. для витеблян М. Бахтиным в 1920 г.: «Роль личности» (4 сентября. Вместе с М.Н. Каганом), «О роли личности» (6 сентября. Вместе с Л. Пумпянским), «Нравственный момент в культуре» (11 сентября), «О слове» (12 сентября), «Новая русская поэзия» (18 сентября), «Поэзия Вячеслава Иванова (6 октября)», «Философия Ницше» (7 октября), «Нравственная идея Льва Толстого» (18 октября), «Символизм в

---

* Действо, распространенное в Витебске в послереволюционные годы и прочно не используемое в наши дни. Они проводились над литературными героями (Чацкий, Обломов, Онегин, Раскольников и др.), а в качестве обвинителей или защитников выступали известные ученые, актеры, общественные деятели. «Известия» 16 мая 1922 г., к примеру, сообщают читателям: «Сегодня 16 мая в Губпоказтеатре состоится литературный суд над Раскольниковым (инсценировка романа Достоевского «Преступление и наказание» при участии бывшего прокурора Петроградской судебной палаты Струве, б. присяжного поверенного Бобрищева-Пушкина или Элькина, заслуженного артиста Ходотова и др. В среду 17 мая состоится суд над Катюшей Масловой и князем Нехлюдовым. Состав суда тот же». Защитником Раскольникова и Катерины Масловой в литературном суде выступал М. Бахтин.

25 апреля 1923 г. М. Бахтин «защищал Веру Мирцеву в постановке драмы Л. Урванцова (это было единственное проигранное М. Бахтиным дело) «Сергея Петровича по обвинению в убийстве своей жены из ревности в инсценировке романа М. Арцыбашева «Ревность»».

Подобные «суды» воплощали рождение нравственной истины в диалоге сторон, апеллировавших к высшей судебной инстанции.

новой русской культуре» (27 октября), цикл лекций по истории новой философии средневековой литературы, эстетике (6 декабря), прочитанный в декабре 1920 г. для студентов Института народного образования (ИНО) и др.

И несколько слов о тематике лекций П. Медведева, прочитанных в 1918–1922 гг.: «Значение И.С. Тургенева в истории русской литературы» (к 100-летию со дня рождения), «Различные направления в русской художественной литературе», «Творчество А.С. Пушкина», «Творчество Лермонтова», «Максим Горький, его жизнь и творчество», «Творческий путь Гоголя», «Мертвые души Н.В. Гоголя», «1840-е годы в русской общественной жизни и литературе», «Личность Герцена», «Философское и литературное значение 1860-х годов», «Разложение натурализма и новые веяния в русской литературе», «О пролетарской поэзии» и др.

Кроме того, по проблемам мировой, западноевропейской и русской художественной культуры в Витебске 20-х годов лекции читали профессор Московского археологического института В.М. Архангельский («Русская журнальная сатира XVIII века в связи с идеями просветительской литературы», «История литературы как наука», «История русской литературы с методологией»), искусствовед С.О. Грузенберг («Достоевский и проповедь социальной любви», «Нравственное жизнеописание Шопенгауэра», «Нравственное жизнеописание Ницше», «Духовная драма Льва Толстого»), основатель УНОВИСА К.С. Малевич («Новейшие течения в искусстве (импрессионизм, кубизм и футуризм)», «О «Я» и коллективе», «Живописные доказательства»), писатель А.С. Серафимович («Новая жизнь и литературное в ней творчество» и др.).

На наш взгляд, это первый и достаточно уникальный пример из развития художественной культуры Витебска нового времени. Слушателям предлагались не просто характеристики и пересказ художественных произведений, но и научные комментарии их содержания. Им давались характеристика эпохи, тех социальных условий, в которых создавалось произведение искусства, они вводились в контекст проблемы «жизнь искусства в обществе». И это вхождение, это понимание «старой» художественной культуры усиливалось синтетическим взаимодействием искусств, обеспечением этого взаимодействия формами дискуссионными, пропагандистскими, идеологическими. Вот несколько примеров. Большой интерес у интеллигенции Витебска вызвал состоявшийся 9 февраля 1919 г. митинг-диспут о современном искусстве (Дебаты о футуризме). Стенограмма, к сожалению, не сохранилась. Но уже одно ознакомление с программой и списком участников позволяет высказать предположение об остроте дискуссии.

Основной доклад делает художник М. Шагал. Оппонентами выступают литераторы Л. Пумпянский и П. Медведев; партийную точку зрения отстаивают С. Марголин, С. Крылов, А. Шифрес, С. Шейдлина, журналист Я. Окунев; в диспуте участвуют художники и преподаватели Народного художественного училища И. Пуни, К. Богуславская, А. Ромм, С. Шпиро и др. Принятое решение поддерживает линию на демократизацию искусства, многообразие его форм существования и выражения.

Успешно реализовалось декоративно-прикладное искусство (при комиссариате народного просвещения создан отдел художественной промышленности^{*}, в январе

^{*} Коллегию по делам искусств и художественной промышленности при Витебском Губернском комиссариате народного просвещения с 14 сентября 1918 г. возглавлял Марк Шагал. Уехал из Витебска 5 июля 1920 г.

1918 г. была организована запись в мастерскую современного прикладного искусства К. Богуславской в Народном художественном училище (мастерская открыта 10 февраля 1918 г.), в марте 1918 г. губернская конференция внешкольных работников рассмотрела задачи художественной промышленности, в ноябре 1918 г. создается Государственная художественная декоративная мастерская при губернском комиссариате народного просвещения и т.п.).

Лекции ведущих ученых России были хорошим ориентиром в формировании литературно-художественных предпочтений витеблян. Это, во-первых. Это, *во-первых*.

Во-вторых, даже спустя почти 100 лет современнику трудно переоценить ту роль, которую сыграла лекционно-пропагандистская деятельность П. Медведева, М. Бахтина, В. Архангельского, В. Волошинова, Л. Пумпянского и др. в становлении начинающих авторов-поэтов, писателей, журналистов, рабочих корреспондентов. Несмотря на то, что Витебск был губернским городом, подготовка квалифицированных специалистов велась в нем лишь для системы народного образования (в Витебске с 1910 г. работал учительский институт, готовящий специалистов с неполным высшим образованием. В 1918 г. преобразован в Витебский педагогический институт с полным курсом обучения). А поэтому получить профессиональные знания по теории и истории мировой (и главным образом) русской литературы, актуальным для 20-х годов XX в. проблемам нового литературного процесса можно было лишь на мероприятиях литературно-художественного цикла (лекции, доклады, вечера-концерты, литературно-музыкальные вечера и т.п.). Коллективный учитель – Медведев–Бахтин–Пумпянский–Волошинов–Архангельский–Шагал–Малевич (и др.) – создал в Витебске многослойное, многообразное философски-поэтически-музыкально-культурологическое пространство, которое стало неформальной школой постижения таинств и основ литературно-художественного процесса, формирования личных творческих предпочтений и интересов.

Современные российские философы, культурологи, литературоведы чаще всего говорят о влиянии представителей российской науки и искусства на формирование художественной культуры Витебска 20-х годов XX в. По сути речь идет об одностороннем процессе. Справедливости ради заметим, что это не совсем объективная оценка. Обратимся, к примеру, к фигуре М. Бахтина. Конечно, и годы жизни в Невеле (1918 – конец лета 1920) не прошли бесполезно. Будучи председателем «Невельского научного общества», М. Бахтин общался с местными учителями, представителями общественности, знакомыми и друзьями, переехавшими из Петрограда в Невель. Здесь складываются начала его эстетики и философии, которые будут изложены в публикации «Искусство и ответственность» (см.: «День искусства. Невель. 1919»). В заключительных словах статьи, было жестко сформулировано, как должна воплощаться в жизнь бахтинская заповедь: **«Искусство и жизнь не одно, но должно стать во мне единым, в единстве моей ответственности»**. Почти четырехлетняя жизнь М. Бахтина в Витебске стала фундаментом для формирования обозначенного диалектического единства. Общение с представителями различных социальных групп (студенты, учителя, школьники старших классов, совслужащие, красноармейцы и др.), диалогический характер таких встреч, многочисленные вопросы слушателей о роли и месте искусства в жизни общества, с одной стороны, и постоянные дискуссии и споры в «бахтинском кругу» (Пум-

пьянский, Волошинов, реже Медведев), с другой, углубляли философское осмысление литературно-культурологических построений.

Даже в «бахтинском кругу» было заметно, что молодого мыслителя все чаще привлекало своеобразное прочтение философской проблемы «человек и бытие». Своеобразное потому, что **не вообще «человек» и не вообще «бытие», а проблема «единственного субъекта в событии единственного бытия»** (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.), которое не только и есть в распоряжении любой личности. М. Бахтин считал, что существующая философия слишком «теоретически-безучастна» и слишком «гуманитарно-научна» для того, чтобы соответствовать жизненным запросам целостной личности. Обнаруженные и опубликованные ранние работы М. Бахтина свидетельствуют, что именно в Витебске ученый работал над осмыслением «первой философии», способной помочь ищущему смертному вступить в глубокий, ответственный диалог с «последними проблемами», «последними вопросами» бытия. Витебские тексты М. Бахтина оказались воистину неисчерпаемыми по энергии мысли, глубине наблюдений, толкованию особой формы диалогического философствования. «Родиной философских текстов Бахтина (как и философских текстов Малевича) был Витебск» (А. Шатских).

Активную роль в развитии литературного дела в первой половине 20-х годов, становлении молодых витебских поэтов, прозаиков, очеркистов играли и работники местных периодических изданий – Я.М. Окунь, М.Р. Иванькович, А.Б. Маймин, Е.А. Федоров, А.М. Куртик, С. Мерлин, М. Горный, М. Юдовин*, Ц. Долгопольский, А. Сафро и др.

С 1918 по 1920 г. в Витебске жил и работал поэт, прозаик, литературовед и журналист Яков Маркович Окунь (1882–1932). Еще в дореволюционное время был известен как автор стихов, рассказов, повестей, эссе, литературных и критических статей, печатавшихся в российской и белорусской периодической печати. Роман-хроника М. Окуня «Загубленная жизнь» и рассказ «Край» были опубликованы в витебском литературном сборнике «Волна» (СПб., 1911).

С 1921 г. на страницах витебских газет регулярно публикуются статьи и заметки по текущему моменту, вопросам литературы и искусства, подписанные необычно – Армай. Оказывается, это был псевдоним семнадцатилетнего секретаря Витебского губкома комсомола Аркадия Маймина (1904–1936). Участник гражданской войны, комсомольский работник А. Маймин много выступал на митингах и собраниях, встречался с проходящими в редакцию газет рабочими, поддерживал тесную связь с «Окнами РОСТА» и его сотрудниками. Поддерживал интернациональную направленность большевистской печати, а поэтому возглавил первую в Витебске газету «Юный творец» (выходила на идиш и русском языке).

Нельзя не вспомнить редактора «Известий» М. Горного и заведующего отделом рабочей жизни этой газеты А. Куртика, активно занимавшихся с 1922 г. созданием рабочекоровской сети газеты. С их участием в Витебске и уездных центрах была собрана информация и проведены собрания активистов советской печати с целью привлечения их к сотрудничеству с редакциями газет и получении от них информации о самых разных сторонах социалистических преобразований.

---

* В 1922 г. М. Юдовин издал в Витебске поэтический сборник (на идиш) «Клубки» («Кнойл»). Тираж весьма внушителен – 2500 экз.

Профессиональных журналистских кадров не только в «Известиях», но и в других витебских газетах не было. «Университетом для молодежи, которая выпускала газету, – вспоминал ответственный секретарь «Витебского пролетария» С. Фейгинзон, – была сама жизнь, ее трудовая закаленность на производстве, в рабочем коллективе. Газета создавалась на энтузиазме ее сотрудников с вчерашних рабочих и сельских корреспондентов, которые активно писали в своих заметках про героев первой пятилетки, про первые шаги колхозного строительства, смело обличали бюрократов и хапуг...».

Особое внимание уделялось поступлению литературных материалов – кратких рассказов, зарисовок, стихотворений, посредством художественного слова раскрывающих пороки существующей жизни, показывающего пути ее изменения. Политбеседа агитпросветчиков часто превращалась в демагогию и трескотню, а художественное слово (особенно местного автора) делало для читателя государственное решение доступным и понятным. Работа, как оказалось впоследствии, была весьма плодотворной. К 1927 г. сеть внештатных корреспондентов состояла из 410 селькоров и 247 человек рабкоров. Почти 40% селькоров и 30% рабкоров были регулярными авторами, а 16% сельских и почти 100 рабочих корреспондентов досылали свои материалы 3–4 раза в год. Четверть селькоров были членами ВКП(б)Б или РКСМ. Многие из авторов, прошедших губернскую школу рабселькоровского движения, стали членами литературного объединения «Молодняк», печатались в литературных изданиях «Молодняка», республиканской и местной печати.

Через рабселькоровское движение середины 20-х годов на страницы Витебских и уездных газет «пришли» поэт и прозаик (писал на русском и белорусском языках), уроженец деревни Холомерье Городокского района Змитер Максимович Житкевич (псевдонимы Гушарь, З. Гушарь) (1904–1955), первые поэтические произведения которого (частушки) в 1924 г. напечатала «Витебская крестьянская газета»; поэт и прозаик, уроженец д. Шайтерево Верхнедвинского района Тарас Константинович Хадкевич (1912–1975), который работал и печатался с 1925 г. в газете «Чырвоная Полаччына» («Красная Полоччина»), поэт, уроженец г. Сенно Александр Дмитриевич Синичкин (Алесь Жаврук, 1910–1942) – первые стихи напечатаны в 1926 г. в окружной бобруйской газете «Коммунист»; поэт, уроженец д. Борилы Полоцкого повета Николай Петрович Семашко (1914–1941), первые заметки которого печатала ветринская газета и др.

В качестве юнкора журнала «Белорусская работница и крестьянка» и газет «Звезда» и «Чырвоная змена» с 1924 г. заявил о себе прозаик и журналист, уроженец д. Кривуше Оршанского повета (в 20-е годы входила в состав Могилевской губернии) Владимир Наумович Межевич (1907–1988); с 1925 г. печатал свои рассказы уроженец Дисненщины (ныне Миорский район) Иван Михайлович Лимановский (1896–?), с 1927 г. – поэт, уроженец д. Купнино Лепельского повета (ныне Лепельский район) Иван Яковлевич Ивашин (1881–1969), известный в белорусской литературе под псевдонимом Янка Журба и др.

Свой первый рассказ «Никитка» («Мікітка») в газете «Наша думка» в 1921 г. опубликовала прозаик и переводчица, уроженка д. Торгуны Борисовского повета Минской губернии (ныне Докшицкий район) Чернявская Леонида Устиновна – жена М. Горецкого (1893–1976); в 1926 г. в газете «Савецкая Беларусь» свой первый рассказ «Злая

судьба» («Злы лёс») опубликовал известный белорусский прозаик, уроженец д. Летники Дисненского повета Виленской губернии (ныне Глубокский район) Почепка Иван Петрович (псевдоним – Почепка Янка) (1890–1977) и др.

Обобщая, можно сказать, что в первое послереволюционное время в литературу Витебского края приходили энтузиасты с немалым запасом юношеской энергии и обостренным восприятием новой жизни. Начинающих писателей и поэтов к ясности понимания и осмысления происходящих в жизни изменений вел как исторический опыт традиционного общественного развития, так и зарождающийся опыт революционных преобразований (лучше сказать не опыт, а путь в неизведанное, путь, сопровождающийся ошибками всех первопроходцев). А вот здесь-то и таились подвохи, возможности ошибок, непонимания или сознательной дискредитации происходящих событий. Эти «подводные камни» часто принимали окраску националистической идеологии, неприятие нового искусства, леворадикальных настроений. Их можно упрекать и в других «смертных» грехах. Но ведь историзм развития заключается не в том, «чего **не дали** исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а потому, что они **дали нового**, сравнительно со своими предшественниками» (В. Ленин).

Не подлежит сомнению, что в сложнейших общественных условиях 20-х годов XX в. художественная культура, в т.ч. литературное творчество, были органично вплетены в повседневную жизнь Витебска и губернии. Творцы нового искусства с газетных полос, эстрадных площадок, в рабочих клубах и сельских коммунах вели откровенный разговор о трудностях и успехах социалистического строительства, способствуя утверждению в повседневной жизни новых общественных отношений, вырабатывая принципы и определяя пути развития новой социалистической литературы.

Л и т е р а т у р а

1. Арго, А.М. Литература и окрестности: книга сатирических стихов / А.М. Арго. – М., 1933.
2. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М., 1975.
3. Брыляков, Н.А. Российское телеграфное / Н.А. Брыляков. – М., 1976.
4. Васильев, Н. М.М. Бахтин или В.Н. Волошинов?: К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М. Бахтину / Н. Васильев // Литературное обозрение. – 1991. – № 2.
5. Золотницкий, Д.И. Зори театрального Октября / Д.И. Золотницкий. – Л., 1976.
6. Исбах, А.А. Лицом к огню / А.А. Исбах. – М., 1958.
7. Медведев, П.М. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику / П.М. Медведев. – Л., 1928.
8. Пустынин, М. Сучки и задоринки: стихи / М. Пустынин. – М., 1958.
9. Симанович, Д. Витебский день Маяковского / Д. Симанович // Віцебскі рабочы. – 1993. – 19–20 ліпеня.
10. Советский театр: документы и материалы: русский советский театр, 1917–1921. – Л., 1968.
11. Шатских, А.С. Витебск. Жизнь искусства. 1917–1922 / А.С. Шатских. – М., 2001.

Поступило 14.08.2008

УДК 882(091)

Н.А. Некрасов и Л.Н. Толстой (опыт анализа творческой переключки поэта и прозаика)

А.А. Нестеренко

На основе изучения творческой переключки поэта и прозаика сделан вывод, что Л.Н. Толстой и в стихах, и в прозе усматривал три элемента: самый главный – содержание, затем – любовь автора к своему произведению и наконец – технику. По мнению писателя, «только гармония содержания и любви дает полноту произведения, и тогда, обыкновенно, третий элемент – техника – достигает совершенства сам собою».

Тема «Некрасов о Льве Толстом», как и «Лев Толстой о Некрасове», интересна уже в силу сопряжения этих славных и таких разных имен. Но она проще в том смысле, что печатных свидетельств Некрасова о Толстом осталось больше, чем Толстого о Некрасове. Последнее обстоятельство, в первую очередь, и питало наше любопытство.

Н.А. Некрасов считается «литературным крестным отцом» Толстого: это ему, редактору «Современника», неким автором была послана с Кавказа повесть «Детство», затем рассказ «Набег» и продолжение первой повести «Отрочество»; это он, Некрасов, мужественно деливший себя между литературой и журналистикой, прозорливо угадал в человеке, скрывшемся за инициалами «Л.Н.Т.», писателя «правды, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе» (Н-12, X, 241)*.

Сначала деловая и дружеская переписка, а затем личное знакомство Толстого и Некрасова вкраплены в отрезок времени длиной в 23 года. И так получилось, что в этих взаимоотношениях Некрасов навсегда остался для Толстого редактором, пестуном, а усложненные поиски истины, которые всю жизнь вел великий протестант и поборник справедливости, оказались удаленными от поэзии, наполненной скорбью, гневом и решимостью. Видимо, поэтому Некрасов оставил существенные оценки художественного творчества своего младшего собрата по литературе, а Толстой по отношению к поэзии Некрасова всегда оставался лишь читателем.

Не следует забывать и того, что дружба Толстого с некрасовским «Современником» однажды драматически расстроилась, вследствие идейного раскола редакции, и уже не возобновлялась по существу. Некрасов и Толстой оказались в разных идейных группировках. И без того не слишком прочные контакты совсем ослабли.

Между тем вопрос о соотношении творчества Толстого и Некрасова всегда оставался актуальным. Даже наугад выхваченные параллели интересны для исследования.

---

* Некрасовские тексты цитируются по двум изданиям:

Н.А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. – М.: 1948–1953;

Н.А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. – Л.: 1981;

(Сокращенно: Н-12 и Н-15, затем римскими цифрами указывается том, арабскими – страницы).

В самом деле. В чем отличие Петра Ивановича Лабазова из несостоявшейся повести Толстого «Декабристы» от некрасовских декабристов в его историко-революционных поэмах «Дедушка» и «Русские женщины»? Как решается проблема «герой и народ» в «Войне и мире» и поэме «Кому на Руси жить хорошо»? Как освещается народная жизнь в этой поэме и в тогда же написанной «Анне Карениной»? Насколько перекликается образ некрасовского безымянного мужика из стихотворения «С работы» с чертами характера толстовского Платона Каратаева? А когда мы читаем в трактате «В чем моя вера?» о казни людей такими же людьми» с помощью шпицрутенов, гильотин, виселиц, разве не вспоминается некрасовское:

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки

Барабана, цепей, топора?.. (Н-15, II, 152). Уже эти параллели свидетельствуют об определенной взаимосвязанности этих вроде бы неблизких художественных миров.

Толстой читает Некрасова

В отзыве одного художника о другом, быть может, самое ценное – неповторимость мнения. Толстой, как известно, судил об искусстве своеобразно и вместе с тем нелицеприятно. Если учесть это обстоятельство и иметь в виду историю и характер взаимоотношений Толстого и Некрасова, а также не забыть, что они работали в разных родах и жанрах литературы, то станет понятно, насколько сложным могло быть отношение Л.Н. Толстого к поэзии Н.А. Некрасова.

На чем укрепились доверительно-уважительное отношение молодого Толстого к опытному уже литератору, каким был в начале 50-х годов Некрасов? На общности художнических принципов. Если редактор «Современника» подметил в «Детстве» Толстого «простоту и действительность содержания» (Н-12, X, 176), то лучшей оценки молодой автор не мог и ждать, так как сам дорожил тем же. На фоне рецидивов отжившего выпренье-романтического направления в русской литературе того времени подобное взаимоотношение означало много. Путь Некрасова к его знаменитому сборнику 1856 года пролегал тоже через школу «простоты и действительности содержания». А Толстой в 1853 году записывает: «Пробный камень ясного понимания предмета состоит в том, чтобы ... передать его на простонародном языке необразованному человеку» (ПССТ, XLVI, 286)*. И когда пал Севастополь, защитником которого вместе с «необразованными людьми» был и Толстой, то Некрасов в Петербурге написал о «действительном содержании»:

---

* Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юбил. изд.). – М., 1928–1958. – Т. 46. – С. 286. Далее ссылки на это издание даются в тексте (ПССТ, римскими цифрами – обозначается том, арабскими – страница).

О, не склоняй победной головы
В унынии, разумный сын отчизны,
Не говори: погибли мы. Увы! –
Бесплодна грусть, напрасны укоризны (Н-15, 1, 174).

Очень близка этому четверостишию дневниковая запись Толстого, сделанная буквально 18 дней спустя: «Я, кажется, сильно на примете у синих (жандармов. – А.Н.) за свои статьи («Севастопольские рассказы». – А.Н.). Желая, впрочем, чтобы всегда Россия имела таких нравственных писателей; но сладеньким уж я никак не могу быть и тоже писать из пустого в порожнее, без мысли и, главное, без цели!» (ПССТ, XLII, 60).

Несомненно, запись эта могла появиться только после ободряющего письма Некрасова (от 2 сентября 1855 г.), строчку из которого мы цитировали в самом начале. Толстой благодаря Некрасову почувствовал себя писателем, полезным своей стране.

Однажды зимой, уже в Петербурге, мучительно почувствовав свое одиночество, Толстой пошел к Некрасову. Его он застал в подобном состоянии и, кроме того, больным. Поэт тогда писал одно из лучших своих стихотворений «Замолкни, Муза мести и печали!» Оно очень понравилось Толстому. Не столько жалость к товарищу по перу, сколько общее душевное настроение сблизило их. А стихотворение это, как вспоминал он уже в 1980 г., Толстой запомнил сразу наизусть, особенно первую строфу:

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю – и молчу (Н-15, 1, 182).

Общие моменты в литературных судьбах Некрасова и Толстого обнаруживаются подчас неожиданно (но не случайно).

Январь 1857 года. Повесть Толстого «Юность» уже напечатана для первого номера «Современника». И все-таки цензура успевает ее повымарать. Оказывается, усиленную зоркость она проявила не зря: за два номера до этого Н.Г. Чернышевский рискнул перепечатать из только что вышедших в свет «Стихотворений» Некрасова «Поэта и гражданина», «Забытую деревню» и «Отрывки из путевых записок гр. Гаранского»; редактор был строго предупрежден против подобных «нежелательных публикаций». Своим взволнованным чувством близок Толстому и некрасовский «Рыцарь на час». Близок своей пронзительной самокритичностью, гражданским пафосом и демократизмом авторской позиции:

Что, друзья? Наши силы не равные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал.
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет –
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни – вперед и вперед! (Н-15, И, 138).

И особенно вот это:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви! (Н-15, II, 138).

Это произведение Некрасов создает в разгар революционного подъема (1862) – страстную исповедь поэта, признание в жажде очищения от конъюнктурных забот, от сделок с совестью, от всего того, что отягчает жизнь истинного борца за свободу народа. И напряженность гражданственного и нравственного чувства Некрасова в этом значительном стихотворении передалась Толстому неслучайно. Вспомним, что именно в это время, находясь за границей, Толстой начинает писать роман «Декабристы» – зародыш будущей эпопеи «Война и мир», тогда же, во Флоренции, он с большим волнением знакомится с декабристом С.Г. Волконским. В марте 1861 г. в письме к А.И. Герцену дает известную резко отрицательную оценку Манифеста 19 февраля; и вскоре в Брюсселе, по рекомендации того же Герцена, посещает польского революционера Иохима Лелевеля, портрет которого по возвращении в Ясную Поляну повесил в своем кабинете; а весь остаток 1861 г. прошел у Толстого в хлопотах об издании народного педагогического журнала «Ясная Поляна» и организацией третьей по счету школы для крестьянских детей. «Реестр» бурной деятельности Толстого в этот период хочется закончить напоминанием о том, что в январе 1862 г. были установлены тайные наблюдения за Толстым со стороны III отделения. Как и Некрасов, Толстой в это время захвачен, словами поэта, «безумной жаждой жизни», т.е. активной гражданской деятельностью.

Кстати, «Рыцарь на час» надолго и глубоко тронул писателя, он вспоминает о нем и спустя 45 лет, в 1907 г., когда читали стихи вслух в доме Толстых.

Некрасов как мастер мастеру пишет Толстому в 50-е годы о своем неустанном упорстве в работе рифмой (к сожалению, письмо не сохранилось). Это уже разговор профессионалов, не только достойных друг друга, но друг другу доверяющих.

Из дневника Толстого известно, что в сентябре 1884 г. он перечитывал Некрасова, чтобы выбрать стихотворения, подходящие для чтения детям, в один и тот же день читал Тургеньева, Салтыкова-Щедрина и Некрасова – «все прекрасно» (ПССТ, XLIX,121). Жаль, что ни одно из этих произведений в дневнике не названо. А год спустя, сравнивая баллады А.К. Толстого со стихотворениями Некрасова, Л.Н. Толстой говорил, что у него однофамильца не выдержан поэтический тон: «начнет высоко, а кончит куплет уж водевильно», в то время как у Некрасова «тон всегда выдержан от начала до конца, у того (Некрасова. – А.Н.) чуть больше...». В устах Толстого после «перелома» в мировоззрении, когда далеко не все в искусстве им одобрялось, эта тонкая оценка поэзии Некрасова может считаться высокой похвалой. Кроме того, светская поэзия А.К. Толстого, представляющая собой иногда стилизацию под славянофильское народничество, мало что могла говорить Льву Николаевичу.

Поликушка–Иван
(тип крестьянина 60-х годов XIX века у Толстого и Некрасова)

Толстой читает вслух домашним нравящееся ему стихотворение «Эй, Иван!». Этот отзыв побуждает нас поразмышлять, и не только в плане «выдержанности тона» некрасовского стихотворения. Совершенно очевидно, что в этом случае налицо своеобразная творческая переключка двух писателей-современников.

Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов умели говорить правду то молчалием о манифесте 19 февраля 1861 года, то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов. Такова была и позиция некрасовского «Современника», и хотя в редакции задолго до этого произошло идейное размежевание творческих сил, «ушедший» из журнала Л.Н. Толстой, не сговариваясь с теперешними своими оппонентами, оценил манифест в той же степени, как и они, отрицательно: «...Мужики ни слова не поймут, а мы (передовые люди из дворян. – А.Н.) ни слову не поверим», – писал он манифесте А.И. Герцену. (ПССТ, LX, 372).

Н.А. Некрасов «отметил» факт крестьянской реформы как редактор вполне определенно: в мартовском номере журнала не было хвалебных статей по поводу манифеста, а были помещены переведенные М.Л. Михайловым «Песни о неграх» Г. Лонгфелло, где говорилось о рабовладельчестве. Была напечатана статья В.А. Обручева «Невольничество в Северной Америке», а чуть позже – поэма Т.Г. Шевченко «Гайдамаки», рисующая народный бунт.

Как человек и поэт Некрасов, резко отрицательно (по словам Чернышевского) встретивший манифест, откликнулся на реформу стихотворением «Свобода», в котором подал голос не восторга, но надежды:

Родина мать! По равнинам твоим
Я не ездal еще с чувством таким!

И в заключение:

Муза! С надеждой приветствуй свободу! (Н-15, II, 127).

Общий «безоблачный» тон стихотворения, не характерный для крестьянских стихов Некрасова, вступал в явное противоречие с позицией «Современника» по отношению к реформе. Поэтому «Свобода» была напечатана лишь в 1869 году.

Л.Н. Толстой же в 1861–62 годах пишет, а в 1863 году публикует повесть «Поликушка», где «мир рабства» становится главной темой авторского исследования. Сопоставление крепостной забитости мужика и потенциала возможностей народного сознания обретает здесь трагичное звучание. Это был своеобразный художественный отклик Толстого на реформу 1861 года – совсем в духе «Современника», хотя написанный «оппозиционером» этого журнала.

А что Некрасов? В течение плодотворного «грешневского лета» 1861 года, когда поэт прямо общался с крестьянским миром, были созданы подлинно народные произведения: «На смерть Шевченко», «Похороны», «Дума», «Крестьянские дети», «Коро-

бейники». Они как бы покрывали своей прозрачной и горькой правдивостью «неверный звук» стихотворения «Свобода».

Проходит еще 6 лет – и появляется стихотворение Некрасова «Эй, Иван!» (1867). Оно написано в один год с покаянным стихотворением «Умру я скоро», в котором трогательная мольба о прощении:

За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! Прости!.. (Н-15, III, 41)

мотивировалась целым рядом судьбоносных моментов жизни поэта: и гнетущим впечатлениями детства и молодости, и отсутствием творческой свободы, и невольной оторванностью от народа, и уходом от единомышленников.

Будучи великим актом, устранившим многовековое зло, отмена рабства не могла устранить все последствия этого зла, не могла излечить ни барина, ни мужика от той порчи, той деморализации, которая была порождена рабством. «Оскудение» материальное и еще большее нравственное по необходимости должно было продолжаться и после реформы («дело веков поправлять нелегко» – читаем в поэме Некрасова «Саша»), – и оно было бы еще значительнее и печальнее, если бы ряд других реформ 60-х годов не внес некоторого оздоровляющего начала в русскую жизнь. К сожалению, эти реформы остались незавершенными, и последовавшая вскоре реакция в значительной мере парализовала их благое действие.

Недовольство и сопротивление обманутых и обобранных крестьянских масс было очень велико, особенно в первые два года после манифеста (напомним: повесть «Поликушка» написана именно в это время; к этому же периоду относится и судьба героя некрасовского стихотворения «Эй, Иван!», отнесенного автором к «типу недавнего прошлого»). Весь набор «аргументов и фактов» неладных отношений мужика и барина собран в бедном Иване:

На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд,
Не прикрыты, голенищи
Рыжие торчат ...

На запятках и в передней
Жизнь веками шла.

Выпить может сто стаканов –
Только подноси ...
Мало ли таких Иванов
На святой Руси?

И, как результат пьяного угара, – бесшабашное отчаяние:

В Ваньке пляшут все суставы
С ног и до ушей,
Пляшут ноздри, пляшет в ухе
Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе –
Жизнь не дорога! (Н-15, III, 55–56).

Пьянство, конечно, не красит русского человека; бедность не порок, но и пьянство не добродетель. Все это так. Но вот что вспоминает известный русский юрист и литератор А.Ф. Кони об одном из разговоров с Толстым (конец 80-х годов), где ему пришлось высказать перед писателем свое понимание этого русского порока в людях типа Ивана и Поликушки. Это была «одна из тех типических русских бесед, которые с особенной любовью ведутся в передней при уходе или на краешке постели».

«Иногда, простившись со мною, – пишет Кони, – Толстой уходил за перегородку и там что-нибудь разбивал, вновь начинал разговор, но, затронутый или заинтересованный каким-либо моим ответом, снова входил в мое отделение (комнаты «под сводами». – А.Н.), и прерванная беседа возобновлялась. Один из таких случаев остался у меня в памяти». «А какого вы мнения о Некрасове?», – спросил он у меня из-за перегородки, что-то передвигая. Я отвечал, что он принес огромную пользу русскому молодому поколению, родившемуся и воспитанному в городах, тем, что, вместе с Тургеневым, научил его знать, ценить и любить русскую сельскую природу и простого русского человека, воспев их в берущих за душу стихах; что же касается до его личных свойств, то я не верю яростным наветам на него и, во всяком случае, считаю, что то, что он был игрок, еще не дает права ставить на его личность крест и называть его дурным человеком. «Он был, – продолжал я, – одержим страстью к игре, обратившейся, если угодно, в порок, но порочный человек не всегда дурной человек. Нередко, вне узких рамок своей пагубной страсти, порочные люди являют такие стороны души, которые многое искупают. Наоборот, так называемые хорошие люди подчас, при внешней безупречности, проявляют грубый эгоизм и бессердечие. Жизненный опыт дает частые подтверждения этому. Игроки нередко бывают смелыми и великодушными людьми, чуждыми жизненной скупости и черствой расчетливости; пьяницы часто отличаются, в трезвом состоянии, истинной добротой. Недаром Достоевский сказал, что в России добрые люди – почти всегда пьяные люди, и пьяные люди – всегда добрые люди».

...Выслушав это мнение, Толстой вышел из-за перегородки со светлым выражением лица и, сев на «краешек», сказал мне: «Ну, вот, вот, и я это именно всегда думал и говорил, – это различие необходимо делать!» – и между ссылок и доказательств в подтверждение нашей общей мысли».

Мы имеем здесь еще одно мнение Толстого о Некрасове, высказанное Кони. Это мнение двухаспектное: о Некрасове-художнике и Некрасове-человеке. Оценка Кони художественного таланта Некрасова носит хотя и общий, но проницательный характер: любовь к русской сельской природе и простому русскому человеку в его лирических произведениях «пользует» молодых русских, родившихся и воспитанных в городах. Несомненно, что Толстой, написавший трактаты «Так что же нам делать?», «Что такое

искусство?», «Исповедь», «народные» рассказы, полностью разделял этот взгляд. Второй аспект отношения Кони и Толстого к Некрасову – «морально-бытовой» – более развернут, и носит характер оправдательного приговора по отношению к порочным людям, как правило, добродетельным за пределами этого порока.

А.Ф. Кони написал эту тираду, конечно, ради оправдания известных «недостатков» Некрасова его «литературными и нравственными заслугами».

Но мы можем применить сей высокопедагогичный принцип и к литературному герою Некрасова Ивану, а также к Поликушке Толстого.

Трудно сказать, насколько Некрасов считал Толстого своим единомышленником после «раскола» в «Современнике», но написано стихотворение «Эй, Иван!» не случайно: в один год с «Умру я скоро...», неслучайно и его поразительное фабульное сходство с повестью Толстого «Поликушка».

В самом деле, читая некрасовскую «маленькую поэму», уже со второй строфы:

Род его тысячелетний
Не имел угла...(Н-15, III, 55)

улавливаешь поразительное сходство его судьбы – судьбы «неумытого, угрюмого, оплеванного, вечно пьяного» дворового – с историей толстовского «незначительного и замаранного» Поликушки из одноименной повести. Незадачливый Поликей у Толстого перепробовал все рабочие должности (чистильщик хлева, ткач, садовник, каменщик, коновал). И у Некрасова:

Ремесла Иван не знает,
Делай, что дают:
Шьет, кует, варит, строгают.

«Поликей любил выпить, а не любил, чтобы где что плохо лежало».
Таков и Иван:

... Грубит, ворует,
Божится и врет,
И за рюмочку целует
Ручки у господ (Н-15, III, 55)

Если Поликушка равнодушен к игре купеческой барышни «в фортепьян» («Поиграл бы я, право!.. Я до этих делов ловок»), то и некрасовский Ванька –

Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур...(Н-15, III, 57)

Трагическая история Поликея начинается с набора в рекруты, куда ему подпало идти – и Иванов барин мечтает:

«Лишь бы лоб ему забрили,
– Вешайся, потом!» (Н-15, III, 57)

Наконец, мрачная неотвратимость Поликушкиного исхода (повесился) во многом совпадает с шагом отчаяния Ивана, которого «чуть живого сняли с петли». И даже мотивы покушения на собственную жизнь у Поликея и Ивана сопряжены, хотя кроткий толстовский герой умер бессловесно, а герою Некрасова, в силу счастливой случайности, удалось высказать свою сокровенную обиду на господ:

«Хоть бы раз Иван Мосеич
Кто меня назвал!...» (Н-15, III, 57)

Но мотив, побудивший обоих крепостных крестьян рассчитаться с опостылевшей им «развеселой жизнью» таким страшным способом, конечно, един: корень зла не столько в барыне Поликушки и в барине Ивана, сколько в самом типе сложившихся отношений между помещиком и крестьянином, так как эти отношения мешают безопасности эксплуатируемого человека, направлены против единства человека со всеми людьми и поэтому не могут быть защитой от надвигавшегося тогда на деревню «мрачного духа». Тогда – это и в 1861–1862 годах, когда был написан «Поликушка», и в 1867 году, когда появилось стихотворение «Эй, Иван!».

В некрасовском стихотворении, естественно, нет психологизма, которым наделен толстовский Поликушка. Рамками прямой речи ограничено нравственное наполнение самосознания Ивана. Но вот «диалектика души» его вполне прослеживается сквозь восемь строф: от удручающего «выходного» портрета – через тысячелетнюю родословную Ивана, в которой потерялась его человеческая личность, ставшая знаком безремесленничества и пьянства, воровства и бесцельного волокитства – к отчаянию самоубийства – и кульминационной развязке этого «малого эпоса»:

«Хоть бы в каторгу уroda –
Лишь бы с рук долой».
К счастью, тут пришла свобода:
«С богом, милый мой!»
И, затерянный в народе,
Вдруг исчез Иван...
Как живешь, ты на свободе:
Где ты?.. Эй, Иван! (Н-15, III, 58)

Иронична авторская позиция относительно «пришедшей свободы». Холодком ужаса веет от авторской констатации насчет «исчезновения Ивана», «затерянного в народе»: что может быть страшнее стадного состояния бывшего крепостного? И, наконец, горька риторичность последних вопросов и восклицания, давшего название этой вещи: «Эй, Иван!». Он растворился как личность, или умер – что одно и то же. Такая вот «свобода», – как бы говорит Некрасов.

Подойдем теперь к этому сложному вопросу и с другой стороны. Вспомним, как некрасовские «крестьяне добродушные» однажды, при виде рыдающего помещика, «подумали про себя» (насчет реформы 1861 года):

Порвалась цепь великая,
Порвалась – расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!.. (Н-15, V, 83).

Социальная ситуация вследствие крестьянской реформы глубоко отразилась на положении и политической деятельности дворянства. Реформа была для русских помещиков своего рода историческим испытанием. И этого испытания русские помещики, в общем, не выдержали. В своем подавляющем большинстве они после реформы не обнаруживали ни заинтересованности, ни способности к решительному хозяйственному переустройству.

Вот как Толстой рисует первое появление барыни в своей повести: «Тут уже (речь идет о вербовке в рекруты. – А.Н.) барыня ничего не понимала, – пишет Толстой, – не понимала, что значили тут двойниковый жребий» и «добродетель» (эти доводы приводил приказчик. – А.Н.); она слышала только звуки и наблюдала нанковые пуговицы на сюртуке приказчика: верхнюю он, верно, реже застегивал, так она и плотно сидела, а средняя совсем оттянулась и висела, так что давно бы ее пришить надо было. Но, как всем известно, для разговора, особенно делового, совсем не нужно понимать того, что вам говорят, а нужно только помнить, что сам хочешь сказать. Так и поступала барыня» (Н-15, VII, 5).

Новый буржуазный лад не прельщал широкие слои консервативного дворянства, и они продолжали эксплуатировать крестьян старыми полуфеодальными способами. Неясности жизненных перспектив сопутствовали мотовство (вследствие этого значительная часть небогатого дворянства приходила к разорению) или хищническая скупка земель.

Это, конечно, отразилось и на политических позициях большинства русского дворянства и дворянской интеллигенции. Получив новые земли при выгодном распределении угодий, остро чувствуя недовольство и возмущение обобранных крестьян, дворянство еще больше, чем казалось, заинтересовано в сильно самодержавной власти. И если до 1891 года

Были зубы – били в зубы,
Нет – трещит скула (Н-15, III, 56)

– как было с Иваном, то теперь дворянство всецело поддерживает репрессии правительства по отношению к народу и демократическим кругам, увлекаясь поэтому религиозно-философскими поисками – в сфере лирического творчества по преимуществу (А.А. Фет). Писатели же, стоявшие на либеральных или консервативно-оппозиционных точках зрения (И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой) в период реформы испытывали глубокие

идейные колебания, приведшие в дальнейшем к идейному переходу в общедемократический лагерь.

Тема оскудения помещика-дворянина получила детальную обработку в талантливых очерках С.Н. Терпигорева, а вопрос об оскудении мужика, о разложении крестьянского быта, об общине, о городе, о кулаках и мироедах стал предметом внимательного изучения и отражения для целой школы писателей-народников, истинным основателем которой следует признать Некрасова с его великой поэмой о веселой жизни на Руси, и, определенно, с его «маленькой поэмой» «Эй, Иван!».

Оба писателя одинаково чувствовали «мрачность» шестого десятилетия XIX в. в России, где только что «отменили» крепостное право. Объединить эти два значительных произведения русской литературы 60-х годов позволяет подзаголовок некрасовского стихотворения: «тип недавнего прошлого», то есть тип времени создания толстовского «Поликушки»! А композиционное завершение повести Толстого и стихотворения Некрасова убеждает нас не только в сходном содержании этих произведений, но и в сходстве их авторских идейных позиций. Ожиданием перемены проникнута и цитированная выше строфа стихотворения, относящаяся ко времени, когда «пришла свобода» (то есть реформа 1861 года): «Как живешь ты на свободе? Где ты?.. Эй, Иван!». И повесть Толстого кончается тоже вопросом: все осталось как прежде, ужас совершившегося забыть нельзя. Жизнь застыла за наигранным весельем Дутловых, возвращающихся домой вместе с выкупленными на потерянные Поликушкой деньги Ильей и провозжаемых проклятием купленного ценой человеческой жизни рекрута.

Как видим, на социально-характерологическом уровне сопоставление толстовского и некрасовского **литературного типа** (Поликушка–Иван) не дает возможности оттенить какие-то особенности воплощения этого типа одним и другим писателем. Разница выявляется в анализе родовых и жанровых признаков прозы Толстого и стихотворной речи Некрасова. Но это уже тема специального исследования.

И венцом доброго отношения писателя-мыслителя к поэту-демократу могут служить слова, сказанные Толстым в 1905 году, о том, что в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» «есть места, из которых видно, что он действительно любил русский народ».

На волне творческой дискуссии

Но последний отзыв ужестораживает: «есть места». Значит, можно думать, другие «места» поэмы (и всей поэзии Некрасова?) Толстому могли чем-то не понравиться?

Если это так, то тому должны быть серьезные причины.

5 мая 1856 года на обеде у Тургенева Толстой, по его словам, был «глупо оскорблен стихом Некрасова» (ПССТ, XLVII, 69). Даже не имея точного сведения, мы можем предположить, какой мыслью поэта мог «оскорбиться» Толстой. Именно в это время среди писателей шли горячие споры о пушкинском и гоголевском направлениях в литературе. Толстой решает этот вопрос независимо от спорящих сторон, совершенно самостоятельно. Он считает «лучшим средством к истинному счастью в жизни» «цепкую паутину любви» – любви всеобъемлющей, распространяющейся «и на старушку, и

на ребенка, и на женщину, и на квартального» (ПССТ, XLVII, 71). Толстой впервые употребляет понятие «любовь» в том смысле, которым будет проникнуто мирозерцание писателя впоследствии. Раньше он говорил только «о добре». Из этого общего принципа у Толстого складывался также определенный взгляд на назначение и задачи литературы. «Все то, на что нужно негодовать, лучше обходить, – подчеркивает он в записной книжке 29 мая 1856 года. И продолжает: «Для женщины довольно будет и тех вещей, которые не возбуждают негодования, – любви. А у нас негодование, сатира, желчь сделались качествами».

Здесь коренится причина расхождения Толстого с направлением «Современника», которая впервые обозначалась в его письме к Некрасову от 2 июля 1856 года – так называемом письме «о «Современнике» и о злости», по словам самого автора. Считая, что «человек желчный, злой – не в нормальном положении», а человек любящий – напротив», Толстой, раздражаясь, сетует в письме на то, что Гоголя любят больше Пушкина, что стихи самого Некрасова «любимы из всех теперешних поэтов». Исключение делается для «последних стихов» Некрасова (можно предположить, что это – «Внимая ужасам войны...», «Поражена потерей невозвратной», «Праздник жизни...» или, может быть, «Как ты кротка...»), в которых «грусть и любовь, а не злоба, то есть ненависть» (ПССТ, LX, 75). Исходя из этого, можно считать, что в любимом Толстым «грустном» стихотворении «Замолкни, Муза мести и печали!...» концовка:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть

в лучшем случае смущало его: она выражала основную идею стихотворения, неадекватную тогдашним убеждениям Толстого.

Некрасов же любовь и ненависть не противопоставлял. Он видел их единство в разной направленности; любовь – людям труда, обездоленным; ненависть – к угнетателям («Он проповедует любовь/Враждебным словом отрицанья», «... и как любил он – ненавидя», «Клянусь, я честно ненавидел/Клянусь, я искренно любил!»).

К тому же, в письме Толстого «о злости» есть существенное противоречие. Толстой говорит, что быть возмущенным «очень скверно» и в то же время хвалит Белинского за то, что тот искренне «бывал возмущен». И, заметив в записной книжке: «все то, что нужно негодовать, лучше обходить», – он менее чем через две недели набрасывает начало комедии «Дворянское семейство», темой которой служит «окружающий разврат в деревне». Точно так же говоря, что только «человек любящий» находится в нормальном состоянии, он пишет письмо очень резкое и по тону, и по выражениям, в нем содержащимся.

Некрасов ответил Толстому 22 июля. Он пытается поразить Толстого его же оружием. «Нельзя, – пишет он, – чтоб все люди были созданы на нашу колодку. И коли в человеке есть что хорошее, то во имя этого хорошего не надо спешить произносить ему приговор за то, что в нем дурно или кажется дурным» (Н-12, X, 283–284).

Затем Некрасов переходит к основному вопросу, затронутому Толстым в его письме. Он пишет: «Вам теперь хорошо в деревне, и вы не понимаете, зачем злиться. Вы

говорите, что отношения к действительности должны быть здоровые, но забываете, что здоровые отношения могут быть только к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости – у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, – то есть больше будем любить – любить не себя, а свою родину» (Н-12, X, 284).

Толстой ответил Некрасову в начале августа письмом, до нас, к сожалению, не дошедшим. Судя по ответному письму Некрасова от 22 августа, письмо Льва Николаевича было написано в примирительном духе. Он, видимо, старался смягчить тон своего резкого письма и написал о различии, которое он делает между Некрасовым-редактором и Некрасовым-человеком. В своем ответном письме Некрасов писал, что он был «несказанно доволен и тронут» последним письмом Толстого и думал о нем «с любовью». И далее в письме Некрасова читаем следующие знаменательные слова о его личном отношении к Толстому: «... ничто случившееся со времени нашего знакомства с Вами не убивало во мне симпатии к той сильной и правдивой личности, которую я угадывал по Вашим произведениям, еще не зная Вас. На мои глаза, в Вас происходит та душевная ломка, которую, в свою очередь, пережил всякий человек, и Вы отличаетесь только – к выгоде – отсутствием скрытности и пугливости» (Н-12, X, 291).

К этому Некрасов прибавляет еще свое мнение о Толстом как о писателе: «...я люблю еще в Вас великую надежду русской литературы, для которой Вы уже много сделали и для которой еще более сделаете, когда поймете, что в нашем отечестве роль писателя – есть, прежде всего, роль учителя и, по возможности, заступника за безгласных и приниженных» (Н-12, X, 291–292). Но Некрасову еще раз удалось доказать своему упорному оппоненту, что недооценка критического взгляда на жизнь уводит писателя от самой жизни. Летом 1857 года поэт писал:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,
Там вековая тишина (Н-15, II, 46).

Тогда же Толстой (возвратившись в это время из-за границы) 18 августа писал А.А. Толстой почти дословно то же: «В Петербурге, в Москве все что-то кричат, негодуют, ожидают чего-то, а в глуши происходит патриархальное варварство, воровство и беззаконие» (ПССТ, LX, 222). За шесть дней до этого подобная мысль в недошедшем до нас письме Некрасову, на которое тот веско мог ответить следующее: «Так Вам многое не понравилось вокруг Вас. Ну, теперь будете верить, что можно искренно, а не из фразы – ругаться» (Н-12, X, 360). Это Некрасов намекает на прошлогодние горячие споры Толстого в кругу «Современника». Тут же, как бы укрепляя свои позиции в споре с Толстым, Некрасов спешит сообщить ему о «длинных стихах, исполненных любви (не шутя) к Родине». Стихи (это была небольшая поэма «Тишина») понравились Толстому, но именно в той (первой!) части, где любовь к родине провозглашается хотя и проникновенно, но, так сказать, издали, в общих чертах (поэма создавалась по воз-

вращении Некрасова из-за границы) – как «увертюра» к разработке этой темы в последующих трех частях:

Все рожь кругом,
Как степь живая ...

«Первое превосходно, – писал он Некрасову про эту часть стихотворения, – это самородок». Когда же любовь к Родине, к «народу-герою» Некрасов пытается окрасить в конкретно-исторические тона:

Светлее твой венец терновый
Победоносного венца! (Н-15, IV, 54)

– Толстой здесь бездоказательно нарекает стихи «слабыми и сделанными». Мы не знаем, как прореагировал Толстой на 4-ю часть «Тишины», где говорится о смирении как одной из духовных черт русского народа. Не уточняет Толстой в дневнике и свое мнение («плохая вещь». – ПССТ, XLVIII, 8) о первоначальном варианте поэме «Несчастные», напечатанном в 1858 году.

Любопытен факт своеобразной косвенной дискуссии Толстого с Некрасовым ... через спор с близким тогда к поэту В.П. Боткиным.

Осенью 1857 года Толстой в письме к последнему рисует мрачную картину современной ему литературы (вспомним для сравнения приведенную выше полемику с Некрасовым): «Островский говорит, то его поймут через 700 лет, Писемский тоже, Гончаров в уголке потихоньку приглашает избранных послушать его роман ... Салтыков даже объяснил мне, что для изящной литературы теперь прошло время (и не для России теперь, а вообще), что во всей Европе Гомера и Гете перечитывать не будут больше... Наша литература, то есть поэзия, есть если не противозаконное, то ненормальное явление».

Боткин излагает Толстому свое понимание сложной ситуации современной им литературы. Он разъясняет, что обличительные рассказы нужны для пробуждения человеческого самосознания.

В противоположность мнению Толстого, он считает, что «поэзия нормальна, но только для малейшего меньшинства. Да и где же поэтические произведения существуют для большинства? В России появилась литература, понятная большинству. Оскорбленное чувство, как всякое оскорбление, требовало возмездия и бросилось с злым наслаждением читать рассказы о всяких общественных мошенничествах ... всякому они были близки и знакомы; явились читатели, которые прежде книги в руки не брали... В тихие интимные созерцания немногих людей истинного искусства – ворвалась наша грубая, гадкая практическая жизнь».

В этом же письме Боткин объясняет причины обращения литературы к обличительству с точки зрения патриотизма: «Вас приводит в недоумение новый путь, который приняла наша журнальная беллетристика; но разве Вы забыли, что Россия переживает первые дни после Крымской войны, ужаснувшие ее неспособностью, безурядицей

и всяческим воровством. Пороки, вкравшиеся в русскую общественность и к которым так привыкли, что считали их необходимыми, вдруг показались ужасными, когда пришли в соприкосновение с национальным чувством».

Некрасов и Боткин аналогично излагают Толстому свои сходные позиции по поводу текущего момента в русской литературе, несмотря на некоторые групповые расхождения во взглядах.

Если боткинско-некрасовское влияние в приведенном примере высвечивает, прежде всего «источник», определенным образом воздействующий на «объект», то другой факт целиком определяет самостоятельную принципиальную позицию самого Толстого по отношению к старшему товарищу по литературе и редактору Некрасову. Мы имели в виду историю с так называемым «Обязательным соглашением», которое было заключено зимой 1856 года Некрасовым и Чернышевским для объединения крупнейших писателей вокруг некрасовского журнала «Современник». 14 февраля 1856 года состоялось это «Соглашение», по которому с 1857 года Тургенев, Толстой, Григорович и Островский печатают свои произведения только в «Современнике». «Соглашение» воспринималось противниками «Современника» весьма серьезно, о чем свидетельствует хотя бы одно из писем А.В. Дружинина к Толстому, где он, испрашивая позволения печатать его и тургеневскую повесть в 1857 году в своей «Библиотеке для чтения», как бы вскользь замечает, что Григорович (несмотря на «Обязательное соглашение». – А.Н.), обещает для «Библиотеки...» свое произведение. В конце концов «Соглашение» не оправдало себя. Верен ему остался только Толстой как самый дисциплинированный участник «Соглашения». Но дело здесь даже не в том, что Толстой отдает свои сочинения в «Современник». Кроме этого, он вместе с Некрасовым ведет борьбу за выполнение соглашения. К началу 1857 года, когда «Соглашение» должно было начать действовать, «голова «Современника» была в одном Боткине, а трудящийся сотрудник у него один – это Толстой», – справедливо замечает тот же Дружинин 26 января 1857 года в письме к Тургеневу.

Некрасов в это время находится за границей. А Толстой выступает за действенность «Соглашения» на стороне Некрасова. Охладев к «эстетическим» идеям Дружинина, в 1857 году Толстой сближается с Боткиным, так что дело тут не столько во «влиянии» Некрасова и Чернышевского, сколько в дружеских чувствах Толстого к Некрасову, которому он решает помочь в редакторских делах. Не углубляясь в эту историю (в частности, не разясняя, почему попытки Толстого спасти «Обязательное соглашение» не увенчались успехом, почему после ликвидации «Соглашения» сам Толстой напечатал в «Современнике» лишь повесть «Альберт»; насколько «виноват» или «не виноват» в развале «Соглашения» Толстой, сам, якобы, намеревавшийся издавать «чисто эстетический журнал»), – коротко мы лишь утверждаем, что в этой истории Толстой выступает на стороне Некрасова. Им движет дружеское чувство к своему «крестному отцу» в литературе. Да и сотрудником «Современника» Толстой, смеем предположить, становится неслучайно: его влечет туда прежде всего личность Некрасова – мятущаяся, оригинальная и непредсказуемая; в его идеях видятся ему мысли о добре, о стремлении принести пользу ближнему, – что созвучно с толстовскими мыслями. Дружеские чувства побуждают Толстого помочь редактору в сложные времена для журнала.

Общение с Некрасовым в период сотрудничества в «Современнике» для молодого Толстого было одним из главных этапов жизненного и творческого пути.

«Задачи» же «момента» Некрасов и Толстой понимали по-разному. Это, между прочим, отразилось в читательской реакции на их произведения. Секретарь журнала «Беседа» Н. Лысцев вспоминал в 1903 г., что 60–70 годы демократически настроенные читательские круги признавали «бесспорно высокое почетное место» Толстого как автора «Войны и мира», но «настоящими же властителями дум читающей русской публики оставались в то время Салтыков-Щедрин и Некрасов». Сам Толстой уже после смерти Некрасова, в 1886 году, признавал, что Некрасов, Никитин и другие (поэты «некрасовской школы»), писавшие о народе «сочувственно», делали необходимое, «нужное» дело.

Не удивит нас субъективно-отрицательное отношение Толстого к стихам Некрасова и в период, когда он свою эстетику пытался втиснуть в рамки трактата «Что такое искусство?»: «Некрасов никогда поэтом не был» (1899).

Вечный риск субъективного взгляда

Всего точнее отношение Толстого к поэзии Некрасова выражает отзыв, данный в письме к Н.Н. Страхову от 27 января 1878 г., в год смерти Н.А. Некрасова: «По-моему, его место в литературе будет место Крылова. То же фальшивое простонародничанье и та же счастливая карьера – потрафил по вкусу времени – и то же невыработанное и не могущее быть выработанным – настоящее присутствие золота, – хотя и в малой пропорции и в не подлежащей очищению смеси» (ГТССТ, LXII, 379). Эта оценка, напоминающая, кстати, мнение Г.В. Плеханова (в статье «Н.А. Некрасов»), тем не менее, не истинна хотя бы потому, что противоречит толстовским же положительным оценкам творчества великого поэта, о которых шла речь выше. Но даже в этом, в общем-то, отрицательном, отзыве Толстой указывает на «настоящее присутствие золота» в поэзии Некрасова. Необходимо отметить то, что по мнению Н.Н. Гусева, «Толстому не приходилось видеть около себя тех ужасов крепостничества, какие видели в домах своих отцов Герцен, Некрасов, Тургенев, Салтыков-Щедрин – и потому Толстой; противник крепостного права, по личным впечатлениям не мог написать ничего, подобного ни хватающим за душу первым главам «Былого и дум» Герцена, ни скорбному стихотворению Некрасова «Родина», ни трогательному рассказу «Му-Му», ни потрясающей «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина». Нельзя не принять в расчет и авторитетного свидетельства А.М. Горького, который пишет, как Толстой в 1901 г. «рассказывал о Некрасове – холодно и скептически, но обо всех писателях так, словно это были дети, а он, знает все недостатки».

Не забудем и того, что в силу духовного склада своего Толстой большей частью равнодушно или даже отрицательно относится к стихотворной поэзии. Поэтому и высказывается о ней реже, чем о прозе, и часто пристрастно. В отношении к русской поэзии Толстой оставался и в своих высказываниях читателем, не заботясь об объективности оценок. В случае же с Некрасовым, как мы видели, определенную роль сыграла и разница в литературно-общественных позициях того и другого. Что касается художест-

венного различия этих двух мастеров русской литературы, один из которых жил и работал в неустанных поисках путей к всеобщей справедливости, а другой был «глашатаем истин вековых», то здесь у каждого было и свое видение мира, и свои средства изобразить этот путь правдиво. И Лев Толстой недаром записал в свою рабочую книжку в год выхода «Стихотворений» Николая Некрасова (1856): «Каждый должен говорить своим языком» (ПССТ, XLVII, 193).

Воистину так!

«Смерть Некрасова, – писал Толстой, – поразила меня. Мне жалко было его не как поэта, тем менее как руководителя общественного мнения, но как характер, который не пытаюсь выразить словами, но понимаю совершенно и даже люблю – не любовью, а любованием» (ПССТ, LXII, 396). Толстой не мог примириться с «прозаизмами» в стихах Некрасова, но характер поэта – резкий, иногда грубый, но прямой и искренний – импонировал Толстому. И хотя на вопрос, мог ли он быть другом Некрасова, Толстой ответил отрицательно, он любил его как человека «очень правдивого, прямого», «говорившего прямо и просто».

И, конечно же, эти «прямота и простота» характеризует и стихи, и редакторские пристрастия человека, который мерил русскую литературу одной жесткой меркой. Ею была, как известно, правда, нужная русскому обществу, которую он первым разглядел в таланте будущего автора «Войны и мира».

И хочется в заключение привести свидетельства толстовского мнения о Некрасове как человеке, ибо в нем больше, чем в деталях творческой эстетики, объективности и здравомыслия. И славно, что Толстой, как, бы помня о заслугах редактора Некрасова перед ним, оставил своим современникам свидетельства о поэте Некрасове по-человечески справедливые. «К Некрасову как к человеку, – мы читаем, например, у П.А. Сергеевко (мнение Толстого относится к 1890–1900-м годам и воспринимается как итоговое. – А.Н.), – Лев Николаевич относился с симпатией и, видимо, признает его влияние на себя. Однажды кто-то спросил у Льва Николаевича, ясен ли для него Некрасов как человек.

– О, вполне, – ответил Лев Николаевич. – Он мне очень нравился за свою прямоту, отсутствие всякого лицемерия. Всегда он открыто говорил о своих делах и чувствах, доводя иногда даже как бы до некоторого цинизма свою откровенность».

Да и прежде превалировало доброе отношение. Еще в 50-х годах при личных встречах Толстой проявлял, по словам самого Некрасова, «скрытое, но несомненное участие в нем» (Н-12, X, 275). В 70-х годах Толстой пишет Некрасову о том, что с ним связано у него «много хороших молодых воспоминаний» (ПССТ, LXII, 110).

Молодость иногда ошибается. Здесь – не ошиблась: зрелость это подтвердила.

Л и т е р а т у р а

1. Нестеренко, А.А. Лев Толстой о Некрасове / А.А. Нестеренко. Тематич. сб. науч. тр. вузов Мин-ва пров. Казахской ССР. – Алма-Ата, 1975. – Вып. 5: Русская литература.
2. Нестеренко, А.А. Лев Толстой о Некрасове: опыт анализа субъективных оценок // А.А. Нестеренко // Ист.-лит. сб. / Карабиха. – Вып. второй. – Ярославль, 1993.

Поступило 4.04.2008

УДК 882(091)

Леонов и Достоевский: к вопросу о преемственности традиций

В.В. Здольников

На основе анализа творческого пути Л. Леонова в основных его хронологических координатах, тематики и проблематики его «знаковых» произведений подвигаются к корректировке некоторые устоявшиеся в литературоведении оценки творчества классика русской советской литературы. В частности, основополагающий, ставший хрестоматийным тезис о нем, как продолжателе традиций Достоевского. Не отрицая его в целом, автор подчеркивает, что «хранителем традиции» Леонов был, и то не всегда, лишь в области формы, на уровне изобразительных, композиционных и повествовательных приемов. И акцентирует внимание на расхождении, «непохожести» двух писателей, связанной прежде всего с идейно-содержательной стороной их творчества. На том, что делает Леонова не просто верным учеником, продолжателем дела Достоевского в русской литературе советского времени, а не повторившимся, оригинальным, талантом.

В двадцатые годы века прошлого критики создавали Леониду Леонову репутацию ученика Достоевского, позже – патриарха литературы социалистического реализма. С конца шестидесятых говорить об этом методе считается дурным тоном в литературоведении; оно не нашло ничего другого, как снова сделать Леонова заложником своей «родовой болезни», замаскированной в термине «традиции и новаторство», – стремления «привязать» одного гения к другому.

Теперь, по завершении жизненного и творческого пути, Леонов воспринимается как Прометей русской литературы XX века, писатель-философ, равно озабоченный судьбой и микрокосма – Человека, и макрокосма – человеческой цивилизации. Здесь – основание и повод для сравнения и параллелей с творчеством Достоевского, чуть ли не с первых литературных опытов писателя, проводимых критиками (1, т. 1, стр. 11). В 20-х годах это, как правило, выглядело упреком молодому многообещающему писателю в «достоевщине», предупреждением от скатывания к «идейной незрелости». В литературоведческих трудах 60–80 годов – хвалой за продолжение традиций русской классики. Не случайно такое постоянство в сопоставлении двух писателей русских: они жили и творили в эпохи великих переломов в истории России. Когда обнажаются, выходят на поверхность самые глубинные пласты общественного и национального самосознания народа. Его художественные гении, пусть разделенные столетием, не могут не быть в чем-то похожими в осмыслении и отображении событий своего времени, даже если отвлечься от понятий сугубо литературоведческих, вроде преемственности традиции.

Живописуя мчащегося в своей бричке удачливого вора и обаятельного мошенника, героя первоначального накопления капитала, Н.В. Гоголь еще только задавал вопрос: «Русь, куда же несешься ты?». Перед его художественным взором нет того буду-

щего, провозвестником которого выступает герой; он лишь интуитивно, как художник слова, почувствовал его опасность. Достоевский воочию увидел, после реформ шестидесятых годов, куда примчалась русская тройка: торжество чистогана и откровенного хищничества, попрание христианских заповедей и – главное для русского человека – замещение православной идеи соборности идеей свободной конкуренции, борьбы всех против всех. Россия во второй половине XIX века входила в свое будущее не первопродомом, имела за спиной опыт Запада – и ничего существенного о новом для страны общественном устройстве Федор Михайлович сказать не мог, кроме анафемы ему, вполне заслуженной впрочем. По большому счету Достоевский – гениальнейший бытописатель, знаток характеров и потаенных глубин психики человека. Но не провидец, не философ – не в укор ему будет сказано. В «Бесах», наиболее, на наш взгляд, «философичном» его романе, Федор Михайлович отшатнулся от социализма как возможной альтернативы современному ему обществу, отверг его *a priori*. Иное дело – Л. Леонов, которого как-то привычно называют продолжателем традиций Достоевского в русской литературе XX века. Но продолжать – не значит только повторять, быть во всем похожим на учителя. Что объединяет этих двух авторов – литературоведение к настоящему моменту ответило достаточно полно и обстоятельно. А в чем их непохожесть? В чем заслуга Леонова как воспреемника великого классика?

В выступлении на Первом съезде советских писателей в 1934 году молодой Леонов, имеющий за плечами опыт десятилетнего (или чуть больше) профессионального труда и собрание сочинений, подчеркивал два решающих момента в творческой биографии писателей своего поколения: «зарядку старой культуры» и революцию, благодаря которой «в вялые паруса нашего поверхностного романтизма ударил грозовой ветер» и которой «мы обязаны всякими нашими успехами». «Если только они были», – скромно оговаривался при этом (6, стр. 152). А в семидесятые уже прижизненный классик призывал будущих исследователей рассматривать творчество писателя как его духовную биографию, «как историю заболевания некоей мечтой или идеей» (5, стр. 306). Вооружившись этим, методологическим по сути, напутствием, проследим творческую биографию писателя в основных хронологических координатах и в «знаковых» произведениях.

Ведущие критики 20-х годов единодушно отмечали экзотичность тематики, достоинства формы его ранних произведений, особенно языка: А. Воронский, Н. Смирнов, В. Львов-Рогачевский, Ю. Тынянов, В. Переверзев, Д. Горбов, А. Лежнев (1, т. 1, стр. 485–495). Видели в том талантливые пробы пера, многообещающие литературные опыты, а анализу содержания почти не уделяли внимания. Единицы из них ограничивались констатацией расплывчатости и неясности мирозерцания, следствием которых становилась якобы «идейная противоречивость» произведений молодого писателя. О содержательной стороне леоновского творчества впервые пытались заговорить лишь после публикации романа «Барсуки». Имея в виду конфликт между братьями Рахлеевыми, утверждали безусловную правоту Павла как строителя нового общества, как твердой руки революции, усмиряющей бунт несознательных темных мужиков. Хотя леоновская проза, уже в первых своих опытах бывшая не просто экзотичной, по языку ли, по тематике ли, а насыщенной бытийно-философским содержанием, требовала не только восхищения литературными красотами ее, но и более серьезного, на уровне со-

держания, подхода. К сожалению, критика 20-х годов именно эту сторону ранней прозы писателя обошла молчанием. Да и более поздние исследователи не особенно жаловали вниманием первые литературные опыты, сосредоточившись на крупных жанровых формах, тех же «Барсуках» и «Воре». Молодой Леонов, в отличие от своих литературных сверстников, в начале 20-х мог казаться и казался неактуальным для критиков. Страна только что вышла из огня революции и гражданской войны «кровью умытая», в романтическом порыве устремилась к новой жизни, а он пишет нечто вроде сказок о старой кондовой Руси («Гибель Егорушки», «Случай с Яковом Пигунком», «Петушинский пролом»), об отодвинутой революцией на обочину истории старой русской интеллигенции («Конец мелкого человека»), о безоглядном прощании с иллюзиями детства и юности, которое мстит за себя в зрелом возрасте («Бубновый валет», «Валина кукла»). И уж совсем некую байку о приключениях зеленого лесного «детеныша-носхоботом» от имени деда Егора предлагает читателям при первом знакомстве («Бурыга»). Отсюда у критиков тогдашних вежливая констатация («первоклассное дарование»), подчеркивание сугубо формальных моментов: экзотика, первоизданный язык, фольклорные мотивы, реминисценции и аллюзии, искусная стилизация. Но... далекие темы, идейная противоречивость, «неясность мирозерцания, уклоны в полумистические настроения». Дальше критики переходили к разговору о «литературных влияниях». Тут у них находилась почва для более профессионального разговора – «Достоевский», «орнаментальная проза». И лишь умудренный долгим писательским и жизненным опытом М. Горький пророчески проронил: «Леонов – человек какой-то «своей песни», очень оригинальной, он только что начал петь ее» (3, т. 24, стр. 491).

Можно в творческих плодах этого десятилетия отыскивать и находить влияние традиции, учебу у предшественников, что и делала тогдашняя критика в пылу своеобразной страсти – искать предтеч, учителей для гения. Можно говорить о «противоречивости общественной позиции», о «некоторых заблуждениях писателя», нашедших отражение в произведениях 20-х годов. Но не видеть на этом основании уже тогда родившегося гения!? Впрочем, история повторяется: семнадцатилетнего Пушкина посвятил в гении собрат по перу Державин, 22-летнего Леонова – Горький. А критики еще долго искали им предшественников – якобы учителей и наставников.

Заряд «старой культуры», о котором говорил Леонов на съезде писателей, отработал свой тематический ресурс полностью в творчестве писателя 20-х годов. «Старая культура» и связанная с ней российская дореволюционная действительность, российский уклад жизни, с его ценностями, странностями и кажущимися нелепостями, с его колоритными характерами, осмыслены автором в бытовом и метафизическом аспектах и, как изображение на фотобумаге, закреплены на страницах произведений в художественном слове. Удивительно емком, неожиданном, самородном, давшем основание Горькому увидеть будущего гения уже в первых его литературных опытах.

Все его дальнейшее творчество – художественное отражение борьбы старого и нового миров, «гигантской схватки за будущее планеты» в общецивилизационном и «сражение за человеческую чистоту» в онтологическом, экзистенциальном смыслах. Не борьбы и столкновения отвлеченно абстрактных рефлексий: у Леонова новый мир, персонафицированный и активно, порою агрессивно действующий, бросает вызов старому – и он на

его стороне. Поскольку своим словом художественным он также ведет борьбу за нового человека, за человеческую чистоту и чистоту нового дома, который взялась строить страна.

По этим двум маршрутам движется все творчество писателя. И намечены они, обозначены уже в первом романе «Барсуки», в разговоре братьев Рахтеевых, оказавшихся по разные стороны баррикады. Старший Павел с вполне извинительным косноязычием старается объяснить младшему Семену цель и смысл всероссийской заварухи: «...в людях, брат, непонятного больше, чем понятного...может и совсем не следует быть человеку? Ведь раз образец негоден, значит – насмарку его? Ан нет: чуточку подправить – отличный получится образец!» (1, т. 2, стр. 305–306). «Чуточку подправить человека», – так виделась писателю миссия революции в двадцатые годы.

Тематически романы Леонова тридцатых годов вписываются в сконструированную тогдашней критикой новую жанровую форму – производственный роман, законное дитя индустриализации. Им несть числа в годы первых пятилеток: «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Лесозавод» А. Караваевой, «Танкер “Дербент”» Ю. Крымова, «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Время, вперед» В. Катаева, «Энергия» Ф. Гладкова, «Большой конвейер» Я. Ильина, «День второй» И. Эренбурга etc.

Чем выделяются в этом ряду леоновские повествования? В них мало или вовсе нет массового трудового пафоса индустриализации и, соответственно, плакатных героев. Хотя их персонажи второго плана, чернорабочие социальной машины, рядовые участники строительных будней Варвара, плотник Фаддей Акишин, десятник Андрей Иванович («Соть»), машинист «железного корабля» Сайфулла («Дорога на Океан»), турбинный мастер Фома Кунаев, литейщик Ефим Демин, банщик Матвей Черимов («Скутаревский») в память читателя западают прочно. Так же, как и персонажи из бывших, «вчерашних» – Виссарион Буланин, Петр Петрыгин, Николай Дудников, Павел Омеличев, Глеб Протоклитов. Они не своими «вредительскими» действиями запоминаются, а тревожащими мысль читателя размышлениями, репликами, прямыми или воображаемыми дискуссиями со своими оппонентами. У кого еще из авторов производственного романа найдется столько оппонентов, антиподов их главным героям, как правило, «положительным»? Их функция в художественном поле леоновского «производственного романа» не менее значительна и многогранна. Многочисленные авторы исследований леоновского творчества либо обходят этих персонажей, либо упоминают в традиционном контексте «злостствующих обывателей» и «затаившихся врагов».

Вот исповедь бывшего белогвардейского поручика, а сейчас заведующего клубом на «Сотьстрое» Виссариона Буланина перед инженером-химиком Сузанной. Единственным здесь человеком, знающим о его прошлом: в гражданскую они стояли по разные стороны баррикады. Девушка не собирается выдавать его соответствующим органам, не считая на что-нибудь способным «это битое калечное воинство». Для Виссариона же его ровесница – лучший слушатель и оппонент: на фронте было не до идейных дискуссий, там все решала сила. Теперь побежденный в бою берет реванш в сфере мысли. Собственно, это коктейль из Шопенгауэра, Ницше, Шпенглера, с добавлением, для убедительности, собственных наблюдений, обобщений, не лишенных глубины и пронизательности. В ответ на вопрос Сузанной, на кого Виссарион работает, зачем об-

разованный человек не опровергает в разговорах с мужиками у костра их опасений по поводу того, что как построят бумажный комбинат, «так и потечет на нас вонь... И пойдут газ и все им пропитается, реки и сушь...», тот отвечает резонно, что «надо же внушить когда-нибудь сознание силы в это рабское племя». Сузанна, возможно, и поставила на место страшасьего разоблачения бывшего поручика своим утверждением, что «глупо будить стихию, если не имеешь власти над нею». А вот мысль читателя повернула в неожиданное русло: «Большевики-то разбудили вековую крестьянскую Россию, а есть ли у них власть над разбушевавшимся океаном?».

Впрочем, поставить на место собеседника – не значит его переубедить. И Виссарион раздражается монологом, нервным, истеричным, но не оставляющим равнодушным ни его слушательницу, ни читателей. «Лягте на землю и слушайте: она орет. Мир гибнет... На этой остывающей планете остывает и человек... Мир на небывалом ещё ущербе, в основе его ненависть и месть... Не мысль, не идея, а вещь формирует сознание. Не Бог ограбил человечество, а вещь – лукавый хозяин мира... Вещь обещала ему химерическое блаженство, и вот в погоне за ним... человек ринулся вперед... Утерялись все нормы, наступил хамский апогей естественных наук. Множась, подобно волхам, они понесли свои дары к колыбели богочеловека... Вспомните!... Человек есть то, что он есть. Любовь – взаимное влечение яичников... Душа – функция протоплазмы... Придет еще один Фрейд – и не останется веры ни в чистоту, ни в дружбу, ни в невинность... Все рассечено и познано, но слушайте: произошёл обман. Познан труп в его мертвых отдельных частях, а живое единство ушло невозвратно... И вот душа изгоняется из мира сквозь строй шпицрутенов и палок (2, т. 4, стр. 182–183). И неопит коммунистической идеи Сузанна возразить на эту боль живой души не находит ничего кроме упрека оппоненту, что он «упускает область социальных отношений» да какого-то робкого утверждения. Конечно, человечество разрублено на государства, на классы и группы, но «именно коммунизм объединит эти разобщенные части... так?». В общем Виссарион ее убедил: революция тем более была необходима, она-то и будет предпосылкой обновления мира и человека. И вот здесь чувствительный, больной нерв их дискуссии обнажается. Революцией, по мнению Виссариона, называют прорвавшийся наружу «великий гнев», а гнев, как известно, всегда безрассуден. В революцию «гибнут лучшие, носители огня», зато «укрепляется здоровье мещанина. Прошедший сквозь революцию, он страшен своей подавляющей единогласностью». Утвердятся его цели и ценности – и «человечество разрушат сытость и неразлучное счастье. Исчезнут социальные противоречия – источник развития». Теперь Виссарион, сам нацепивший когда-то красный бант и благословивший революцию как начало обновления человека и человечества, испугался перед развалинами, на которых пролетариат взялся строить равенство и новое братство, будущую Элладу, но без рабства и эксплуатации. Здесь-то и караулят человека им «еще не испытанные холод и одиночество. И уже не будет души, огонька, у которого можно было погреться... Пусто, и даже голову разбить не обо что», – утверждает он почти пророчески. На прямой вопрос своей оппонентки «Чего же хотите вы?» Виссарион отвечает однозначно: «Воскресения души». Сузанна почему-то истолковывает этот ответ как желание реставрации, контрреволюции, т.е. идею оппонента «с легкостью подвела под статью уголовного кодекса» (2, т. 4, стр. 186–187).

Выживший в революцию обыватель с дипломом инженера дан в оппоненты главному герою романа «Скутаревский». Плебеи по происхождению, они были когда-то однокурсниками и даже друзьями. Один пошел по научной части и долго бедствовал. Другой, Петр Петрыгин, свои знания выгодно продал предприимчивому и просвещенному фабриканту, едва скинув студенческую куртку: молодая русская буржуазия «умела покупать нищих, не ущемляя их щепетильного достоинства». Скутаревский принял революцию в силу собственного убеждения, что «миру, полагаю, сегодня клистирами не поможешь» (2, т. 5, стр. 41). Петрыгин, у которого она отняла все как у совладельца мануфактурных предприятий тестя, ненавидел большевиков люто. Теперь и тот и другой работают на новую власть – пролетарскую. Сергей Скутаревский потому, что она предоставила возможность осуществить его техническую идею – передавать электроэнергию на большие расстояния без проводов, предложив ученому руководить строительством института высоких энергий, а затем и работой его сотрудников, т.е. возможность созидать. Петрыгин, сидя на высоком месте в «Энерготорфе», видит в своей работе лишь привычный способ продолжать жить безбедно (новая власть за знания платила хорошо), но главное – удобную возможность для «интоксикации государственного организма». «Мы отдадим здесь, вобьем клин сюда и сдвинем там. Мы окажем помощь восстаниям, купим ... само небесное воинство», – в мстительном экстазе пророчествует он перед своими единомышленниками-технократами, уверовавшими, что «все дело в совершенстве машин, а не в классовой борьбе, что изобретение ткацкого станка дало человечеству больше, чем любая социалистическая программа». Скутаревским движет его философия жизни, согласно которой «полет – естественное состояние человека, все остальное – лишь кощунственное отступление от нормы». Петрыгиным – презрение к быдлу и ненависть к революции, «смесь трусости и злости», характерные для всякого побежденного в революции (2, т. 5, стр. 188–189).

Еще у одного человека мечты и полета, героя романа «Дорога на Океан» оппонентом выступает тоже представитель лагеря побежденных, бывший камский судовладелец «умный буржуй» Павел Омеличев, ныне под фамилией Хожаткин работающий путевым обходчиком. В гражданскую он прятал в своем доме комиссара Курилова от белых, потому что радости по поводу их прихода не испытывал, но «не шибко верил и в силы красных». Ему просто «выгодно было приобрести друга на черный день», так как «русская история всегда изобиловала неожиданностями». Хотя теперь его судьба да и жизнь в руках Курилова, Павел позволил себе такую дерзость, перед которой растерялся бывший комиссар, ныне ставший крупным хозяйственником и столкнувшийся с обескураживающей прозой реальной жизни. Впрочем, и мечтатель Курилов, столь симпатичный в этом качестве, имеет в романе также оппонента. Есть в нем три главы («Он едет на океан», «Утро», «Мы проходим через войну»), где Курилов предстает как романтик революции, где его спутником и собеседником выступает сам автор. Дорога на Океан – это дорога в Будущее. По пути к нему они проходят через огонь мировой революции, вылившейся в форму революционно-освободительной войны между Северной Федерацией Социалистических Республик и Старым Светом, которой, заметим, и в начале тридцатых еще бредила старая ленинская гвардия. Эта футурологическая глава поражает не только провидческими описаниями технических новшеств, созданных для уничтожения человека,

но и точным предвидением будущих конфликтов между народами и континентами. Для нас интересен авторский комментарий к этому куриловскому сценарию будущего «последнего и решительного боя»: «Мы встречали удивительных бойцов и запомнили много героических эпизодов, но тридцать шесть миллионов вооруженных людей, одновременно поражающих друг друга, не могут стать предметом восхищения ни историка, ни поэта...» (2, т. 6, стр. 270). Это – художественный приговор идее мировой революции, «перманентному» революционеру Троцкому и его сторонникам.

Герои трех романов, опубликованных в первой половине 30-х годов, – люди высоты, не многим доступной, но они – уходящее поколение. В романе «Дорога на Океан» есть глава, рассказывающая о встрече старых друзей по революционному подполью и гражданской войне, пафосная и грустная одновременно, лучше всего характеризующая авторское отношение к подобному типу героя – строителя новой жизни. Это и романтически-возвышенная ода и печально-торжественный реквием поколению, «пронизанному стальным стержнем и прошитому черной смоленой дратвой», не без горечи сознающему, что «мир – это двигатель, работающий на молодости» (1, т. 6, стр. 103). С идущим им на смену поколением они чаще всего и не находят полного взаимопонимания. Пока их авторитет первостроителей нового мира поддерживают стальная воля, целеустремленность да сознательная жертва сегодняшним во имя будущего. Но именно последнее не хотят принимать как должное их молодые оппоненты. Прозревающие, что за разговорами о жертвенном долге во имя будущего не скрывается ли равнодушие и безразличие к конкретному человеку и его сегодняшней жизни. И это не традиционный в литературе конфликт отцов и детей – у Леонова они единомышленники, смотрят в одном направлении, но расходятся в вопросах тактики.

Не случайно обращение писателя после «Дороги на Океан» преимущественно к драме – жанру более динамичному, оперативному и эффективному по воздействию. И в общественной ситуации второй половины тридцатых для писателя-философа более приемлемому. Четыре пьесы, написанные в эти годы («Половчанские сады», «Волк», «Метель», «Обыкновенный человек»), несмотря на подчеркнутый бытовизм сюжетов, камерность, домашне-квартирно-дачно-семейный антураж, в подтексте своем несут все противоречия, боль и тревоги того времени. Военные маневры, на фоне которых происходит действие, создают контрастный фон для идиллии и она уже воспринимается читателем и зрителем не как нечто убаюкивающее («Половчанские сады»). Мнящий себя «осью колеса» ответственный работник Рошин плохо знает жизнь, видит в ней лишь то, что ему приятно видеть, о людях судит по анкетам. Он вполне обоснованно радуется, что отцы дом построили для детей. А каков он, каково детям в нем? Каково искренней, житейски неискушенной Насте жить в атмосфере лицемерия, так называемой лжи во спасение, фальши и недоговоренности? В анонимном письме-доносе, полученном Рошиным, тайный доброжелатель мотивирует почти по-библейски свой поступок: «Утомился от сладкой лжи язык мой и жаждет в последок дней коснуться пламени правды». Проведя через этот очищающий огонь всех родственников и близких членов семьи ответственного работника, автор заключает пьесу репликой, вложенной в уста неистовой поборницы «правды до доньшка» Насти: «Хорошо жить в чистом доме, Григорий!» («Бегство Сандукова»).

«История заболевания» автора мечтой и «мыслительные битвы современников», к которым он так внимательно и заинтересованно прислушивался всю свою творческую жизнь, наиболее полное и концентрированное выражение нашли в романе «Пирамида», будоражившего мысль писателя около полувека – столько прошло времени от замысла до воплощения. Итоговый по сути роман вобрал в себя весь спектр «последних вопросов», затрагиваемых так или иначе во всех предшествовавших ему произведениях. Не ставя себе задачу рассмотреть их все, коснемся лишь одного. Связанного с авторским заболеванием идеей, которую несла с собой Октябрьская революция: коренное преобразование и цивилизации, и человека на началах правды, добра и справедливости.

Как и полагается в романе-наваждении (авторская жанровая идентификация его), традиционного, строго выстроенного сюжета здесь нет. Если все же попытаться рассмотреть в фантазмагорической структуре романа некое подобие сюжетной организации событий, то контуры ее просматриваются достаточно четко. Это история пребывания в «наших палестинах» (читай – в СССР) ангела Дымкова, посланного сюда высшими небесными силами. Командированный на Землю ангел поначалу квартировал в старо-федосеевской обители, где и открылся впервые дочери священника Дуне и стал плотью земной с ее помощью. Она же и знакомит его, нездешнего, с тамошней жизнью, она же и предупреждает, зная о способности ангелов творить чудеса: «Вы не должны тратить себя по пустякам: это может кончиться плохо» (2, т. 1, стр. 183).

Но на новогодней елке, устроенной в институте, куда маскировки ради была оформлена командировка ангела, для детей из подшефного приюта, Дымков допустил оплошность, походя продемонстрировав свои способности творить чудеса. Здесь-то и «засёк» его старый циркач Дюрсо. Назойливо прилипчивый потомок «славной цирковой династии», не слушая возражений ангела «мне пора уходить, меня давно ждут» (в Старо-Федосееве. – В.З.), навязал ему свое общество. И за чашкой кофе на двух десятках романских страниц Дюрсо излагает Дымкову свою каббалистическую премудрость, низвергает на голову не оглядевшегося еще на Земле ангела свое «сверхсатанинское красноречие». Чтобы к концу монолога обосновать и предложить Дымкову якобы единственно возможное применение его способности творить чудеса. Работать в цирке, под его руководством делать новый иллюзион, преподносить зрителям липу вместо настоящего чуда: дескать, оно не поощряется нынешней властью. Так, вместо намечавшегося на этот вечер в старо-федосеевской обители обсуждения с о. Матвеем программы добрых дел состоялась вербовка небесного ангела в столовой-забегаловке. Ну чем не детективная завязка интриги романа?

Первым, кого более серьезно встревожило появление на Земле ангела, был «корифей всех наук» профессор Шатаницкий. Апостолу «вселенского атеизма» не интересна великая тайна Дымкова – способность творить чудо. Тогда почему же так встревожен профессор, что даже просит своего ученика – студента Никанора Шамина – устроить ему свидание с посланцем небес. Православная церковь твердила после победы большевиков в семнадцатом году прошлого века о воцарении Антихриста на святой Руси. Но истинный антихрист, скрывающийся за личиной «высшего атеизма» (читай – научного. – В.З.) мечтает о возмездии Богу за давнее, еще до рождения Христа, поражение в бесславном мятеже против всевластия Отца небесного. Он уже не может удов-

летвориться «философской матерщиной» в адрес недостижимых там, вверху. Ему надо через отвращение к бессильному, обманувшему чаяния Небу (читай – к Богу. – В.З.) возбудить интерес к противоположному лагерю – преисподней и её обитателям (читай – к дьяволу. – В.З.). Профессор стремится к полной социальной и моральной реабилитации зла как необходимого компонента жизни. Застало его врасплох на пути решения этой задачи появление ангела, и Шатаницкий разрабатывает стратегию его нейтрализации.

Еще один персонаж стремится использовать ангела Дымкова в собственных корыстных целях. Это – высокомерный отпрыск всемирно известного банкирского рода Юлия Бамбалски, чье родословное дерево в России после революции, естественно, зачахло. Но она по-прежнему считает себя отмеченной Богом, рожденной, как ей представляется, повелевать, и потому имеет виды на Дымкова как творца чудес. В стремлении стать звездой кино она сделала было ставку на гения соцреализма в этой области режиссера Сорокина. Тот не торопится выводить ее в мир большого искусства по причине отсутствия таланта, и Юлия заинтересовалась феноменальным фокусником в цирковой труппе своего отца, ещё не зная, исполнителем какого чуда для нее станет артист Бамба.

Наблюдавшие за ним с самого прибытия на Землю «заинтересованные органы» докладывали, естественно, Хозяину о его необыкновенных, рационально не объяснимых способностях. И тот назначил аудиенцию Дымкову: хватит ему, дескать, «публику потешать, пора чем-то посерьезней заняться» (2, т. 2, стр. 580).

Почти полночи длившийся разговор Сталина с Дымковым изложен на сорока страницах тринадцатой–четырнадцатой глав третьей части романа. Ну кто еще из писателей, а их тьма пыталась после пятьдесят шестого года, сумел так представить читателю историческую мотивацию, механику и психологию культа личности вождя, как это сделал здесь Леонов? Особенно учитывая то, что создавались эти страницы в годы, когда еще не были открыты партийные архивы. Специфически надерганные факты из которых придали «убедительности» писаниям шедших за ним литераторов, поспешивших стяжать лавры разоблачителей культа более ранней публикацией. О писательской и человеческой честности Леонида Михайловича свидетельствует авторский комментарий к тем сорока страницам: «Произнесенный в тот вечер наедине с Дымковым, без свидетелей и стенограммы, монолог кремлевского диктатора нельзя считать достоверным документом эпохи... Но современники имеют священное право на собственное суждение о личности вождя» (2, т. 2, стр. 621).

Это был действительно монолог, рассчитанный на необычного слушателя и имевший цель также необычную. Так как являл собою изложение «самой самоубийственной идеи, когда-либо поражающей человеческое сознание». «Нам с тобой, товарищ ангел, предстоит поубавить излишнюю резвость похотей и мыслей..., которые никогда не считались со святынями». Пообещав, что подробности операции, ее распорядок и свое место в ней ангел узнает на следующей встрече, назначенной на послезавтра. (2, т. 2, стр. 615–618). Которая по дальнейшему развитию сюжета не состоялась.

Вряд ли найдется среди активно писавших о Леонове в 40–80 годы кто-либо, кто бы не подчеркивал, не повторял мысль, озвученную критикой еще в 20-е годы прошлого века применительно к творчеству тогда только начинавшего автора. Мысль о Леоно-

ве как об ученике Достоевского. Тогда она для молодого литератора звучала и как комплимент и как предостережение. Вспомним, что термин «достоевщина» в двадцатое и тридцатое десятилетия XX века, да и позже, оставался устрашающим жупелом. Хотя применительно к Леонову, особенно когда писатель обрел статус прижизненного классика, имя Достоевского везде звучало в комплиментарном контексте. Но бездумный комплимент, как правило, оказывается несправедливее хулы критической.

Для критических параллелей в творчестве Достоевского и Леонова оснований более чем достаточно. Изогранный порой психологизм, темы «последних вопросов», неожиданные сюжетные повороты, «вечные образы»-символы, тема двойничества, прямые аллюзии в «Пирамиде», вплоть до Алеши-горбуна и Великого Инквизитора. Последний роман особенно много пищи дает для продолжения штудий о преемственности традиций Достоевского в русской литературе. Но только на уровне совпадения тематики, стиля и художественных приемов определять учителя и ученика и суть этих понятий вообще – значит невольно уличать последнего в эпигонстве. Традиция – это не только повторение сугубо ремесленных приемов творчества, но и дальнейшее развитие вечных для литературы тем и проблем в конкретно-историческом контексте. Эту сторону традиции исследователи как-то обходят, лишь констатируя общую направленность профессиональных интересов обоих авторов. А применительно к Леонову почти не вникают, за редким исключением, в их суть.

И Достоевский и Леонов жили и творили в периоды «великих сломов» в русской истории и жизни. И это первое, фундаментальное, основание их «схожести». С шестидесятых годов XIX века Россия начала спешно догонять ушедшую вперед по пути капиталистического прогресса Европу и немало преуспела в том и экономически и нравственно-этически. Достоевский одним из первых, если не первый, русских писателей восстал против животного индивидуализма западного образа жизни с его безжалостной конкуренцией. Против протестантской этики, освящающей именем Божиим личную корысть и стяжательство. Где же выход, в чем альтернатива? Русское мыслящее общество не могло не задавать себе таких вопросов, а тем более писатели – самые чувствительные клетки в общественном организме, первыми реагирующие на его боль. Одни к топору звали Русь во имя торжества справедливости в форме социалистического уклада жизни, другие социализм отвергли а priori, как Ф.М. Достоевский, представив его бесовским делом в известном романе.

Так в русской общественной мысли и словесности вызревала одна из ее новых «вечных тем» – интеллигенция и революция. Будто бы тут, в этой оппозиционной паре, заключена главная проблема. Если уж понятие «революция» отождествлять с каким-то социальным слоем, целеполагающе в ней заинтересованным, то это, разумеется, интеллигенция. И несмотря на то, что революционное насилие освящает именем народа, – она прежде всего свой интерес здесь видит, а народ для нее лишь средство его (интерес) реализовать. В этом смысле для Достоевского тема «интеллигенция и революция» актуальна. Не приемля революционного насилия как инструмента общественно-социальных преобразований, он предлагает как избавление от терзающих его мысль несчастий народных православие с его идеалом соборности и возврат к завету о братстве во Христе взамен беспощадной конкуренции индивидуумов.

В России первых десятилетий XX века история распорядилась так, что перед Леоновым выбора «Революция или Бог» не существовало – первая стала фактом. У Леонова, художника и мыслителя, огромное преимущество перед Достоевским: он видит и оценивает социализм не в теоретическом лишь его варианте, а как практическое реальное дело, осуществляемое в России. Для него самого и для его героев (Бураго, Ренне, Скутаревского, Петрыгина, братьев Протоклитовых, Ивана Вихрова, Чередилова, Грацианского) тема «интеллигенция и революция» неактуальна, по крайней мере – в бытовом смысле. Они ее выбрали, или она их – этот вопрос уже на третьем плане.

Удивительно, но исследователями осталась незамеченной трансформация этой темы под леоновским пером, весьма существенная смена парадигмы в этой оппозиции. Иная проблема буквально с первого романа «Барсуки» тревожит и занимает писателя. Достоевский – современник и очевидец слома русской жизни сверху, через реформы; Леонов художественно осмысляет другой слом – снизу, революционный, чья главная сила народ, а оправдание – его интересы. И у него расхожая в литературоведении коллизия звучит по-иному – «народ и революция». Именно через эту коллизию Леонов приходит к другим идеям Достоевского. О всемирной отзывчивости русского народа, о великой его миссии – отстаивать и в жизнь претворять универсальный идеал раннего христианства, наиболее адекватно сохраненный в православии.

И здесь, по Леонову, строящийся в России социализм – не помеха, а исторический шанс. Другое дело – как он будет использован. В поисках ответа на этот вопрос – главный болевой нерв всего его творчества. Двухтысячелетняя проповедь христианства, уже «поседевшего от мудрости», оказалась мало продуктивной, «на тяговой силе его мотора сказала не одна только очевидная в новейших условиях нехватка октанового числа в христианской идее» (2, т. 2, стр. 213), связанная с игнорированием материальных условий существования. Но и русский социализм, ограничивая горизонт своих целей только злободневными материальными интересами, без учета «духовных обстоятельств, в которых мужала и вызревала нация», может не выдержать экзамена на реализацию «вселенской мечты о золотом веке». Большевики, пробудившие в русском народе невероятную энергию строительства царства справедливости, самоубийственно отвернулись от христианства, исторически ставшего одним из первоисточников этой идеи. Так думает один из героев «Пирамиды», историк-египтолог Иван Филуметьев (2, т. 2, стр. 206–212). К подобному выводу пришел и кремлевский вождь, продираясь к проблеме, как практический политик, через анализ конкретной исторической обстановки, явно неблагоприятной для строящегося социализма. Он, понимаемый просто как полное удовлетворение насущных материальных потребностей, в предстоящей схватке со старым миром мотивацией и оправданием неизбежных жертв быть не может. Нужны ещё и другие, духовные, составляющие: национальная гордость, любовь к Отечеству, исконные народные ценности и православие в том числе. Вот почему Кремль заинтересовался посланцем неба.

Леонов, представляется нам, художественно осваивая проблему «народ и революция», понял главное: русский народ потому и принял её, что своим историческим инстинктом прозрел в коммунизме нечто высшее и созвучное русской судьбе и предназначению. А именно – возможность реально примирить Небо и Землю, идеальное и ма-

териальное начала. В контексте же проблемы будущего земной цивилизации, человечества в целом, так же волнующей писателя, как и его учителя Достоевского, Леонов в практическом опыте строительства социализма, свершенном Россией в XX веке, увидел и для них шанс выжить и уцелеть. Достоевский же социализм отверг; словно не замечая в глаза бросающегося ничтожного коэффициента полезного действия столь длительной христианской проповеди, выдвигает как панацею лозунг «Назад, к Богу!». Как иначе можно истолковать его, в конце жизни прозвучавший, страстный призыв: «Смирись, гордый человек!»? (4, стр. 139). Его гениальный «ученик» провозгласил в своем творчестве другой: «Вперед с Богом!».

В прологе к роману «Вор», своеобразном эстетическом кредо писателя, сочинителя Фирсова, в раздумье созерцающего пространства Неба и Земли, вдруг обжигает «струйка мысли, оплодотворяя и радуя». Мысли о том, какой ничтожной пустотой стало бы все это без людей. «Наполняя собой, подвигом своим и страданием мир, ты, человек, заново творишь его...» (1, т. 3, ст. 9). Герои Достоевского наполняют мир единственно своим страданием. Сбитые революцией с привычного настроения жизни и быта люди, «голый человек» с «заветным пупырышком, коим он отличается от ближнего» (1, т. 3, стр. 39) – вот кто заселил почти все леоновское творческое пространство двадцатых и лучший роман тех лет «Вор». Вполне в духе Достоевского.

А начиная с «Соти», главные и любимые герои Леонова – люди мечты, не утешением ставшей для них, а мотивацией, понуждением к конкретному действию, люди созидательного подвига. Он, правда, оставил каждому из них его «заветный пупырышек». И потому так разительно не схожи Увадьев и Потемкин, Скутаревский и Черимов, Сузанна и Поля, Вихров и Кунаев. Но есть в них общее – устремленность ввысь, к звездам, полет мысли и дерзание конкретных дел. Метафора горы, горных высей, которые обязан штурмовать человек, мотив полета как его естественного состояния пронизывают все творчество Леонова 30–50 годов.

Но и «бывшие люди», отброшенные на обочину новым укладом жизни, присутствуют в произведениях писателя этих десятилетий. Их художественная роль – не только сугубо вспомогательная в качестве контрастного фона для главных, условно говоря, положительных героев. Через них, давая им право голоса, писатель лишает «победителей» монополии на истину, они оппоненты, и порой серьезные, для строителей новой жизни. Серьезные не в споре сопротивления, а в споре мысли. И нередко для читателя вопль побежденного у Леонова убедительнее ликующих возгласов победителей.

Разнонаправленная полифония голосов у Достоевского, приглушившая голос самого автора до невнятности, у его «ученика» Леонова не стала лишь художественным приемом для максимальной объективности изображения действительности, уходом авторского «я» из повествования. Полифония у Леонова и выражением авторской позиции и способом проверки ее на прочность стала. Так классик XX века развивает еще одну традицию классика XIX века.

В итоговом романе «Пирамида», самом философском, непривычно пессимистичном для Леонова в смысле видения перспектив современной цивилизации, он не изменяет своей высокой юношеской вере в начале творческого пути. Вере в то, что социализм даёт человечеству единственный шанс не опуститься с высот «в первородный,

привычный и теплый ил». Потому что ведёт сражение «не только за справедливое распределение благ, а в первую очередь за человеческую чистоту». Так думает Иван Вихров в «Русском лесе», и мы вполне обоснованно в данном случае можем отождествить автора с его героем. И нет в этом сражении за чистоту лучшего союзника для социализма, чем христианство, а точнее – русское православие, русская соборность. Высокомерно отвернувшись от этих национальных ценностей, большевики лишили свою власть и народ второго крыла для нового рывка вперед – веры духовной. И, как следствие, просто обречены были подменить ее «наганом как инструментом единогласия» (2, т. 2, стр. 219). Мысль поставить заповеди Нового Завета в помощь социализму пришла в голову не коммунисту Сталину – она для идеолога действительно самоубийственна. Она осенила Сталина, политика и государственника, и он пытается реализовать показавшуюся ему спасительной идею.

Полифонизм разнонаправленных голосов в «Пирамиде» достигает такой концентрации насыщенного раствора, каковой мы не встретим у Достоевского. Тем не менее, авторский голос в этом хоре не затерялся, звучит гораздо отчетливее, нежели у учителя, чьи традиции «продолжает» Леонов. В заключительной главе романа, продираясь сквозь «заумную путаницу» футуристических прогнозов, «живых миражей» своего собеседника Никанора Шамина, автор считает необходимым точно обозначить свое отношение к осенившей вождя мысли **«о некоторой урезке... нет, не мышления вообще, по утверждению врагов, а только мысли личной в пользу мысли общественной, то есть во благо человеческой популяции в целом»** (выделено мною. – В.З.). И пусть «передовые мыслители дружно опровергают изложенную выше ересь», считают ее болезнью – эта болезнь заразительна (2, т. 2, стр. 682–683).

Наконец, еще одна «знаковая» идея, настойчиво проводимая во всем творчестве Достоевского, – о необходимости и благотворности для человека страдания. Она объективно не могла увлечь молодого писателя, чьи творческие паруса туго натянул революционный ветер – вспомним его выступление на Первом съезде писателей. Она и не звучит в его творчестве 20–30 годов, давая о себе знать в качестве побочного маргинального продукта в отдельных вещах, вроде «Записок Ковякина» или «Провинциальной истории». Впервые равноправно с другими она возникнет в произведениях, связанных тематически с Великой Отечественной войной, – «Взятие Великошумска», «Нашествие», «Золотая карета», «Русский лес». И возникнет она здесь не как некая внесоциальная онтологическая, по Достоевскому, ценность, а как суровая необходимость, осознанная жертва в годину испытаний, подвиг во имя жизни и веры в идею. Страдание для Леонова тем более не является каким-то обязательно необходимым компонентом жизни, что оно ожесточает человека. В «Пирамиде» старо-федосеевский мыслитель Никанор Шамин, самый автором любимый, наряду с Дуней, персонаж, ведет очередную лекцию-дискуссию о будущем человечества перед единственным слушателем – автором. Среди многих обсуждаемых проблем этого будущего возникает и традиционная для Достоевского. Никанор, разумеется, уверен: люди, прорвавшиеся к звездам, к тайнам мироздания и жизни, будут являть собою совершенство, построенное «в согласии со всеми кондициями здравого смысла». А их жизнь – так долго желаемые счастье и гармонию. У слушателя всё же возникает сожаление: «Уцелеет ли даже под музейным

стеклом на предмет пользования ученых потомков... самомалейшая кроха нашей нынешней боли – хотя бы для постижения: на каком страшном человеческом огне варились для них похлебка универсального счастья?». Ответ писателя-философа недвусмыслен: «В стерильном обиходе грядущего им, как соли, будет недоставать, пожалуй, щепотки драгоценного страдания» (2, т. 2, стр. 317). Но и только.

Традиции Достоевского стали тем ключом, которым, за редкими исключениями, открывали дверь в творческую лабораторию Леонова исследователи на протяжении полувека. Полагая, очевидно, что тем самым выдают вексель гениальности начинающему или оказывают великую честь русскому советскому писателю-классику. Отдадим еще раз должное провидческому дару М. Горького, уже в 1927 году предостерегшего критиков от бездумного сопоставления и прямой «привязки» Леонова к Достоевскому как ученика к учителю: «Он – сам по себе» (5, стр. 129). Навязывать оригинальному автору верность традициям великих предшественников – не есть ли косвенное утверждение его эпигонства? От частого повторения один и тот же литературно-критический комплимент превращается в свою противоположность. Традиция существует не только для того, чтобы ее развивать и обогащать, но и преодолевать, в конце концов. Что и делал Леонид Леонов всю свою творческую жизнь. И что как-то упустили из виду многочисленные его прижизненные исследователи. Эта статья – одна из попыток, немногих пока, поправить сложившуюся в леоноведении парадигму.

Л и т е р а т у р а

1. Леонов, Л. Собрание сочинений: в 10 т. / Л. Леонов. – М., «Художественная литература», 1981–1984.
2. Леонов, Л. Пирамида / Л. Леонов. – М.: «Голос», 1994. – Ч. 1–2.
3. Горький, М. Собр. соч.: в 30 т. – М.: Гослитиздат, 1949–1955.
4. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л., 1984. – 26 т.
5. Ковалёв, В.А. Этюды о Леониде Леонове / В.А. Ковалев. – М., «Современник», 1978.
6. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. – М., 1990.
7. Богуславская, З.Б. Леонид Леонов / З.Б. Богуславская. – М.: Советский писатель, 1960.
8. Вахитова, Т.М. Леонид Леонов. Жизнь и творчество / Т.М. Вахитова. – М.: Просвещение, 1984.
9. Грознова, Н.А. Творчество Леонида Леонова и традиции русской классической литературы / Н.А. Грознова. – Л.: Наука, 1982.
10. Старинова, Е.В. Леонид Леонов. Очерки творчества / Е.В. Старинова. – М.: Художественная литература, 1972.
11. Михайлов, О.Н. Мироздание по Леониду Леонову. Личность и творчество. Очерк / О.Н. Михайлов. – М.: Советский писатель, 1987.

Поступило 04.04.2008

УДК 821.161.3.0

Эвалюцыя жанру драматычнай паэмы ў творчай спадчыне Янкі Купалы

Г.П. Харошка

Прасочваецца эвалюцыя жанру драматычнай паэмы ў творчасці Янкі Купалы. На аснове твораў “Адвечная песня”, “Сон на кургане” і “На папасе” раскрываецца драматычны талент паэта. Падкрэсліваецца, што вытокі драматычнага жанру зыходзяць з лірычных вершаў, дзе выразна відаць драматычны элемент, уваасоблены ў форме маналогаў і дыялогаў, якія займалі значнае месца ў жанравым рэпертуары аўтара. Зварот да жанру драматычнай паэмы быў выкліканы самім характарам творчасці Я. Купалы. “Тэатральнасць” стылю, дэкламацыйна-размоўная інтанацыя, напружанасць думкі – усё гэта падказвала і набліжала “выхад” аўтара да жанру драматычнай паэмы. Жанравыя пошукі найбольш выразна адбіліся ў “Адвечнай песні” і “Сне на кургане”, дзе ў наяўнасці не толькі ўся эстэтыка літаратурнага жанру, але і энцыклапедычная паўната жыцця беларускага сялянства на пераломе XIX–XX стст.

Зараджэнне драматычнай паэмы ў нацыянальнай літаратуры звязана, у першую чаргу, з імем класіка беларускай літаратуры Янкі Купалы, які ў свой час даў цудоўныя ўзоры драматычных твораў – “Адвечная песня” (1908) і “Сон на кургане” (1910). Праўда, аўтар спрабаваў пісаць і трэцюю паэму “На папасе”, але, на жаль, яна не была завершана. Гэта быў свайго роду лагічны працяг у стварэнні драматычнага жанру, хоць аўтар і не рэалізаваў задуманае да канца. Па змесце паэт стварыў толькі адну карціну (“абразок”), у якой праступаюць рысы грамадскай атмасферы на Беларусі ў час рэвалюцыі 1905–1907 гг. Засяродзім увагу на першых дзвюх паэмах Купалы “Адвечная песня” і “Сон на кургане”, якія маюць сваю жанравую завершанасць. Менавіта ў гэтых творах выразна прасочваецца эвалюцыя драматычнай паэмы. Ужо сам факт з’яўлення высокіх формаў драматычнага мастацтва – немалаважная і выключная падзея ў тагачаснай беларускай літаратуры, якая смела пайшла ў глыбіню народнага жыцця. Гэта тое нараджэнне, – падкрэслівае літаратуразнаўца М. Арочка, – якое сведчыць пра вялікія духоўныя сілы народа, пра здольнасць якасна трывалага запаўнення гістарычных “прабелаў”, а значыць і эстэтычнага далучэння да сусветнай літаратуры” [1, с. 177].

З выхадам у свет вядомых купалаўскіх твораў, несумненна, пашырыліся і ўзбагаціліся жанрава-эстэтычныя магчымасці нацыянальнай паэмы ўвогуле. Больш таго, творы Янкі Купалы давалі падставы сцвярджаць пра жыццяздольнасць драматычнай паэмы ў нацыянальнай літаратуры. Але перш чым гаварыць пра жанр драматычнай паэмы ў творчасці Купалы, трэба ведаць тыя жанрава-эстэтычныя крытэрыі, якія даюць права называць драматычныя творы паэмамі. У гэтым выпадку спашлёмся на выказванні аўтарытэтных вучоных-гэарэтыкаў літаратуры. Найбольш прымальна і поўна гэтае пытанне разглядаецца М. Арочкам і М. Лазаруком. Даследуючы асаблівасці жанру паэм, М. Арочка, у прыватнасці,

сцвярджае: “Драматычная паэма выпрацавала і замацавала ўстойлівыя жанравыя прыкметы. Яе ўнутраная якасць: канфліктна-напружанае сутыкненне характараў, маральна-этычных пазіцый, ідэалаў, што складае асноўную драматычную “спружыну” твора. Уласціва ёй і маналагічна-дыялогавая форма самавыяўлення герояў, а праз іх – разгортванне дзеі” [2, с. 354]. Драматычная паэма, далей зазначае М. Лазарук, “моцна адрозніваецца сваёй унутранай сутнасцю, асабліва ў падыходзе да паказу герояў” [3, с. 72]. “Ёй характэрна павышаная эмацыянальная дынаміка, драматызм вялікіх гістарычных падзей, такі, што ўзнікае ў выніку канфліктаў, якія маюць агульнанародны сэнс” [3, с. 13]. Якраз такія жанрава-эстэтычныя якасці прысутнічаюць у драматычных паэмах “Адвечная песня” і “Сон на кургане” Янкі Купалы.

Неабходна заўважыць, што Я. Купала не адразу звярнуўся да лірыка-драматычнага эпасу. Як вядома, паэт пачаў з лірычных вершаў, але эвалюцыя жанру, ішла ў яго па шляху наакуплення перш за ўсё драматычных элементаў. Успомнім самую раннюю лірыку паэта, дзе вастрыня пачуццяў, страсцей, перажыванняў нярэдка ўвасаблялася ў форме маналогаў і дыялогаў, якія займалі значнае месца ў яго жанравым “рэпертуары”. Часта верш паэта будаваўся як страсны маналог лірычнага героя, як спрэчка са сваім унутраным “Я”. Зварот да жанру драматычнай паэмы быў выкліканы самім характарам творчасці Я. Купалы. “Тэатральнасць” стылю, дэкламацыйна-размоўная інтанацыя, якая ўзмацнялася з кожнай вершаванай кніжкай – усё гэта падказвала і набліжала “выхад” аўтара да жанру драматычнай паэмы. Гэтаму садзейнічала таксама схільнасць Купалы да абвостранага ўспрыняцця рэчаіснасці ў багацці яе жыццёвых кантрастаў і настрояў, да адлюстравання герояў з моцнымі пачуццямі і страсцямі.

Драматычная паэма, як вядома, – вынік праяўлення драматычнага светаадчування, характэрнага яркай творчай індывідуальнасці. Менавіта “прырода таленту, – далей развівае сваю думку М. Арочка, – вельмі моцна ўплывае на прыроду жанру... Але поспех твораў залежыць не толькі ад ступені талентлівасці аўтара, але і прама ці апасродкавана ўвасобленых якасцей яго асобы, ад буйнай, мужнай творчай асобы, якая актыўна сцвярджае сябе, умее пастаяць за свае перакананні” [1, с. 63]. Гэта ў поўнай ступені адносіцца і да Янкі Купалы, які ўвайшоў у беларускую літаратуру не толькі як глыбокі лірык, але і як незвычайны эпік.

Эпічны талент паэта засведчыў сваю прыроду менавіта ў драматызме светаўспрымання, якім адзначаны ўжо раннія паэмы “Зімою”, 1906, “Нікому”, 1906, “Калека”, 1907, “Адплата кахання”, 1907, “У піліпаўку”, 1908, “За што”, 1909). У гэтых творах знайшлі сапраўднае мастацкае адлюстраванне жывыя пласты рэчаіснасці таго часу. Паэт выкарыстаў простыя віды апавядальнасці (гаворка ішла пра горка-праўдзівыя лёсы людзей) у спалучэнні з разнастайнымі формамі ёмкіх умоўна-асацыятыўных абагульненняў.

Жанравыя прызнакі драматычнай паэмы найбольш выразна праявіліся ў “Адвечнай песні” і “Сне на кургане”, дзе ў наяўнасці не толькі ўся эстэтыка літаратурнага жанру, але і энцыклапедычная паўната жыцця беларускага селяніна на пераломе XIX–XX стст. М. Ярош, адзін з даследчыкаў творчасці Я. Купалы, пісаў: “Зварот паэта да жанру драматычнай паэмы тлумачыцца імкненнем да шматграннасці багацця свету, да пашырэння даляглядаў роднай

літаратуры” [5, с. 101]. Гэтыя паэмы з’яўляюцца вынікамі глыбокіх роздумаў паэта аб шляхах беларускага народа да лепшай долі. Жанр драматычнай паэмы стаў для Купалы ў сваім родзе першай сур’ёзнай спробай вырашыць у буйнамасштабных творах пытанне пераходу сялянства да разумення неабходнасці сацыяльнай актыўнасці. Час, калі стваралася паэма, быў вельмі нялёгка. Гэта былі змрочныя дні жорсткай рэакцыі пасля паражэння рэвалюцыі 1905–1907 гадоў. Самі абставіны – і агульныя, і ўнутраныя – прымусілі Купалу шукаць адпаведныя жанравыя формы, якія былі б здольны перадаць сацыяльную і маральна-эстэтычную сутнасць рэчаіснасці. І не толькі адзін Купала сутыкнуўся з гэтай праблемай. Уся тагачасная беларуская літаратура стаяла перад неабходнасцю набыць такую паэтычную форму мастацкага абагульнення, якая ўключала б не проста праўдзівыя “малюнкі жыцця”, але і яе філасофскі, духоўны сэнс і змест. І такой формай аказалася драматычная паэма. Яна, па словах таго ж М. Яроша, стала ў творчасці Купалы своеасаблівай як “па характару настрою”, так і “па раскрыццю вобразаў, па жанравых адзнаках” [6, с. 25].

У тых гістарычных абставінах, далей адзначае М. Лазарук, “драматычныя паэмы былі жанрам вельмі адпаведным, “прыдатным” для пастаноўкі і рашэння праблем сацыяльнага і нацыянальнага жыцця беларускага народа той эпохі” [3, с. 73]. Гэтая форма дала Купале мажлівасць з неабходнай паўнатай выказаць свае погляды, даць ацэнкі падзеям, якія адбываліся, падзяліцца сваімі сумненнямі адносна перспектывы сацыяльна-гістарычнага працэсу. Сведчаннем таму з’явілася драматычная паэма “Адвечная песня”, названая Р. Бярозкіным “рэччу эпахальнага значэння як для самога Купалы, так і для беларускай літаратуры” [7, с. 92]. Па задуме аўтара, “Адвечная песня” – твор алегарычны з філасофскім напаяўненнем. Неабходна адзначыць, што вобразы-сімвалы займаюць у паэме значнае месца. У творы персаніфікуюцца поры года і абстрактныя паняцці – як жывыя “ўвасобленыя” істоты дзейнічаюць Жыццё, Доля, Холад, Вясна, Лета і г.д., якія ўключаны ў напружаныя роздумы аўтара аб сэнсе і прызначэнні чалавечага жыцця. Гэтая асаблівасць гаворыць аб глыбокай народнасці паэзіі Я. Купалы. Сімволіка ў “Адвечнай песні” вырастае з самой рэчаіснасці; будучы рэалістычнай па самой сваёй прыродзе, яна ідзе ад жыцця і народнай творчасці і не заключае ў сабе нічога ірэальнага, звышнатуральнага. Створаныя ў паэме сімвалічныя вобразы ўвасабляюць страшныя сілы тагачаснай рэчаіснасці, тыя беды, што з ўсіх бакоў падпільноўвалі мужыка. Яны дапамагаюць стварыць фон і абставіны дзеяння, узмацняюць псіхалагічную пераканальнасць учынкаў галоўнага героя паэмы – Мужыка, які з’яўляецца галоўным правадніком ідэі твора. У чым яна заключаецца? Па сэнсе гэта паэма аб спрадвечным горы селяніна, яго нялёгкай працы, сацыяльных крыўдах, жыццёвых пакутах, якія з пакалення ў пакаленне заставаліся яму прадвызначанымі самім лёсам. У цэнтры паэмы – жыццё звычайнага чалавека, які жыве ў свеце, заснаваным на прыгнёце і эксплуатацыі. З самага нараджэння яму прадказвалі шчаслівую будучыню, што “ён будзе ўсіх чыста дужэй, ён будзе ўсіх чыста мудрэй. І рэкі, і доли, і горы яго будуць слухаць з пакарай” [8, с. 7–8]. Аднак прароцтвы аказаліся далёкімі ад рэальнасці. З самага дзяцінства селянін – і мы гэта бачым – асуджаны на няшчасці і пакуты. Варожыя сілы, персаніфікаваныя ў вобразы Жыцця, Долі, Бяды, Холада, Старасты, Магільшчыка, калечаць лёс мужыка, асуджаюць на беднасць, галечу, пагібель. Аднак нельга пагадзіцца, што герой “Адвечнай песні” цалкам падпарадкаваны сваёй долі, што ён толькі “несведомы, пасіўны” [9, с. 160], як гэта

сцвярджае І. Шотт. На наш погляд, у купалаўскай паэме можна ўбачыць нешта супрацьлеглае. Герой паўстае ўнутрана актыўнай, патэнцыяльна свядомай асобай, у яго душы паступова наспявае абурэнне, пратэст супраць сацыяльнай і нацыянальнай несправядлівасці. Селянін задумваецца над сваім беспрасветным становішчам: “Дзе ж мой дом? дзе ніва?”, “А дзе шчасце тое” [8, с. 20–21], “Апрацівела гора, жыццё” [8, с. 22], “І дакуль так будзе” [8, с. 32] – настойліва гучыць голас бедняка. А гэта гаворыць аб тым, што паэт у “Адвечнай песні” шукае шляхі духоўнага вызвалення чалавека з-пад ціску ўласнасці і ўсеагульнай адчужанасці. Не раз Мужыку хацелася “пусціць у ход сталёвую касу”, каб з дапамогай яе здабыць “шчасце новае”. А. Лойка справядліва падкрэслівае: “Ён (селянін. – Х.Г.) настойліва прагне яго сабе, сваім дзецям і ўсім людзям, што нават з “таго свету” вяртаецца, паўстае ценню над уласнай магілай, каб даведацца, ёсць ці, нарэшце, шчасце ў мужыка” [10, с. 28]. Аднак, прыгнечаны цяжкім жыццём, мужык не змог узняцца да актыўнай барацьбы за “шчасце новае”. Ён толькі скардзіўся на злую мужыцкую долю, спадзяваўся дачакацца карэнных сацыяльных перамен. Светапогляд мужыка быў абмежаваны аб’ектыўнымі і суб’ектыўнымі фактарамі. Герой асуджае не жыццё ўвогуле, а жыццё пры тагачасным сацыяльна-палітычным ладзе, пры якім лёс чалавека рабіўся наймаверна цяжкім. Такім чынам, Я. Купала на прыкладзе жыцця адной асобы, выкарыстоўваючы магчымасці мастацкага абагульнення, якія яму прадстаўляла драматычная паэма, намалюваў карціну трагічнага становішча беззямельнага сялянства. Зразумела, можна пашкадаваць, што вобраз Мужыка ў “Адвечнай песні” атрымаўся недастаткова індывідуалізаваным, як робяць некаторыя даследчыкі. Але індывідуалізацыя тут не была мэтай для паэта. У такім выпадку ўзнікае пытанне: чаму Купала не імкнуўся да паглыбленай матывацыі вобраза, яго мовы, учынкаў? Больш таго, у “Адвечнай песні” ў значнай ступені адсутнічаюць звычайна характэрныя для драматычнай паэмы дынамічнасць дзеяння, канфліктнасць характараў і г.д. У гэтым выпадку, на наш погляд, неабходна зыходзіць з іншага. Гэта не адыход Купалы ад абранага ім жанра, а “паварот” яго да новых патрабаванняў. Паэт у “Адвечнай песні” ставіў перад сабой больш агульныя задачы: паказаць сацыяльна-гістарычнае, грамадска-класавае становішча ўсяго беларускага сялянства ў пачатку XX стагоддзя. Па словах М. Лазарука, у паэме “намаганні аўтара накіраваны не на выяўленне характараў, маральных, псіхалагічных супярэчнасцей, а на паказ супярэчнасцей сацыяльных”. І далей: “Гэта не драматызм канкрэтнай сітуацыі, не індывідуальна-псіхалагічны драматызм, а драматызм лёсу цэлага народа, гэта паэмны драматызм” [11, с. 143, 146]. Купала сродкамі мастацкай тыпізацыі імкнуўся паказаць канфлікт паміж грамадскім назначэннем чалавека і яго рэальным становішчам у капіталістычным свеце, канфлікт, які стварае драматычны і сюжэтна-кампазіцыйны стрыжань паэмы. Што да характару Мужыка, то ён, як мы бачым вышэй, у паэме прысутнічае, неадлучны ад народа, зліты з яго лёсам. Гэты вобраз увабраў у сябе ўвесь грамадска-палітычны змест важнейшых тэндэнцый духоўнага стану эпохі.

Варта адзначыць, што Купала, ствараючы “Адвечную песню”, не абмежаваўся крытычным пафасам, у свеце якога глыбока агаліўся трагізм жыццёвых шляхоў Мужыка. Станоўчую ролю ў адлюстраванні рэалістычных старонак жыцця, у стварэнні рамантычных вобразаў адыгралі традыцыі нацыянальнага фальклору, якія з самага пачатку, поруч з самой рэчаіснасцю, актыўна жывілі творчую душу паэта, яго мастацкі

пошук. Паэт не капіруе ўзоры народных здабыткаў, ён не збіваецца на простае стылізатарства. У паэме мы не бачым нават лаканічных установак ці рэмінісцэнцый – усе памкненні Купалы зводзяцца да абнаўлення традыцыйных вобразаў, паглыблення іх псіхалагічнай значнасці і сімвалічнай накіраванасці. Такое творчае асэнсаванне багацця фальклорных традыцый дало мажлівасць паэту глыбока падкрэсліць трагізм жыцця беларускага селяніна, пранікнуць у яго духоўны свет. У “Адвечнай песні” прысутнічаюць персаніфікаваныя традыцыйныя фальклорныя вобразы Долі, Голаду, Холаду, Бяды і інш., якія нясуць пэўную сэнсавую нагрузку. Дзякуючы ўвядзенню ў тканіну паэмы фальклорных персанажаў і прыродна-паэтычных сімвалаў, твор, не губляючы канкрэтна-гістарычных прыкмет, набыў вялікую прасторава-часавую, філасофскую глыбіню і працягласць. Фальклорныя персанажы ў гэтым выпадку садзейнічаюць больш моцнаму раскрыццю “варожасці і трагічнай неакрэсленасці тых абставін, якія супрацьстаяць чалавеку і якія па сутнасці пярэчаць адвечным законам самога жыцця” [12, с. 234]. Акрамя таго, у “Адвечнай песні” Купала паспяхова выкарыстоўвае пры стварэнні сістэмы вобразаў песенную творчасць беларускага народа – абрадавую паэзію. Напрыклад, у сцэнах вяселля, касьбы, дзе народны характар выяўляецца з асаблівай паўнатай. Бадзёрасць і натхненне, вясёлая вынаходлівасць, пачуццё гумару, цвярозасць “погляду на рэчы” сімвалізуюць тут душэўную шчодрасць народа. Аднак традыцыйны фальклор у “Адвечнай песні” выкарыстаны Купалам у другім эстэтычным значэнні: з яго дапамогай паэт прыкметна ўзмацняе кантраснасць характараў, драматычныя сітуацыі. А гэта, у сваю чаргу, вяло да ўзбагачэння драматычнай паэмы. Хоць, як нам здаецца, па жанравых прызнаках, па характары развіцця сюжэту і па асаблівасцях кампазіцыйнай будовы “Адвечная песня” вельмі блізкая да лірыка-эпічнай паэмы і адрозніваецца ад яе драматызаванай формай. Усё-такі твор належыць да жанру драматычнай паэмы, таму што ў ёй – своеасаблівыя сінтэз эпічнага матэрыялу і драматычнай формы з лірычным напаўненнем тэмы. Эвалюцыя жанру драматычнай паэмы ў Купалы ішла па шляху наапаўнення напружаных сцэн і сітуацый. Гэта прыкметна адчуваецца і ў паэме “Сон на кургане”, своеасаблівым працягу тэмы “Адвечнай песні” (але не ў рамантычнай паэме “Курган”, як гэта можна прачытаць у кнізе І. Шотт) [9]. Аднак твор “Сон на кургане” хоць і блізкі па тэматыцы, эстэтычным прынцыпам да “Адвечнай песні”, разам з тым ён істотна адрозніваецца наяўнасцю драматычна напружаных сцэн, рухомасцю дыялогаў як увасаблення валявых намаганняў і барацьбы дзеючых асоб. Твор напісаны ў гісторыка-філасофскім ключы, ускладнены сімволіка-алегарычнымі малюнкамі і вобразамі незвычайнай сюжэтна-кампазіцыйнай структуры. Паэма, як адзначае Р. Бярозкін, “з відавочнай устаноўкай (праўда, не рэалізаванай да канца) на сінтэз, на зліццё “духоўнага” і “эмпірычнага” [7, с. 143]. У адрозненне ад “Адвечнай песні”, паэма “Сон на кургане” “населена” фальклорна-фантастычнымі персанажамі, хоць не гэта вызначае яе сэнс. Галоўнае ў тым, што Я. Купала апавядае ўсё аб людзях, аб іх працы, поўным трагізме жыцця, аб пошуках народам заповітнага скарба – свабоды.

У гэтай паэме аўтар мацней паэтызуе барацьбу супраць сацыяльнага зла. Мае рацыю І. Навуменка, калі піша, што “Сон на кургане” – гэта “роздум паэта аб лёсе беларускага вызваленчага руху, аб шляхах барацьбы народа, які ў рэвалюцыі шукаў ажыццяўлення сваіх

сацыяльных і нацыянальных надзей” [10, с. 569]. У гэтым творы Купала імкнуўся адказаць на пытанне аб узаемаадносінах асобы і народных мас, а таксама паказаў жаданне цёмных сіл рэакцыі настроіць народ супраць лепшых яго прадстаўнікоў – рэвалюцыйных кіраўнікоў. Такім рамантычна настроеным праўдашукальнікам у паэме з’яўляецца Сам. Нягледзячы на некаторую ўмоўнасць гэтага вобраза, ён сведчыць, што і ў часы рэакцыі Купала паслядоўна выражаў ідэі барацьбы за лепшае будучае, што і зараз ён імкнуўся стварыць вобразы абаронцаў народных інтарэсаў. Неабходна шукаць праўду, змагацца за яе – такую думку сцвярджае паэт вобразам Сама. Па меры развіцця дзеяння ўсё паўней і ярчэй вымалёўваецца аблічча гэтага героя, яго маральная чысціня і сіла. Усё, што робіць Сам, робіцца ім дзеля людзей. У адрозненне ад Мужыка з “Адвечнай песні”, Сам – цэласная натура. Некаторыя даследчыкі з залішняй катэгарычнасцю адносілі вобраз Сама да разраду песімістычных герояў (Я. Мазалькоў). Аднак такую ацэнку варта лічыць надта павярхоўнай і неглыбокай. Развіццё вобраза (духоўны, маральны рост героя) дакладна прасочваецца ад сцэны да сцэны. Калі ў пачатку ён ледзь пазначаны, то далей набывае выразныя контуры.

У адрозненне ад героя “Адвечнай песні”, Сам дзейнічае па сваёй ініцыятыве, ён адкрываецца перад нашым поглядам ва ўсёй душы, у складанасцях і супярэчнасцях. І як бы драматычна ні складваўся лёс Сама, ён у паэме заўсёды, як, па іншаму выпадку, гаварыў Гегель, “у адзінстве з сабою”, г.зн. кожная рыса яго паводзін, яго думак і страцей зыходзіць з жывой індывідуальнасці, якая ўласціва толькі аднаму яму. У паэме Сам – асоба самастойная, ён гатовы паступіць так, як толькі ён і можа паступіць, беручы на сябе ўсю адказнасць за свой учынак і за свае думкі. Сам рашуча шукае адказ на галоўнае пытанне: як далей жыць? “Як знайсці к скарбу дарогу” [8, с. 71]. Сам дзейнічае па сваёй ініцыятыве, паўстае перад нашым поглядам у своеасабліваці думак і ўчынкаў, у глыбінных перажываннях сваёй душы, у складанасцях і супярэчнасцях. У адзінстве ўсіх гэтых уласцівасцей і багацця – цэласны драматычны характар героя.

У вобразе Сама гісторыя, магчыма, упершыню ўваходзіць у паэзію Купалы ў сваім абагулена-філасофскім гучанні як паэтычная канцэпцыя трагічных лёсаў беларускай нацыі. Чалавек тут ужо не пабочны назіральнік гісторыі, не стаячы над ёй асветніцкі розум, а часцінка гэтага трагічнага свету. Гэта – свет вялікіх пакут усіх істот, якія знаходзяцца пад злой уладай прывідаў і Чорнага. Міфалагічныя істоты ў форме прывідаў патрэбна разумець у паэме як памочнікаў Чорнага ў яго цёмнай справе, паслухмяных выканаўцаў яго волі. Гэта – увасабленне ўсіх змрочных грамадска-палітычных сіл, надзейных ахоўнікі Чорнага. А Чорны ў паэме – сімвал улады, бязлітасны, грубы і разбуральны. Свет, дзе пануюць законы Чорнага, – гэта свет, у якім пануе смерць, забойства, кроў. Царства Чорнага – гэта “царства золата і эксплуатацыі, царства цемры і ашуканства” (М. Ярош). Ён сцеражэ спрадвечны скарб – агульнае, “радавое” багацце, створанае народам на працягу многіх вякоў. Гэта каштоўнасці, адчужаныя ад людзей працы. За гэтым скарбам знаходзіцца скупленая за бяспэнак зямля, праца селяніна, яго жыццё і духоўная годнасць. Чорны не дапускае думкі, што чалавек можа стаць гаспадаром гэтага скарба. Паміж Самам і Чорным узнікае канфлікт, так сказаць, асноўны драматычны вузел – пачынаецца ўпартая, жорсткая барацьба паміж Самам і Чорным, за якімі бачыцца дзве сімвалічныя супярэчлівыя сілы.

Сам

Вось і тапор мой. К рабоце жывей!
Скарб дастаць мушу я гэты;
Ласкай павее тады ад людзей,
Неба і цэлага свету

Чорны

Ты зноў сюды лезеш, няшчасны!
Ха-ха-ха! вась так навала!
Напрасна, мой мілы, напрасна
Зноў цябе немач прыслала.
Не дам я да скарбаў дастацца,
Варту я моцну трымаю,
Хто важыцца з мною змагацца
Помач я крэпкую маю [8, с. 66].

Гэтыя сілы не проста супрацьпастаўлены ў паэме, яны дадзены ў актыўным супрацьстаянні, у напружанай барацьбе, ва ўзаемным адмаўленні, у імкненні кожнай з іх да самасцвярджэння. Канфлікт, які ўзнік паміж Самам і Чорным, у значнай ступені абумоўлівае сюжэтна-кампазіцыйную пабудову твора, групоўку персанажаў ў ім, жанравыя асаблівасці. Ён дапамагае выявіць сучасныя пачуцці, імкненні Сама і раскрыць сапраўдныя задумы Чорнага. Галоўны герой знаходзіцца ўвесь час у дзеянні. Ён прагне скарбу – свабодай, прынесці людзям шчасце. У сілу сваіх палітычных і маральных перакананняў Сам – незвычайная асоба, ён – сканцэнтраванне велічных гуманых пачаткаў, абуджаных у свядомасці чалавека; ён у дадзеным выпадку “выступае ўжо ў іншай якасці, становіцца народным заступнікам” [11, с. 134]. Гэты вобраз увасабляе рысы героя, які жадае аб’яднаць тых, хто яго слухае, на святую барацьбу за народную праўду, за высокія ідэалы сацыяльнага і нацыянальнага вызвалення.

Важна падкрэсліць, што ўзмацненне сімволіка-алегарычнай плыні, паглыбленне сацыяльна-філасофскіх асноў у паэме ідзе таксама за кошт фальклорных уплываў. Арыентацыя на традыцыйную народную абраднасць і сімволіку надае паэме “Сон на кургане” непаўторны нацыянальна-самабытны каларыт і арыгінальнасць. Як і “Адвечная песня”, “Сон на кургане” нясе ў сабе відавочныя стыльвыя асаблівасці паэтычных жанраў фальклору. Асабліва плённым аказалася выкарыстанне фальклорных традыцый пры стварэнні сімволіка-алегарычных сцэн у першых частках паэмы “Сон на кургане”. У прыватнасці, глава “У пушчы” цалкам вырасла на народнай міфалогіі. Тут Купала адлюстравала цэлую чараду міфалагічных істот: русалак, ахоўнікаў ляснага царства. Праз традыцыйна рамантычную трактоўку народных міфаў Купала імкнецца раскрыць у паэме сацыяльна-эстэтычныя вытокі асабістай драмы чалавека. Акрамя таго, фантастычныя, міфалагічныя істоты выкарыстоўваюцца Купалам у паэме галоўным чынам як сродак складанага драматычнага развіцця дзеяння. І разам з тым узмацняецца рамантычная вобразнасць твора. Па-майстэрску пераасэнсоўвае Купала ў паэме “Сон на кургане” паданні, легенды, казкі, шырока ўводзіць у

канву сюжэта народна-песенную паэзію і іншыя элементы фальклорнай паэтыкі. А гэта станоўча адбіваецца не толькі на характары апавядання, але і на асаблівасцях жанра, на прынцыпах псіхалагічнага аналізу герояў купалаўскай драматычнай паэмы.

Драматычная паэма “Сон на кургане” па сваёй ідэйнай задуме, па сюжэткампазіцыйнай пабудове складаная і шматпланавая. Невыпадкова адны даследчыкі адзначалі філасофскую сімваліку, глыбіню абагуленасці твора (І. Навуменка), другія – купалаўскую іронію (М. Лазарук), трэція – сацыяльна-гістарычную сутнасць паэмы (М. Ярош), чацвёртыя – моўныя і ўмоўна-асацыятыўныя асаблівасці (М. Арочка) і г.д. Усё разам узятае, безумоўна, дапаўняе і прасвятляе вобразны лад паэмы “Сон на кургане”, яе ідэйна-маральны пафас.

Разам з тым даследчыкі творчасці паэта ў сваіх выказваннях чамусьці апускаюць адну немалаважную дэталь – жанравую спецыфіку твораў. У адрозненне ад “Адвечнай песні” “Сон на кургане” па сваёй будове прыкметна адрозніваецца знешнімі і ўнутранымі якасцямі: па-першае, наяўнасцю драматычна напружаных сцэн і своеасаблівым іх чаргаваннем (“На замчышчы”); па-другое, хуткай зменай падзей, якія развіваюцца бурна, без якіх-небудзь перашкод. Асобныя сцэны носяць па-сапраўднаму драматычны характар (“На пажарышчы”); па-трэцяе, больш актыўнымі і жывымі сталі маналогі і дыялогі герояў, пры дапамозе якіх сцэны набываюць сапраўдны эмацыянальна-драматычны эфект. Як пацвярджае гэтай думкі можна нагадаць сцэну з удзелам Сама са сваімі бацькамі і жонкай:

Старая

А!.. сыноч мой, ці ж ты збрыдаў
Хаткай, намі так без жалю?

Стары

Ці то праўда, што казалі?

Старая

Усё бацькам сказаць павінен.

Сам

Хоць зарэшце, я не вінен:
На начлезе быў... З папару
Ратаваць бег ад пажару,
А яны мяне...

Нявестка

Што ж міленькі, цяпер будзе?
У ссылку могуць засудзіці.
А мне хоць ідзі ў свет з дзіцём [8, с. 119].

У прыведзеным прыкладзе асноўную ўвагу Купала ўдзяляе псіхалагічнай характарыстыцы персанажаў. Дыялог пабудаваны па ўсіх законах драма-паэтычнага мастацтва. Ён жывы, дзейсны, актыўны і драматычна напружаны. Структура дыялогаў стала ў паэме больш ушчыльненай, кароткія вершаваныя сказы надаюць твору асаблівую дынаміку дзеяння. Да асаблівасцей драматычнай паэмы Я. Купалы “Сон на кургане”

можна аднесці і тое, што ў цэнтры твора стаіць толькі адзін вобраз. Адлюстроўваючы ўчынкі цэнтральнага героя, раскрываючы яго думкі і жаданні, паэт адначасова паглыбляе ідэю твора. Таму пабудова сюжэта, кампазіцыйная арганізацыя матэрыялу паэмы падпарадкаваны выяўленню характару і светапогляду галоўнага героя.

Не апошняя роля ў “Сне на кургане” адводзіцца рэмаркам, без якіх, на наш погляд, паэма губляла б паўнату сюжэтнага і сэнсавага абагульнення. Яны ў значнай ступені служаць не толькі для ўзмацнення інфармацыйнасці, колькі даюць мажлівасць чытачу больш глыбока пранікнуць ва ўнутраны свет герояў, больш поўна зразумець абставіны, якія адбываюцца.

Такім чынам, пабудова сюжэту, кампазіцыйная арганізацыя матэрыялу, правільны выбар драматычнага героя, а таксама майстэрская пабудова дыялогаў і ўнутраных дыялогаў, старанная апрацоўка моўнай характарыстыкі персанажаў двух твораў, а заадно і глыбокая сэнсавая роля аўтарскіх рэмарак – усё гэта гаворыць аб Я. Купале як аб вялікім, сталым мастаку, які ўмеў карыстацца магчымасцямі драматычнай паэзіі.

Тут нельга не адзначыць і той факт, што Я. Купала, ствараючы драматычныя паэмы “Адвечная песня” і “Сон на кургане”, не мог не ўлічваць вопыт і традыцыі сваіх папярэднікаў і сучаснікаў: А. Міцкевіча (“Дзяды”), Т. Шаўчэнкі (“Сон”), Лесі Українкі (“Лясная песня”), І. Франко (“Сон князя Святаслава”) і інш. Пра гэта гаворыць некаторая арыентацыя Купалы на традыцыйную народную сімволіку, якую выкарыстоўвалі славянскія паэты, а тая, у сваю чаргу, аказвала ўплыў на стварэнне яркіх рамантычных характараў у творчасці паэта. Разам з гэтым нельга не адзначыць прыкметнага ўплыву на станаўленне Купалы як драматычнага паэта айчынных традыцый В.І. Дуніна-Марцінкевіча, асабліва яго паэмы “Гапон”, у якой ужо тады выразна праглядаліся контуры драматычнай кампазіцыі. Чатыры яе часткі – гэта, па сутнасці, чатыры драматычныя сцэны з выкарыстаннем дыялогавых формаў, рэплік і іншых прыёмаў паэтыкі драматычнага жанру. У гэтай сувязі хочацца нагадаць словы рускага паэта М. Рыленкова, які пісаў: “Беражлівыя адносіны да лепшых традыцый класічнай паэзіі зусім не азначае адмовы ад пошукаў новых шляхоў. Традыцыі заўсёды патрабуюць працягу, развіцця, інакш мастаку пагражае эпігонства” [13, с. 24]. Як бачым, з Купалам такога не здарылася. Эвалюцыйны шлях развіцця драматычнай паэмы ў аўтара адбываўся ўсвядомлена і мэтанакіравана. Улічваючы і развіваючы паэтычную спадчыну класікі, паэт здолеў, але ўжо на нацыянальнай глебе, з выключнай мастацкай паўнатой стварыць сапраўдныя шэдэўры драма-паэтычнага мастацтва, якія і да гэтага часу, гаворачы словамі М. Лазарука, “не маюць, бадай, аналогій у іншых літаратурах” [11, с. 143].

Асабліва хацелася б падкрэсліць тую ролю, якую Я. Купала адводзіў фальклору ў станаўленні і фарміраванні жанру драматычнай паэмы. Менавіта ўмелае выкарыстанне народнай сімволікі, міфалагічных вобразаў і іншых традыцыйных формаў фальклорнай паэтыкі ў “Адвечнай песні” і “Сне на кургане” давалі Купалу магчымасць шырока адлюстроўваць сацыяльныя і сацыяльна-бытавыя кантрасты. Народная творчасць у вялікай ступені дапамагла паэту ў стварэнні і лепшы драматычных характараў, адлюстраванні багатага свету ідэй і страстей сваіх герояў. Таму іх вобразы атрымаліся жывымі, па-мастацку непаўторнымі і рамантычна прыўзнятымі.

Важна падкрэсліць, што драматычныя паэмы Я. Купалы “Адвечная песня” і “Сон на кургане” не маглі не аказаць актыўнага ўплыву на ўвесь ход далейшага развіцця гэтага

ўніверсальнага жанру ў нацыянальнай паэзіі. Вядома, што мастацкая мадыфікацыя кожнага жанру мае права на далейшае жыццё, калі гэты жанр падтрымліваюць і развіваюць майстры слова. Тыя адкрыцці, якія зрабіў мастак, адзначае М. Тычына ў артыкуле “Канцэпцыя жанру ў нацыянальнай прозе” [14, с. 41], становяцца знаходкай для іншых літаратурных традыцый, з’яўляюцца “паветрам”, якім дышае сучасны чалавек. Такім чынам, паэтычныя адкрыцці Купалы не засталіся незаўважнымі. Яны былі падхоплены паэтамі розных стыляў і арыентацый як дакастрычніцкага перыяду, так і савецкага. У прыватнасці, К. Буйло пад непасрэдным уплывам купалаўскіх твораў стварыла “Кветку папараці”, К. Каганец – “Старажовы курган” і “Сын Даніла”, М. Клімковіч – “Кацярына Жарнасек”, “Адплата”, М. Чарот напісаў драматызаваную паэму “Сон на балоце”. Апошні твор яўна блізкі да традыцый драматычных паэм Янкі Купалы. Нават пры павярхоўным знаёмстве з паэмай Чарота кідаецца ў вочы, што ўжо тады малады паэт выкарыстоўваў тыя ж самыя ўмоўна-вобразныя прыёмы, якія ў свой час былі паспяхова апрабаваны Купалам у “Сне на кургане”. Праўда, у адрозненне ад купалаўскіх шэдэўраў чаротаўская паэма напісана ў іншым паэтычным ключы, які адпавядаў канкрэтна-гістарычнаму зместу іншага часу. Аднак названыя вышэй творы нельга цалкам аднесці да жанру драматычнай паэмы па той прычыне, што ідэйна-мастацкай сутнасцю, сюжэтна-кампазіцыйнай будовай яны блізкія хутчэй да драматычных вершаваных абразкоў. І ўсё-такі яны былі прыкметнай з’явай у нацыянальнай паэзіі. І іх з’яўленне стымулявала далейшы ход развіцця жанравых мадыфікацый драматычнай паэмы, узбагачэнне яе новымі матывамі і вобразамі, новымі рытмамі і інтанацыямі.

Такім чынам, на пачатку ХХ ст. беларуская паэма грунтоўна закладвала і мацавала класічныя, стылёва-жанравыя асновы. І генезіс паэмнай творчасці Я. Купалы ў гэтым нас пераконвае, даючы каштоўны матэрыял для практычнага разумення жанрава-структурных асаблівасцей драматычнай паэмы.

Л і т а р а т у р а

1. Арочка, М. Саюз часу і майстэрства / М. Арочка. – Мн., 1981.
2. Э ЛіМ Беларусі. – Мн., 1985. – Т. 2.
3. Лазарук, М. Часу непадуладнае / М. Лазарук. – Мн., 1981.
4. Лазарук, М. Станаўленне беларускай паэмы / М. Лазарук. – Мн., 1968.
5. Ярош, М. Пясня роднай зямлі / М. Ярош. – Мн., 1982.
6. Ярош, М. Драматургія Янкі Купалы / М. Ярош. – Мн., 1959.
7. Бярозкін, Р. Свет Купалы / Р. Бярозкін. – Мн., 1965.
8. Купала, Я. Збор твораў: у 7 т. / Я. Купала. – Мн., 1975. – 6 т.
9. Шотт, И.М. Фольклор в творчестве Янки Купалы / И.М. Шотт. – Мн., 1968.
10. Янка Купала. Энцыклапедычны даведнік. – Мн., 1996.
11. Лазарук, М. Беларуская паэма ў другой палавіне ХІХ – пачатку ХХ стагоддзя / М. Лазарук. – Мн., 1970.
12. Грынчык, М.М. Фальклорныя традыцыі ў беларускай дакастрычніцкай паэзіі / М.М. Грынчык. – Мн., 1969.
13. Рыленков, Н. Традиции и новаторство / Н. Рыленков. – М., 1962.
14. Адзінства і ўзаемаўзбагачэнне. – Мн., 1980.

Паступіла 05.05.2008

УДК 82.0(091)

Этналітаратуразнаўства: спецыфіка, шляхі развіцця

В.Ю. Бароўка

Літаратуразнаўства – дынамічная навука, якая актыўна ўзаемадзейнічае з іншымі навукамі. Падкрэсліваецца неабходнасць развіцця такога спецыяльнага раздзела літаратуразнаўства, які б паглыблена асэнсоўваў семантыку і функцыі этнакантэксту ў мастацкіх творах, паколькі працэсы глабалізацыі на пачатку XXI стагоддзя ўзмоцнена актуалізуюць пытанні этнакультурнай ідэнтычнасці.

Сучаснаму літаратуразнаўству ўласцівы метадалагічны плюралізм. Значная ўвага ў навуцы пра літаратуру ў пачатку XXI стагоддзя надаецца міфапаэтычнаму, культуралагічнаму, інтэртэкстуальнаму падыходам. Відавочна, што літаратуразнаўства, як і любая іншая навука, заўсёды мае патрэбу ў новых ідэях і арыгінальных даследчыцкіх канцэпцыях. Як вядома, той ці іншы падыход да асэнсавання літаратурных твораў правамерны, калі ён адпавядае прыродзе мастацкай літаратуры. Адным з перспектыўных напрамкаў даследавання мастацкіх твораў можа стаць такі, які заснаваны на цесным узаемадзеянні літаратуразнаўства, этнаграфіі, лінгвістыкі, псіхалогіі, сацыялогіі і культуралогіі, бо ў творчасці пісьменнікаў з розных ідэйных і мастацкіх пазіцый, як правіла, адлюстроўваюцца пэўныя этнарэаліі. Вільгельм фон Гумбальдт у свой час вызначаў нацыянальную адметнасць этнасаў шляхам вывучэння іх моў. Яго ідэі знайшлі бліскучы працяг у работах польскага этналінгвіста Ганны Вяжбіцкай і яе шматлікіх паслядоўнікаў, літаратура ж у славеснай форме адлюстроўвае розныя формы нацыянальнай і ўласна пісьменніцкай рэфлексіі над светам і чалавекам.

Сёння “тэндэнцыя глабалізацыі і паўсюдных культурных узаемадзеянняў робіць асабліва значнай цікавасць да культурнай адметнасці, якая далёкая ад таго, каб саступіць сваё месца уніфікаванай масавай культуры” [1, с. 54–55]. Яшчэ ў канцы XVIII стагоддзя нямецкі вучоны і асветнік Іяган Готфрыд Гердэр сфармуляваў тэорыю нацыянальнага духу – *Volksgeist*. Яна грунтавалася на ідэі культурнай разнастайнасці і крытычным стаўленні да еўропацэнтрчнай цывілізацыі, якой Гердэр проціпастаўляў нацыянальную культуру, заснаваную на этнатэрытарыяльнай агульнасці. І.Г. Гердэр адзначаў, што літаратура “змяняе свой выгляд у залежнасці ад мовы, звычайў, ад тэмпераменту і клімату, нават ад вымаўлення гэтых народаў” [2, с. 109]. Па словах нямецкага навукоўцы, кожная нацыя выяўляе і развівае дамінанты нацыянальнага духу, а ўкаранёнае ў нацыянальную рэчаіснасць мастацтва слова мае надзвычай багатыя творчыя перспектывы. Прадстаўнікі культурна-гістарычнай школы ў XIX стагоддзі падкрэслівалі вялікую ролю аб’ектыўнай дадзенасці – самой рэчаіснасці – у фарміраванні і развіцці мастацтва слова. Заснавальнік культурна-гістарычнай школы Іпаліт Тэн сцвярджаў, што літаратурную творчасць вызначаюць тры фактары: “раса”,

“асяроддзе”, “момант”, дзе асяроддзе – гэта цэлы комплекс дэтэрмінантных фактараў, у тым ліку этнічных. У працы “Гісторыя англійскай літаратуры. Уводзіны” І. Тэн даказваў, што гісторыя літаратуры канкрэтнага народа надзвычай важная, бо раскрывае псіхалогію гэтага народа, сувязь мастацтва і быту. Аўтарытэтны гісторык і тэарэтык літаратуры Аляксандр Мікалаевіч Весялоўскі вялікае значэнне надаваў суадносінам творчасці і нацыянальнага побыту, фактычна Весялоўскі прадказаў збліжэнне этналогіі і літаратуры ва ўсходнеславянскай навуцы. Акадэмік Весялоўскі неаднаразова заўважаў, што для таго, каб зразумець літаратуру пэўнага народа, трэба ведаць, як гэты народ жыў. Знакамітаму рускаму вучонаму належала абгрунтаванне неабходнасці стварэння гістарычнай паэтыкі, якая б абапіралася на сінтэз паэтыкі і анталогіі, аднак задача сістэмнага вывучэння рэгіянальнай і нацыянальнай спецыфікі мастацкай творчасці ў асноўных публікацыях А.М. Весялоўскага так і засталася да канца не вырашанай.

Узаемадзеянне літаратуры і жыцця, літаратуры і побыту прыцягвала ўвагу рускага вучонага А.М. Пыпіна, які распрацаваў канцэпцыю развіцця літаратуры з “народнага быту”. Адною са стрыжнёвых праблем у рускім літаратуразнаўстве XIX стагоддзя была праблема народнасці. Народнасць літаратуры Пыпіным атаясамлівалася з нацыянальнай самабытнасцю, фундаментам якой выступалі этнаграфічныя пласты. Навукоўца разглядаў прыгожае пісьменства не толькі як мастацкую з’яву, але і як важны сродак пазнання народнай культуры, быту, нораваў грамадства. А.М. Пыпін фактычна надаваў літаратуры этнаграфічны статус, ён перабольшваў ролю народазнаўчага плана ў мастацтве слова, бо, як вядома, пададзеная пісьменнікамі інфармацыя народазнаўчага характару не тое, рэчаіснасці, паколькі літаратурная творчасць грунтуецца на сінтэзе аб’ектыўных і суб’ектыўных фактараў, рэальных фактаў і пісьменніцкай інтэнцыі. У “Гісторыі рускай этнаграфіі” (1890–1892) Пыпін прадставіў народны быт у дынамічным развіцці як гісторыю развіцця народнай самасвядомасці. Ідэі гэтага выдатнага прадстаўніка рускай культурна-гістарычнай школы знайшлі працяг у працах наступных пакаленняў літаратуразнаўцаў, у тым ліку беларускіх, як паказваюць “Гісторыя беларускае літаратуры” (1920) Максіма Гарэцкага, “Очерки истории белорусской литературы” (1920) пад рэдакцыяй Мікалая Янчука, “Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі” (1926) Вацлава Ластоўскага. У XX стагоддзі французская школа “аналаў”, тэарэтыкамі і практыкамі якой з’яўляліся Марк Блок, Люсьен Феўр, а прадаўжальнікам іх ідэй – Жан Ле Гоф, сваёй дзейнасцю сцвярджала прынцып міждысцыплінарных узаемадзеянняў, які ўключае ў якасці аб’екта вывучэння разнастайныя галіны культуры, а таксама ментальнасць, калектыўнае бессвядомае, гісторыка-антрапалагічныя даследаванні і г.д. Неабходнасць улічваць шырокі гістарычны і этнічны кантэкст у працэсе рэцэпцыі любой нацыянальнай культуры пастаянна акцэнтуюцца ў працах рускага даследчыка Г.Д. Гачава [3]. У беларускім літаратуразнаўстве канца XX стагоддзя гэта тэндэнцыя творча адбілася ў артыкулах і манаграфіі І.А. Чароты “У пошуку спрадвечнай існасці”, дзе знайшлі арыгінальнае навуковае асэнсаванне прасторава-часавыя архетыпы беларускага прыгожага пісьменства як рэпрэзентанты нацыянальнай ментальнасці.

Этнакантэкст, этнаграфічны матэрыял, пададзены ў мастацкіх творах, сёння патрабуе сур'эзнага сістэмнага асэнсавання. Літаратуразнаўцы XX стагоддзя неаднаразова спарадычна звярталіся да вывучэння ролі этнаграфічных крыніц у мастацкіх творах. У працах савецкіх (В.Р. Базанаў) і постсавецкіх вучоных (Г.Д. Гачаў, У.М. Конан, А.І. Мальдзіс, І.А. Чарота), як і ў публікацыях іх заходніх калег [4], прысвечаных ролі этнаграфічнага матэрыялу ў літаратурных творах, звычайна дамiнуе асэнсаванне культуралагічнай ролі мастацкага этнаграфізму, падыход да ўзноўленых пісьменнікамі этнаграфічных крыніц як да важнага сродку рэпрэзентацыі нацыянальнага ў літаратуры. У змястоўных работах А.М. Адамовіча, А.А. Гарэлава, М.М. Грынчыка, У.Б. Далгат, В.А. Каваленкі, Ю.М. Лотмана, В.Я. Халізева, А.П. Чудакова, В.Ф. Сакаловай, А.Л. Факеева, Н.М. Шумілы і іншых першачарговая ўвага звяртаецца на асэнсаванне жанра- і стылеўтваральнай ролі народазнаўчага матэрыялу ў літаратурных творах.

Пачатак XXI стагоддзя – час інтэнсіўных глабалізацыйных працэсаў. Даследаванне літаратурных твораў у гэты перыяд істотна змяшчаецца ў сферу этнічнай ідэнтычнасці нацыянальных культур, узмоцнена актуалізуецца этнічны складнік асобы, бо ў працэсе глабалізацыі часта наглядаецца трансфармацыя мадэлей этнічнай ідэнтычнасці. Безумоўна, у навуцы існуе шырокі спектр меркаванняў адносна лёсу нацыянальных культур у перыяд глабалізацыі. Трэба заўважыць, што глабалізацыя – гэта ўвогуле сур'эзнае выпрабаванне для нацыянальнай і культурнай ідэнтычнасці, паколькі працэс глабалізацыі можа прывесці да плюралізацыі ідэнтычнасці, да размывання ідэнтычнасці, ускладнення ідэнтыфікацыйных мадэлей, а нярэдка і да маргіналізацыі. Несумненна тое, што ў кантэксте змен, выкліканых глабалізацыяй, абвастраецца праблема этнакультурнай ідэнтычнасці. У XX стагоддзі іспанскі філосаф Х. Артэга-і-Гасет распрацаваў тэорыю культурных мностваў. У работах Ю.М. Лотмана неаднаразова падкрэслівалася, што сведчаннем росквіту сусветнай літаратуры пэўнага часу служыць культурная разнастайнасць, а яе рэдукцыя – паказчык антрапагеннага крызісу.

Этнакультурная ідэнтычнасць – своеасаблівая форма сацыяльнай ідэнтычнасці, бо важнай яе функцыяй з'яўляецца інтэграцыя грамадства. На падставе аналізу сацыяльнай і культурнай дынамікі амерыканскі сацыёлаг Г. Спенсер яшчэ ў XIX стагоддзі вылучыў два складнікі гэтага працэсу – дыферэнцыяцыю і інтэграцыю, бо любое развіццё пачынаецца з павелічэння аб'ёму і колькасці элементаў культуры, якія характарызуюць грамадства; рост колькаснай разнастайнасці адбываецца разам са структурнай і функцыянальнай дыферэнцыяцыяй цэлага і ростам якасных адрозненняў яго структурных частак. Сацыяльная дыферэнцыяцыя раз'ядноўвае грамадства, а этнічная, наадварот, – інтэгруе, таму нельга не пагадзіцца з думкай расійскай даследчыцы І.В. Малыгінай, якая сцвярджае, што “найважнейшая функцыя этнакультурнай ідэнтычнасці заключаецца ў кансалідацыі грамадства, яго ўнутранай інтэграцыі” [5, с. 14]. Заслугоўвае ўвагі і меркаванне заходнееўрапейскіх вучоных Ж. дэ Во і Л. Раманучы-Роса. Яны падкрэслівалі экзистэнцыйнае значэнне этнакультурнай ідэнтычнасці, якая вынікае з натуральнай чалавечай патрэбы мець пераемную прыналежнасць, адносна ўстойлівую аснову [7] для ўпэўненасці ў будучым, для далейшага паўнаватраснага развіцця.

Этнакультурная форма ідэнтычнасці дастаткова ўстойлівая. Этнакультурная ідэнтычнасць часцей за ўсё ўсведамляецца і перажываецца індывідам на ментальным

узроўні, як дадзенасць, і выяўляецца праз светабачанне і маўленне. І.В. Мальгіна выдзяляе наступныя структурныя кампаненты этнакультурнай ідэнтычнасці: “самасвядомасць народа (падкрэслена намі. – В.Б.), якая выяўляецца шляхам цэлага комплексу разгорнутых у часе (ад эпохі да эпохі), храналагічна абумоўленых рэфлексіўных прыкмет:

– усвядомленая дыферэнцыяцыя ідэнтычнасці, яе выдзяленне з шэрагу ўтварэнняў на аснове комплексу культурных прыкмет;

– этнакультурная ідэнтыфікацыя ў адпаведнасці з дамінуючымі прыкметамі (становішча роднасці, агульная тэрыторыя, лад жыцця і інш.) і выпрацоўка пэўнага этноніма;

– міфалагізацыя гістарычнага лёсу народа і яго “глебы”: тыпу мовы, культуры, ладу жыцця;

– фарміраванне аўта- і гетэрастэрэатыпаў, абумоўленых не толькі тлумачэннем, але і ацэнкай якасці ўласнай этнакультурнай інакшасці, выпрацоўка суб’ектных ідэнтыфікатаў;

– асэнсаванне культурна-гістарычных мэт і інтарэсаў сацыякультурнай агульнасці, якая фіксуе яе выхад на новы гістарычны і палітычны ўзровень развіцця” [5, с. 14–15], “пачуцці”, бо “феномен этнакультурнай ідэнтычнасці адлюстроўвае працэсы глыбіннага эмацыянальнага, амаль сакральнага перажывання і маніфестацыі адзінства агульнасці”, таму варта звяртаць увагу на эмацыянальна-афектыўны аспект у структуры этнакультурнай ідэнтычнасці, які “фарміруецца з сукупнасці пачуццяў, што складваюцца з эмацыянальных форм адносін да ўласнага этнасу ці дзяржавы (роднай прыроды, мовы і культуры, да роднага народа і яго гісторыі, звычлага ладу жыцця і быту), але яны могуць быць адрасаваныя і іншаму народу” [5, с. 15]. Наступны складнік структуры этнакультурнай ідэнтычнасці – ментальнасць як “спантаннае, арганічнае, пераважна ірацыянальнае маніфэставанне адзінства і саматоеснасці народа” [5, с. 15]. Наконт ментальнасці А.У. Марозаў слухна заўважыў: “Ментальнасць – аснова функцыянавання ўстойлівай сістэмы стэрэатыпізаваных уяўленняў, каштоўнасцей і сэнсаў – укаранёнай у жыццядзейнасці многіх пакаленняў людзей, якія належаць да пэўнай гісторыка-культурнай агульнасці” [6, с. 172]. Разам з тым ментальнасць адначасова выступае паказчыкам адаптацыі этнасу да прыродных, гістарычных і культурных абставін. Усе тры пералічаныя кампаненты этнакультурнай ідэнтычнасці знаходзяць своеасаблівае адлюстраванне ў мастацкіх творах і патрабуюць сістэмнага асэнсавання з боку літаратуразнаўцаў і з ідэйнага, і з мастацкага боку.

На думку многіх навукоўцаў, этнакультурная ідэнтычнасць як усведамленне, перажыванне і знешняя маніфестацыя сацыякультурнага адзінства заявіла пра сябе не адразу, а хутчэй за ўсё на этапе разлажэння родаплемянных адносін, а ў некаторых народаў – на развітой стадыі раннекласавай дыферэнцыяцыі. Па меры развіцця чалавечай цывілізацыі адбывалася ўскладненне структуры этнакультурнай ідэнтычнасці, напластанне слаёў рознага часу. Ніжні ўзровень гэтай складанай піраміды ўтварае родаплемянная ідэнтычнасць, заснаваная пераважна “на крыві і глебе”, па вызначэнні Э. Фрома [7]. Другі слой у структуры этнакультурнай ідэнтычнасці ўтварае ўласнаэтнічная ідэнтычнасць, важную рысу якой складае мемарыяльная інтэнцыянасць, міфалагізацыя агульнай гісторыі і лёсу, яе фарміраванне і функцыянаванне

забяспечваюцца дзяржавай і рэлігіяй. Верхні слой – нацыянальная ідэнтычнасць – вынік палітычных працэсаў. Пры гэтым на кожнай новай стадыі фарміравання этнакультурнай ідэнтычнасці адбывалася не адмена, а частковая трансфармацыя, адаптацыя і сінтэз асноўных рыс, традыцыйных і новых, прыярытэтных ідэнтыфікацыйных падстаў. Гісторыя літаратуры дае багаты матэрыял для даследавання этнасаў, дынамікі эстэтычнай свядомасці і этнакультурнай ідэнтычнасці канкрэтных народаў.

Некаторыя сучасныя даследчыкі аргументавана даказваюць неабходнасць вылучэння спецыяльнага напрамку ў літаратуразнаўстве – этнапаэтыкі, які б займаўся вывучэннем нацыянальнай адметнасці літаратур, вобразна-выяўленчых сродкаў, што ўзніклі пад уздзеяннем пэўных умоў гістарычнага існавання канкрэтнага народа і шырока прадстаўлены ў яго літаратуры. Рускі навукоўца У.М. Захараў, у прыватнасці, сцвярджаў: “Сярод разнастайных дысцыплін, якія пачынаюцца словам *этна-*, відавочна не хапае яшчэ адной – *этнапаэтыкі*, якая павінна вывучаць нацыянальную адметнасць канкрэтных літаратур, іх месца ў сусветным літаратурным працэсе” [9, с. 9]. Сапраўды, перспектыўным напрамкам развіцця навукі пра літаратуру можа стаць фарміраванне самастойнай літаратуразнаўчай галіны, якую па аналогіі з іншымі маладымі навукамі, што абапіраюцца на міждысцыплінарныя даследаванні і этнаскладнік, можна было б назваць этналітаратуразнаўствам. Тэрмін “этнапаэтыка”, які раіць выкарыстоўваць У.М. Захараў, думаецца, этымалагічна і семантычна неадназначны. Гэты тэрмін упершыню быў прапанаваны ў 1964 годзе Малкалмам Іксам, кіраўніком “Арганізацыі афра-амерыканскага адзінства”. М. Ікс абгрунтаваў неабходнасць развіцця этнапаэтыкі фактам існавання розных ментальных канстант у народаў свету, але гаварыў пра вывучэнне славеснай творчасці, куды, як вядома, уваходзяць і літаратура, і вусная народная творчасць. Этнапаэтыкай з канца ХХ стагоддзя нярэдка метафарычна называюць фальклор, бо ў вуснай народнай творчасці максімальна канцэнтруецца духоўны вопыт пэўнага этнасу [10].

У сучасным літаратуразнаўстве на парадку дня дастаткова востра стаіць праблема паглыбленага вывучэння таго, што складае адметнасць кожнай нацыянальнай літаратуры ў перыяд інтэнсіўных камунікатыўных і культурных узаемадзеянняў. Прадуктыўным напрамкам этналітаратуразнаўства стала б найперш вывучэнне ментальных мадэлей на ўзроўні нацыянальнай ідэнтычнасці літаратур, пісьменніцкіх індывідуальнасцей, асобных твораў.

Адна з важных функцый мастацтва слова – этнічная, якая заключаецца ў рэпрэзентацыі пэўнага народа іншым народам свету, у захаванні этнічных каштоўнасцей дзеля самаідэнтыфікацыі сябе ў зменлівым свеце, сёння ж менавіта этнічнасць становіцца аб’ектам мадыфікацый і пераструктурвання. Этнакультурная ідэнтычнасць, хоць і перадабумоўлівае схільнасць да нейкага пастаянства, але на самой справе яна дынамічная. Прычым, яе дынаміка не ў апошнюю чаргу дэтэрмінуецца сацыяльна-гістарычнымі і храналагічнымі фактарамі, што ярка выяўляецца праз тыпы нацыянальных характараў, увасобленых у літаратурных творах. Напрыклад, ляснік Міхал з “Новай зямлі” Якуба Коласа, Міхал Тварыцкі з “Трэцяга пакалення” Кузьмы Чорнага і Іван Батрак з рамана “Вазьму твой боль” – гэта розныя тыпы беларускага народнага характару, узятыя на розных этапах развіцця грамадства. У гэтых тыпах захоўваецца інварыянтная аснова, але дапускаюцца адхіленні прыватнага псіхалагічнага плана.

Літаратура не толькі ўзнаўляе, але і мадэлюе нацыянальныя характары. Нацыянальны характар у мастацкіх творах, як правіла, прадстае асобасна дыферэнцыраваным пісьменнікамі. Так, Васіль Дзяцел, Міканор Дзяцел і Халімон Дзяцел па мянушцы Глушак у “Палескай хроніцы” Івана Мележа – гэта розныя сацыяльна-псіхалагічныя тыпы беларускага народнага характару 20–30-х гадоў мінулага стагоддзя. У цэнтры ўвагі пісьменнікаў, згодна асаблівасцям мастацкай творчасці, часта знаходзяцца культурна-асобасныя дамінанты ў вызначэнні з’яў нацыянальнага парадку, пры гэтым адны аўтары ідэалізуюць свой народ, а другія – свядома пазбягаюць ідэалізацыі. Для прыкладу, у творчасці Уладзіміра Караткевіча мадэляваўся і прыўносіўся вобраз беларуса, моцнага духам, захопленнага ідэяй служэння Бацькаўшчыне, а ў творчасці Янкі Купалы пры мастацкім узнаўленні нацыянальнага характару беларуса значнае месца займала крытычнае стаўленне да суайчыннікаў, асуджэнне пасіўнасці, пакорлівасці лёсу.

Замацаванне этнастэрэатыпаў як комплексу ўяўленняў адной этнічнай групы аб другой або аб сабе самой наглядаецца перш за ўсё ў літаратурных тэкстах, а сам гэты працэс на матэрыяле твораў славеснага мастацтва мае адметныя рысы ў нацыянальных літаратурах, якія вынікаюць з анталогіі і гісторыі народа. Так, англічане – гэта “астраўная” нацыя, таму ў класічнай англійскай літаратуры іншаземцы звычайна паказваліся свайго кшталту дзівакамі; беларусы жывуць у цэнтры Еўропы, іх родная зямля неаднаразова становілася аб’ектам знешняй экспансіі, відаць, невыпадкова этнагетэрастэрэатыпы ў творчасці беларускіх пісьменнікаў, як правіла, этычна неадназначныя, уключаюць у сябе і станоўчыя, і адмоўныя рысы характару.

Далейшага даследавання з боку літаратуразнаўства патрабуе канцэптасфера нацыянальных літаратур. Як вядома, тэрмін “канцэпт” упершыню быў уведзены рускім вучоным С.А. Аскольдавым-Аляксеевым у рабоце “Канцэпт і слова” (1928), а тэрмін “канцэптасфера” – Д.С. Ліхачовым. Канцэпт – гэта адзінка свядомасці, канцэнтрат культуры ў ментальным свеце чалавека, пасрэднік ва ўзаемадзеянні індывіда з духоўным вопытам нацыі. Кожная нацыянальная літаратура ёсць апасродкаванае выяўленне светаўспрыняцця пэўнага народа, яго ўяўленняў пра свет, а значыць, у задачы этналітаратуразнаўства можа арганічна ўвайсці асэнсаванне нацыянальнай свядомасці літаратуры, выяўленне форм і спосабаў мастацкага ўзнаўлення тыпаў нацыянальнага характару, менталітэту, даследаванне нацыянальных мадэлей свету, нацыянальных духоўна-этычных і быццёвых канстант, вызначэнне параметраў і крытэрыяў нацыянальнай вобразнай парадэгмы. Такі напрамак даследавання паспрыяе не толькі далейшаму грунтоўнаму спасціжэнню законаў мастацкай творчасці, але і замацаванню талерантных настрояў у сучасным полікультурным свеце.

Адной з перспектывных задач этналітаратуразнаўства з поўным правам можна назваць паглыбленае сістэмнае вывучэнне сувязей нацыянальных літаратур з нацыянальнай вуснай народнай творчасцю як этнанаратывам, выкарыстанне ў працэсе такіх даследаванняў ідэй інтэртэкстуальнага падыходу, бо адметнасць любой літаратуры ў значнай ступені вызначаецца і той мастацкай этнаспадчынай, якая інтэрыярызуецца аўтарамі.

Мастацкая літаратура – этнаграфічны эпіфеномен. Мастацтва слова і этнаграфія – часткі адзінай мегасістэмы – народазнаўства. Шырокае поле даследавання этналітаратуразнаўства – мастацкі этнаграфізм, яго семантыка і функцыі, рэфератыўны, камунікатыўны і эстэтычны бок этнаграфічнага матэрыялу ў літаратурным творы.

Этналітаратуразнаўства таксама магло б заняцца сістэматызацыяй ужо назапашаных ведаў па комплексу праблем нацыянальнай выразнасці мастацкай творчасці. У задачы спецыяльнага раздзела літаратуразнаўства арганічна б увайшло выяўленне агульных тыпалагічных рыс і разнастайнасці форм і прынцыпаў выкарыстання этнаграфічнага матэрыялу ў літаратурных творах, а кампаратыўны падыход праз паглыбленае навуковае асэнсаванне такіх катэгорый, як “функцыя”, “прадмет, змест, форма літаратурнага твора”, “мастацкі метада”, “жанр”, дазволіў бы вызначыць каштоўнасць укладу кожнай нацыянальнай літаратуры ў развіццё сусветнай літаратуры, больш усебакова паказаць яе нацыянальную спецыфіку і агульначалавечае значэнне. Тыпалагізуючая канкрэтызацыя ўнесла б карэктывы і стабілізавала раней атрыманыя вывады адносна шляхоў развіцця і спецыфікі як канкрэтных нацыянальных літаратур, так і сусветнага літаратурнага працэсу ўвогуле.

Заслугоўвае ўвагі літаратуразнаўцаў і даследаванне вобразна-выяўленчых сродкаў, рэтрансляцыя этнарэалій у мастацкіх перакладах.

Варта адзначыць, што пры даследаванні любой нацыянальнай літаратуры не трэба забываць, што яна з’яўляецца дынамічным гіпертэкстам, што этнаскладнік у ёй пастаянна трансфармуецца, а гэта, у сваю чаргу, дае магчымасць прасачыць дынаміку і спецыфіку літаратурнай пераемнасці.

Кожнай нацыянальнай літаратуры ўласціва пэўная сістэма вобразна-выяўленчых сродкаў, якая дэтэрмінуецца этнаанталогіяй і менталітэтам. Напрыклад, “беларуская вёска сфарміравала этнічны грунт, дала нацыі мову, эстэтычны канон і этычны кодэкс” [11, с. 74], доўгі час у беларускай літаратуры вобраз вёскі экстрапаліраваўся на вобраз Радзімы. Этнаанталогія ўключае ў сябе этнічна маркіраваны комплекс фактараў і прыкмет. Важнай задачай этналітаратуразнаўства павінна стаць выяўленне і даследаванне анталагічнага метакоду нацыянальных літаратур. Расійскі літаратуразнаўца З.Х. Кучукава абгрунтавана называла анталагічным метакодам асобую дынамічную структуру, створаную і ўкаранёную ў культурнае асяроддзе этнакалектыўным розумам; структуру, у якой адпачаткова закладзена цэласная і завершаная сістэма каштоўнасцей, якая падтрымлівае парадак і гармонію, рэгулюе этычныя законы і не дапускае хаосу [12]. Менавіта анталагічны метакод выступае асновай паэтыкі нацыянальных літаратур. Агульнавядома, што пісьменнік стварае мадэль свету на аснове існуючых у яго атачэнні ўяўленняў пра свет і падбірае адпаведныя вобразна-выяўленчыя сродкі. Пры гэтым аўтарская інтэнцыя ўключае ў сябе не толькі асабістыя ўяўленні аўтара, але таксама яшчэ і калектыўнае бессвядомае і нацыянальнае бессвядомае. Перспектыўнай задачай этналітаратуразнаўства павінна стаць асэнсаванне суадносін калектыўнага бессвядомага і нацыянальнага бессвядомага, у прыватнасці, на прыкладзе нацыянальных літаратур і творчасці канкрэтных аўтараў.

Вылучанае намі праблемнае поле этналітаратуразнаўства, безумоўна, часткова вывучаецца эстэтыкай і паэтыкай у складзе тэорыі літаратуры, але недастаткова поўна, у асобным жа раздзеле ёсць магчымасць яго падрабязнага сістэмна-канцэптуальнага разгляду.

З вышэйсказанага лагічна зрабіць вывад, што этналітаратуразнаўства – гэта дастаткова легітымны раздзел літаратуразнаўства, ён павінен займацца выяўленнем, вывучэннем, апісаннем феноменаў, якія, з аднаго боку, адлюстроўваюць, а з другога – прадвызначаюць спецыфіку нацыянальнай карціны свету, даследаваць

этнаанталагічныя імператывы на матэрыяле фальклору і літаратуры, выяўляць і характарызаваць этнаментальныя канстанты. Этналітаратуразнаўства заклікана разглядаць літаратуру як сродак увасаблення самакаштоўнага этнаментальнага вопыту, як асэнсаванне агульначалавечага праз нацыянальнае, як элемент змястоўнай формы літаратурнага твора, інтэграваць этнічныя, анталагічныя, культуралагічныя веды. Этналітаратуразнаўства павінна асноўвацца на сінтэзе дасягненняў сучасных гуманітарных навук. Агульнавядома, што міждысцыплінарныя напрамкі валодаюць значным гнэсеалагічным патэнцыялам. Гэта значыць, што этналітаратуразнаўства здолее даць больш дэталізаваную і тым самым аб'ектыўную карціну развіцця ў часе сусветнай літаратуры і канкрэтных нацыянальных літаратур, дазволіць вылучыць новыя праблемныя лініі ва ўзаемаадносінах мастацтва слова і рэчаіснасці. Тэндэнцыі шматстайнай трансфармацыі, “крэалізацыі” нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці ў сучасным свеце даюць грунтоўныя падставы для вываду, што этналітаратуразнаўства мае шанс стаць адным з цэнтральных раздзелаў навукі пра літаратуру ў XXI стагоддзі.

Л і т а р а т у р а

1. Тишков, В.А. Реквием по этносу: исслед. по соц.-культур. антропологии / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
2. Гердер, И.Г. Избранные сочинения / И.Г. Гердер. – М.; Л.: Госполитиздат, Ленингр. отд-ние, 1959. – 392 с.
3. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: общие вопр. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский / Г.Д. Гачев. – М.: Совет. писатель, 1988. – 445 с.; Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Соседи России: Польша, Литва, Эстония / Г.Д. Гачев. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 384 с.; Гачев, Г.Д. Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 544 с.
4. Kulturelle Grenzziehungen im Spiegel der Literaturen: Nationalismus. Regionalismus. Fundamentalismus; Hrsg.: H. Turk [et al.]. – Göttingen: Wallstein, 1998. – 294 S.; Nationale und Kulturelle Identität: Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neizeit; Hrgs. von B. Giesen. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. – 578 S.
5. Малыгина, И.В. Этнокультурная идентичность: структура и исторические формы / И.В. Малыгина // Вестник МГУКИ. – 2005. – № 2. – С. 13–20.
6. Морозов, А.В. Фольклор в духовной культуре восточных славян: ментальные предпосылки функционирования / А.В. Морозов. – Вильнюс: Ксения, 2005. – 196 с.
7. Фромм, Э. Пути из больного общества / Э. Фромм // Проблема человека в западной философии. – М., 1998. – С. 471–495.
8. Romanucci-Ross, L. Ethnic Identity. Creation, Conflict, Conflict and Accommodation / L. Romanucci-Ross, G. de Vos. – L.: Third edition, 1995. – 405 p.
9. Захаров, В.Н. Русская литература и христианство / В.Н. Захаров // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. / Петрозавод. гос. ун-т; редкол.: В.Н. Захаров [и др.]. – Петрозаводск, 1994. – С. 5–11.
10. Этнопоэтика и традиция: к 70-летию В.М. Гацака: сб. ст.: редкол.: В.А. Бахтина (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 2004. – 602 с.
11. Кісліцына, Г. Новая літаратурная сітуацыя: змена культурнай парадыгмы / Г. Кісліцына. – Мінск: Логвінаў, 2006. – 208 с.
12. Кучукова, З.Х. Онтологический метакод как системообразующий принцип этнопоэтики: дис. докт. филол. наук: 10.01.08 / З.Х. Кучукова. – Нальчик, 2006. – 370 л.

Паступіла 26.06.2008

УДК 792.075(476)

Структура хронотопа театрального произведения

Т.В. Котович

Комплексное исследование хронотопов театра как базовой структуры формирования и конструирования театрального произведения. Исследуется структура сценического произведения и осмысливается как производное от художественной картины эпохи в соответствии хронотопа театрального произведения и хронотопа эпохи; дается классификация хронотопов театра на основе вектора эволюции сценического искусства в истории европейского театра от синкретической целостности ритуала через линейное мышление классического театра к нелинейности современного сценического произведения.

Исследования художественного пространства–времени как континуума начались в 1920-е гг. XX века. Это понятие вместе с математическими расчетами обосновывается в теоретическом этюде Велимира Хлебникова 1919 г. «Голова вселенной, время в пространстве» [1], посвященном анализу супрематических работ К. Малевича. Понятие единства пространственно-временного континуума как **хронотопа** первым использовал в исследовании литературы М. Бахтин, позаимствовав его у А. Ухтомского, который в 1925 г. ввел этот термин в биологию, позаимствовав его из теоретической физики А. Эйнштейна (1915), математических пространственно-временных представлений Г. Минковского (1908) и философской метафизической системы С. Александера (1920).

Термин «хронотоп» (на греческой основе), соответствующий немецкому Zeit-Raum, английскому space-time, М. Бахтин применил при создании теории романа, используя весь пространственно-временной комплекс в качестве доминанты анализа развития романа в историческом процессе [2]. По определению М. Бахтина, хронотоп является необходимой формой познания реальной действительности и в этом смысле играет значительную роль в художественном познании.

В физике и философии категории пространства и времени в течение всего XX века рассматриваются как базовые. История науки знает несколько подходов к осмыслению данных понятий. Это – ньютоновские абсолютное пространство и абсолютное время, самостоятельные и независимые от объектов и процессов внутри них, подобные некоему пустому мешку (аристотелевский подход). Понимание пространства и времени как отношения между объектами (лейбницевский подход). Понятие четырехмерного пространства–времени (подход Г. Минковского). Пространственно-временной континуум как абсолют при относительности пространства и времени (подход А. Эйнштейна). Время в качестве самостоятельной фундаментальной физической величины (подход М. Планка) [3]. С. Хокинг выдвинул гипотезу о мнимом пространстве–времени [4]. По мнению С. Хокинга, одни пространственно-временные измерения развернуты во Вселенной, другие

остаются свернутыми. О возможности разнонаправленности потоков времени говорил И. Пригожин [5]. Представления о пространстве–времени изменились с появлением неевклидовых геометрий Н. Лобачевского и Б. Римана, описавших пространство с отрицательной и положительной кривизной [3]. В 1970-е гг. появилась теория суперсимметрии с понятием многомерного пространства–времени. Тогда же возникла и теория суперструн (физик Г. Венециано рассчитал формулу элементарных частиц, которые являются одномерными струнами или петлями, вибрирующими в многомерном пространстве–времени).

Пространство и время являются основными категориями не только в физике, они относятся к фундаментальным и в гуманистике. Более того, на соотношенность процессов, осмысляемых точными науками, с процессами, рассматриваемыми в искусстве слова, указывает Вяч. Иванов, отметивший, что теория единства пространства и времени является простейшей формулировкой идеи драматургического хронотопа [6]. А. Ухтомский высказывал идею о введении в нейрофизиологию различия между физическим временем и временем психологическим, в котором события жизни и эмоции могут *повторно* переживаться: «Аналогия между осознанием этого различия (человеческого чувства времени и событий во вселенной, что отмечает Эддингтон. – Т.К.) в науке XX века и его претворением в искусстве нашего времени, в частности в театре, разительна» [6, с. 100]. Высказанные соображения позволяют нам сопоставлять концепции и идеи искусства и науки не метафорически, а в виде своего рода алгебраической проверки творческой гармонии.

Целью исследования является создание теоретической интегративной модели хронотопа театрального произведения как основы структурообразования произведения в сценическом искусстве.

Реализация цели исследования предполагает решение **следующих задач**:

- определение специфики и структуры хронотопа театрального произведения;
- выделение вектора эволюции театра через трансформацию хронотопов театрального произведения;
- классификация типов хронотопа сценического произведения;
- выявление сущности хронотопов в театральных моделях реформаторов театра XX века;
- типология пространственно-пластических систем художественных средств организации хронотопа;
- осмысление технологий моделирования сценического произведения;
- анализ катарсиса как трансформации пространственно-пластической системы в хронотоп зрителя.

Объектом исследования выступает структура хронотопов театрального произведения, а предметом – система художественных средств их организации. Выбор данного объекта обусловлен необходимостью определения места творческого человека и способов художественной деятельности в культуре современных высоких технологий. Онтологическая опустошенность человека в мире, который становится все более механическим, ощущается необычайно остро. В этом смысле творчество оказывается един-

ственным условием и опорой человека в бытии. Театральное произведение аналогично саморазвертыванию бытия и качественному его изменению. Выявление причин и этапов структурообразования спектакля представляет собой не только анализ художественного феномена, но и осмысление диалектики индивидуальной субъективности в его создании с объективизированным результатом творческого акта. Такой подход позволяет также выйти за рамки театроведения в область общих проблем познания.

В основе систематики конкретных методов исследования лежит **методология** гуманитарных наук. Методологическая ситуация в области театроведения характеризуется тем, что назрела необходимость создания общей теории театра, которая основана на конкретных методах социальных и гуманитарных исследований. Из научных **общелогических методов** основным для нашего исследования является *моделирование* как изучение сценического произведения путем создания его модели. Сведения о художественных объектах мы фиксируем путем *описания*. С помощью *метода индукции* мы выводили показатели характеристик структуры пространства–времени актера и зрителя, а также систему художественных средств организации хронотопа спектакля.

Анализируя системы режиссеров-новаторов начала XX века, мы обнаружили закономерности отношений элементов, являющиеся общими для любого сценического произведения. Подобные факты *систематизированы, классифицированы и обобщены* в целях выявления определенных зависимостей, что позволило раскрыть существенные свойства и связи системных явлений в искусстве театра.

Базовыми для исследования являются **специальные методы**: *структурный* метод, оперирующий упорядоченностью и взаимосвязью анализируемого материала; метод *системного анализа*, дающий возможность понимания целостности и организованности объекта; *топико-темпоральный* (хронотопический) анализ применяется в исследовании аудио-визуального комплекса сценического произведения. Мы используем также *компаративный*, или *сравнительно-исторический* метод, позволяющий выявить общность семантики художественных произведений, а также *синергетический* анализ, обоснованный в трудах И. Пригожина, Е. Князевой, С. Курдюмова, И. Евина.

В нарастающей мозаичности современного художественного творчества, в массе разнообразных течений и направлений существует необходимость поиска универсалий для оценок, т.е. тех скреп, которые удерживают само представление о художественном произведении как о единстве и целостности. **Новизна** исследования состоит в том, что именно топико-темпоральный анализ, т.е. анализ хронотопов художественного произведения, может стать отправной точкой на очередном этапе систематизации новых подходов к изучению современных театральных процессов, а также векторов развития белорусского театра.

Театральное произведение в прежней классификации искусства исследователи относили к промежуточной области, где взаимосочетаются показатели пространственных и временных видов искусства. В современном искусствознании отказались от столь наглядной и прямолинейной типологии, однако все так же очевидно, что спектакль является сложнейшим комплексом, в котором взаимодействуют все другие виды искусства. В этом смысле пространственная и временная организация сценического

произведения представляет собой систему партитур участвующих в данном спектакле видов искусства на основании согласования их хронотопов. Каждая из партитур оказывается подчиненным уровнем системы, т.е. низшим по отношению к общей целостности. Вместе с тем, каждая из них обладает и относительной самостоятельностью, и модальностью, т.к. потенциально может стать ведущей в структурообразовании произведения.

На *первом* уровне мы обращаемся к специфике театра и обстоятельствам формирования его хронотопа.

В развитии европейского театра наблюдается эволюция театральной структуры от синкретической целостности ритуала через линейность классического театра к осознанию нелинейности художественных процессов.

В ритуале, обряде и карнавале участники находятся в игровой реальности сообщца, и никто не остается в стороне, а в пространство–время игры вовлечено *все* сообщество играющих, здесь нет разделения на актера и зрителя, и внешних пределов этой зоны не существует.

Как только происходит разделение в сообществе играющих, сразу же мы обнаруживаем и *предел* ритуального пространства–времени. Из ритуала, обряда и карнавала как из пра-структур выкристаллизовывается новая структура, пространство–время которой замыкается так, что его уже можно обозревать со стороны, извне.

При вычленении театра и синкретической целостности ритуальных форм деятельности появляется система с триадой «актер–пространственно-пластическая система–зритель», где каждый из элементов обладает собственным пространством–временем. Система в подобной целостности существует только на протяжении спектакля, когда каждый из элементов задействован, и все хронотопы включены в целостное взаимодействие. В этот момент мы видим, что действующим объектом в системе является «актер–пространственно-пластическая система», воспринимающим, но не пассивным в данной системе, – зритель.

Спектакль как существующий объект обладает теми же свойствами, что и любой физический объект в мире физической реальности. В этом смысле на *втором* уровне осмысления пространства–времени спектакля мы устанавливаем его нахождение в сценических условиях (пространство сцены) и обладание определенной длительностью (время действия). На *третьем* уровне понимания пространства–времени мы обнаруживаем, что зависимость формы произведения от вида и размера сценической площадки и от длительности спектакля не более значительная, чем обратное: сценический язык произведения сам формирует пространство вокруг происходящего и регулирует протяженность актов и их количество. Здесь очевидной становится взаимозависимость пространства, времени и объекта.

На *четвертом* уровне осознания подобных взаимосвязей нам необходимо обратиться к опыту современного театра в формах перформанса и хэппенинга, о которых П. Брук пишет, что они разом сбрасывают все принадлежности традиционного театра с помещением, сценой, осветительной аппаратурой и пр. [7, с. 101]. Эти формы театра указывают на то, что отсутствует нечто, внутри чего находится произведение, и от чего

оно каким-то образом зависит. В данном случае пространство и время являются определенными типами отношений между объектами, из чего становится понятным, что пространственно-временной континуум театрального произведения представляет собой сложную систему не только внешних, но и внутренних взаимозависимостей. Так, спектакль может воздействовать на восприятие времени, вызывая ощущение его ускорения, замедления или остановки. Спектакль может воздействовать и на эмоциональное восприятие самого пространства: режиссер А. Васильев подчеркивает моменты, когда проявляется некая образная самодостаточность пространства пустой сцены.

Пятый уровень – уровень хронотопа самого действующего объекта, т.е. сценического произведения. Здесь система, в свою очередь, состоит из нескольких уровней. Во-первых, это «драматургический источник (пьеса, инсценировка, сценарий, мотив и т.п.) – пространственно-пластическая система спектакля», т.е. литературный текст с особенностями его хронотопа и сценическое воплощение текста с переводом его в хронотоп спектакля.

Во-вторых, «пространственно-пластическая система–режиссер», т.е. реально существующее сценическое произведение как материальный объект и авторская его идея, концепция, духовно-эстетический источник бытия произведения. Таким образом, в осуществленном на сцене спектакле мы обнаруживаем двойную реальность: пространство–время воспринимаемого объекта (физическая) и пространство–время идеи объекта, его мыслимой формы (метафизическая). В этом двойном хронотопе объект рождается из идеи (из «ничего») при сохранении энергии, потенциала, творческого импульса. Современные физики и философы все чаще высказывают гипотезу о том, что пространство–время макромира (в объективном пространстве реальности) порождается процессами за пределами видимой реальности [8, с. 38; 4] и исходящими из вакуума.

Пространственно-пластическая система – это сценический язык произведения, взаимосогласование его внешней и внутренней художественной формы, где внешняя форма – это сумма партитур выразительных средств спектакля, а внутренняя – *источник* согласования этих партитур, т.е. логически мыслимая структура (пространство–время режиссерской концепции, идеи).

В-третьих, «пространственно-пластическая система–актер», где актер только частью своего пространства–времени входит в структуру, что определено параметрами хронотопа пространственно-пластической системы.

В-четвертых, «пространственно-пластическая система–зритель», где возникает синергетическая ситуация, когда спектакль в момент своего завершения, т.е. распадаения пространственно-пластической системы, целиком переходит в пространство–время зрителя, производя операцию структурного, эстетического и нравственного воздействия, меняя внутренний мир зрителя. Мы полагаем, что на данном уровне выполняет цель организации всей системы хронотопа спектакля.

Точкой схода и согласования всех уровней хронотопа театрального произведения является его пространственно-пластическая система (рис. 1.). Через ее существование мы можем судить о параметрах хронотопа спектакля как целостности.

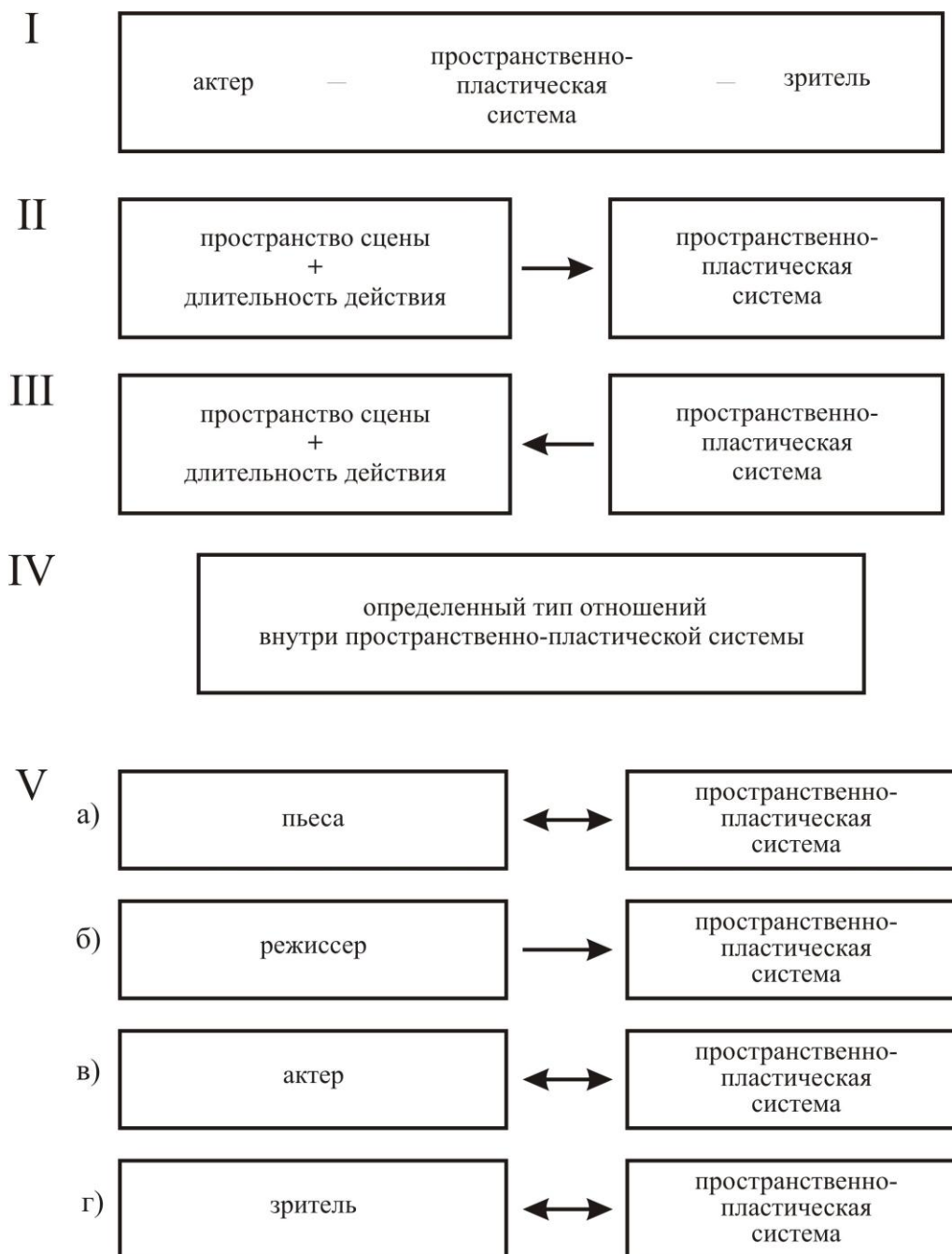

Рис. 1. Структура хронотопа театрального произведения.

Первый уровень

Пространство–время театрального произведения членится по линиям «актер–пространственно-пластическая система», «зритель–пространственно-пластическая система», собственно «пространственно-пластическая система».

Уровень «актер–пространственно-пластическая система» создает семиотическое поле напряжений в виде различных стилевых проявлений и способов существования актера в различных сценических системах.

Возникает структура, в которой:

а) актер обладает высокой моделирующей способностью внутри спектакля и погружен в систему той частью своего пространства–времени, которая востребована структурой спектакля;

б) пространственно-пластическая система своей внутренней стороной обращена к актеру, а внешней – к зрителю;

в) зритель существует вне спектакля, вне его имманентности; его моделирующая способность в системе «театральный спектакль» исчезающе мала.

Актер [10] как относительно независимая система обладает временем, состоящим из следующих сегментов:

1) внутреннее, интровертное время, т.е. сконцентрированное в актере;

2) экстравертное время, т.е. развертывающееся вовне, развертывающееся в пространстве–времени спектакля.

Первый сегмент времени, т.е. внутреннее время, включает в себя внутренние психологические и социальные процессы актера и процесс подготовки к спектаклю (в репетиционный период и в те дни, когда готовый спектакль представляется зрителям). Основной характеристикой этого сегмента является длительность как жизнь сознания, развертывающаяся во времени. Это время остается всегда в свернутом состоянии во внутреннем мире актера, оно чаще всего не востребуется (немногие театральные системы нуждались в актерах типа Михаила Чехова, в XX веке пример составляет лаборатория Е. Гротовского: с момента, когда актер перестает демонстрировать себя самого, свое тело и освобождает духовные импульсы, с этого момента он «приносит жертву, делает жест искупления, достигает чего-то близкого святости» [9, с. 129].

Второй сегмент времени – экстравертное, объективизированное время, время реализации выношенного образа, время его осуществления в реальном пространстве спектакля. В этот сегмент входят:

1) физическое время существования образа на сцене;

2) первый сегмент, ушедший вглубь структуры (внутренняя форма);

3) осуществление образа в континууме спектакля (визуализация модели персонажа). Именно этот уровень востребован в сценическом произведении. Первый и второй выступают в подчиненном ранге.

На уровне «пространственно-пластической системы» [11] имеет особое значение понятие времени в ситуации перехода от ритуала к собственно театру: участники ритуала [13], обряда воспринимали и переживали время в качестве действительного; другого, чем в обыденности, но столь же реального. И должно было развиться сознание, которое было бы способно воспринимать *художественное* время, т.е. иллюзию действительности с выключенностью из обыденной реальности, представляющей собой удвоение реальности, *художественную* действительность.

В структуре театрального произведения пространственно-пластическая система [14] выступает как элемент, или подсистема со следующими уровнями:

- 1) уровень имманентной структуры (внутренняя форма);
- 2) уровень обращенности к наблюдателю (внешняя форма, оформленность: произведение целостно, геометрически определено и ориентировано по отношению к зрителю) с партитурами выразительных средств спектакля.

Уровень «зритель–пространственно-пластическая система» создает поле психологического восприятия, наблюдения, свидетельства, обусловленного стереотипами, художественной картины мира, особенностями психики и ментальностью.

Зритель [13] – только свидетель, а художественная форма отграничивает имманентную систему сценического произведения от любого иного, кроме его свидетельского участия. Зритель выступает в целостной театральной системе только как *интерпретатор* эстетического и социально-этического уровня системы. Его пространство–время – время реального человека, ни в какой образ не входящего, ничего не создающего, в пространство–время спектакля не погруженного. Он не моделирует в пространстве–времени спектакля ничего. Однако он взаимодействует с пространственно-временным континуумом спектакля и с пространством–временем актера: зритель перекодирует их в своем пространстве–времени.

Второй, третий и четвертый уровни

Исследование хронотопа здесь представляет собой сопоставление сценического пространства–времени с хронотопом соответствующей эпохи, благодаря чему обнаруживаются аналогии в мировоззренческих структурах и способах построения сценической площадки и размещении объектов на ней. Соотношение ментальных и художественных комплексов позволяет сделать вывод о структурной целостности в восприятии и переживании мира, а также о создании в каждой эпохе того вида художественной реальности, который является художественной матрицей и моделью ее социально-нравственных установок. На основе анализа соотношений выделяются виды хронотопов театра: 1) космологический, в котором наиболее значимым является пространство (античный театр); 2) спиритуальный, в котором также преобладает пространство, время здесь является параметром более важным, чем в античности, однако не имеет значения само по себе, оно существует на фоне вечности, вневременного (средневековый театр); 3) антропоцентрический, акцентирующий пространство с наибольшей силой, время здесь глубоко пространственно и конкретно, оно едино и сюжетно (театр Ренессанса); 4) рационалистический с ростом фактора субъективного времени (театр Нового времени).

Это – хронотоп классического театра.

Пятым типом хронотопа является модернистский со свободным варьированием фрагментами пространства и времени.

Это – хронотоп неклассического театра XX века [15].

Шестой – постмодернистский тип, в котором превалирует время.

Постмодернистское театральное произведение второй половины XX века как концентрация пространственно-временных представлений конца XX в. соотносимо с современными концепциями в построении картины мира. В современной физике обозначены такие понятия, как энергетические флуктуации, воздействие частиц на рас-

стоянии, процессуальность как способ отношений элементов, взаимоисключающие свойства частиц. И спектакль в форме хэппенинга, акции или перформанса предстает как чистая вероятность, игра аллюзий и сознания человека. От отражения действительности, метафорической структуры и сценической конструкции, выстроенной при помощи монтажа блоков, произведение движется к цитатности, активной деконструкции и стилевому диалогу. Так на уровне художественной картины мира театральное произведение концентрирует в своей структуре (модели) сколочное, слоистое, нелинейное художественное мировоззрение нашей эпохи.

Это – хронотоп постнеклассического театра XX века [15].

Пятый уровень

Пространство–время режиссера – это мир вероятностей, импульса, концепции, идеи. Хронотоп режиссера определяется как сплошь интровертный, подобный зрительскому, с различием в том, что зрительский вбирает в себя пространственно-пластическую систему, а режиссерский создает ее из себя. В этом последнем хронотоп режиссера подобен актерскому, с различием в том, что режиссерская модель-образ должна быть вычлененной из его пространства–времени и отстранена, а актерская модель-образ без создателя не реализуется. Во внутреннем пространстве–времени режиссера модель существует в виде проекта, который материализуется посредством пространственно-пластической системы, через свойства которой мы можем судить о режиссерском хронотопе.

В хронотопе К. Станиславского пространство–время спектакля предельно интровертно, «втянуто» внутрь структуры, «интимно», психологично и не метафизично. В хронотопе В. Мейерхольда пространство–время спектакля экстравертно, локализовано и предельно дискретно, что подчеркивает интенцию на его метафизические свойства. В хронотопе А. Таирова идея будет визуализирована экстравертно, эстетизировано и гармонично. Интровертное пространство–время у режиссера Е. Вахтангова адекватно интровертному времени центрального персонажа. Хронотоп авторов программного произведения русских футуристов «Победа над Солнцем» – актуализация иррациональных образов хаоса. А в трагедии «Владимир Маяковский» – состояние человека в синергетической зоне хаоса и возрастающая креативность человека.

К. Станиславский организует пространство–время посредством психологических напряжений действующих лиц. Такая структура является своего рода наэлектризованным полем, в котором все объекты (предметы и персонажи) являются концентрированными «электромагнитными» узлами. В. Мейерхольд визуализирует экстравертное пространство–время через «лоскутную» структуру спектакля из дискретных фрагментов, согласованную на основе времени. Целостность постановок А. Таирова базируется на адекватности и взаимообратимости интровертного и экстравертного пространства–времени, где внутренний каркас совершенно соотносится с внешней художественной формой произведения. В системе Е. Вахтангова интровертное пространство–время как самосознание центрального персонажа является основой хронотопа спектакля, а внешняя художественная форма состоит из проекций самосознания, ракурсов мировидения персонажа. В театре

русских футуристов с помощью алогизма и сдвига разрушаются привычные традиционные связи и компоненты классического театрального произведения.

В спектаклях К. Станиславского отсутствует яркая театральность и акцентируется натуралистичность, т.к. это эквивалентно режиссерской концепции, в результате чего хронотоп произведения представляет собой изоморфный, гомогенный континуум. Его внешняя форма органична, и поэтому в данном хронотопе она представлена как отказ от формы вообще. Сам процесс выявления внутренней формы из пространственно-пластической системы впервые визуализировал В. Мейерхольд, открыв в «Балаганчике» конструкцию сцены и продемонстрировав технологию создания спектакля, в результате чего классическая театральная форма оказалась уничтоженной. Примером разбалансировки и несогласованности внешней и внутренней формы служит постановка К. Станиславским «Драмы жизни» К. Гамсуна и «Жизни человека» Л. Андреева. Здесь в создании внешней формы использованы выразительные средства условного театра, при том, что способы актерского существования оставлены психологическими, в результате чего два уровня пространственно-пластической системы оказались разомкнутыми, и континуум спектакля утратил органичность и целостность.

Различные режиссерские системы XX века обосновали возможности **трансформации пространственно-пластической структуры** и свободного распоряжения фрагментами хронотопа спектакля. Если, например, в реальном пространстве человек легко двигается, а в реальном времени изменить своего положения не может, то в сценической реальности дело всегда обстоит наоборот: время на сцене потенциально многообразно в проявлениях, сценическое же пространство было всегда неизменным. И только с начала XX века пространство в театре также обрело способность взаимообращенности, а время же освободилось от сюжетной линии. Метаморфоза произошла и с восприятием сценического пространства–времени: оно потеряло тождество с реальным восприятием.

Следовательно, мы вправе допустить, что главное отличие сценического пространства–времени от физического пространства–времени и объективного пространства–времени материального объекта будет состоять в способе *созидания, сборки, конструирования*. Физическое пространство–время обладает характеристиками рядоположенности и протяженности. Сценическое же пространство–время с лоскутностью фрагментов пространства и обратимостью времени нуждается в определенных технологиях взаимосогласованности этих фрагментов пространства и этих фрагментов времени, т.е. во взаимосогласованности дискретностей.

С помощью монтажа достигается не воспроизведение существующих в природе связей явлений, а установление *собственной логики* произведения. Как подчеркивал С. Эйзенштейн, монтажу «<...> как методу реализации единства из всего многообразия слагающих синтетическое произведение частей и областей за живой образец надо принять целостность восстановленного в своей полноте человека. Но образец этот должен быть не механически <...> свинченным и собранным роботом <...>» [16, с. 480]. В этом смысле монтаж рассматривается не как просто сборка фрагментов хронотопа, а работа по сборке, определенная целеполаганием режиссера.

Благодаря монтажу сопоставление двух или более фрагментов дает в результате не сумму, а произведение. В монтаже достигается не отражение существующей в природе

связей явлений, а установление связей, требуемых задачами выразительности произведения. Монтажное мышление апеллирует к ассоциативной, сопоставляющей способности зрителя. Монтаж представляет собой метод организации частей в целое. Монтаж создает некую новую реальность, и это позволяет принимать его как механизм организации.

Не менее важной технологией моделирования выступает коллаж, который является монтажом в пространстве.

Монтажно-коллажная технология определяет тональность, уровень эмоции и смысл каждому эпизоду и каждому элементу, а также и всей общей композиции произведения. Кроме того, этот способ применения данных технологий предопределяет динамику и темп развития пространственно-пластической системы в течение спектакля.

Взаимодействие обеих технологий проявляется следующим образом: внутри эпизода с помощью коллажа строится неоднородное сложное соотнесение элементов спектакля, но когда эпизоды монтируются режиссером в цепь, возникающая общая конструкция, в свою очередь, воздействует в новом порядке, и смысл каждого эпизода меняется. Возникает своего рода оборачиваемость: эпизоды своим смыслом создают некое целое, а это целое трансформирует смысл каждого эпизода.

Монтажно-коллажная технология превращает отдельность, дискретность каждого эпизода в непрерывность пространственно-пластической системы:

– монтаж в системе К. Станиславского организует хронологическую сцепку эпизодов во времени. Технологию коллажа режиссер не использует: пространство его спектаклей однородно, изоморфно во всех точках. В однородном пространстве воспроизводятся временные фрагменты в их линейном развитии и восприятии. Сами свойства пространства–времени спектакля интересовали К. Станиславского только как энергетические напряжения хронотопов актеров. И выявление подобных напряжений как пространственно-пластическая система произведений отражало сам хронотоп К. Станиславского, его концепцию и идею.

– Э.Г. Крэг не использует технологий коллажа, для выявления образности пространства и времени в произведении режиссер предпочитает монтаж символических структур театрального произведения.

– У В. Мейерхольда монтаж становится основополагающим структурообразующим принципом нелинейной по характеру среды спектакля. Технологию коллажа режиссер разрабатывает тщательно, и в разных своих произведениях ведет поиск разнообразных техник соположения фрагментов пространства спектакля.

– А. Таиров использует монтаж как соположение объектов, цветов, света, костюмов и фигуры актеров в рамках сценического портала как подобие некоего архитектурного сооружения с принципами симметрии, гармонии и пр., где все эти принципы являются целью пространственно-пластической системы. Коллажом режиссер не пользуется.

– Е. Вахтангов, наоборот, сталкивает материалы внутри эпизода, а эпизоды – друг с другом монтажно: сохраняя последовательность сюжета, с помощью монтажа он создает зигзаги напряжений в пространственно-пластической системе.

– В. Маяковский постоянно использовал коллаж в поэзии и изобразительном искусстве. Произведение «Владимир Маяковский» – целиком коллажная структура в визуальном проявлении. Так же, как и «Победа над Солнцем» строится технологиями коллажа.

– Б. Брехт использует одновременно монтаж и коллаж в построении спектаклей. Последовательно развивающийся сюжет сменяется на «остранение» актеров от сюжета. Фрагменты пространственно-пластической системы соплагаются коллажно как разнородные по характеру и интонации, сцепка эпизодов происходит монтажно.

Хронотоп действующего в пространственно-пластической системе **актера** мы представляем как двойственность порядка «актер (личность, исполнитель)–персонаж (образ)».

Эта двойственность, определенная у Д. Дидро как «парадокс об актере», наличествует в театре всегда, но не является «отчаянным» противоречием профессии, т.к. в разных сценических произведениях первенствует разное начало; сама история театра снимает данный парадокс. И поэтому именно способ сценического существования актера в спектакле является принципиальным для понимания пространственно-временного континуума спектакля, т.к. это – один из объективных показателей структуры спектакля.

Принцип согласования хронотопа актера с пространственно-пластической системой в классическом театре – оппозиция: **персонаж** (актер как личность спрятан за ним) и **фон** (практически отстранен, а потому и является только дополнением, украшением).

Принцип согласования хронотопов в системе К. Станиславского – взаимопронизанность: **персонаж** (актер как личность спрятан за ним) и **пространственно-пластическая система** (организованная на основании хронотопа режиссера, пронизывающая актерский ансамбль, взаимосвязанная с действием актеров, являющаяся местом действия, временем действия и состоянием действия, она не может быть устранена).

Принцип согласования хронотопов в произведениях Э.Г. Крэга – верховенство пространственно-пластической системы: **пространственно-пластическая система** (в виде сценической визуализации образа пространства, организованной по собственным законам, на основе выявления характеристик самого пространства) и **актер** (как персонаж, который является также частью целостного образа спектакля).

Принцип согласования хронотопов в произведениях В. Мейерхольда – выявление и визуализация пространства–времени: **пространственно-пластическая система** (причем, выявляются и визуализируются способы ее сборки, выявляются возможности монтажа фрагментов пространства и времени, производятся эксперименты со свойствами пространства и времени) и **актер** (еще спрятанный за персонажем, но представляющий собой только живой фрагмент пространства как своеобразный механизм структуры).

Принцип согласования хронотопов в произведениях А. Таирова – взаимобратимость внешней и внутренней формы: **пространственно-пластическая система** (основанная на развивающемся ритме, согласованная во всех партитурах выразительных средств по законам гармонии и симметрии) и **актер** (как персонаж и наиболее активная партитура, и наиболее выразительный элемент структуры).

Принцип согласования хронотопов в произведениях Е. Вахтангова – визуализация внутреннего пространства–времени персонажа: **пространственно-пластическая система** (как визуализация хронотопа актера, основанная на сломах ритмов и гротеске) и **актер** (спрятанный за персонажем, хронотоп которого является центром силового поля).

Во всех рассмотренных вариантах организации хронотопа актер соотносится с

пространственно-пластической системой произведения только частью хронотопа своей модели-образа, востребованной метрикой хронотопа пространственно-пластической системы. В пространственно-пластическую систему спектакля не попадает та часть внутреннего пространства–времени актера, которая не занята пространством–временем персонажа. Внутреннее время–пространство актера, не занятое образом-моделью, всегда остается личным делом актера.

Принцип согласования хронотопов в спектакле «Владимир Маяковский» – визуализация пространства–времени автора: **актер** (сам В. Маяковский, воплощающий персонаж под именем Владимир Маяковский) является автором и организатором **пространственно-пластической системы** (хронотоп которой есть хронотоп автора).

В спектакле театра русских футуристов «Победа над Солнцем» вместо актеров выступали статисты, потому что здесь не важно было, кто и как играет, стерлось само понятие «актер», «исполнитель роли», акцент был полностью перенесен на самое пространственно-пластическую систему. Силовое поле подобного произведения исходит из пространственно-пластической системы.

Принцип согласования хронотопов в спектакле «Победа над Солнцем» – способность хронотопа к разрушению–восстановлению: **пространственно-пластическая система** (как живописная стереометрия, живое пространство–время, динамическое, создаваемое и разрушаемое на глазах зрителей) и **актер** (персонаж, полностью развоплощенный в пространственно-пластической системе).

Немецкий режиссер Б. Брехт в своей сценической системе «разъял» актера (исполнителя) и персонаж (образ), «противопоставив» актера-исполнителя персонажу-образу. Силовое поле подобного спектакля оказалось в самой области разъятия. А пространственно-пластическая система оказалась как бы периодически отстраняемой сами исполнителями: только что отыгранный фрагмент в моменты «разъятия» актера и персонажа сворачивается, его хронотоп схлопывается, а сыгранный фрагмент осмысливается, анализируется уже не персонажем, а актером-человеком со стороны (однако актер остается в пределах пространственно-пластической системы). Во время зонгов актеры выходят из роли, отстраняют персонаж и на виду у зрителей становятся сами собой. Однако это их пространство–время, существующее вне модели-образа, также востребовано пространственно-пластической системой, которая у Б. Брехта неоднородна.

Разъятие у Б. Брехта усложняет пространство–время: актер постоянно перемещается по линии «исполнитель-персонаж», перемещаются и акценты с хронотопа модели к хронотопу актера и наоборот. Этим самым Б. Брехт снимает «парадокс об актере», оппозицию «актер-персонаж», попеременно передвигая актера и в его собственном внутреннем пространстве–времени. Такая пространственно-пластическая система требует активизации той части хронотопа актера, которая в прежнем театре всегда оставалась за пределами спектакля.

Принцип согласования хронотопов в системе Б. Брехта – разъятие актера и персонажа: **пространственно-пластическая система** (способами сборки которой может быть последовательность эпизодов, как у К. Станиславского, или выявленное пространство–время произведения, как у В. Мейерхольда) и **актер** (как элемент системы, спрятанный за персонажем) плюс тот же **актер** (но уже в качестве собственного Я, существ-

вующий сам по себе, без персонажа), при этом актер попеременно присутствует то в одном, то в другом облике, передвигаясь туда и обратно по вектору сознания, и **зритель** (положение которого впервые меняется, т.к. теперь от него требуется не столько со-чувствие сколько со-мыслие).

Неслиянность части, т.е. то, что визуализировал на сцене Б. Брехт, повела за собой потенциальную возможность и *полной* неслиянности актера (личности, исполнителя) со всей пространственно-пластической системой, и возможность полной выделенности актера из нее, что и произошло в постмодернистском театре второй половины XX века (*living-theatre*, перформансы, акции, хэппенинги).

Актер в таком произведении не является исполнителем в традиционном смысле слова: место его вообще может занять человек любой другой профессии. Он не является также и персонажем в традиционном смысле слова: на протяжении действия он остается просто человеком, любым человеком, совершающим определенные действия во имя постижения смысла мира и бытия. Это, в определенном роде, есть возвращение к ритуалу, но здесь не бывает выключенности из повседневной обыденности, ведь в созидании художественного произведения используются ее символы, ее фактура и предметы обыденности.

Принцип согласования хронотопов в постмодернистском произведении – синтезирование хронотопов: полное **вычленение личности** (не актера) из **пространственно-пластической системы** и взаимопоглощение **пространственно-пластической системы** и актера, соединение **пространственно-пластической системы** с хронотопом **личности** (того, кто совершает перформанс или хэппенинг) с хронотопом **режиссера** и с хронотопом **зрителя**. Целью согласования всех хронотопов в постмодернистском произведении является выход в пространство–время сознания.

Сценическое произведение включает в себе весь подготовительный период (создание сценографии, постройка декораций, шитье костюмов, работа над пьесой, репетиционный процесс и т.д.), сиюминутное настоящее показа спектакля и возможность будущего осмысления спектакля (в воспоминании зрителей, в рецензиях и т.д.). Следовательно, в виде некоего нового духовного состояния он переходит в пространство–время зрителя.

Хронотоп спектакля оказывается в зазоре между пространством–временем зрителя до спектакля и пространством–временем зрителя после спектакля. Он смещает орбиты в пространстве–времени зрителя, выступая в качестве стимулятора перемещения смысла в духовном мире зрителя. Сам же остается всегда *между* орбитами, в этом самом зазоре.

Т. Лолаев полагает, что при распаде материального объекта или явления его время тоже исчезает и полностью уничтожается. Но этот же автор, описывая процесс «гусеница–бабочка» подчеркивает наличие свернутой информации, лежащей в прошлом и разворачивающейся в будущем при *любых* условиях [17]. Следовательно, время процесса было и всегда будет, оно никуда не исчезает. Тот же пример с «гусеницей–бабочкой» нагляден и для объяснения происходящего с пространством–временем спектакля: его художественная информация «сворачивается» и уходит во внутренний мир, но она способна развернуться, как только возникнет определенная необходимость.

При создании (кодировании информации), а также при восприятии (раскодировании) произведения искусства всякий раз происходит некая «жертва», т.е. усилие во-

ли, способное материализовать вдохновение. Чтобы понять и осознать произведение необходимо совершить некий прорыв, благодаря чему происходит разъятие и пересоздание мироздания и открывается некая истина совершенного бытия.

В момент распадения пространственно-пластической системы спектакля, т.е. в финале происходит вхождение ее во внутренний мир зрителя. Этот самый момент мы считаем катарсисом. На наш взгляд, это – не просто умерение страха и страсти рассудка, как считают последователи Аристотеля, а преобразование всех чувств. В катарсисе индивидуальная эмоция переходит на уровень более высокий, в универсальные ценности и идеалы. Л. Выготский настаивал на том, что искусство есть «необходимый ряд нервной энергии и сложный прием уравнивания организма и среды в критические минуты нашего поведения» [18, с. 279].

Катарсис наследуется театром от ритуала, где очевидна символика умирания и воскресения; возрождения порядка из хаоса; пути, жертвоприношения и трапезы, ритуального возобновления социальной структуры в качестве стабилизации структуры космической. Актер и зритель в театре вступают в поле спектакля, но актер в нем является «горячей точкой» (по А. Арто, сгустком космических сил, узлом космических связей [19, с. 220]), транслирующей энергетический поток, и сам спектакль в его ритмической организации является таким же транслятором энергии.

Зритель в момент осуществления спектакля присутствует только в канале перехода между уровнями бытия, и его зрительское наслаждение возможно только в этом канале: пределом является само это промежуточное существование между иллюзией и реальностью. Это происходит, пока реально существует пространство–время сценического произведения как объекта. С его уходом континуум спектакля трансформируется во внутренний мир зрителя. Это – точечный акт, уникальный и неповторимый для каждого индивида.

Человек вбирает, втягивает в себя пространство–время произведения, преобразовывая в горизонте личности эстетическое восприятие в этическую субстанцию. И именно спектакль (и в большей степени, нежели иные виды искусства) оказывается средоточием, наиболее концентрированным сгустком, узлом становления индивида в личность. В этом – сущность театрального катарсиса, мгновения развоплощения хронотопа спектакля во внутреннем пространстве–времени зрителя.

Выводы:

Пространственно-пластическая система является художественным средством организации хронотопа театрального произведения. Трансформация соотношения пространственно-пластической системы с остальными элементами хронотопа театра в спектакле обуславливает изменение театра по этапам от классического театра к неклассическому и затем к постнеклассическому. В классическом театре пространственно-пластическая система представляет собой точку схода, пересечение хронотопов драматурга, режиссера (как организатора спектакля), актера. Всей своей структурой она оказывает влияние на зрителя. В неклассическом театре пространственно-пластическая система может быть зависимой от драматургического источника или совершенно самостоятельной. Она целиком является визуализацией хронотопа режиссера. Актер только частью своего хронотопа входит в пространственно-пластическую систему. Зритель не

только находится под воздействием пространственно-пластической системы, но и сам частично включен в нее (у В. Мейерхольда или у Б. Брехта). В постнеклассическом спектакле зритель вправе сам выбирать смысл спектакля, т.к. пространственно-пластическая система вбирает его в себя на равных с актером и режиссером, в тот же самый момент развоплощаясь в актере, режиссере, зрителе. Данная ситуация предельно синергетична и по своему значению аналогична ритуалу (рис. 2).

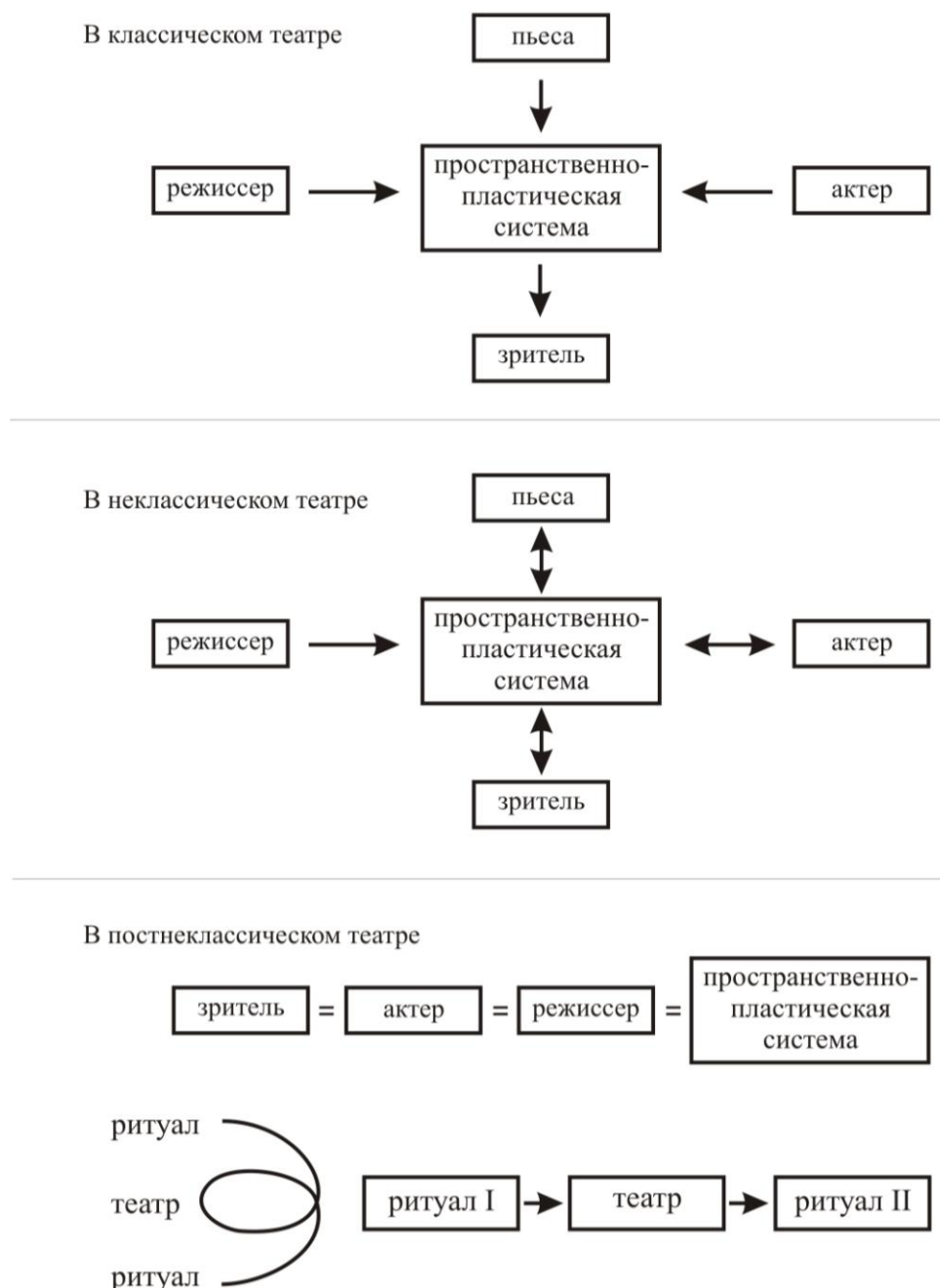

Рис. 2. Эволюция пространственно-пластической системы как художественного

средства организации хронотопа спектакля.

1. Хронотоп (пространство–время) сценического произведения является системой, которая находится в основании структуры спектакля, его сюжета, содержания и смысла, а также восприятия мира и духовного состояния взаимодействующих в спектакле и через спектакль личностей.

Исторически в физике и философии осмысление категорий пространства и времени прошло путь от понятий абсолютного пространства и абсолютного времени через понимание пространства и времени в качестве отношения между объектами в классической науке к пространственно-временному континууму в неклассической науке и к осознанию многомерного пространства–времени в постнеклассической науке. Исследование истории театра с точки зрения визуализации его пространства–времени дает основание сделать вывод, что этот вид искусства актуализирует одновременно все мировоззренческие парадигмы. С одной стороны, спектакль как объект находится в действительной реальности и обладает свойствами любого объекта в макром мире, и его пространство–время будет аналогичным. С другой стороны, спектакль заключает в себе скрытые время–пространства, аналогичные мнимым (П. Флоренский, С. Хокинг).

В связи с подобной спецификой театрального произведения раскрывается целостная многоуровневая структура его хронотопа: 1) характер пространство–времени сценической площадки и длительности действия; 2) взаимозависимость и взаимобратимость пространства–времени сценической площадки и формы произведения; 3) сложная система внутренних взаимосвязей произведения; 4) параметры зависимостей и отношений хронотопов в триаде «актер–пространственно-пластическая система–зритель»; 5) способы перевода хронотопа литературного текста пьесы в хронотоп спектакля; 6) средства визуализации хронотопа режиссера (мнимое пространство–время) в пространственно-пластической системе спектакля; 7) закономерности согласования внешней и внутренней формы в пространственно-пластической системе; 8) принципы взаимодействия пространственно-пластической системы и хронотопа актера; 9) синергия перехода пространственно-пластической системы в хронотоп зрителя.

Точкой согласования всей многоуровневой структуры является пространственно-пластическая система театрального произведения, представляющая собой систему художественных средств организации хронотопа.

2. В процессе эволюции театр формировался из синкретической целостности ритуала посредством появления пространственно-пластической системы, которая выделила из сообщества участвующих в ритуальной деятельности актера и зрителя и определила их хронотопы, а также внутренне структурировала театральное произведение и сделала его созерцаемым извне.

Взаимодействие составляющих театра «актер–пространственно-пластическая система–зритель», выделившихся из лона ритуальной деятельности, является определяющим во всех типах хронотопов театра. Способы данного взаимодействия и виды соотношения элементов структуры позволяют охарактеризовать тип хронотопа и определить направление вектора эволюции театра.

Предпринятый краткий исторический экскурс раскрывает логику организации хронотопа сценического произведения в классическом театре как относительно само-

стоятельное существование каждого из элементов структуры. Классический театр в своем развитии прошел ряд этапов в корреляции с художественной картиной мира соответствующей эпохи и параметрами ее хронотопа. Завершением этого этапа является творчество К. Станиславского, хронотоп которого резонирует со всеми уровнями хронотопа классического театра, за исключением одного – взаимодействия актера с пространственно-пластической системой. К. Станиславский переносит акцент на усиленное взаимодействие между двумя данными элементами триады, «закрывая» спектакль «четвертой стеной», оставляя самостоятельным третий (зрителя). Принципы данного взаимодействия репрезентируют хронотоп режиссера через характеристику собственно пространственно-пластической системы, которая принимает иной, чем во всем предыдущем этапе, вид.

На рубеже XIX–XX вв. вектор эволюции сценического искусства устремляется по пути неклассического театра, на котором реформаторы сценического искусства концентрируют творческий поиск в пределах экспериментов с пространственно-пластической системой, выявляя обратную зависимость сценической площадки и времени спектакля от сценического языка произведения, а затем и свойства его внутренней структуры как собственно художественное пространство–время.

Режиссерские эксперименты в неклассическом, модернистском театре указывают на трансформацию соотношений элементов в триаде «актер–пространственно-пластическая система–зритель». Акцент переносится на самое пространственно-пластическую систему, и актер переводится из относительно самостоятельного положения в полное подчинение пространственно-пластической системе на правах одного из ее элементов. Данное образование развернуто на зрителя и апеллирует к его сознанию. Завершением этого этапа является творчество Б. Брехта, хронотоп которого резонирует с хронотопами реформаторов театра, за исключением одного – взаимодействия пространственно-пластической системы с актером. Б. Брехт вводит в пространственно-пластическую систему ту часть хронотопа актера, которая во всех прежних театральных хронотопах оставалась невостребованной и в спектакле не использовалась. Таким образом, у Б. Брехта наличествуют в рамках пространственно-пластической системы и модель-образ и незанятое моделью-образом пространство–время актера, включающиеся в течение спектакля попеременно. В результате хронотоп может быть атрибутирован как гетерогенный, неоднородный, состоящий из двух хронотопов: пространства–времени классического театра и пространства–времени неклассического, модернистского театра. Пространственно-пластическая система в произведениях Б. Брехта выстроена с помощью монтажа этих хронотопов. Зритель включен в данную модель на правах «молчаливого собеседника», который не со-чувствием, а со-знанием оценивает происходящее на сцене.

Через хронотоп Б. Брехта вектор эволюции театрального искусства движется к постнеклассическому, постмодернистскому произведению, в котором трансформация хронотопа идет от акцента на актере и акцента на пространственно-пластической системе к акценту на зрителе. В связи с экспериментами Б. Брехта появляется возможность полного отделения актерского пространства–времени, не занятого моделью-образом, от модели-образа и возможность интенции актерского сознания на самое пространственно-пластическую систему, которая становится тождественной хронотопу актера вне модели-образа.

Здесь хронотоп режиссера как мнимое пространство–время напрямую встречается с хронотопом актера. Конечный смысл произведения переносится в сознание зрителя,

хронотоп которого «поглощает» пространственно-пластическую систему постнеклассического спектакля, т.к. зритель превращается в со-автора произведения. Таким образом, происходит встреча всех трех хронотопов – режиссера, актера и зрителя в слиянии мнимых время–пространств. Эволюция театра завершается, он *как бы* возвращается в начальную точку, в ритуал. Следующий этап развития предполагается на новом витке.

3. Исходя из подобного осмысления движения вектора эволюции театра, выстраивается периодическая система хронотопов, основанием которой является сопоставление художественной и мировоззренческой картин мира на следующих уровнях структуры хронотопа: осмысление построения пространства сцены и времени действия; взаимозависимость формы произведения и типа сценической площадки; внешние и внутренние взаимосвязи структур сценического произведения.

Данное основание позволило выявить шесть типов хронотопа классического, неклассического и постнеклассического театра: 1) космологический; 2) спиритуальный; 3) антропоцентрический; 4) рационалистический; 5) модернистский; 6) постмодернистский.

4. Понимание театрального произведения как сложной многоуровневой структуры возникает в связи с появлением режиссерских сценических моделей, которые в XX веке создают поле целостностей различного вида. Данный этап развития театрального искусства представляет собой точку бифуркации, в которой структуры классического театра распадаются, и возникает неограниченное число вариантов, вероятностей, направлений движения для образования новых структур. В ситуации нелинейности художественного мышления режиссерские хронотопы варьируются от осознания специфических свойств сценического пространства и сценического времени у Э.Г. Крэга и А. Аппиа до интуитивного ощущения возможностей сценического пространства–времени у В. Кандинского; от «наэлектризованного» пространства–времени К. Станиславского до лоскутного, дискретного у В. Мейерхольда; от взаимообратимого и предельно эстетизированного у А. Таирова до «втянутого» во внутренний мир персонажа у Е. Вахтангова; от раздробленно-фрагментарного и превращенного в хаос у футуристов в «Победе над Солнцем» до выплеснутого из внутреннего мира героя во «Владимире Маяковском».

Режиссерский хронотоп может быть представлен в качестве информационного фантома, творческой идеи и концепции. Это – иррациональное пространство–время, параметры которого определимы только в метафорических понятиях, но вполне соотносимых с тем положением в физике, что существующие теории вакуума не проверяемы экспериментально. Понятие физического вакуума соответствует математическому понятию пространства, которое осознается как логически мыслимая форма, структура, определяемая в качестве среды для осуществления любых конструкций и форм. И для предельно рациональной науки, теоретической физики, сегодня свойственно предельно иррациональное представление. Область иррационального предваряет существование реальности: до действительного мира было мнимое время (А. Эйнштейн, С. Хокинг). По аналогии с этим в многоуровневой структуре хронотопа театра режиссерский хронотоп не просто представляет собой один из уровней, он инициирует возникновение всей структуры.

Если актер является носителем и материальной, и художественной субстанции спектакля, то режиссер – только художественной. Режиссер, как и актер, обладает интровертным и экстравертным временем. В первом сегменте происходит зарождение

модели спектакля в целостности его структуры. Экстравертное время режиссера объективизируется в пространственно-пластической системе сценического произведения в совокупности внешней и внутренней формы спектакля. В отличие от актера, который присутствует на сцене как объект, режиссер не имеет физического времени в спектакле. Интровертное время режиссера целиком трансформируется в экстравертное время–пространство пространственно-пластической системы.

Осмысление пространства–времени режиссера представляется возможным косвенным путем, т.е. через параметры сценического произведения. С осознания свойств пространства и времени спектакля на рубеже XIX–XX вв. начинается история режиссерского театра в европейской культуре:

- от экспериментов с реальным пространством сцены к поиску масштабов ее выразительности, от выявления образной потенциальности пространства до определения метрики пространства–времени спектакля в западноевропейском театре;

- от гармонизации всей сценической структуры у К. Станиславского до визуализации каркаса конструкции у В. Мейерхольда;

- от эксперимента с *эстетическими* свойствами конструктивного каркаса у А. Таирова до полной деконструкции у футуристов в «Победе над Солнцем»;

- от выявления внутреннего пространства–времени персонажа у Е. Вахтангова до выявления внутреннего пространства–времени автора во «Владимире Маяковском».

Анализ эксперимента В. Маяковского и позднейших эпических построений Б. Брехта позволяют сделать вывод о сценической визуализации собственно хронотопа человека помимо пространственно-пластической системы. В спектакле «Владимир Маяковский» сам поэт выступает как драматург, как режиссер, как актер-исполнитель главной роли и как персонаж по имени Владимир Маяковский. Он репрезентирует собственное Я сквозь все, что есть на сцене, обнажая, таким образом, не столько процесс развертывания пространственно-пластической системы, сколько процесс ее рождения из ирреальности внутреннего мира. Отсюда – размыкание границы между хронотопом актера и хронотопом режиссера. Б. Брехт с помощью «эффекта очуждения» в сценических условиях раскалывает хронотоп актера, представляя зрителю попеременно то персонаж (модель-образ), то самого актера (его целостный хронотоп), из чего возникает возможность прямого контакта хронотопа зрителя с хронотопом актера как личности.

5. Целостное представление о мнимом пространстве–времени режиссера, о режиссерском хронотопе дается через совокупность художественных средств организации произведения, т.е. через пространственно-пластическую систему спектакля и ее тип.

Тип пространственно-пластической системы зависит от принципов согласования хронотопа актера с самой пространственно-пластической системой театрального произведения и эволюционирует от оппозиции до взаимопроникновения в классическом театре, от поглощения персонажа пространственно-пластической системой до поглощения пространственно-пластической системы персонажем в неклассическом театре, от вычленения актера из пространственно-пластической системы и отделения его от персонажа до поглощения актером пространственно-пластической системы в постнеклассическом театре. Подобная типология позволяет практикам театра осмысливать и воплощать на современной сцене разные по своим свойствам сценические произведе-

ния, осознавая принципиальные различия в организации их хронотопов.

6. Инструментарием режиссера в применении средств организации хронотопа в XX веке становятся монтаж и коллаж. Режиссерские системы XX века обосновали свободное обращение с пространством и временем и актуализировали проблему сборки фрагментов спектакля-конструкции в целостность. В своей художественной практике В. Мейерхольд, А. Таиров, Е. Вахтангов, С. Эйзенштейн развернули потенциал монтажа до метафоры и обобщения: от тонального типа монтажа у К. Станиславского к ритмическому и вертикальному типам у В. Мейерхольда; от органического типа монтажа у А. Таирова к обертоному у Е. Вахтангова. Монтаж акцентирует категорию времени в хронотопе спектакля.

Коллаж отождествляется с моделированием пространства и представляет собой визуализацию контраста в сопоставлении фрагментов хронотопа. Наиболее функционально данная технология проявлена в творчестве футуристов и В. Мейерхольда, использующих в рамках одной пространственно-пластической системы разнородные элементы в виде вставок из сообщений РОСТА, настоящих плакатов и лозунгов, литературной зауми и геометрического «рассечения» человеческих тел с помощью лучей прожекторов и т.п.

Тип монтажа и коллажа диалектически соотносится с типом пространственно-пластической системы, принципом согласования актера с пространственно-пластической системой и хронотопом режиссера: от хронологической сцепки эпизодов у К. Станиславского до синтетического монтажа символических структур у Э.Г. Крэга, от эмоционального монтажа у А. Таирова до разнообразия монтажно-коллажных технологий у В. Мейерхольда; от целиком коллажной структуры у В. Маяковского и в «Победе над Солнцем» до амбивалентной техники коллажа у Б. Брехта.

7. Сценическое произведение дискретно и самоорганизованно благодаря пространственно-пластической системе. Вместе с тем оно является «открытым» в пространстве–время континуальности. С одной стороны, хронотоп спектакля связан с хронотопом режиссера. С другой – с хронотопом актера. С третьей – с хронотопом драматурга. Данные три стороны определяют свойства хронотопа конкретного спектакля. Вместе с тем, спектакль геометрически и мировоззренчески, в главных своих параметрах, предустановлен картиной мира эпохи, будучи «открытым» в нее. Все четыре позиции являются вводными опорными параметрами.

Осуществленный спектакль «открыт» и на своем результате, т.е. в сторону зрителя. И в данном направлении рассматриваемая пространственно-пластическая система оказывается в зазоре между хронотопом зрителя *до* спектакля и его же хронотопом *после* спектакля. Таким образом, из континуальности четырех вводных выделяется дискретность самого произведения, которая снова поглощается континуальностью на выходе структуры. При этом информационный фантом вводных, развернутый пространственно-пластической системой, вновь сворачивается и уходит во внутренний мир зрителя. Как при создании, так и при декодировке произведения хронотоп создателей и реципиентов духовно изменяется. Катарсис понимается нами как высшая цель хронотопа театрального произведения. А механизм катарсиса – как скачок хронотопа спектакля на новый уровень в момент развоплощения пространственно-пластической системы в сознании зрителя. Это – момент, точечный акт передачи изначального импульса

от создателей через пространственно-пластическую систему к зрителю.

Данное исследование имеет и **практическое значение** в условиях нового этапа развития белорусского театрального мышления, т.к. современный белорусский театр активно вписывается в европейский контекст благодаря участию в международных фестивалях, а белорусская театральная критика активно входит в мировой процесс исследований художественного творчества.

Л и т е р а т у р а

1. Хлебников, В.В. Голова вселенной, или время в пространстве / В.В. Хлебников // Центральный гос. архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). – Ф. 665. – Оп. 1. – Д. 32.
2. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234–407.
3. Концепции современного естествознания : учеб. пособие / М-во общего и профес. образ. РФ; под ред. С.И. Самыгина. – Ростов н/Д, 1999.
4. Хокинг, Стивен. От большого взрыва до черных дыр: Краткая философия времени / Стивен Хокинг. – М.: Мир, 1990.
5. Пригожин, И.И. Время, структура и флуктуации / И.И. Пригожин // Успехи физических наук. – М.: Наука, 1980. – Вып 2. – С. 185–207.
6. Иванов, В.В. Современная наука и театр / В.В. Иванов // Театр. – 1977. – № 8. – С. 97–107.
7. Брук, Питер. Пустое пространство / Питер Брук. – М.: Прогресс, 1976.
8. Мостепаненко, А.М. Проблема существования в физике и космологии : Мировоззренческие и методологические аспекты / А.М. Мостепаненко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
9. Гротовский, Ежи. Оголенный актер / Ежи Гротовский // Актер в современном театре: сб. науч. ст. / ЛГИТМиК; ред.-сост. Т.В. Москвина. – Л., 1989. – С. 128–136.
10. Котович, Т.В. Пространство актера / Т.В. Котович // Веснік ВДУ. – 2002. – № 3. – С. 104–112.
11. Котович, Т.В. Театральное произведение: структуро- и формообразование / Т.В. Котович // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – Витебск, 2002. – Т. 1. – С. 139–155.
12. Котович, Т.В. Система спектакля: пространство–время зрителя / Т.В. Котович // Веснік ВДУ. – 2003. – № 1. – С. 90–96.
13. Котович, Т.В. Театр и ритуал / Т.В. Котович // Веснік ВДУ. – 2004. – № 2. – С. 91–96.
14. Катовіч, Т.В. Рэальнасць тэатральнага твора: прасторава-пластычная структура спектакля / Т.В. Катовіч // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 2005. – № 1. – С. 157–162.
15. Котович, Т.В. Диалогический крест: Пространство–время театра / Т.В. Котович // III-и Бахтинские чтения : материалы Междунар. науч. конф., Витебск, 23–25 июня 1998 г. / ВГУ им. П.М. Машерова; под ред. Н.А. Панькова. – Витебск, 1998. – С. 129–142.
16. Эйзенштейн, С.М. Режиссура. Искусство мизансцены / С.М. Эйзенштейн // Избр. произв.: в 6 т. – М., 1966. – Т. 4. – С. 13–672.
17. Лолаев, Т.П. О «механизме» течения времени / Т.П. Лолаев // Вопросы философии. – 1996. – № 1. – С. 51–56.
18. Выготский, Л.С. Развитие высших психических функций / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во Академии пед. наук СССР, 1960.
19. Малявин, В.В. Театр Востока Антонена Арто / В.В. Малявин // Восток–Запад: Исследования. Переводы. Публикации / АН СССР; под ред. М.Л. Гаспарова. – М., 1985. – С. 213–245.

Поступило 14.03.2008

УДК 111:930.1

Смена теорий в развивающейся науке: противоборство традиций и новаций

М.А. Слемнев

*Рассмотрен противоречивый характер смены теорий в контексте противоборства традиций и новаций на переходных этапах развития науки. Раскрыты идеологические, психологические и гносеологические истоки научного консерватизма. Проанализированы природа и виды *ad hoc* гипотез как распространенного средства защиты обнаруживших свой относительный характер научных воззрений. Показана эвристическая роль эстетических начал и философских принципов в выдвижении новаторских идей в науке. Обсуждены перспективы синтезирования различных теорий современной физики в рамках единого концептуального подхода.*

Теория (не только естественнонаучная, но и социогуманитарная) является самой развитой формой организации научного знания, дающей целостное, системно-понятийное представление о закономерностях и существенных связях изучаемых объектов. Какими бы, однако, глубокими и полными ни были научные теории, они лишь приблизительно соответствуют изучаемой предметной области и никогда не исчерпывают ее до конца. Поэтому с поступлением новых эмпирических данных, совершенствованием логико-методологических средств созданные ранее системы теоретического знания подвергаются различным преобразованиям и рано или поздно теряют свой первоначальный вид.

Изменения, которые претерпевает теория в своем развитии, бывают двоякого рода: экстенсивные и интенсивные. Экстенсивное, эволюционное развитие знания обычно совершается в рамках исходных фундаментальных принципов и понятий соответствующей теоретической схемы (дескриптивное упрощение переносимой информации, оптимизация теории, изменение формы уравнений и т.п.). Так, в процессе эволюционного развития механика Ньютона была вначале видоизменена Л. Эйлером, а затем превращена в механику Ж. Лагранжа и У. Гамильтона. Уравнения электромагнитного поля Максвелла подверглись модернизации в работах Герца и Хевисайда, а затем электродинамика была изложена на основе векторного анализа. Подобную трансформацию претерпели квантовая механика, специальная (СТО) и общая (ОТО) теория относительности, релятивистская космология. Не составляют в этом плане исключения и такие современные научные направления, как кибернетика, теория информации, общая теория систем, генетика. Их экстенсивное развитие при расширении границ предметной области приводит к образованию новых теоретических разделов и концептуальных отпочкований. Каждое из них представляет относительно самостоятельную дисциплину со своими логико-методологическими средствами, но все они духовно родственны, поскольку объединены в рамках основных понятий и принципов исходной фундаментальной схемы.

Важнейшая закономерность научного прогресса состоит в том, что любая конкретная теоретическая система в процессе плавного, экстенсивного развития рано или поздно наталкивается на границы своей применимости. С онтологической точки зрения, обнаружение предела «редукционистской экспансии» научной теории означает встречу познания с такими качественно новыми явлениями, сущность которых не может быть выражена старыми концептуальными средствами. Для теоретического осмысления этих явлений исследователю необходимо освободиться от многих устоявшихся, общепринятых взглядов и представлений. Он должен посмотреть на окружающий мир как бы в первый раз. В итоге экстенсивные изменения теории завершаются интенсивными, в процессе которых происходит коренное преобразование понятийного аппарата науки, методов исследования, сложившегося стиля мышления и др. Яркие примеры: смена геоцентрического учения в астрономии гелиоцентрическим, построение Лавуазье теории горения в химии, крушение идеи теплорода и открытие закона сохранения и превращения энергии в физике, открытие Д.И. Менделеевым периодического закона и системы химических элементов, коренное преобразование естествознания на рубеже XIX–XX вв. и др. Есть все основания предположить, что проникновение познания на новые глубинные уровни организации живой и неживой материи, обнаружение удивительных явлений в сфере психического, новые данные о поведении элементарных частиц в мощных гравитационных полях, загадочные факты из области астрофизики, достижения генетики и информационных технологий, успехи в клонировании живого знаменуют собой начало новой грандиозной научной революции, которая сопряжена с движением суперрадикальных идей.

В частности, важным шагом на пути возможного синтеза существующих физических теорий явилось создание обобщенной модели электромагнитного и слабого взаимодействия, сформулированной в 60-х годах XX века Ш. Глэшоу, С. Вайнбергом и А. Саламом. Это позволило объяснить электромагнитное и слабое взаимодействие с единой точки зрения и свести все многообразие элементарных частиц к двум видам: лептонам и кваркам. Сегодня предпринимаются достаточно успешные попытки включить в разработанную теоретическую схему и сильное взаимодействие (т.н. теория «великого объединения» – ТВО). Более того, физики приблизились к объединению всех четырех известных типов взаимодействия (электромагнитного, гравитационного, сильного и слабого) на базе идеи супергравитации. В итоге появляется возможность связать два больших класса элементарных частиц – фермионов и бозонов. Заслуживает также внимания унификация физического знания, связанная с т.н. «струнным» подходом. Предложенная в 1985 году Дж. Шварцем и М. Грином идея о представлении элементарных частиц в виде особых протяженных сущностей – струнах расценивается многими физиками как перспективное направление по конструированию «теории всего» (всех физических взаимодействий) – ТОЕ [1, с. 104–105].

Этап перехода от экстенсивного развития к интенсивному подчиняется ряду специфических закономерностей. Первое, что легко обнаруживается при исследовании процесса смены научных теорий, – упорная защита отживающих взглядов и представлений определенным научным сообществом и принципиальное неприятие им радикально новых идей. Можно упомянуть долговременное искусственное приспособление

гелиоцентрической системы мира Птолемея к новым эмпирическим фактам, попытки В. Вебера, К. Неймана, Г. Гельмгольца расширить границы применимости теории электрических и магнитных явлений Ампера с помощью введения в нее новых дополнительных предположений, усилия У. Лаверье и Ньюкома по «спасению» теории гравитации Ньютона при обнаружении аномалий в движении Меркурия, Марса, Венеры, активную борьбу многих известных ученых XX в. с основополагающими идеями квантовой и релятивистской физики, кибернетики, генетики, синергетики и др.

Подобный научный консерватизм обусловлен многими причинами. Свою роль в искусственном удержании старых и опровержении новых теоретических взглядов играют факторы социального характера. Они вступают в силу прежде всего в тех случаях, когда в орбиту конкурентной борьбы втягиваются теории из области общественных наук. Для обоснования своего политического интереса господствующая идеология вынуждена прибегать к изощренным средствам теоретической защиты явно не соответствующих действительности философских, политических, экономических, этических и прочих учений. Причем в случае необходимости осуществляется сознательное консервирование заблуждений в области естественных наук, если это только выгодно, допустим, по религиозным или иным идеологическим соображениям.

При выявлении причин противоборства устаревших в науке взглядов с радикально новыми идеями нельзя упускать из виду и психологические факторы. Процесс выдвижения идей, революционизирующих науку, имеет характерную особенность. Она состоит в том, что эти идеи не выводятся логическим путем ни из имеющегося эмпирического материала, ни из системы существующего теоретического знания. Их появление в науке во многом обязано своеобразным «интеллектуальным мутациям». Поэтому информация, которую переносят такие идеи, обладает обычно большой новизной, а ее сообщение всегда неожиданно. В силу данного обстоятельства радикально новые теоретические представления имеют необычайно высокую степень гносеологической сложности. Она создает внушительный психологический барьер, переход через который возможен лишь при условии преодоления укоренившихся в сознании традиционных взглядов.

Всеобщему признанию радикально новых идей нередко мешает и то, что они в момент своего зарождения еще не выступают в «чистом» виде, отягощены множеством частных, несущественных деталей. Это, естественно, создает дополнительные трудности для их всеобщего признания, служит серьезным стимулом для поиска средств адаптации привычных представлений к противоречащим им фактам.

Объяснять, однако, стремление ученых «примирить» новые научные данные с традиционными теоретическими схемами только факторами социального и психологического характера недостаточно. Более веские препятствия революционному обновлению теорий имеют, на наш взгляд, ярко выраженную гносеологическую окраску. Они порождены гибкой диалектической взаимосвязью эмпирического и теоретического уровней знания и в итоге сводятся к трудностям выявления пределов экстенсивных возможностей господствующих в науке теоретических представлений [2].

На первый взгляд вопрос будто бы решается весьма просто. В случае поступления эмпирической информации, которая не укладывается в старые концептуальные

схемы, от последних следует решительно отказаться и приступить к конструированию качественно новых теоретических систем знания. На подобных позициях, например, стоят сторонники «принципа фальсификации» в его радикальной трактовке.

Роль эмпирических данных в обосновании несостоятельности теоретических представлений, безусловно, огромна. История науки знает немало случаев, когда именно «решающие эксперименты» наносили последний удар по укоренившимся взглядам и представлениям теоретического характера. Но логическая реконструкция известных науке переходных ситуаций позволяет убедиться в том, что смена фундаментальных теоретических схем всегда происходит гораздо напряженнее, чем в представлении «фальсификационизма».

Обнаружив расхождение новых эмпирических данных с существующей теоретической системой, ученые, как правило, не спешат тут же освободиться от нее. Прежде чем прибегнуть к новому способу теоретического объяснения, они стремятся исчерпать до конца все возможности старого, уже проверившего и утвердившего себя. «Раз мы не можем быть уверены, что та или иная концепция окончательно и бесповоротно фальсифицирована, то в таком случае разумно проявлять упорство» [3, с. 104].

И эти действия можно признать оправданными хотя бы потому, что противоречие теоретического знания эмпирической информации очень часто оказывается свидетельством ограниченности не проверяемой теории, а наоборот, опытных данных. Это как раз тот случай, когда можно сказать, что если факты противоречат теории, то это хуже для фактов, а не для теории.

Факты науки выступают как описание, концептуализированное представление конкретных, индивидуализированных сторон материального мира. Пробразом научных фактов в объективной реальности могут служить единичные явления, случаи, события, действия, связи, которые называют фактами действительности. Факты действительности следует считать той объективной основой, которую отражают научные факты [4, с. 281–284; 5, с. 386]. Для предотвращения терминологической путаницы факт как объективно существующее событие, явление или вещь иногда обозначают «факт₁», а концептуальное выражение «факта₁» на некотором языке – «факт₂».

Известно, что научному факту, как никакой другой форме знания, присущи черты безусловной достоверности, абсолютной истинности. Именно данная особенность факта науки делает его «упрямой вещью», гораздо более стабильным, устойчивым, чем теоретические конструкции. Если последнее время от времени претерпевают коренные, буквально революционные изменения, то научные факты обычно лишь «выстраиваются» друг за другом. Их изменение выражается в появлении новых компонентов в содержании того или иного научного факта по сравнению с его историческим «предшественником», относящимся к той же предметной области.

Огромное значение для придания научному факту статуса безусловности имеет многократное наблюдение и экспериментирование над исследуемыми явлениями с последующей статистической обработкой полученных результатов. В ряде случаев научные факты могут устанавливаться и на основе однократных наблюдений или экспериментов. Это, в частности, бывает тогда, когда повторные эмпирические исследования по той или иной причине неосуществимы, или когда можно довольствоваться невысо-

кой точностью наблюдения. Но чем выше требование к точности и объективности научного факта, тем большее число опытных данных следует получить, тем необходимее их рандомизация (отбор наугад, без пристрастия), выполнение условия представительности и др. Факты развитой науки всегда выступают как усредненный итог громадного множества различных наблюдений и экспериментов. Росту безусловности эмпирических фактов в современном познании способствует постепенная автоматизация отдельных звеньев научного эксперимента, обработка результатов наблюдений на ЭВМ, повышение точности измерений, планирование всей экспериментально-измерительной деятельности.

Признавая, однако, наличие моментов безусловного, абсолютного в научном факте, было бы ошибочным считать, что он всегда устанавливает нечто существующее таким, каким оно есть на самом деле, без всяких субъективных и внешних прибавлений. Научный факт (факт₂) представляет идеальный образ внешнего мира. И, как во всяком гносеологическом образе, в нем наряду с абсолютным, безусловным, можно отыскать и моменты относительного, условного.

Условность фактов науки в смысле приблизительного воспроизведения в них реальных сторон действительности в первую очередь связана с тем, что, формируя научный факт, мы вынуждены расчленять природу на отдельные составляющие. По причине своей дискретности факты науки обычно поставляют информацию либо о существовании какого-то конкретного предмета, либо наличию у него определенного свойства, либо фиксируют отношение, в которое вступает единичный предмет с другими предметами. Поскольку в реальном мире предметы, их свойства всегда существуют в неразрывной связи друг с другом, то естественно, что каждый отдельный факт представляет весьма огрубленную копию «живого» целого.

Реальность отраженных в научном факте событий, полнота характеристик изучаемого явления, точность их фиксирования не могут рассматриваться как нечто абсолютно безусловное по той причине, что научные факты всегда прямо или косвенно связаны с соответствующими представлениями теоретического характера. Теоретическая нагруженность экспериментального поиска приводит по меньшей мере к следующим важным последствиям.

Нередко бывает так, что под влиянием исходных теоретических установок многие реально существующие события, процессы объявляются фикцией, мифом, иллюзией. Например, сторонники Галилея в соответствии с теологическим мировоззрением решительно отказывались признать объективную данность таких открытых при помощи телескопа астрономических фактов, как наличие гор и впадин на Луне, пятен на Солнце, спутников у Юпитера и др.

Включение ряда теоретических установок в структуру эмпирического познания зачастую приводит и к тому, что исследователи могут «наблюдать» явления, которых в действительности нет. Здесь уместно вспомнить мнимое «открытие» Р. Блондло и Р. Вудом таинственных х-лучей, «обнаружение» в 1927 году с помощью прибора Эллисона новых химических элементов на основе не существующего в действительности эффекта запаздывания светового луча, связанного с поворотом плоскости поляризации при включении магнитного поля в прозрачных растворах и др.

Наконец, теоретическая избирательность эмпирических исследований очень часто оборачивается и тем, что не попадающие в «концептуальную сеть» экспериментатора свойства, связи и отношения познаваемой предметной области либо просто не замечаются, либо расцениваются как ничего не значащие для изучаемого объекта. Так, повторяя опыт Ф. Гримальди по дифракции света, Ньютон не обратил внимания на наличие дифракционных полос в области центральной тени, которые не вписывались в развиваемую им корпускулярную теорию света, Д. Пристли получил кислород в результате нагревания красной окиси ртути. Но ни он, ни другие химики не смогли на основании полученных результатов установить новый научный факт – существование неизвестного ранее газа. Этому мешала поддерживаемая ими теория флогистона.

Для превращения реальных явлений природы в принципиально новый, ранее неизвестный факт требуется особое теоретическое видение окружающего мира, неудовлетворенность исследователя прежними интерпретациями экспериментальных данных. Только в таких условиях «великий немой», которым является любой факт самой действительности как объективно данное явление, может заговорить, превратиться в научный факт.

Научные факты нельзя считать суверенными и беспристрастными не только по отношению к теоретическим построениям, принимающим участие в процессе придания событиям действительности функций научных фактов посредством их соответствующей интерпретации. На самом деле факты науки утрачивают свою нейтральность и по отношению к основному теоретическому знанию, которое проверяется на основании этих фактов. Причина подобного переплетения эмпирических и теоретических элементов коренится в том, что для согласования теории с соответствующим фактом последний необходимо переформулировать на языке данной теории. Операция же переформулировки не представляет собой чисто лингвистическую процедуру, а включает в себя концептуализацию эмпирического материала в свете проверяемой теории.

Переходящая от теоретических конструкций к научным фактам условность в виде незавершенности, приблизительности, неполноты соответствующего знания носит, однако, исторически временный характер и постепенно преодолевается по мере совершенствования материально-практической базы и всего концептуального аппарата наук.

Одна из наиболее распространенных причин расхождения опытных фактов и научной теории – некорректная постановка эксперимента. Обычно это обусловлено тем, что при проведении эмпирических исследований и последующей обработке полученных данных не учитываются принципиально важные элементы познаваемого объекта. Так, в свое время Адамс и независимо от него Леверье при наблюдении за планетой Уран обнаружили «возмущение» в ее движении. Оно выразилось в отклонении орбиты планеты от пути, предписанного ей законами классической механики. Казалось бы, лицо обычная революционная ситуация в науке и необходимо приступить к решительному пересмотру законов Ньютона. Но Адамс и Леверье не усомнились в справедливости системы небесной механики, не отбросили ее на основании обнаруженного противоречия эмпирии и теории, а попытались дать объяснение обнаруженной аномалии старыми концептуальными средствами. Для этого, как известно, они выдвинули смелое предположение о существовании на определенном расстоянии от Урана новой планеты,

которая и создает видимость нарушения законов небесной механики. Вскоре их гипотеза была практически подтверждена Галле.

Противоречие эмпирического материала теоретическим представлениям может быть также вызвано несовершенством экспериментальной техники, большими погрешностями измерений. Нередко бывает, что грубо поставленный эксперимент не только «опровергает» верные идеи, но и «подтверждает» научные заблуждения.

Так произошло, например, при проверке формул, связывающих массу движущегося электрона с его скоростью. Одна из них была выведена Лоренцем и Эйнштейном, другая – Абрагамом из различных, но логически непротиворечивых исходных допущений.

Применив для проверки данных формул метод парабол, с помощью которого нельзя было подметить тонкие изменения массы с изменением скорости, Кауфман получил результаты, хорошо согласующиеся с формулой Абрагама и расходящиеся с формулой Лоренца-Эйнштейна.

Это, однако, не смутило Эйнштейна. С самого начала он был уверен в надежности релятивистских принципов и фиктивном характере идей Абрагама. Но эмпирически обосновать это удалось только в 1938 г., когда масса и скорость электрона были определены более точными методами. Новые эксперименты дали результаты, превосходно согласующиеся с идеями релятивистской физики и не соответствующие концепции Абрагама.

Существенное расхождение опытных данных с теорией может оказаться иллюзорным, кажущейся аномалией и по той причине, что теория и эксперимент, так сказать, никогда не сталкиваются лицом к лицу. Между ними имеется множество концептуальных посредников: сложный «интертеоретический фон», правила соответствия, связывающие наблюдаемые и ненаблюдаемые величины, теоретические представления, которые использовались при построении лабораторной установки, и пр. И если какое-то из этих звеньев оказывается некорректным, то расхождение опытных данных и испытываемой теории еще не означает несостоятельности последней.

Мы обратили внимание на ситуации, когда несоответствие новых эмпирических фактов сложившейся теории является ложным сигналом для ее пересмотра. Но если даже обнаружится, что экспериментальные данные действительно противоречат проверяемой теории, то и в этом случае отказ от устоявшихся в науке воззрений принципиального характера, коренная ломка старого знания могут оказаться совершенно несостоятельными. Если новые факты вступают в противоречие с уже имеющейся теорией, то это еще не свидетельствует о ее негодности, поскольку не исключено, что данная теория нуждается лишь в некоторых отдельных уточнениях.

В частности, при встрече с необычным явлением, которое «не влезает» в старую теоретическую систему, бывает достаточно произвести незначительную корректировку логических основ прежнего знания и соответствие теории с опытом тут же восстанавливается. Так, например, поступил П. Дирак, когда физика столкнулась со странным выводом о наличии у электрона состояния с отрицательной энергией. Обнаруженный факт никак не вписывался в прежние теоретические представления и, казалось бы, свидетельствовал о необходимости решительной перестройки имеющейся теории электрона. Но П. Дирак выбрал совершенно иной путь и на первый взгляд пошел на чисто

«конвенционалистскую» уловку. Для объяснения всего лишь одного нового факта он ввел в теорию электрона дополнительную гипотезу. Суть ее в том, что все состояния с отрицательной энергией считаются уже заполненными, а поэтому переход электронов в них запрещен согласно принципу Паули. Дальнейшее развитие физики показало, что предложение П. Дирака не обычный умозрительный трюк, придуманный для спасения неполноценной теории, а конкретная физическая гипотеза, доступная проверке на опыте. Эта гипотеза, например, предсказывала существование позитронов, что вскоре было подтверждено наблюдениями над космическими лучами.

Развитие теоретической системы посредством введения дополнительных предположений частного характера для ассимиляции нового экспериментального материала можно наглядно проиллюстрировать и на примере эволюции модели атома Бора. Чтобы объяснить вновь открываемые спектральные серии на основании данной модели, вначале были сделаны допущения о вращении электрона вокруг общего центра притяжения системы. Затем Зоммерфельд ввел релятивистские поправки, а Паули дополнил модель атома Бора «правилами запрета». Постепенное «растягивание» исходных принципов и понятий свойственно также современному состоянию релятивистской и квантовой физики, астрофизики, теоретической биологии и др.

Таким образом, сознательное приспособление старых теоретических воззрений к новым познавательным условиям очень часто оказывается оправданным и может быть расценено как своеобразный «здоровый научный консерватизм». Корректировка исходных принципов и понятий научной теории, введение дополнительных предположений частного характера, видоизменение математического аппарата, в конечном счете, представляют необходимую ступень в развитии знания. Ведь вновь созданная теоретическая схема не может возникнуть сразу в наиболее адекватной переносимому содержанию форме. Для доведения научной теории до оптимального состояния, придания ей совершенной логической структуры требуется определенное время.

Отмечая правомерность развития научной теории при помощи осторожной модификации ее понятийного аппарата, дополнения логических основ в момент встречи с аномальными фактами новыми предположениями, нельзя не видеть и тех опасностей, которые подстерегают исследователя при трансформации знания подобным способом. Любая научная теория, какого бы высокого уровня логической зрелости она ни достигла, имеет ограниченную сферу действия. Поэтому рано или поздно она встречается с такими явлениями, дать адекватное объяснение которым в рамках исходной теоретической фундаментальной схемы не представляется возможным.

Единственно правильный выход в такой познавательной ситуации – решительный отказ от некоторых принципиальных положений старой научной теории и выдвижение радикально новых гипотетических предположений. Однако на практике, как мы видели, обычно случается так, что группа ученых в силу психологических или социальных причин продолжает приспособлять отработанную теоретическую систему к выпавшей из сферы ее компетентности предметной области. Решить данную задачу с формальной точки зрения не так уже и трудно, ибо, как остроумно заметил Н. Бор, если хорошо потрудиться, то любую теорию можно привести в согласие с любыми фактами. В данной связи интересный пример приводит Б. Рассел. Пусть некто за свою жизнь вы-

звал такси n раз. На первый вызов пришла машина с номером N_1 , на второй – N_2 , на третий – N_3 и т.д. Получается два конечных ряда чисел: $n_1, n_2, \dots, n$ и $N_1, N_2, \dots, N$. Никакой естественной зависимости между ними нет. Но волей математика эти ряды можно связать друг с другом функцией $N=f(n)$. Если вызвать такси в $n+1$ раз, то вероятнее всего вычисленный номер и номер прибывшего такси не совпадут. Тогда формула слегка подправляется и между новыми рядами чисел устанавливается новое математическое соответствие. Новый вызов – следует новая коррекция.

Удобную модель для иллюстрации особенностей защиты отживающих воззрений в науке представляет, например, переходный период физики, связанный с крушением классической теории излучения и становлением идей квантовой механики. Для объяснения закономерностей излучения абсолютно черного тела в рамках классических представлений о равномерном распределении энергии по степеням свободы Дж. Рэлей предложил формулу, в которой устанавливалась зависимость между энергией излучения, частотой и температурой. Из этой формулы следовал вывод о том, что вся энергия в спектре абсолютно черного тела должна сосредоточиться в области ультрафиолетового излучения. Экспериментальные же данные указывали на существование ярко выраженного максимума в зависимости энергии от частоты излучения.

Позже выяснилось, что для получения адекватного способа теоретического объяснения необходимо было отказаться от классического принципа равномерного распределения энергии. Это и сделал Планк, введя в физическую науку новую идею о квантах действия. Однако многие физики продолжали упорно модифицировать воззрения Дж. Рэрея. В частности, для их спасения Дж. Джинс выдвинул совершенно искусственную гипотезу о том, что наблюдаемое расхождение теории и опыта вызвано неравномерностью излучения энергии в полости абсолютно черного тела. Он предложил, что непрерывное превращение внутренней энергии здесь происходит чрезвычайно медленно и поэтому вновь образующееся излучение успевает уйти через стенки. В конечном итоге несостоятельность сделанного допущения была доказана, но временно теория Дж. Рэрея была спасена.

Аналогичная ситуация возникла и при создании специальной теории относительности (СТО). К концу XIX века стало очевидным, что если пользоваться известными преобразованиями Галилея, то форма основных уравнений электродинамики не сохраняется при переходе от одной инерциальной системы отсчета к другой. Для разрешения возникших трудностей создатель теории электронов Г. Лоренц предложил пользоваться новыми преобразованиями пространственных координат и времени. Но он был убежден в существовании абсолютного пространства и времени. Поэтому трактовал вывод об изменчивости пространственных и временных интервалов в разных системах отсчета как условную математическую процедуру, лишенную онтологического статуса. Для устранения возникших противоречий ему пришлось вводить дополнительные постулаты. Лоренц предположил, что при движении физической лаборатории линейки сокращаются, а часы замедляют свой ход под воздействием эфира, который заполняет абсолютное пространство. В таком же духе давалось и объяснение знаменитого опыта Майкельсона. Лоренц защищал идею существования эфира с помощью выдвинутой гипотезы об изменении топологических и темпоральных характеристик как следствие трения движущихся физических систем об эфир.

Искусственная «подгонка» теоретических систем к противоречащему им эмпирическому материалу, проиллюстрированная на примере «спасения» идей Дж. Рэлея и Лоренца, получила название метода *ad hoc* гипотез (*ad hoc* – для данного случая). Сущность его в общих чертах сводится к тому, что всякий раз при встрече познания с необычным явлением соответствующая теоретическая система дополняется новым предположением. *Ad hoc* постулаты – это «нечто вроде подпорок, которые поддерживают падающие стены теоретической постройки, когда становится неустойчивым ее фундамент» [5, с. 272].

Допустим, теория T хорошо объясняла факты E ($T \rightarrow E$), но оказалась неспособной ассимилировать факты E . Тогда эта теория дополняется такой гипотезой H_1 , чтобы новая теоретическая схема TH_1 объясняла и факты E , и факты E_1 ($TH_1 \rightarrow EE_1$). Затем обнаруживается новая группа фактов E_2 , которые не укладываются в ранее модернизированную систему TH_1 . Для согласования последней с опытом делается новое допущение H_2 . Полученная система TH_1H_2 объясняет теперь факты E , E_1 и E_2 ($TH_1H_2 \rightarrow EE_1E_2$) и т.д. Как верно заметил Лакатос, при «достаточной находчивости и некоторой удаче можно на протяжении длительного времени «прогрессивно» защищать любую теорию, если даже эта теория ложна» [6, с. 219].

Внешне теоретизация знания методом *ad hoc* напоминает процесс совершенствования научной теории на некоторых этапах ее развития от эмбрионального состояния до зрелой логической формы. Однако если в последнем случае происходит все более полное и точное выражение фундаментальных закономерностей исследуемых фрагментов действительности, то при видоизменении теории способом *ad hoc* достигается лишь видимость научного объяснения явлений. Главная задача *ad hoc* гипотез в конечном счете сводится не к тому, чтобы отыскать объективную истину, а спасти во что бы то ни стало традиционные теоретические воззрения от напора противоречащих им фактов.

При трансформации научного знания данным методом на вводимые допущения налагается, по существу, лишь одно ограничение. *Ad hoc* гипотезы должны ликвидировать логическое несоответствие теории и опыта. В остальном же их продуцирование представляет процесс произвольной творческой деятельности. Именно поэтому изобретенные способом *ad hoc* гипотезы, как правило, носят фиктивный характер, а достигаемое с их помощью эмпирическое подтверждение теории оказывается иллюзорным.

Появление *ad hoc* гипотез в структуре теоретического объяснения свидетельствует о том, что соответствующая система знания вступила в фазу своего вырождения. Дальнейшее приспособление этой системы к новым познавательным условиям заводит научный поиск в тупик. Как заметил Ф. Энгельс, чтобы уберечь «старую традицию от натиска научного мышления», ее защитники «должны искать спасения во всякого рода уловках, в жалких увертках, в затушевывании непримиримых противоречий и тем самым сами попадают в конце концов в такой лабиринт противоречий, из которого для них нет никакого выхода» [7, с. 455].

В состоянии вырождения оказалась, например, классическая рефлекторная теория. Попытки введения в нее дополнительных гипотез продолжаются и до настоящего времени, но они не получают единодушного признания у физиологов, поскольку все

отчетливее обнаруживается, что ее возможности уже исчерпаны. Большого предпочтения заслуживает появившееся под влиянием идей кибернетики и теории информации научное направление «физиология активности», в рамках которого на основании принципиально новых идей удастся естественным путем преодолеть все трудности классической рефлекторной теории.

Бесперспективность развития теоретических систем знания методом *ad hoc* гипотез делает весьма актуальной проблему различения научных и искусственных допущений. Обнаружить ретроспективно причастность вводимых предположений к классу *ad hoc* гипотез обычно не составляет большого труда. Ярким свидетельством фиктивности используемых гипотез является то, что построенные на их основе варианты теоретического объяснения вскоре принимают необычайно уродливые формы и в конечном счете не только приходят в вопиющее противоречие с опытными данными и объективно-истинными теоретическими воззрениями, но и вообще не вписываются в структуру духовной культуры эпохи. Однако уловить начало вступления научной теории в фазу своего вырождения не всегда просто. Для этого надо иметь специальные критерии, которые позволили бы отличить научные предположения от *ad hoc* гипотез не задним числом, а в момент их введения в науку.

Ad hoc гипотезы как продукты гносеологического произвола – объект специального методологического исследования в рамках так называемых «логико-исторических концепций подтверждения», разрабатываемых представителями современного постпозитивизма (К. Поппером, И. Лакатосом, И. Захаром, А. Масгрейвом, Дж. Леплиным и др.). Уже не раз отмечалось, что данным концепциям свойственны описательный характер изложения анализируемой темы, ее отрыв от проблемы объективности знания, множество логических неувязок и др. [8].

Однако, указывая на эти недостатки, все-таки следует признать, что постпозитивизм натолкнулся на ряд характерных признаков *ad hoc* гипотез, которые нуждаются в философской рефлексии.

Заметим вначале, что в западной литературе по логике и методологии науки выделяется несколько разновидностей *ad hoc* гипотез. Их наиболее полную классификацию дал Лакатос. Он расчленяет все *ad hoc* гипотезы на три класса: *ad hoc*₁, *ad hoc*₂ и *ad hoc*₃. *Ad hoc*₁ – те гипотезы, которые не переносят дополнительного эмпирического содержания по сравнению со своими предшественницами; *ad hoc*₂ – имеющие избыточное содержание, принципиально непроверяемое; *ad hoc*₃ – гипотезы, которые не являются частью позитивной эвристики сложившейся научно-исследовательской программы, автономны по отношению к ее основополагающим принципам и понятиям [6, с. 220].

Гипотезами, которые и по своему назначению (теоретическая защита устоявшихся воззрений от напора противоречащих им фактов), и по содержанию (фиктивность, вымысленность) представляют идеи *ad hoc*, являются предположения первого и второго типов. Несмотря на некоторые отличия между ними (*ad hoc*₂ – слегка усложненный вариант *ad hoc*₁), данные гипотезы в целом имеют одинаковые специфические черты. Это их принципиальная непроверяемость, подтверждаемость только теми фактами, которые потребовали видоизменения теории.

Появление отмеченного свойства становится понятным, если *ad hoc* гипотезы сравнить с объективно-истинными, научными предположениями. Для последних характерно не только то, что они ликвидируют возникшие экспериментальные аномалии, но и предсказывают новые эмпирические факты. В данном случае вводимые с целью совершенствования научной теории гипотезы обеспечивают, если воспользоваться терминологией Лакатоса, и теоретический, и эмпирический «прогрессивный сдвиг проблемы». Это значит, что модернизированная концептуальная схема в случае ее научности не только обязана переносить дополнительное теоретическое содержание, но и расширять эмпирический базис, предвосхищать новые экспериментальные данные. Так, если для согласования теории $T \rightarrow E$ с новой группой фактов E_1 понадобилось вводить дополнительную гипотезу H_1 , то вновь созданная теоретическая схема должна не просто объяснять факты EE_1 но и продуцировать ряд новых F, F_1 и т.д. ($TH \rightarrow E, E_1, F, F_1 \dots$) Количество предсказанных фактов может быть самым различным, но в любом случае множество $F \geq 1$.

Для гипотез же *ad hoc* данное множество всегда пустое. Эти гипотезы представляют утверждения нулевой мощности, поскольку нуждающийся в объяснении новый факт выступает как предпосылка самого объяснения. В отличие от научных предположений *ad hoc* гипотезы лишены предсказательной силы и не могут поставлять дополнительную объективно-истинную информацию. Сам же эмпирический рост знания всегда предшествует теоретическому.

Данная особенность *ad hoc* гипотез порождает множество признаков, требующих для своего языкового выражения частицы «не»: неverifiedируемость, непредсказуемость, нефальсифицируемость и т.п. Каждый из этих признаков характеризует одно и то же свойство *ad hoc* гипотезы, но рассматриваемое под разными углами зрения. Неverifiedируемость означает, что гипотеза подтверждается только теми фактами, которые использовались при ее построении; непредсказуемость – что из нее вытекают лишь такие следствия, которые одновременно являются и предпосылочным знанием; нефальсифицируемость – другое название неспособности гипотезы прогнозировать новые факты (если этих фактов нет, тогда теорию нечем опровергать). Наличие подобных негативных характеристик свидетельствует о том, что при продуцировании *ad hoc* гипотез снимается масса гносеологических запретов. Именно в силу данной причины процесс генерирования предположений типа *ad hoc*, по существу, превращается в произвольную творческую деятельность.

Возводя неспособность предсказывать новые факты в ранг специфического признака *ad hoc* гипотезы, следует учитывать, что понятие «новизна» в данном случае выступает в весьма специфическом значении. Если под новыми фактами понимать только те из них, которые были вообще неизвестны до появления выдвинутой идеи, то стирается различие между многими научными и *ad hoc* предположениями. Так, например, результаты опыта Майкельсона-Морли были известны уже до появления СТО и, следовательно, не могли расцениваться как ее независимое подтверждение. В таком же отношении к теории Ньютона находились законы Кеплера, теории Бора – формула Бальмера, ОТО – аномалии в смещениях перигелия Меркурия и др.

Предсказанные конкретной гипотезой факты следует считать новыми, если они не использовались для ее построения, т.е. гипотеза формировалась совершенно независимо от них. А были данные факты уже открытыми или оказались абсолютно новыми во временном аспекте – здесь не имеет никакого значения. Так, допустим, отклонение орбиты Меркурия от эллипса было известно уже до построения ОТО (хотя данное явление и не находило удовлетворительного объяснения). Но общая теория относительности развивалась без всякого внимания к этим специальным проблемам. Заключение о вращении эллипса при движении планеты вокруг Солнца было сделано позднее из новых гравитационных уравнений. Поэтому по отношению к ОТО факт вращения орбиты Меркурия следует классифицировать как новый, как предсказание. Аналогично результаты опыта Майкельсона-Морли будут новыми для СТО, а экспериментальные зависимости Бальмера – для квантовой теории.

Выделенные признаки *ad hoc* гипотез (нулевая мощность, отсутствие предсказательной силы, неverifiedируемость, нефальсифицируемость), как и противоположные им черты продуктивных научных положений, активно обсуждаются в логико-исторических концепциях подтверждения. Но нельзя не заметить, что представители постпозитивизма упорно обходят молчанием вопрос о природе и глубинных истоках взаимоисключающих друг друга высказываний типа *ad hoc* и научных гипотез. И делается это не случайно, так как получить адекватный ответ на него в рамках неопозитивистской методологии невозможно. Для этого необходимо признать наличие объективных закономерностей в развитии знания, содержательной преемственности сменяемых теоретических форм в условиях переходных ситуаций в науке, существование объективной истины и др.

Особое значение для выяснения природы *ad hoc* гипотез и их глубинных отличий от тех научных положений, с помощью которых осуществляется революционный сдвиг знания, имеет трактовка познания как постепенного продвижения по ступеням сущности (от сущности I порядка к сущности II порядка и т.д.). Из данной модели развития познания логически следует вывод о том, что каждый очередной радикальный переворот в соответствующей области знания связан с появлением как более фундаментальных, так и более общих теоретических схем науки. Овладение более глубокой сущностью вещи всегда сопровождается синтезом различных концептуальных систем, объединением их на единой логической основе, своеобразным освобождением науки от «строительных лесов». Любая из частных научных теорий, писал Дж. Максвелл, «может быть достаточно согласованной внутри себя, но прежде чем соединить их воедино, нужно очистить каждую от следов цемента, служившего для предварительного соединения ее частей» [9, с. 174–175]. Обращение к истории науки дает возможность убедиться в том, что коренные повороты в познании всегда завершаются расширением сферы применимости вновь созданных теоретических систем. Так, с появлением релятивистской электродинамики было не только отброшено понятие эфира, но и получена более широкая группа преобразований по сравнению с той, которая лежала в основе максвелловской теории. Классическая электродинамика была инвариантна только относительно трехмерной евклидовой группы и «не работала» при переходе от одной инерциальной системы к другой. Релятивистская электродинамика постулировала рав-

ноправие всех инерциальных систем отсчета и вследствие этого стала инвариантной относительно более широкой группы неоднородных преобразований Г. Лоренца. Подобная картина наблюдалась и при переходе от классической механики к теории тяготения А. Эйнштейна и квантовой механике. Так, появление последней было связано с расширением группы канонических преобразований за счет включения в основы данной теории группы унитарных преобразований. ОТО при помощи фундаментального постулата об эквивалентности полей гравитации и ускорения ликвидировала присущий классической теории недостаток, заключающийся в признании существования преимущественной системы отсчета. Одновременно в основу логической схемы была положена и более широкая группа преобразований, увеличившая степень общности теории.

В конечном счете революционный переворот в науке осуществляют лишь те гипотезы, введение которых в структуру познания связано с установлением новой фундаментальной закономерности с помощью очередного универсального принципа. Именно знание данной закономерности делает создаваемую теорию способной к предсказанию новых эмпирических фактов (ведь сущность имеет множество проявлений), позволяет обеспечивать теоретический «сдвиг» проблемы раньше эмпирического. В то же время раскрытие более глубинных связей действительности дает возможность убедительнее объяснить и все те факты, которые входили в предметную область предшествующей теории. «Новые достижения в науке, даже самые фундаментальные, не разрушают прошлых теорий» [10, с. 105]. Последние входят в даже самые оригинальные, новаторские воззрения теоретического характера как бы в «снятом» виде. Не исключено, что такая судьба ожидает и современную релятивистскую и квантовую физику после кардинального пересмотра сложившихся на их основе темпоральных и топологических представлений [11].

Существенным недостатком «логико-исторических концепций подтверждения» является то, что при испытании создаваемых теоретических систем на наличие у них *ad hoc* гипотез они игнорируют старый эмпирический базис и абсолютизируют роль новых эмпирических фактов (при любом понимании новизны). Значение последних для оценки научности вводимых предположений, безусловно, огромно. Те гипотезы, которые не увеличивают предсказательную силу создаваемой теории, рано или поздно выпадают из структуры знания как бесперспективные. Напротив, если после сделанного допущения эвристическая мощь построенной теории возрастает, то это является важным свидетельством правильности избранного способа объяснения явлений.

Но ориентация на новые факты в процессе разработки критериев *ad hoc* гипотез не должна затемнять существа дела. В принципе новые факты не обладают никакими загадочными чертами, обуславливающими их преимущество перед старыми. Решающее значение имеют не новые факты сами по себе, а рост степени общности теории, который проявляется, в частности, в способности предсказывать и объяснять новые факты. Аналогично и невозможность предсказывать новые факты – не главный, а производный признак *ad hoc* гипотез, следствие содержательной пустоты вводимых допущений, их несоответствия глубинной сущности исследуемой предметной области.

Обрастание защищаемых теоретических воззрений искусственными допущениями является сигналом о необходимости выдвижения радикально новых, нередко «безумных» с точки зрения наличной информации конкретно-научных идей и пред-

ставлений, потребность формирования, как сейчас модно говорить, новых парадигмальных установок, идеалов и норм познавательной деятельности, а зачастую, и коренной перестройки сложившейся научной картины мира.

Особую роль в революционном преобразовании знания начинают играть сторонние, побочные факторы, особенно эстетические и философские. Воздействие эстетических начал на ход теоретического исследования осуществляется различными способами. Прежде всего, эстетическая культура исследователя, свойственный ему художественный вкус, принятая система духовных ценностей содействуют формированию творческой активности мышления, его конструктивной деятельности. Как писал Бор, причина, почему искусство обогащает нас, заключается в его способности напоминать о гармонии, недостижимой для жесткого логико-аналитического рассуждения, предоставлять огромный простор игре фантазии и воображения. Любой творческий акт в своих глубинных истоках имеет определенную эстетическую окраску. Поэтому воспитание способностей к творчеству, в том числе научному, лежит в сфере искусства. Оно стимулирует выработку нестандартных подходов к решению сложных проблем, смелые повороты в развитии мысли, освобождение от груза устарелых традиций.

Расширяя границы свободы воображения на стадии выдвижения гипотез, искусство в то же время регулирует теоретический поиск, способствует выбору наиболее вероятных путей к истине. Обусловлено это главным образом тем, что ученые с развитым художественным вкусом всегда стремятся создать изящные, эстетически совершенные, математически красивые теоретические конструкции. Ощущение красоты в науке обычно возникает в том случае, когда под множество разнородных явлений удается подвести единую теоретическую основу, объяснить их происхождение при помощи минимального количества принципов. Объективными предпосылками подобного эстетического совершенства в конечном счете является соразмерность, гармония, упорядоченность, симметрия, материальное единство самого познавательного мира. Как отмечал выдающийся американский физик Роберт Оппенгеймер, если какое-то теоретическое построение изящно и красиво – это еще не значит, что оно верно. Но при прочих равных условиях (подтверждении опытными данными, наличии преемственности с ранее полученным знанием) оно заслуживает большего доверия, чем другие. Эстетические детерминанты научного творчества представляют собой своеобразное сито, которое пропускает правдоподобные идеи и задерживает заведомо «вздорные». Если бы, заметил известный физик А.И. Китайгородский, в формуле закона всемирного тяготения знаменателем был не квадрат расстояния, а, скажем, расстояние в дробной степени, в числителе не произведение масс, а, к примеру, корень квадратный из суммы масс, то это была бы очень некрасивая, неприятная формула. Она раздражала бы нас с чисто эстетических позиций. Сомнение в ее справедливости возникло бы сразу.

Продуктивность включения эстетических мотивов в научно-исследовательскую деятельность подтверждается всей историей развития научного познания. Так, например, имеющиеся опытные данные непосредственно не наталкивали ученых на создание гелиоцентрической системы мира и специальной теории относительности. Сами по себе они еще ничего не говорили о путях построения новой теории. Огромное значение для появления данных областей знания имела ориентация их создателей – Коперника и Эйн-

штейна – на факторы эстетического характера. Такими мотивами, и весьма успешно, руководствовались и многие другие известные ученые. Нацеленность на получение изящных теоретических форм помогла Джеймсу Максвеллу создать теорию электромагнитного поля, Полю Дираку – получить релятивистскую формулу квантового движения электрона, Л.Д. Ландау – угадать кривую энергетического спектра жидкого гелия и др.

Включение в орбиту научного поиска сложнейших стохастических образований, находящихся в состоянии хаоса, исследование поведения самоорганизующихся и самоорганизующихся объектов в т.н. «точках бифуркации» порождает подчас утверждение об имеющем место крушении классического идеала эстетического совершенства при создании соответствующих систем теоретического знания [12, с. 78–80]. Но с этим вряд ли можно согласиться. В любом хаосе есть свой порядок (И. Пригожин), свои закономерности, присутствует устойчивое в неустойчивом, определенное в неопределенном, а значит есть своя гармония и красота.

Не исключено, что естественным наукам все-таки не удастся обеспечить упоминаемый великий теоретический синтез всех важнейших типов физических взаимодействий, в частности, не оправдает возлагаемых на него ожиданий «струнный» подход. Если победит программа «эффективных» теорий, в соответствии с которой каждый из иерархических уровней организации материи в микромире может быть описан только автономной теорией, не сводимой к другим, то это отнюдь не означает, что принципы эстетического совершенства, простоты и единства знания в постклассической науке потеряли свою эвристическую силу. Смена монофундаментальной парадигмы на полифундаментальную приведет лишь к тому, что «идеалы единства и красоты теоретического описания действительности также приобретут черты полифундаментальности» [1, с. 110]. При этом исследователь, как и прежде, «будет пытаться найти лежащий в основании явлений закон и порядок, наслаждаясь красотой достигнутых обобщений, пусть он и будет осознавать, что его теория имеет ограниченную область применимости» [там же].

Роль эстетических начал в научном познании чрезвычайно велика. Но если говорить о самом главном стороннем регуляторе научно-исследовательской деятельности, то им являются философские позиции ученого, его мировоззренческие установки. Энгельс (которого в последнее время не принято цитировать, а ведь у него есть множество великолепных идей) отмечал, что какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними всегда властвует философия. На словах они могут это отрицать. Но в действительности оказываются в ее полном подчинении. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знании истории науки и ее достижений. Можно привести множество примеров со ссылками на свидетельства творцов нового в науке, которые открыто говорят о мощном эвристическом воздействии философских воззрений Пифагора, Платона, Лейбница, Декарта, Беркли, Канта, Гегеля на появление сделанных ими научных открытий [13, с. 120–159]. До тех пор, пока наука занимается опытными исследованиями и рациональной обработкой полученных данных, влияние философии практически не ощущается. Но как только научный поиск отрывается от предметно-чувственных основ, она начинает активно сопровождать дальнейшее движение мысли.

Способы, которыми передается «ток» от философии к специальным наукам, необычайно разнообразны. Благоприятную атмосферу для научного поиска создает сознательная ориентация ученых на фундаментальные идеи диалектики, которая настаивает на незавершенности любых человеческих знаний и тем самым стимулирует их критическую оценку, возбуждает активность мышления, нацеливает его на поиск нового. В то же время призывает ученых бережно относиться к знаниям, которые сложились на протяжении длительного развития науки, создает своеобразный защитный пояс, охраняющий свободу творчества от волюнтаристского произвола. К сожалению, говорить о роли диалектики в формировании культуры научного мышления сейчас стало считаться чуть ли не правилом дурного тона. А напрасно. Она была, есть и будет надежным союзником науки на самых крутых поворотах истории.

Л и т е р а т у р а

1. Мамчур, Е.А. Идеалы единства и простоты в современном научном познании / Е.А. Мамчур // Вопросы философии. – М., 2003. – № 12. – С. 100–112.
2. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 451 с.
3. Егоров, Д.Г. Если парадигмы несоизмеримы, то почему они все-таки меняются? / Д.Г. Егоров // Вопросы философии. – М., 2006. – № 3. – С. 102–110.
4. Лукашевич, В.К. Философия и методология науки / В.К. Лукашевич. – Мн.: Совр. школа, 2006. – 320 с.; Яскевич, Я.С. Философия и методология науки / Я.С. Яскевич. – Мн.: Высшая школа, 2007. – 656 с.
5. Степин, В.С. Философия науки / В.С. Степин. – М.: Гардарики, 2008. – 384 с.
6. Лакатос, И. История науки и ее рациональные реконструкции / И. Лакатос // Структура и развитие науки. – М.: Прогресс, 1978. – 420 с.
7. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 20. – М.: Политиздат, 1980.
8. Липкин, А.И. Парадигмы, исследовательские программы и ядро раздела в физике / А.И. Липкин // Вопросы философии. – М., 2006. – № 6. – С. 89–104.
9. Максвелл, Дж.К. Статьи и речи / Дж.К. Максвелл. – М.: Наука, 1968. – 242 с.
10. Маркова, Л.А. Изменчивость и устойчивость в науке / Л.А. Маркова // Вопросы философии. – М., 2005. – № 2. – С. 103–115.
11. Аксенов, Г.П. К истории понятий дления и относительности / Г.П. Аксенов // Вопросы философии. – М., 2007. – № 2. – С. 107–117; Алюшин, А.Л., Князева, Е.И. Многоуровневое темпоральное строение реальности / А.Л. Алюшин, Е.И. Князева. // Вопросы философии. – М., 2007. – № 12. – С. 81–96.
12. Маркова, Л.А. От математического естествознания к науке о хаосе / Л.А. Маркова // Вопросы философии. – М., 2003. – № 7. – С. 78–91.
13. Холтон, Дж. Тематический анализ науки / Дж. Холтон. – М.: Прогресс, 1981. – 383 с.

Поступило 14.06.2008

УДК 124.5

Ценности как основание и регулятив деятельности

С.В. Голубев

Рассматривается роль ценностного фактора в структуре человеческой деятельности. Показано, что ценности являются ее необходимым условием и регулятивом, и, тем самым, важнейшим основанием социального бытия.

Общество, социальная реальность как таковая, имеет своим основанием, очевидно, деятельность индивида. Последняя, вообще говоря, есть последовательный ряд, порядок действий, определяемый той или иной целью, задающей их направленность и характер. Действия как сугубо поведенческие акты есть психическая и физическая активность (работа) в своей конкретной определенности, могущая представлять предмет интереса для психологии, физиологии, физики или иной конкретной науки. Как таковые, действия составляют содержание деятельности, постижение же сущности последней предполагает ее рассмотрение прежде всего с точки зрения формы, ибо именно форма связывает содержание в единое целое. Если содержание вообще есть совокупность элементов-частей, а действительность части придается ее включенностью в целое, то действительность всякого индивидуального социального действия требует его включенности в некое социальное целое. Иначе говоря, социальное действие как таковое может существовать лишь в качестве момента содержания определенной социальной формы, имея последнюю своим необходимым основанием.

Поскольку деятельность есть взаимодействие, ее формальное основание предполагает некоторые необходимые условия организации последнего. К их числу относится наличие ценностной составляющей (подсистемы) во всякой системе социального взаимодействия. Эта закономерность присуща не только человеческому обществу, но, в известной мере, даже животным сообществам, что достаточно убедительно показано, в частности, новейшими этологическими исследованиями.

Так, российский этолог Ю.М. Плюснин, анализируя поведение животных в аспекте его системной организации, приходит к важнейшему принципиальному выводу о необходимости ценностной составляющей в структуре любого сложного поведения. Логика здесь такова: всякое сложное поведение не только многофункционально и вариативно, но и «должно быть иерархически организовано», поскольку в каждом конкретном случае предполагает выбор одного из наличных вариантов, предпочтение одного вида поведения другому. В таком случае поведенческой системе необходим «механизм оценки приоритетов». «Иными словами, – пишет Плюснин, – сложная система должна располагать своей собственной «системой ценностей...», – и далее, – «необходимыми компонентами сложного поведения являются выбор из нескольких вариантов поведения, следовательно, наличие подсистемы ценностей в качестве регулятивного механизма» [1, с. 39–40]. Как не-

обходимый регулятив поведения человека, ценность в самом широком контексте может быть определена как то, что имеет значение для воспроизводства социума.

Поскольку поведение социального существа также есть взаимодействие, оно должно осуществляться по устойчивым наиндивидуальным правилам в соответствии с определенной произвольной нормой. В противном случае взаимодействие не сможет обрести системного характера и способствовать выживаемости индивида и сообщества. Взаимодействие особей одного вида предполагает также узнаваемость и предсказуемость, взаимопонятность поведения партнеров.

По словам Плюснина, «способность к индивидуальному узнаванию – имманентное свойство биологических систем уже на самых низших ступенях эволюции и на самых простейших уровнях интеграции» [1, с. 186]. Микробиолог-теоретик В.А. Энгельгардт считал узнавание наряду с иерархией и интеграцией одним из основных атрибутов жизни [2, с. 244–277]. Так как поведение осуществляется в определенной среде, оно должно находиться в соответствии с ней, более того, организм и среда – это неразделимые явления, а значит все эти условия сохраняют силу и относительно среды поведения. Ее характеристики также должны быть устойчивыми и узнаваемыми, а изменения предсказуемыми. Как отмечает ученый-биолог М.А. Шишкин: «отбор может приспособить организмы даже к крайне плохим условиям, но он бессилён там, где условия непредсказуемы» [3, с. 131]. Можно сказать поэтому, что как социальное поведение, так и социальная среда должны содержать определенные социальные константы.

Социальная среда как сфера социального взаимодействия не сводится к простой совокупности индивидуальных поведенческих реакций, она включает также средства системной организации, упорядочения поведения индивидов. Такими средствами и являются социальные константы, – объективно необходимые регуляторы поведения как взаимодействия, наличие которых обеспечивает устойчивость, предсказуемость и узнаваемость действий индивида, придавая им тем самым социальный характер. Социальная среда в узком, специальном смысле и есть система социальных констант, полагающих основания порядка взаимодействия, иначе говоря форму социальной организации индивидов. Можно сказать поэтому, что социальная среда как необходимое условие существования индивида – это не только другие сами по себе, но и определенный социальный порядок.

Примером социальной константы является язык как необходимая, устойчивая, объективная форма эмоционального взаимодействия и передачи значимой информации в рамках сообщества. Язык не случайно был назван «домом бытия», его можно назвать также «домом» социального порядка. Показательно, что уровень социализации и социальная развитость индивида, как правило, коррелируют с уровнем *владения* языком, что хорошо видно по детям, да и по взрослым. Социальными константами являются также социальные нормы. Норма есть то, что фиксирует некоторый образ действий (модель поведения) в качестве должного, необходимого для эффективности взаимодействия.

Поскольку наличие социальных констант – необходимое условие социального взаимодействия, а значит и существования индивида, они представляют собой объективные социальные ценности. В этом качестве они задают объективную ценностную меру субъективной ценностной подсистеме, определяющей приоритеты поведения конкретного индивида. Для последнего демонстрация соответствия своего поведения этой мере – обязательное условие

эффективного участия в процессе взаимодействия. Специальной формой такой демонстрации является ритуальное поведение. Оно может быть определено как поведение существенным образом *специально ориентированное на другого*. Поэтому ритуальное поведение может быть охарактеризовано как собственно социальное, направленное на приспособление не к природной, а исключительно социальной среде. В известном смысле можно сказать, что это поведение и создает, точнее, актуализирует социальную среду, что социальное предполагает ритуальное. Не случайно не существует сообщества, в котором отсутствовали бы ритуалы. Дело в том, что «ритуал всегда имеет особую социорегулятивную цель – создание поведенческого и психологического единства в сообществе» [1, с. 137]. Ритуал в этом отношении можно определить как индивидуальный или групповой поведенческий акт, имеющий целью демонстрацию соответствия поведения субъекта (субъектов) ритуала определенным социальным константам-ценностям, принятым в данном сообществе. В самом общем смысле предназначение ритуала состоит в том, чтобы поддерживать, *актуализировать* единство и различие членов сообщества, сохраняя, тем самым, основание его существования. Ритуал выступает поэтому как важнейшее средство поддержания социальной структуры, статусной дифференциации сообщества и его отличия, отграничения от других сообществ.

Один из основоположников этологии К. Лоренц отмечал, что функциональная роль ритуалов одинакова в любом сообществе, как животных, так и людей. В ритуалах и инстинктивного, и культурного происхождения проявляется «тройная функция – запрет борьбы между членами группы, сплачивание их в замкнутом сообществе и отграничение этого сообщества от других подобных групп...» [4, с. 106].

Будучи необходимыми для существования сообщества, ритуалы играют важнейшую роль в индивидуальном поведении. По словам К. Лоренца, ритуал – «активный стимул социального поведения», и более того – «и инстинктивные, и культурные ритуалы становятся автономными мотивациями поведения, потому что сами они превращаются в новую цель, достижение которой становится насущной потребностью организма» [там же, с. 102, 106]. Ученый утверждает, что в животном мире процесс ритуализации: «Создает совершенно новые инстинкты, диктующие организму свои собственные «ты должен»... так же категорично, как и любой из, казалось бы, самодержавных «больших» инстинктов голода, страха или любви» [5, с. 136]. Относительно человеческих индивидов, превращение ритуалов в «автономные мотивации поведения», хорошо иллюстрирует феномен моды, создающей ситуацию, когда, по выражению Гегеля, «удовлетворяется уже не потребность, а мнение». Здесь можно вспомнить современных модниц нередко буквально изнуряющих себя всевозможными диетами.

Лоренц подчеркивает особенно важную роль ритуалов для существования человеческого общества. «Существование любой группы людей, – пишет он, – превосходящей по своим размерам такое сообщество, члены которого могут быть связаны личной любовью и дружбой, основывается на этих трех (указанных в первом из приведенных высказываний Лоренца. – С.Г.) функциях культурно-ритуализованного поведения» [4, с. 106]. Действительно, людское сообщество должно обладать очень высокой степенью единства, интегрированности, а значит, адекватными средствами и формами поддержания собственной целостности. Такая необходимость вытекает из физиологических особенностей организма человека и специфики его воспроизводства в качестве биосоциального существа.

Дело в том, что у человека период между рождением и достижением физиологической зрелости занимает относительно длительное время. Если даже у высокоразвитых животных детеныши уже через год–два могут выжить самостоятельно, то ребенок нуждается в помощи взрослых в течение, по меньшей мере, 13–15 лет. Соответственно, если женщина рождает в первые 10 лет семейной жизни, то семья должна сохраняться в течение, по меньшей мере, 20–25 лет. Кроме того, женщина-мать нуждается в значительно более долгой и более объемной помощи со стороны, чем самка любого животного. Уже в силу этих чисто биологических причин для человеческого сообщества жизненно необходимо наличие институтов, безусловно, обеспечивающих высокую степень стабильности семьи как формы воспроизводства, и адекватную интегрированность сообщества в целом. Разумно было бы предположить, что и в структуре потребностей человеческого индивида, в его психоэмоциональной природе, заложена потребность в существовании таких институтов. Их значение принципиально возрастает, так как людьми не рождаются, а становятся. Воспроизводство человека – это, прежде всего, его социализация, воспитание, а не питание только. Соответственно, существующие в обществе институты должны обеспечивать необходимые условия не только для развития человеческого организма, но и для социализации человека, становления человеческой личности. Практически это означает необходимость наличия в обществе дополнительных и, вообще говоря, принципиально иных, по сравнению с имеющимися в животном мире, средств и форм контроля индивидуального поведения. Другими словами, инстинктивные поведенческие программы-образцы должны быть дополнены надинстинктивными программами, надбиологическими образцами-стереотипами поведения. Это тем более важно, чем менее рефлекторно обусловленными являются поведенческие реакции человека. А ведь даже чисто биологические аспекты существования последнего, как, например, потребление пищи, нуждаются в надбиологических средствах регулирования.

В «первобытных» условиях отсутствие таких средств в силу отмеченных выше особенностей человеческого организма с высокой степенью вероятности привело бы к фатальным последствиям для подрастающего поколения. Не менее важным было наличие надбиологических средств контроля за сексуальным поведением. Отсюда следует необходимость некоего надбиологического, *надприродного* (что в данном случае не может не означать сверхъестественного) основания для установления пищевых и сексуальных запретов и предписаний. Иначе говоря, для человеческого общества необходимо наличие надбиологических форм регулирования взаимоотношений между полами и поколениями. И, конечно, установление дополнительного к биологическому, естественному, надбиологического, *сверхъестественного* основания для половозрастной иерархии в сообществе в целом.

Роль такого основания в архаическом обществе играют, прежде всего, культ предков и инициация как обряд посвящения юноши в мужчину. Вообще говоря, необходимость этих первичных институтов регулирования очевидна логически, но исследования политантропологов с достаточной надежностью подтвердили ее и эмпирически [6]. Культ предков и инициация выражаются в соответствующих *ритуалах*, которые укрепляют единство сообщества, создают дополнительную, надбиологическую, экстраутилитарную мотивацию поведения и служат социализации индивидов. Социализация может быть определена как процесс и результат усвоения, интериоризации индивидом соци-

альных констант. Системная совокупность последних оказывается, таким образом, социальным «геномом» человека как *биосоциального* существа.

Форма бытия социальных констант в человеческом обществе есть традиция. Следование традиции делает возможными узнаваемость, устойчивость и предсказуемость поведения индивидов, выступая, тем самым, необходимым условием возможности взаимодействия. Традиции сущностно связаны с ритуалами, вырастают из них и ими поддерживаются. Совокупность традиций как форм регуляции, упорядочения взаимодействия индивидов составляет основу культуры как надприродной «среды обитания», «социокультурной» реальности, задающей человеку надбиологические образцы и мотивы поведения, следование которым превращает это поведение в деятельность. Культура, таким образом, оказывается специфически человеческой формой существования. В усвоении культуры, иначе говоря, освоении социокультурной реальности и заключается социализация. Поскольку социокультурная реальность не есть материальная реальность, человеческая потребность в культурной форме существования представляет собой потребность также и в духовной жизни и, соответственно, в духовных ценностях. Как пишет К. Лоренц: «закрепление традицией определенных социальных и этических установок создало новый вид сообщества индивидов, никогда ранее не бывший вид живой системы, определяющим системным свойством которой является новый вид жизни, именуемый духовной жизнью», – и о необходимости ценностного восприятия действительности, – «у человека есть ценностное восприятие, находящееся в несомненном соответствии с великим становлением мира организмов», вообще: «ценностное суждение, основанное на восприятии, является априорным в собственно кантовом смысле, т.е. логически необходимым для каждого сознательного мыслящего существа» [5, с. 397, 460]. Один из крупных психологов 20 века А. Маслоу в своей концепции потребностей утверждает, что потребность в приобщении к определенной системе ценностей столь же важна для человека, как и потребности в безопасности и самоуважении. Он выделяет такие ценности человеческого бытия, как красота, правда, справедливость, порядок, гармония. Маслоу убежден, что все они коренятся в природе человека. По его словам: «человеческое стремление к познанию и пониманию, потребность в жизненной философии и системе ценностей, желание иметь некую точку отсчета – все эти когнитивные потребности несут в себе конативное начало и являются частью нашей примитивной животной натуры», и «много пользы нам принесло бы осознание того факта, что высшие стремления и позывы являются частью биологической природы человека столь же неотъемлемой, как и потребность в пище» [7, с. 160]. Мы бы сказали, что «биологическая природа» человека такова, что, лишившись «высших позывов и стремлений», он не сможет обеспечить собственное воспроизводство. Хорошей иллюстрацией этого является депопуляция «прагматически» ориентированного современного западного общества. Действительно, из рационально-утилитарных соображений для конкретного индивида никак не следует необходимость или даже желательность продолжения рода. А силы инстинкта, как показывает практика, часто бывает недостаточно для нормальных взаимоотношений даже в случае матери и новорожденного.

А. Маслоу обстоятельно показывает необоснованность сведения потребностей человека к чисто физиологическим и специально отмечает ненаучность номиналистических, атомистических представлений о природе человека, характеризуя их как «когнитивно незрелые» и даже «психопатологические» [там же, с. 14]. Польский исследователь психики и поведения

человека К. Обуховский, обобщая полученный в ходе многолетней практической клинической работы эмпирический материал, приходит к выводу, что у человека существует «потребность смысла жизни», и «понимание смысла жизни необходимо для правильного приспособления человека» [8, с. 129]. Он дает такое определение этой потребности: «потребность смысла жизни есть, следовательно, тот факт, что без возникновения в его жизнедеятельности таких ценностей, которые он признает или может признать сообщающим смысл его жизни, он не может правильно функционировать» [там же, с. 185].

Дело в том, что человек способен к рефлексии, он, в отличие от животных, осознает, что живет и может делать собственную жизнь предметом анализа, познания. Потребность смысла жизни является ни чем иным, как разновидностью познавательной (или, широко говоря, информационной) потребности и коренится в том, что любое живое существо стремится к существованию в знакомой, предсказуемой, понятной среде. Человеку также свойственно такое стремление, поэтому то, что непонятно, необъяснимо, недоступно познанию, вызывает страх или, как минимум, желание удалиться. Избегание непонятных явлений – это поведенческая закономерность, вытекающая из адаптационной функции поведения. В случае, если таковым явлением оказывается жизнь, (а такой случай возможен для человека в силу его *природы*) неизбежной оказывается та или иная форма (и степень) избегания жизни.

Если непонятность, *абсурдность* жизненной среды возрастает, то возрастает и стремление *удалиться* от нее. В этом стремлении глубинные психологические причины таких распространенных в современном обществе явлений, как депрессия, апатия, пьянство, наркомания и, наконец, самоубийство, «уход из жизни», как говорят. Социологически это было показано Э. Дюркгеймом в его концепции аномии как мотива самоубийства.

К тому же, так как жизнь человека есть деятельность, а деятельность носит целенаправленный характер, отсутствие смысла жизни приводит к затруднениям с определением смысла и целей деятельности и, соответственно, к бездеятельности. Да и потребность в ориентации предполагает потребность в оценке значений и смыслов окружающих явлений, в определении относительного значения данного явления во всей совокупности значимых явлений, а следовательно, и потребность в осмыслении этой совокупности в целом, другими словами, в нахождении-объяснении смысла жизни.

Понять, вообще говоря, и означает установить смысл, предназначение, определить место и роль явления как элемента системы. Это касается и такого явления, как жизнь. Поэтому невозможность определить свое предназначение, свое место и роль в «этой жизни» (= в жизни общества), неудовлетворенная потребность в смысле жизни лишает стимула к ней, препятствует ориентации в жизни. И делает жизнь непонятной, то есть побуждает избегать ее. Отсутствие смысла жизни не менее фатально для человека, чем отсутствие аппетита (как известно, одно часто связано с другим, а потеря *вкуса* к жизни, обязательно сопровождается и потерей аппетита), и приводит индивида если не к саморазрушению, то к непродуктивному, а то и контрпродуктивному существованию. Так что Обуховский имел достаточные основания утверждать, что без удовлетворения потребности в смысле жизни человек «не может правильно функционировать».

Все эти рассуждения носят формальный характер, что же касается содержательного рассмотрения смысла жизни, то мы здесь отметим только одно обстоятельство. Из

того, что у человека есть потребность в смысле жизни, не следует, конечно, что в массе конкретных случаев она не может выступать в виде стремления к материальным благам, развлечениям и т.п. Однако, для человека как родового существа, необходимо наличие экстраутилитарной составляющей смысла жизни. Ближайшим образом это подтверждается как раз распространенностью в обществе, где господствуют утилитарные ценности таких явлений, как отказ от участия в воспроизводстве и производстве (жизнь на пособие или случайные заработки), наркомания, самоубийство, депрессия и т.п. Как пишет Л.Н. Митрохин: «Социально целесообразная деятельность человека возможна лишь в том случае, если ее мотивы выходят за рамки его потребностей и забот как конечного смертного существа» [9, с. 438]. Не случайно, по свидетельству антропологов и археологов, люди всегда возводили объекты неутилитарного назначения. Можно предположить поэтому, что радикальное устранение экстраутилитарных ценностей из общественного сознания и отсутствие в обществе индивидов, – носителей таких ценностей приведет последнее как минимум не только к духовной деградации, то есть, к упадку религии, искусства и философии, а значит и вообще образованности, и *мышления*, но и к депопуляции. А в принципе, для такого общества просматривается в качестве конечного состояние, схожее с гоббсовской «войной всех против всех». Но такое состояние именно противоестественно для человека, который, как можно считать установленным современной психологией и наукой о поведении, «жив не хлебом единым».

Другими словами, можно сделать вывод, что нахождение экстраутилитарных ценностей является специфической витальной потребностью человека как такового. Из этого следует, что наличие в обществе той или иной формы удовлетворения этой потребности является необходимым условием – основанием его (общества) существования. Можно сказать также, что именно специфичность данной формы в том или ином обществе и определяет, прежде всего, свойственную ему специфику форм удовлетворения других потребностей, а значит, и специфичную для него форму социальной организации в целом. Как пишет О.Ю. Артемова: «По верному замечанию Р. и К. Берндтов при характеристике культуры (в широком смысле этого слова. – С.Г.) общества исключительное значение имеет та деятельность, которую люди в массе своей совершают сверх необходимого для поддержания жизни. У аборигенов Австралии... почти вся деятельность сверх необходимого была связана с духовной культурой – религией, магией, художественным творчеством... эти сферы деятельности дали аборигенам средства выработать (следовало бы сказать, укрепить и разнообразить. – С.Г.) иерархические взаимоотношения, а также механизмы социального разграничения» [10, с. 63].

Очевидно логически и показано эмпирически, что важнейшей, естественно необходимой исходной формой утверждения «системы» надбиологических, экстраутилитарных ценностей был культ предков. Поэтому характерной формой социальной организации, обеспечивающей надлежащую устойчивость социальной структуры архаических обществ, и была освященная, сверхъестественно санкционированная культом предков половозрастная иерархия. Как известно, согласно представлениям архаического общества предки, *отойдя* в иной мир, продолжали оказывать весьма значительное влияние на жизнь человека в этом мире, то есть имели авторитет, который, поскольку ценность есть то, что имеет значение для жизнедеятельности и был важнейшей ценностью

для «первобытного» человека. Причем, ценностью, не предназначенной для непосредственного потребления, и в этом смысле экстраутилитарной. Если человек не только природное, но и духовное существо, то наряду с природной ему необходима и духовная сфера существования. А значит, он должен наделять значениями (ценить) не только чувственно-воспринимаемые, но и духовные явления. Так как человек не только духовное, но и социальное существо, необходимым условием его существования становится наличие социально значимых духовных явлений. Важнейшим среди таких явлений и был авторитет предков, который может быть назван основополагающей социальной и сакральной ценностью, фундаментом человеческой культуры и социальной организации.

Из вышеизложенного следует, что изначально социальная структура человеческого общества необходимо имеет как естественно-природное, так и сверхприродное, сакрально-ценностное основание. Необходимость такого двоякого основания обусловлена структурой потребностей человека, среди которых имеется носящая витальный характер потребность ценностного восприятия – освоения действительности. Таким образом, можно утверждать, что любая форма социальной организации, обеспечивающая воспроизводство человека и, следовательно, находящаяся в соответствии с его потребностями, необходимо имеет объективные естественные и ценностные основания. Заметим, что убедительное эмпирическое подтверждение этому предоставляет и современная действительность. Как сообщает российский ученый М.А. Шишкин, специально исследовавший взаимосвязь биологических и социальных факторов поведения человека: «специалисты, изучающие причины наблюдаемой ныне устойчивой естественной депопуляции страны, на одно из первых мест ставят утрату людьми ценностных ориентиров (подчеркнуто нами. – С.Г.) в существующих непредсказуемых условиях. Это еще одна аналогия с биологическим миром, где выживание организмов точно так же зависит от наличия определенных «правил игры» между ними и средой обитания» [3, с. 131].

Объективный характер ценностного основания социальной организации предопределен также тем, что она есть организация деятельности индивида, а «деятельность всегда регулируется определенными ценностями и целями» [11, с. 38]. Деятельность человека как сознательного разумного существа предполагает обязательное наделение значениями всех элементов, входящих в ее сферу, в каждом конкретном случае. Возможность такого наделения своим обязательным условием имеет наличие у индивида определенной системы ценностных представлений, иерархии ценностей. Если такая система будет лишена объективного основания, элементам внешней среды, входящим в сферу деятельности индивида, будут приписываться сугубо субъективные значения (в чем, собственно, и состоит помутнение сознания, расстройство психики), что необходимо приведет к дезадапационному эффекту, руководствующейся такими значениями деятельности. Это имеет силу даже для гипотетического одиночного существования, а так как деятельность есть взаимодействие, возможность сугубо произвольных ценностных представлений для индивида оказывается совершенно невыполнимой. Поскольку взаимодействие требует взаимопонятности действий, оно не может состояться, если каждый автор будет приписывать элементам ситуации исключительно свое субъективное значение и предпринимать действия, несогласующиеся с ожиданиями другого.

Взаимопонятность действий, как отмечалось, предполагает их устойчивость, узнаваемость и предсказуемость, иначе говоря, соответствие определенной нормативной

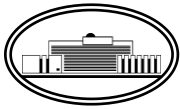
системе, наличие определенного социального порядка. Как говорит Парсонс: «Если вообще в современных науках о жизни есть какие-либо основные эмпирические обобщения, то приписывание живым системам нормативного контролируемого порядка и постулирование иерархии уровней порядка и являются, по-моему, такими в высшей степени фундаментальными обобщениями», – и далее, характеризуя суть своей концепции социального действия, – «основная теорема теории действия гласит, что структура систем действия состоит из институционализированных (в социальных и культурных системах) и/или интернализированных (в личностях и организмах) стандартов культурных значений» [12, с. 46, 48]. Поясняя свое понимание «стандартов культурных значений» как компонентов социальных систем» и условий, и мотивов деятельности человека, Парсонс пишет: «для социальных систем компоненты выступают в виде ценностей, норм, целей... для системы личности интернализированными ценностными стандартами, социальными объектами и мотивационными ориентациями (потребностными предрасположенностями) (подчеркнуто нами. – С.Г.)» [там же, с. 48].

Другими словами, можно сделать вывод, что социальная система в формальном отношении представляет собой целостную совокупность институционализированных ценностей-норм, обеспечивающих ценностно-нормативный порядок деятельности индивида. Включенность в такой порядок является необходимым условием социального действия и, соответственно, витальной потребностью человека. Ценности, таким образом, оказываются необходимым основанием и регулятивом человеческой жизнедеятельности, фундаментом социального бытия.

Л и т е р а т у р а

1. Плюснин, Ю.М. Проблемы биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ / Ю.М. Плюснин. – Новосибирск: Наука, 1990. – 237 с.
2. Энгельгардт, В.А. О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, узнавание / В.А. Энгельгардт // Современное естествознание и материалистическая диалектика. – М.: Наука, 1977. – С. 244–277.
3. Шишкин, М.А. Биологическая эволюция и природа нравственности / М.А. Шишкин // Общественные науки и современность, 2004.– № 1. – С. 128–139.
4. Лоренц, К. Агрессия или так называемое зло / К. Лоренц. – СПб.: Амфора, 2001. – 347 с.
5. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала / К. Лоренц. – М.: Республика, 1998. – 492 с.
6. Бочаров, В.В. Власть. Традиции. Управление. – М., 1992. Ранние формы социальной стратификации. – М., 1993, особенно с. 71–98, 239–263. Ранние формы политической организации – М., 1995, особенно с. 132–138, 205–230. Ранние формы социальной организации. – СПб., 2000. – С. 60–79, 109–122.
7. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 479 с.
8. Обуховский, К. Психология влечений человека / К. Обуховский. – М.: Прогресс, 1972. – 247 с.
9. Религия // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 3.
10. Артемова, О.Ю. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации / О.Ю. Артемова // Ранние формы социальной стратификации. – М.: Наука, 1993. – С. 38–70.
11. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс, 2000. – 793 с.
12. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.

Поступило 27.06.2008

УДК 159.923

Психологическая защита личности: методология, механизмы, инструментарий

С.Л. Богомаз

Проводится сравнительный анализ подходов к проблеме психологической самозащиты личности в различных психологических традициях. Материалы статьи способствуют развитию методологических основ психологии на этапе постмодернизма.

Рассматриваются технологические и методологические принципы создания шкал оценки проявления механизмов психологической защиты. Описываются этапы разработки шкал и представлен полученный диагностический инструментарий. Однако для широкого использования метода требуется дополнительная работа с определением внешней валидности.

В настоящее время в психологии проблема психологической защиты является одной из самых актуальных. Многими исследователями [1; 2] накоплен интереснейший материал по этой проблеме, однако единой целостной теории психологической защиты личности еще не создано. В психологической литературе этот вопрос часто обсуждался, однако исследований, в которых бы рассматривалось, как изучается психологическая защита на практике с помощью конкретных методик, было недостаточно.

В последнее время стали появляться исследования, в которых описываются методики, ориентированные как на собственно анализ самозащиты, так и на связанные, а порой и сходные с ней тенденции личности. Особенно часто для изучения самозащиты используют опросники. Исходя из этого, можно предположить, что изучение своеобразия и основных характеристик самозащиты личности будет эффективным при использовании множества пунктов стимульного материала из разных методик.

Психология самозащиты личности: категория, подходы, механизмы

Понятие психологической защиты является одним из основополагающих в современной психологической науке. В отечественной психологической литературе, начиная с известной статьи Ф.В. Басина «О силе «Я» и психологической защите», активно обсуждается проблема психологической защиты. Выделяются защитные процессы и защитные механизмы, невротическая психологическая защита и психотическая защита; помимо классического набора защитных механизмов (вытеснения, отрицания, рационализации, проекции, регрессии и др.) некоторыми авторами вводятся другие механизмы защиты (агрессия, переоценивание и др.). Налицо большое многообразие понятийных средств [3].

Представления о психологической защите привлекаются не только для объяснения эмпирически выделяемых феноменов в практике психотерапии, но и теоретически вводятся в контекст общепсихологических концепций установки, отношений личности,

переживания, самооценки. Также дается семиотическая и психофизиологическая интерпретация защитных механизмов [4].

Психические реальности, для объяснения которых привлекаются представления о психологической защите, также разнообразны. Это и поведение, как психотическое (А.В. Добрович, 1985), так и нормальное (Б.В. Зейгарник, 1980), и феномены общения (сопротивление в психотерапевтическом контакте), гипноза (В.С. Рожнов, 1976), сна (В.С. Ротенберг, 1984). К психологической защите обращаются и для объяснения некоторых состояний психики и сознания, а также причин формирования тех или иных личностных черт [4].

В.И. Журбин наиболее распространенные определения психологической защиты определяет как:

- психическую деятельность, направленную на спонтанное изживание последствий психической травмы (В.Ф. Бассин, В.Е. Рожнов, 1975);
- частные случаи отношения личности больного к травмирующей ситуации или поразившей его болезни (В.М. Банщиков, 1974);
- способы переработки информации в мозге, блокирующие угрожающую информацию (И.В. Тонконогий, 1978);
- механизм адаптивной перестройки восприятия и оценки, выступающей в случаях, когда личность не может адекватно оценить чувство беспокойства, вызванное внутренним или внешним конфликтом, и не может справиться со стрессом (В.А. Ташлыков, 1984);
- механизмы, поддерживающие целостность сознания (В.С. Ротенберг, 1984);
- механизм компенсации психической недостаточности (В.М. Воловик, В.Д. Вид, 1975);
- пассивно-оборонительные формы реагирования в патогенной жизненной ситуации (Р.А. Зачепиский, 1980);
- динамика системы установок личности в случае конфликта установок (Ф.В. Бассин, 1976);
- способы репрезентации искаженного смысла (В.Н. Цапкин, 1985) [4].

В приведенных подходах психологическая защита всегда является частью каких-либо других психических феноменов: деятельности, установки, отношений личности, компенсации и др. Причем спецификация этой части идет не по объекту, а через задание целей и функций защиты. Таким образом, психологическая защита не выделяется в самостоятельный процесс и механизм.

Однако есть общий момент для всех подходов – это наличие ситуации конфликта, травмы, стресса, а также цель – снижение эмоциональной напряженности, связанной с конфликтом, предотвращение дезорганизации поведения, сознания, психики. Можно отметить, что основная смысловая конструкция всех определений защиты совпадает с психоаналитическим пониманием психологической защиты.

Спецификация психологической защиты проводится не по объекту, а по целям и условиям протекания, выделение которых во многом зависит от исследователя, его теоретических установок и практики. Приписывая определению психической активности цели защиты, исследователь воспринимает некоторое поведение, фантазию, сон, творчество как психологическую защиту.

Ситуация сложна еще в одном отношении. Помимо значительного количества подходов психологической защиты существует большое разнообразие эмпирически выделяемых феноменов психологической защиты – от клинических феноменов бреда-образования, до таких развитых форм психологической защиты, как защита подследственного в ситуации допроса.

Возможно, понимая всю сложность вопроса, некоторые исследователи рассматривают понятие психологической защиты как способ описания и способ работы с объектом, отказывая в существовании самим механизмам защиты, т.е. рассматривают проблему в психотехническом аспекте. Р.С. Валлерстайн отмечает: «Механизм защиты – это не более чем конструкция, не более чем понятие, указывающее на способ работы сознания... объясняющее как поведение, чувства, идеи тормозят, отводят, замедляют или каким-то иным способом модулируют нежелательные разряды аффектов. «Защиты» же – это непосредственные формы поведения, проявления аффективности, мыслительной деятельности, которые работают в целях защиты» [4]. Автор различает понятия защиты и объекта, требуя учесть деятельность исследователя, который по-разному может представлять объект.

Таким образом, в проблеме психологической защиты можно выделить следующую оппозицию: с одной стороны, многие исследователи утверждают, что психологическая защита – естественный механизм, имманентно присущий психике, сознанию, с другой стороны, существует точка зрения, что психологическая защита не более чем один из возможных способов описания некоторых форм поведения, мыслительной деятельности, проявления аффективности.

Чтобы разобраться в вышеизложенных трудностях, необходимо обратиться к анализу самой категории. Необходимо развести объект и понятие и провести анализ термина «психологическая защита». Это значит, что необходимо рассмотреть, как оно создавалось исследователем, в какой познавательной ситуации, в соответствии с какими логикой и соображениями. Поскольку основная структура многих определений понятия психологической защиты близка к психоаналитическому пониманию, следует проанализировать возникновение и развитие понятия в психоанализе.

В концепции недирективной психотерапии К. Роджерса, являющейся во многих аспектах антиподом психоанализа, также используется понятие психологической защиты. Имеет смысл сопоставить эти разные концепции, использующие одно понятие защиты, но придающие ему различное значение.

Впервые З. Фрейд обратился к понятию психологической защиты в работе «Нейропсихология защиты». З. Фрейд, работая с истерическими больными, пришел к выводу, что истерический симптом ведет свое происхождение не из неизвестных источников анатомической и физиологической природы, как это полагалось прежде, а из имеющих высокую эффективную ценность психических переживаний, которые были амнезированы. На основе этого была создана концепция истерии. К.Г. Юнг следующим образом излагает ее: «...травма создает некоторое раздражение, от которого при нормальных обстоятельствах освобождаются отводной реакцией, в случае же истерии травма переживается не во всей полноте, вследствие чего происходит задержание раздражения или ущемление аффекта» [4]. В этой концепции отношение между симпто-

мом и сознанием сводится к тому, что симптом может существовать лишь в том случае, если в сознании он замещает некоторые задержанные и амнезирванные аффективные переживания. Терапевт, обратившись в гипнозе к состоянию психики клиента, когда у того произошла замена содержания сознания симптомом, должен вернуть в сознание то, что было из него изъято вследствие невозможности отреагирования. Возвращенное в сознание содержание делает существование симптома невозможным.

Затруднения в практике лечения гипнозом вынудили З. Фрейда искать другие пути к достижению катарсиса. Поиск новой практики он вел в рамках прежней теоретической модели. Изыскивая новый метод достижения катарсиса, т.е. перевода травмирующих переживаний из бессознательного в сознание и отреагирование их, З. Фрейд обратился к технике «настаивания» И. Бернгейма. Эта техника делала возможным в бодрственном состоянии пробудить воспоминания об испытанном сомнамбулизме. И. Бернгейм утверждал, что, когда психотерапевт спрашивает пациентов относительно пережитого в сомнамбулическом состоянии, они сначала утверждают, что ничего не знают, но, когда терапевт не успокаивается, настаивает, уверяет их в том, что они все же знают, те забытые воспоминания всякий раз воскресают. Так поступил и Фрейд со своими больными. Применяя эту технику, З. Фрейд столкнулся с сопротивлением, которое оказывали пациенты попыткам врача «бессознательные воспоминания перевести в сознание. Чувствовалась сила, которая поддерживала болезненное состояние, а именно сопротивление больного» [5]. Он предположил, что для выздоровления необходимо уничтожить сопротивление. На основе феноменов сопротивления З. Фрейд вводит понятие вытеснения: «Те самые силы, которые теперь препятствуют, как сопротивление, забытому войти в сознание, в свое время были причиной забвения и вытеснили из памяти соответствующие патогенные переживания. Я назвал этот предполагаемый мною процесс вытеснением и рассматривал как доказанный неоспоримым существованием сопротивления» [5].

Приведенные З. Фрейдом представления позволили ему объяснить, апеллируя к устройству психики человека, собственную психотерапевтическую практику. В этом смысле они являются психотехническими схемами, которые затем трактовались как теоретические представления о самом объекте – психике человека. Автор вводит понятие вытесненного бессознательного, которое уже по своему определению находится в конфликте с сознанием. Первоначально вытеснение было единственным выделяемым способом защиты. Дифференциация психологической защиты произошла в работе З. Фрейда «Страх», в которой он выделил такие способы защиты, как изоляция, отрицание, проекция и др. [6].

З. Фрейд вводит понятие вытеснения на основе феноменов сопротивления, которые проявляются «здесь и теперь» в ситуации взаимодействия врача и пациента, он определяет эмпирическую реальность, на основе которой вводит основные понятия клинического психоанализа. Однако события в этой реальности понимались таким образом, что все происходящее в общении было представлено как внутриспсихические явления, например, конфликт не между врачом и пациентом, а между сознанием и бессознательным, сопротивление не психоаналитику, а осознанию, не эмоциональный контакт, а перенесение. Психотехническая схема постепенно стала рассматриваться как

теоретическая модель о самой психике. Критерием правильности такой схемы становится не ее эффективность в плане лечения, а истинность теоретического построения, внутренняя согласованность описания объекта, возможность понять процессы и механизмы, действующие в психике.

На основе понятия вытеснения он выделяет особую сферу в бессознательном – вытесненное бессознательное, остальная часть бессознательного получила название подсознательного. Таким образом была сформирована топографическая модель психики, состоящая из трех систем: сознательное, бессознательное, предсознательное. В ней бессознательное и сознание находятся в конфликте. Защита реализует взаимоотношения в этом конфликте. Сознание воздействует на бессознательное посредством вытеснения, что является защитой сознания от неприемлемых инстинктивных влечений. Бессознательное воздействует на сознание посредством механизмов защиты, трансформирующих вытесненные влечения в формы, приемлемые для реализации в поведении и сознании. Чтобы эта модель была прогностической, необходимо было жестко зафиксировать бессознательное, т.е. представить психику как работающий механизм.

Если бы З. Фрейд перенес в модель внутриспсихического конфликта все многообразие сил, действующих во внешнем конфликте, с которыми он сталкивался в процессе психоаналитической практики, то на такой модели невозможно было бы ввести процессы и механизмы, которые определяли бы ее функционирование как объекта со своей структурой, энергией, механизмами. Только сведя все многообразие сил, исходящих из бессознательного, к либидо, З. Фрейд смог четко ввести понятие защитного механизма и описать действие конкретных механизмов защиты.

Таким образом, в теоретической конструкции понятие защиты обозначает определенную функцию в структуре психики. С объективацией теоретической конструкции защита начинает пониматься как естественный механизм. Однако эти механизмы имеют право на существование только в рамках породившей их психоаналитической практики и теоретической конструкции.

Теперь рассмотрим выделяемые З. Фрейдом способы психологической защиты личности, так как именно психоаналитическое понимание названных механизмов оказывает большое влияние на многих современных исследователей этой проблемы [1].

Согласно теории З. Фрейда, динамика личности во многом определяется необходимостью удовлетворения потребностей через взаимодействие с объектами внешнего мира. Среда обеспечивает голодный организм едой, жаждущего – водой. Помимо этой роли – источника обеспечения – внешний мир играет и иную роль в судьбе личности. В нем есть и опасности: он может не только удовлетворять, но и угрожать. Окружающая среда может причинять боль и увеличивать напряжение, быть источником и беспокойства, и покоя.

Обычная реакция индивида на внешние угрозы, боли и разрушения, с которыми он не готов справиться, – страх. Это, подавленное чрезмерной стимуляцией, неподвластной контролю, наполняется тревогой. З. Фрейд различает три вида тревоги: реальную тревогу, невротическую тревогу, моральную тревогу или чувство вины [7].

Основная психодинамическая функция тревоги – помогать человеку избегать осознанного выявления у себя неприемлемых инстинктивных импульсов и поощрять удовлетворение этих импульсов надлежащими способами в подходящее время. Защит-

ные механизмы Эго помогают осуществлению этих функций, а также охраняют человека от захлестывающей его тревоги. З. Фрейд определил защитные механизмы Эго «как сознательную стратегию, которую использует индивид для защиты от открытого выражения импульсов Ид и встречного давления со стороны Суперэго». З. Фрейд полагал, что Эго реагирует на угрозу прорыва импульсов Ид двумя путями:

- блокированием выражения импульсов в сознаваемом поведении;
- или искажением их до такой степени, чтобы изначальная их интенсивность заметно снизилась или отклонилась в сторону. Отсюда, все защитные механизмы, согласно теории З. Фрейда, обладают двумя общими характеристиками:
  - они действуют на неосознаваемом уровне и поэтому являются средством самообмана;
  - они искажают, отрицают или фальсифицируют восприятие реальности, чтобы сделать тревогу менее угрожающей для индивида [7].

Причем люди часто используют не один механизм защиты, а различные для разрешения конфликта или ослабления тревоги. Основные защитные стратегии, согласно теории З. Фрейда, – это вытеснение, проекция, замещение, рационализация, реактивное образование, регрессия, сублимация и отрицание.

Вытеснение. З. Фрейд рассматривал вытеснение как первичную защиту Эго не только по причине, что оно является основой для формирования более сложных защитных механизмов, но также потому, что оно обеспечивает наиболее прямой путь ухода от тревоги. Вытеснение представляет собой процесс удаления из сознания мыслей и чувств, причиняющих страдание. В результате действия вытеснения индивидуумы не осознают своих вызывающих тревогу конфликтов, а также не помнят травматических прошлых событий.

Освобождение от тревоги путем вытеснения не проходит бесследно. Фрейд считал, что вытесненные мысли и импульсы не теряют своей активности в бессознательном, и для предотвращения их прорыва в сознание требуется постоянная трата психической энергии. Эта непрерывная трата ресурсов Эго может серьезно ограничивать использование энергии для более адаптивного, направленного на собственное развитие, творческого поведения. Однако постоянное стремление вытесненного материала к открытому выражению может получать кратковременное удовлетворение в сновидениях, шутках, оговорках и других проявлениях того, что Фрейд называл «психопатологией обыденной жизни». Более того, согласно его теории, вытеснение играет роль во всех формах невротического поведения, в психосоматических заболеваниях, психосексуальных нарушениях. Это основной и наиболее часто встречающийся защитный механизм.

Проекция. Как защитный механизм по своей теоретической значимости проекция следует за вытеснением. Она представляет собой процесс, посредством которого индивидуум приписывает собственные неприемлемые мысли, чувства и поведение другим людям или окружению. Таким образом, проекция позволяет человеку возлагать вину на кого-нибудь или что-нибудь за свои недостатки или промахи. Проекцией также объясняются социальные предрассудки и феномен «козла отпущения», поскольку этнические и расовые стереотипы представляют собой удобную мишень для приписывания кому-то другому своих негативных личностных характеристик.

Замещение. В защитном механизме, получившем название замещения, проявление инстинктивного импульса переадресовывается от более угрожающего объекта или личности к менее угрожающему. В каждом из этих примеров истинный объект враждебности замещается гораздо менее угрожающим для субъекта. Менее распространена такая форма замещения, когда оно направлено против себя самого: враждебные импульсы, адресованные другим, переадресуются себе, что вызывает ощущение подавленности или осуждение самого себя.

Рационализация. Другой способ для Эго справиться с фрустрацией и тревогой – это исказить реальность и таким образом защитить самооценку. Рационализация имеет отношение к ложной аргументации, благодаря которой иррациональное поведение представляется таким образом, что выглядит вполне разумным и поэтому оправданным в глазах окружающих. Глупые ошибки, неудачные суждения и промахи могут найти оправдание при помощи магии рационализации. Такая защита побуждает обесценивать или дискредитировать недоступные блага. Ее сущность в том, что при нехватке сил и воли для совершения намеченного человек, преувеличивая трудности для совершения намеченного, уговаривает себя, что делать этого и не надо.

Другой вариант рационализации направлен на преувеличение ценности уже имеющегося блага и значимости достигнутого результата [8].

Таким образом, рационализация – это поиск ложных оснований, когда человек не уклоняется от встречи с угрозой, а нейтрализует ее, интерпретируя для себя безболезненным образом. С этой целью реальное состояние дел подвергается содержательному анализу, и этому состоянию дается такое понимание, на основании которого человек может пребывать в иллюзии, что действует из разумных и достойных мотивов.

Реактивное образование. Иногда Эго может защищаться от запретных импульсов, выражая в поведении и мыслях противоположные побуждения. Здесь мы имеем дело с реактивным образованием или обратным действием. Этот защитный процесс реализуется ступенчато: во-первых, неприемлемый импульс подавляется; затем на уровне сознания проявляется совершенно противоположный. Противодействие особенно заметно в социально одобряемом поведении, которое при этом выглядит преувеличенным и негибким.

Регрессия. Еще один известный защитный механизм, используемый для защиты от тревоги, – это регрессия. Для регрессии характерен возврат к ребячливым, детским моделям поведения. Это способ смягчения тревоги путем возврата к раннему периоду жизни, более безопасному и приятному. Узнаваемые без труда проявления регрессии у взрослых включают несдержанность, недовольство, а также такие особенности, как «надуться и не разговаривать» с другими, детский лепет, противодействие авторитетам или езда на автомобиле с безрассудно высокой скоростью

Сублимация. Согласно З. Фрейду, сублимация является защитным механизмом, дающим возможность человеку в целях адаптации изменить свои импульсы таким образом, чтобы их можно было выражать посредством социально приемлемых мыслей и действий. Сублимация рассматривается как единственно здоровая, конструктивная стратегия обуздания нежелательных импульсов, потому что она позволяет Эго изменить цель и (или) объект импульсов без сдерживания их проявления. Такая замена тре-

бует принятия или, по крайней мере, знакомства с этими ценностями, т.е. с идеальным стандартом, в соответствии с которым сексуальность запрещается, а агрессия объявляется антисоциальной. Этот механизм вызревает у детей достаточно поздно. В этой форме переработки неприемлемой информации асоциальные импульсы как бы меняют свое направление без внутреннего конфликта, и между удовлетворением и подавлением желания открывается непростой путь сублимации – это путь уклонения. Это наиболее адаптивная форма защиты, поскольку не только снижает чувство тревоги, но и приводит к социально одобряемому результату. Здесь замещается не сам объект (с приемлемого на неприемлемый), а способ взаимодействия с ним.

Однако способность большинства людей отвлекаться от первоначальной цели и находить удовлетворение в ином, допустимом с социальной точки зрения, т.е. сублимировать свои влечения – ограничена.

Достаточно часто сублимация обнаруживается в увлечениях художественной литературой или научной деятельностью. З. Фрейд утверждал, что сублимация сексуальных инстинктов послужила главным толчком для великих достижений в западной науке и культуре.

Отрицание. Когда человек отказывается признавать, что произошло неприятное событие, это значит, что он включает такой защитный механизм, как отрицание. Это стремление избежать новой информации, несовместимой со сложившимися представлениями о себе. Это как бы барьер, расположенный прямо на входе воспринимающей системы. Он не допускает туда нежелательную информацию, которая при этом необратимо теряется для человека и не может быть впоследствии восстановлена. Отрицание приводит к тому, что некоторое содержание ни сразу, ни впоследствии не может дойти до сознания.

При отрицании переориентируется внимание. Его направление меняется так, что человек становится особо невнимательным к сферам жизни и граням событий, которые чреваты для него неприятностями, могут его травмировать. Тем самым он превентивно отгораживается от них. При этом вход может быть не только внешним, но и внутренним, и человек старается о чем-то не думать, отогнать мысли об этом. А если уклониться полностью невозможно, поведение может стать парадоксальным, поскольку внимание становится «дырчатым».

Обобщенная оценка опасности информации, которая может поступить, производится при предварительном восприятии ситуации и ее грубой эмоциональной оценке, как назревание чего-то нежелательного. Подобная оценка приводит к такой перестройке внимания, когда детальная информация об этом опасном событии полностью исключается из последующей переработки. Внешне это выглядит, будто бы человек отгораживается от новых сведений, либо не замечает их, считая, что их нет.

Расширение представлений о защите связано с именем Анны Фрейд. Она сделала попытку обобщить и систематизировать знания о механизмах психологической защиты. А. Фрейд подчеркивала оберегающий характер защитных механизмов, указывая, что они предотвращают дезорганизацию и распад поведения, поддерживают нормальный психический статус личности [9]. В базовую концепцию она внесла коррективы: акцентировалась роль механизмов защиты в разрешении внешних (социогенных) кон-

фликтов, а сами механизмы рассматривались не только как проявления врожденных задатков, но и как продукты индивидуального опыта и непровольного научения. Было сформировано представление о том, что набор защитных механизмов индивидуален и характеризует уровень адаптированности личности. А. Фрейд дает следующее определение защитных механизмов: «Защитные механизмы – это деятельность «Я», которая начинается, когда «Я» подвержено чрезмерной активности побуждений или соответствующих им аффектов, представляющих для него опасность. Они функционируют автоматически, не согласуясь с сознанием» [9].

А. Фрейд разделила механизмы защиты на группы и выделила перцептивные, интеллектуальные и двигательные механизмы. Они обеспечивают последовательное искажение образа реальной ситуации с целью ослабления травмирующего эмоционального напряжения. При этом представление о среде искажается минимально, т.е. находится в предельно возможном соответствии с реальностью. В результате нежелательная информация может игнорироваться (не восприниматься); будучи воспринятой – забываться, а в случае допуска в систему запоминания – интерпретироваться удобным для человека образом. В этих формах преобразования травмирующей человека информации наибольшие вопросы вызывала группа перцептивной защиты: как можно защищаться от того, что еще и не воспринято?

Однако экспериментальные исследования Э.А. Костандова убедительно доказали впоследствии существование физиологической основы для реализации перцептивной защиты. Анализ реакции человека на еще не осознаваемые стимулы обнаружил существование особо чувствительного механизма, который на основе еще не достигшей сознания информации способен с помощью лимбической системы оценить эмоциональное значение раздражителя, при необходимости повысить порог восприятия и тем самым вызвать соответствующую его переоценку [10].

Всего А. Фрейд описала пятнадцать защитных механизмов. Она же наиболее полно проработала вопрос о последовательности их созревания, наметив приближительную хронологию их созревания. Считается, что возраст до одного года – это предстатия защиты. От одного года до двух лет опасности преодолеваются ребенком посредством отрицания (в его незрелых формах пассивного и активного протеста – отказа и оппозиции), а также в виде тенденции к присоединению – проекции и имитации. Проекция и имитация связаны с выделением ребенком себя из окружающей среды, с приписыванием среде всего болезненного и с принятием в себе всего приятного. Далее начинает преобладать тенденция к отделению. До трехлетнего возраста имеют место вытеснение (в начале – в форме подавления), замещение и интеллектуализация. Такие защитные механизмы, как регрессия, обращение против собственной личности и замещение, не зависят от этапов развития «Я». Они являются модификацией активности побуждений и функционируют с тех пор, как функционируют сами побуждения, т.е. с момента, когда начинается конфликт между порывами «Оно» и каким-нибудь препятствием на пути их удовлетворения. Важно, что замещение проявляется при активизации потребности в автономии и свободе в форме эмансипации. В связи с развитием речи и логического мышления, позднее, уже в школьном возрасте, усиливается тенденция к присоединению и начинает развиваться и компенсация как незрелая форма рациона-

лизации. При этом все больше актуализируется сознание и усваиваются понятия запретного и разрешенного, обеспечивая забвение нежелательного опыта. Соответственно, формируется «хорошее» и «плохое» поведение. После пятилетнего возраста, вследствие формирования половой идентичности и потребности в самопринятии, появляется сублимация, которая неразрывно связана с усвоением нравственных ценностей [11].

На взгляды современных исследователей психологической защиты очень сильное влияние оказал психоанализ с его пониманием данной проблемы. В этом плане исследования представителя гуманистической психологии К. Роджерса также заслуживают особого внимания.

К. Роджерс создал оригинальную терапевтическую практику, а для объяснения наблюдаемых в психотерапии феноменов построил оригинальную теоретическую концепцию. По типу формирования концепция К. Роджерса аналогична концепции З. Фрейда, но по содержанию они во многих аспектах противоположны. К. Роджерс как ученый формировался в рамках гуманитарной парадигмы. Он является создателем недирективной, или центрированной на клиенте психотерапии, при которой врач, вступающий в глубоко личностный контакт с пациентом, видит в нем не больного, а «клиента», берущего на себя ответственность за решение жизненных проблем путем активизации творческого начала своего Я. Усилия психотерапевта направлены на установление эмпатического взаимопонимания, которое полностью исключает возможность конфликта между клиентом и психотерапевтом. В недирективной психотерапии консультант стремится так изменить смысловую структуру ситуации, чтобы клиент имел возможность символизации и проработки своего опыта. К. Роджерс считал, что воздействие терапевта должно быть направлено не непосредственно на клиента, как в психоанализе, а только на ситуацию, в которой находится клиент, чтобы она соответствовала возможности актуализации «здесь и теперь» опыта клиента, который является для него угрожающим. В контексте взаимодействия с терапевтом эмпирически наблюдаемое сопротивление клиента, по Роджерсу, является способом изменения угрожающей ситуации, в которой он находится, а вовсе не защитой в процессе осознания.

На основе психотехнической схемы недирективной психотерапии К. Роджерс строит теоретическую концепцию личности человека, основными концептуальными составляющими являются: организм; феноменальное поле, которое есть все количество жизненного опыта; Самость, которая является дифференцированной частью феноменального поля и состоит из модели сознательных ощущений и оценок Я или «мое». Принципиальным в теории Роджерса является также понятие конгруэнтности и неконгруэнтности между воспринимаемым «Я» и актуальным опытом переживаний организма. Когда символизированные переживания, образующие Я, достоверно отражают переживания организма, о человеке говорят, что он адаптирован, зрел и полностью функционирует. Такой человек принимает весь спектр организмических переживаний без чувства угрозы или тревоги. Он способен к реалистическому мышлению. Неконгруэнтность между Я и организмом заставляет индивидов чувствовать угрозу и тревогу. Их поведение приобретает защитный характер, их мышление становится ограниченным и ригидным.

В теории Роджерса подразумеваются два других проявления конгруэнтности–неконгруэнтности. Одно из них – конгруэнтность или ее отсутствие между субъектив-

ной реальностью (феноменальным полем) и внешней реальностью (миром как он есть). Другое – степень соответствия между Я и идеальным Я. Если расхождение между Я и идеальным Я значительны, человек неудовлетворен собой и плохо приспособлен.

К. Роджерс утверждает, что по большей части поведение человека согласуется с его Я-концепцией, т.е. человек стремится сохранить состояние согласованности самовосприятия и переживания. Это значит, что переживания, находящиеся в соответствии с Я-концепцией человека и его условиями ценности, могут осознаваться и точно восприниматься. И наоборот, переживания, находящиеся в конфликте с «Я» и его условиями ценности, образуют угрозу Я-концепции; они не допускаются к осознанию и точному восприятию. По мнению К. Роджерса, человеческая концепция себя является критерием, по которому переживания сравниваются и либо символизируются в осознании, либо символизация отрицается. Переживания, не соответствующие Я-концепции воспринимаются как угрожающие; они не допускаются к осознанию, поскольку в противном случае личность индивида не будет единым целым. Реакцией человека на состояние несоответствия Я-концепции обычно бывает напряжение, замешательство, чувство вины.

Несоответствие между «Я» и переживанием не всегда воспринимается на сознательном уровне. К. Роджерс считает, что весьма вероятна ситуация, когда человек чувствует угрозу, не осознавая этого. Когда существует несоответствие между Я-концепцией и переживанием, и человек не осознает этого, он потенциально уязвим для тревоги и личностных расстройств. Тревога является эмоциональной реакцией на угрозу, которая сигнализирует, что организованная Я-структура испытывает опасность дезорганизации, если несоответствие между ней и угрожающим переживанием достигнет осознания.

По К. Роджерсу, если человеку долгое время ничто не угрожает, он открыт для переживаний и ему не нужно защищаться. Однако, когда он осознает или ощущает на подсознательном уровне, что переживание не согласуется с Я-концепцией, возникает угроза, за которой, в свою очередь, следует защитная реакция. Роджерс определил защиту как поведенческую реакцию организма на угрозу, главная цель которой – сохранить целостность Я-структуры. Он писал, что эта цель достигается осознанным искажением переживания в сознании, чтобы уменьшить несоответствие между переживанием и структурой «Я», или отрицанием любого переживания, и, таким образом, любой угрозы «Я». Иначе говоря, защита усиливает самоуважение человека и защищает его от надвигающейся опасности угрожающих переживаний.

К. Роджерс предложил только два механизма защиты, которые используются для сведения к минимуму осознания несоответствия внутри «Я» или между «Я» и переживанием: искажение восприятия и отрицание. Следует отметить, что угрожающее переживание, по Роджерсу, не допускается к символизации в сознании не потому, что оно «грешно» или противоречит нравственным нормам, как полагал З. Фрейд. Его символизация в сознании отрицается потому, что оно несовместимо с Я-структурой. Следовательно, защитное поведение сохраняет существующую структуру «Я» и не позволяет человеку потерять самоуважение.

Искажение восприятия имеет место, когда несоответствующее переживание допускается в сознание, но только в форме, которая делает его совместимым с каким-то аспектом Я-образа человека. К. Роджерс объясняет такое выборочное восприятие как рационализацию.

В случае отрицания, менее часто встречаемой защитной реакции, человек сохраняет целостность своей Я-структуры, полностью уходя от осознания угрожающих переживаний. Фактически отрицание имеет место всегда, когда человек отказывается признаться себе, что переживание в принципе имело место. Роджерс указывал, что доведенное до крайней степени отрицание может привести к бреду, паранойе и ко множеству других психических расстройств [4].

Различие в теоретических конструкциях З. Фрейда и К. Роджерса сказывается на стратегиях терапевтической практики. З. Фрейд предлагает человеку справляться со своими конфликтами в «мире конфликта», а К. Роджерс – «в мире эмпатии». Однако в обоих случаях у человека возникает новое понимание ситуации и он может иначе действовать.

Итак, сравнивая теоретические конструкции З. Фрейда и К. Роджерса, нельзя не прийти к пониманию того, что в основе понятия психологической защиты лежит особым образом осмысленная психотерапевтическая практика. Ее особенность в том, что внешний конфликт человека с другими, а также конфликт пациента и врача служат основанием для полагания в психике сил, находящихся в конфликте друг с другом, и соответствующих механизмов психологической защиты. В тех же случаях, когда исходят из противоположных установок (эмпатия и др.), понятие защиты становится эпифеноменом (сопутствующим побочным явлением). «В лучшем случае можно говорить о поведении личности, имеющем внешние черты психологической защиты» [4]. Деятельность самого исследователя не может быть исключена из описания феноменов психологической защиты [12]. В настоящее время большинство исследователей рассматривают психологические защитные механизмы в качестве процессов интрапсихической адаптации личности за счет подсознательной переработки поступающей информации. В этих процессах принимают участие все психические функции; но каждый раз основную часть работы по преодолению негативных переживаний берет на себя какая-то из них. Защитные механизмы выступают в роли защитных барьеров на пути продвижения психотравмирующей информации. В результате взаимодействия с ними тревожная для личности информация либо игнорируется, либо искажается, либо фальсифицируется. Тем самым формируется специфическое состояние сознания, позволяющее человеку сохранить гармоничность и уравновешенность структуры своей личности. Такое защитное внутреннее изменение рассматривается как особая форма приспособления человека к среде. Принципиально важно, что все эти процессы – неосознаваемые.

По мере проведения экспериментальных исследований стала выявляться неоднозначность роли защиты. Первоначально защита проявляется в раннем детстве, когда формы общения и виды конфликтов со средой ограничены уровнем развития личности. Она предназначена для автоматического приспособления к среде за счет самопротекции. Однако во взрослом состоянии, при взаимодействии в расширенном социальном окружении, защиты только по типу автоматизмов бывает явно недостаточно. Поэтому если она не усложняется и не корректируется, то при определенных условиях может привести к дизадаптации личности [13].

Исследования, в том числе и наше, показали, что организация защиты и ее способность выполнять свои функции у разных людей неодинаковы. Одних защита не ограждает и от того, от чего надо было бы защитить, а других ограждает настолько проч-

но, что в психику не просачивается даже значимая для личностного роста информация. В результате возникла необходимость различать нормальную, постоянно действующую в повседневной жизни защиту, выполняющую профилактические функции, и защиту патологическую – как неадекватную форму адаптации [10]. Срабатывая автоматически, защита уменьшает страх и тревогу. Однако нередко от человека требуется слишком много энергии на нейтрализацию своих негативных переживаний. В этом случае защита создает личности множество ограничений, приводит человека к замкнутости и изоляции, хронической усталости или повышению общего уровня тревожности. Если затраты окажутся непосильными для личности, это может привести к появлению специфических невротических симптомов и к нарушению приспособляемости.

Таким образом, по вопросу количества защитных механизмов у современных исследователей нет единства мнений. А. Фрейд описывает пятнадцать таких механизмов; в Словаре-справочнике по психиатрии – двадцать три. Л.И. Вассерман в книге «Психологическая диагностика индекса жизненного стиля» приводит список из тридцати четырех механизмов психологической защиты: вытеснение, отрицание, перемещение, обратное чувство, подавление, идентификация с агрессором, аскетизм, интеллектуализация, изоляция аффекта, регрессия, сублимация, расщепление, проекция, прожективная идентификация, всемогущество, девальюация, примитивная идеализация, реактивное образование, замещение, смещение, интроекция, уничтожение, идеализация, сновидение, рационализация, отчуждение, катарсис, творчество, инсценирование реакции, фантазирование, заговаривание, аутоагрессия и др.

Перечисленные и проанализированные механизмы психологической самозащиты не исчерпывают всего их многообразия. Совершенно очевидно, что человек обладает определенными ресурсами для поддержания позитивного самоотношения, для оправдания своих действий и для поддержания своего нормального психического статуса. Личность на протяжении всей жизни нуждается в эффективных способах защиты себя от психотравмирующей информации. Особенно актуально сохранить гармоничность и уравновешенность своей личности в подростковом и юношеском возрасте в силу особых изменений, которые наблюдаются в психике в этот период жизни [2].

Методологические и технические принципы создания шкал оценки

Существуют определенные принципы конструирования диагностических методик. Широко известны два таких принципа: 1) критериально-ключевой; 2) факторно-аналитический [14].

Критериально-ключевой принцип – принцип конструирования диагностической методики на основе обнаружения (эмпирического) психологических принципов, позволяющих дифференцировать релевантные критериальные группы от контрольных. Примером такой методики являются эмпирические опросники. Из первоначального банка утверждений в основные клинические шкалы включались только те, которые хорошо дифференцировали испытуемых с тем или иным клиническим диагнозом от контрольной группы здоровых людей.

В тестах, созданных в соответствии с критериально-ключевым принципом, основное значение придается дискриминативности (способность отдельных пунктов тек-

ста дифференцировать обследуемых относительно «максимального» и «минимального» результата теста).

В связи с использованием критериально-ключевого принципа конструирования тестов возникает ряд проблем, которые приходится решать разработчикам. В первую очередь возникают трудности в отборе критериальных групп. Другая проблема связана с трудностями психологической интерпретации показателей теста: факт, что тест может дискриминировать группу X от группы Y, не говорит ничего о природе переменной, измеряемой теста, если только мы не располагаем доказательством, что группы отличаются одна от другой лишь одной переменной.

Факторный тест, относительно «чистый» по исследуемым переменным и опирающийся на теорию измеряемого конструкта, как можно ожидать, будет предпочтительнее страдающих эмпиричностью тестов, созданных в соответствии с критериально-ключевым принципом. Однако не нужно противопоставлять этот принцип конструирования тестов факторно-аналитическому принципу. Следует помнить, что при подборе первичного банка стимульного материала разработчики исходят, как правило, из описания некоего свойства, конструкта, являющегося объектом измерения. К тому же, разработанный по критериально-ключевому принципу тест в последующем может пройти процедуру факторизации [14].

Факторно-аналитический принцип – принцип конструирования диагностических методик на основе выявления ограниченного, определяемого разработчиком круга факторов. Под фактором разумеется конструкт, операционально определяемый его факторными нагрузками. Под факторными нагрузками понимаются значения корреляции переменных с данным фактором. При разработке теста корреляционному анализу подвергаются связи между пунктами, и оставляют лишь те из них, которые коррелируют с общим фактором. Этот фактор потом выступает в качестве конструкта.

Данная процедура обеспечивает уверенность в том, что тест измеряет только одну переменную и каждое задание измеряет эту же переменную. Тест может измерять переменные, связанные с несколькими факторами, в том случае, если по своей сути он представляет набор субтестов, каждый из которых направлен на один из факторов-конструктов. Примером тестов, созданных в соответствии с факторно-аналитическим принципом, могут служить факторные опросники [14].

В процессе создания диагностической методики серьезной проработки требует подбор стимульного материала. Методика опросного типа содержит вопросы или утверждения, ответ на которые, по мнению разработчиков, будет выявлять наличие или отсутствие той или иной личностной переменной. Выбор и формулировка пунктов стимульного материала определяется направленностью методики, содержательной валидностью, закладываемой при разработке теста. Важно при этом учитывать возраст испытуемых. Формулировка утверждений или вопросов должна быть четкой, понятной, достаточно короткой, не отягощаться сложными синтаксическими конструкциями.

Процесс конструирования шкал диагностической методики на всех этапах их разработки позволяет использовать различные методы проверки валидности. Валидность теста создается постепенно, начиная с первого шага в его разработке, а не только на последних этапах, как при традиционной валидации относительно критерия. Про-

цесс валидизации начинается с формулировки детальных определений черты, свойства или конструкта на основе психологической теории, предшествовавших исследований или систематического наблюдения и анализа релевантной области поведения [15]. Затем, в соответствии с определениями конструкта готовят пункты методики. За этим следует их анализ с отбором наиболее эффективных, или валидных, элементов будущего стимульного материала из исходной совокупности. Далее проводятся различные виды внутреннего анализа в соответствии с выбранным принципом конструирования тестов. На заключительном этапе проводится проверка на валидность показателей методики и ее интерпретационных комбинаций с помощью внешнего критерия.

Помимо проверки на валидность, шкалы методики должны пройти стандартизацию, так как первичная оценка по любому психологическому тесту лишена смысла при отсутствии дополнительных интерпретирующих данных. Оценки по психологическим тестам чаще всего интерпретируются посредством их сопоставления с нормами, отображающими выполнение теста в выборке стандартизации.

При обработке теста сначала мы получаем «сырой» балл – первичную оценку. Затем первичную оценку конкретного человека можно соотнести с распределением оценок, полученных на выборке стандартизации, чтобы узнать, какое место он занимает в этом распределении. Чтобы более точно определить положение индивида относительно выборки стандартизации, его «сырой» балл (первичная оценка) переводится в некую относительную меру.

Предполагается, что производные оценки должны служить двум целям: 1) указывают относительное положение обследованного человека в нормативной выборке и позволяют оценить полученный им результат в сравнении с результатами других людей; 2) обеспечивают сопоставимые меры, допускающие прямое сравнение выполнения индивидуумом различных тестов.

В современных тестах часто используются стандартные показатели – наиболее удовлетворительные с точки зрения большинства требований, тип производной оценки. Такие показатели выражают отличие индивидуального результата от среднего в единицах стандартного отклонения соответствующего распределения. Стандартные показатели могут быть получены как линейным, так и нелинейным преобразованием первичных оценок [15].

Стандартные показатели, получаемые линейным преобразованием, оказываются сопоставимыми лишь в тех случаях, когда распределение «сырых» оценок, по которым они рассчитываются, имеет приблизительно одинаковую форму. Чтобы добиться сопоставимости показателей, полученных на основе распределений различной формы, можно применить нелинейное преобразование, позволяющее подогнать показатели к любому заданному типу кривой распределения. Для этой цели обычно используется нормальное распределение, хотя и другой тип распределения тоже может быть пригодным.

Нормализованные стандартные показатели, выраженные в единицах распределения, которое было преобразовано с целью его приведения к виду нормальной кривой. Такие показатели можно рассчитывать с помощью таблиц, в которых приводится процент случаев, приходящихся на участки, которые отстоят от среднего нормальной кривой на определенное число единиц SD.

Сначала определяется процент лиц в выборке стандартизации, приходящихся на (или превышающих) каждую «сырую» оценку. Затем по этому проценту в таблице значений функции плотности нормального распределения отыскивают соответствующее значение нормализованного стандартного показателя. Нормализованные стандартные показатели выражаются в той же форме, что и линейно преобразованные стандартные показатели, т.е. имеют среднее $M=0$ и стандартное отклонение $SD=1$ [15].

Таким образом, нулевое значение нормализованного показателя показывает, что испытуемый попадает в точку, соответствующую среднему нормальной кривой, превосходя 50% группы. Показатель, равный -1 означает, что он превосходит приблизительно 1,6% группы, а показатель $+1$ – что он превосходит 84% группы. Эти проценты соответствуют точкам, лежащим, соответственно, на 1 SD ниже и выше нормальной кривой.

Нормализованным стандартным показателям можно придать любую удобную форму. Достаточно известное нелинейное преобразование представлено шкалой станайнов. Эта шкала одноразрядных оценок со средним $M=5$ и стандартным отклонением $SD 2$. Название станайнов (сокращение от английского standard nine – стандартная девятка) связана с тем, что оценки в этой шкале принимают значения от 1 до 9.

Первичные оценки переводят в станайны, упорядочив их по величине и приписав станайны в соответствии со значениями нормальной плотности (в процентах), приведенными в табл. 1.

Таблица 1

**Значение нормальной плотности (в процентах)
для перевода первичных оценок в шкалу станайнов**

Процент	4	7	12	17	20	17	12	7	4
Станайн	1	2	3	4	5	6	7	8	9

Например, если в группе 100 человек, то 4 человека с самыми низкими показателями получают показатель, равный 1 станайну, следующие 7 – показатель, равный 2 станайнам, следующие 12 – показатель, равный 3 станайнам и т.д. Если группа состоит из большего или меньшего числа обследуемых, то сначала высчитывают, скольким из них соответствует каждый из выписанных в таблице процентов, а затем приписывают им соответствующие станайны.

Любая норма, как бы она не выражалась, ограничивается конкретной совокупностью людей, для которой она выводилась. Пользователь теста никогда не должен забывать о том, каким образом устанавливались тестовые нормы. Нормы психологических тестов не абсолютны, не универсальны, не постоянны. Они просто отражают уровень выполнения теста лицами, составляющими выборку, на которой производилась стандартизация [14].

Методы и организация исследования

Большой популярностью при изучении личности пользуется Миннесотский многопрофильный личностный опросник, являющийся многомерным тестом самоотчета. Эта методика охватывает большинство проблем психологии личности, поэтому

можно предположить, что ММРІ содержит в себе возможности для обнаружения особенностей психологической защиты личности. Нами были тщательно просмотрены и проанализированы шкалы ММРІ, в том числе и дополнительные, и выбраны те шкалы, которые, по нашему мнению, содержат подходящий материал для изучения особенностей психологической защиты личности:

- 54. Диссимуляция (лицемерие).
- 55. Повторное лицемерие (диссимуляция).
- 60. Чрезмерный контроль над «Эго».
- 62. Сила «Эго» (сила Я).
- 78. Точка соотнесения гордости.
- 88. Противодействие агрессии.
- 113. Самоинфляция (самопонимание, самодостаточность).
- 135. Оригинальность.
- 139. Идея преследования.
- 141. Наивность.
- 144. Предсказание изменения.
- 150. Социальная враждебность.
- 162. Предубежденность.
- 173. Социальная ответственность.
- 174. Социальная ответственность.
- 175. Ригидность (женская).
- 176. Ригидность (мужская).
- 189. Самодостаточность.
- 196. Социальное участие.
- 197. Социальное присутствие.
- 203. Фактор робости.

После анализа стимульного материала этих шкал были удалены дублирующие вопросы. Таким образом, был составлен личностный опросник, состоящий из трехсот утверждений, касающихся разных сторон жизни человека. Соответственно алгоритму разработки тестов П. Клайна, была определена шкала оценок [16]. Испытуемым предлагалось оценить степень согласия или несогласия с каждым утверждением.

В дальнейшую задачу входило с помощью полученного опросника обследовать учащихся старших классов с целью изучения особенностей их психологической самозащиты личности. Предполагалось, что особенности самозащиты могут быть связаны с полом обследуемых, особенностями учебного заведения, возрастом. Для этого были выбраны ученики 9-х, 10-х, 11-х классов гимназии № 2 г. Витебска, а также группа учащихся, обучающихся на втором курсе в УО «Витебский государственный технологический колледж» по специальности «Художественная обработка древесины (резчик)». Обследование проходило в группах-классах. Распечатанный на листах стимульный материал и бланки ответов предъявлялись лично каждому ученику. Выборка составила 346 человек.

Процедура анализа ответов осуществлялась с помощью факторного анализа. Его цель состоит в разработке моделей, понятий и методов, позволяющих анализировать и

интерпретировать массивы экспериментальных данных вне зависимости от их физической природы. Одной из наиболее типичных форм представления экспериментальных данных является матрица, столбцы которой соответствуют различным параметрам, свойствам, а строки – отдельным объектам, явлениям, описываемым набором конкретных значений параметров.

В основе различных моделей факторного анализа лежит следующая гипотеза: наблюдаемые или измеряемые параметры являются лишь косвенными характеристиками изучаемого объекта или явления, на самом деле существуют внутренние (скрытые, не наблюдаемые непосредственно) параметры или свойства, число которых мало и которые определяют значение наблюдаемых параметров. Эти внутренние параметры принято называть факторами. Задача выявления факторов может быть понята как задача разбиения параметров на такие группы, что параметры, входящие в одну группу, коррелируют между собой сильно, а параметры, входящие в разные группы – слабо. Таким образом, факторный анализ является эффективным средством получения короткого описания взаимоотношений между параметрами, при обработке экспериментальных данных с большим числом данных [7].

Факторизация проводилась с помощью персонального компьютера (пакет Statistic 6.0). Данные из бланков ответов были внесены в компьютер. Оценкам «3» и «4» был присвоен знак «1», ответам «2», «1» и «0» – знак «0». Это позволило в процентном отношении получить данные о частоте выборов по каждому параметру, что позволило проследить за тенденциями, характерными для всей выборки.

Для вычисления тесноты связей переменных использовался коэффициент контингенции [17]. Матрица полученных коэффициентов использовалась для факторного анализа. Факторный анализ осуществлялся методом главных компонент с последующим ортогональным вращением. В результате факторного анализа было выделено шесть общих факторов, которые анализировались после вращения [18].

В каждом факторе оказались переменные со значимыми весами, которые были обозначены «1» с сохранением знака «плюс» или «минус». После этого была сформирована матрица (300x6), где каждая переменная с оценкой «1» была представлена в своем факторе с соответствующим знаком. Таким образом, после проведения эмпирического исследования получилось определенное распределение переменных по факторам.

Чтобы определить особенности проявления самозащиты разными группами учащихся (в зависимости от возраста, пола, характера учебного заведения) и произвести их сравнительный анализ, были выделены индивидуальные показатели каждого испытуемого путем перемножения полученной матрицы на исходную, где ответы были представлены от «0» до «4». Затем подсчитывались средние арифметические величины факторных значений для каждой группы. После был проведен статистический анализ полученных результатов с помощью критерия Стьюдента. По каждому фактору сравнивались попарно группы учащихся друг с другом. Наиболее выраженные различия в характере психологической защиты обнаружены по половому признаку.

Дальнейшей задачей было на основании полученных шести факторов разработать шкалы будущей диагностической методики. С этой целью были отобраны пункты для стимульного материала с учетом максимальных факторных весов с одинаковым

знаком. Используя алгоритм проверки шкалы на внутреннюю валидность с помощью критерия главного фактора, обнаружили, что такая сходимость имеет место в четырех случаях: на основании факторов 1,5,6 оформились шкалы, состоящие из десяти пунктов, на основании 2-го фактора оказалось возможным сформировать шкалу из девяти пунктов. Из материала факторов 3,4 сформировать шкалы по критерию главного фактора не удалось, так как при большом количестве пунктов наблюдается внутренняя согласованность, а при меньшем количестве они противоречивы. Таким образом, мы получили четыре отличающиеся друг от друга шкалы, для которых характерна структурная валидность.

Описания полученных шкал оценки психологической защиты личности

Полученные шкалы позволяют судить о степени выраженности и основных стратегиях психологической защиты, к которым может тяготеть исследуемый.

Таблица 2

Структура шкалы № 1

№№ п/п	№№ по опроснику	Факторный вес	Пункты шкалы
1	85	0,52821	Критика и замечания всегда очень задевают меня
2	116	0,63786	Я часто тревожусь
3	168	0,42343	В школе мне трудно говорить перед всем классом
4	182	0,54033	Меня никто не понимает
5	188	0,56809	Я часто перехожу на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи с тем, кого я увидел
6	195	0,52993	Бывает, что я отказываюсь от начатого дела потому, что не верю в свои силы
7	198	0,69289	Я все принимаю близко к сердцу
8	263	0,49399	Я боюсь находиться в маленьком закрытом помещении
9	268	0,38771	Всякая грязь пугает меня и вызывает отвращение
10	294	0,54396	Иногда мне кажется, что я нахожусь на грани нервного срыва

Лицам с высокой оценкой по этой шкале, по всей вероятности, будут свойственны общая эмоциональная напряженность, повышенная чувствительность к реакциям окружающих, склонность к раздумьям, выраженная глубина переживаний, скептицизм, неуверенность в своих возможностях, низкая самооценка. Как правило, для таких лиц

характерно преобладание пассивной личностной позиции, уход от решения проблем, избегание ситуаций неуспеха, инертность в принятии решений. И как следствие этого у них могут формироваться либо черты зависимости, либо дистантность, либо болезненно заостренное чувство собственного достоинства.

Аффилиативная потребность, т.е. потребность в понимании, любви, доброжелательности, – одна из ведущих, по-видимому, фрустрируется. Появляется склонность к острому переживанию неудач, волнениям, повышенному чувству вины, самокритичности, неуверенности в себе. Пессимистическая оценка своих возможностей может формировать тенденцию полагаться на то, что само собой складывается, т.е. фатализм.

По-видимому, для этих лиц будут характерны такие механизмы психологической защиты личности, как отказ от самореализации и усиление контроля сознания. Страх несоответствия «идеальному Я» и низкая стрессоустойчивость могут формировать выраженное «Супер-Эго». У таких лиц часто наблюдается соматизация тревоги, что является биологическим способом защиты. Склонность к фиксированным страхам, в частности, страх замкнутого пространства. Маленькое закрытое помещение пугает, так как ограничивает возможность ухода, избегания. Затрудненная адаптация проявляется в неуверенности в жизни, ощущение неопределенности своего статуса, тревожным ожиданием всяческих неприятностей.

Таблица 3

Структура шкалы № 2

№№ п/п	№№ по опроснику	Факторный вес	Пункты шкалы
1	58	0,65406	Временами я испытываю сильное желание сделать что-нибудь вредное или неприличное
2	66	0,50729	Некоторые люди так любят командовать, что меня тянет делать все наоборот, даже если я знаю, что они правы
3	110	0,42891	Считаю, что некоторые мои поступки нельзя простить
4	124	0,43679	Я люблю поговорить на сексуальные темы
5	150	0,48154	Раз в неделю или чаще я бываю возбужденным и взволнованным
6	206	0,50490	Люди часто разочаровывают меня
7	236	0,65054	Есть люди, которых я так не люблю, что в глубине души радуюсь их неприятностям
8	256	0,55209	Я могу сослаться на болезнь, чтобы избежать чего-нибудь неприятного
9	276	0,34352	Я берусь за дверные ручки без страха заразиться

Для лиц с высоким показателем по этой шкале свойственны некоторая эмоциональная нестабильность, в какой-то мере, импульсивность, характерны неустойчивые, часто завышенные требования к окружающим. Наблюдается тенденция к противодействию внешнему давлению, склонность опираться в основном на собственное мнение, а может быть, на сиюминутные побуждения. Они, как правило, стремятся к независимости, для них характерны низкая подчиняемость, подчеркнутая независимость.

В ситуации невозможности реализовать свои потребности для снижения напряжения и при столкновении с неприемлемой для самооценки личности информацией, очевидно, могут сработать такие защитные механизмы, как вытеснение, которое может сопровождаться отреагированием на поведенческом уровне с критическими высказываниями, протестными реакциями. Такой тип реагирования может быть связан с защитой по типу проекция, когда индивид приписывает окружающим черты, присущие ему самому и за это карает. В определенных ситуациях у лиц с высоким показателем по данной шкале может оказаться задействованным такой механизм защиты, как избегание травмирующей ситуации.

Таблица 4

Структура шкалы № 3

№№ п/п	№№ по опроснику	Факторный вес	Пункты шкалы
1	32	0,21338	Я нравлюсь большинству людей, которые меня знают
2	70	0,46136	Я верю в будущее
3	82	0,46418	Я люблю собирать цветы и выращивать комнатные растения
4	84	0,58251	Я считаю, что моя жизнь столь же хороша, как у большинства моих знакомых
5	92	0,08621	Я вел (веду) дневник
6	125	0,48755	Я всегда следую чувству долга и ответственно-
7	223	0,53473	Если возникает такая необходимость, то я умею организовать и повести за собой людей
8	264	0,38959	Лучше всего быть искренним и откровенным
9	273	0,56768	Обычно я упорно отстаиваю свое собственное мнение
10	293	0,37577	Будь я художником, мне бы нравилось рисовать детей

Для лиц с высокой оценкой по данной шкале характерны будут сангвинические черты, такие как оптимистичность, высокая самооценка, деловитость, спокойствие и уверенность в себе, вера в свои силы. По-видимому, у девушек оценка по этой шкале

будет выше, чем у юношей. Высокая оценка у юношей свидетельствует о гуманистической направленности интересов, некоторой сентиментальности, потребности в гармоничных дружелюбных отношениях. Эти лица проявляют склонность к построению устойчивой системы взглядов и принципов, склонны к независимости в отстаивании своего мнения.

В ситуации угрозы позитивной самооценки, возможно, сработает такой механизм психологической защиты личности, как отрицание. Сублимация – это, по-видимому, такой механизм защиты, который также будет свойственен такого типа личности, когда сексуальная или агрессивная энергия человека переводится в другое русло, в приемлемое и поощряемое общество, например, в интеллектуальную деятельность, физическую активность, творчество, и человек находит удовлетворение, сублимируя свои влечения.

Таблица 5

Структура шкалы № 4

№№ п/п	№№ по опроснику	Факторный вес	Пункты шкалы
1	175	0,52474	Большинству людей в глубине души жаль поступаться своими интересами ради других
2	189	0,42894	У меня отсутствуют враги, которые всерьез желают мне навредить
3	200	0,48526	Огонь меня мало пугает
4	214	0,51186	Если бы представилась возможность, я бы смог совершить дела, полезные всему человечеству
5	215	0,41582	У меня отсутствует страх перед водой
6	220	0,35766	Мне бы доставило удовольствие провести мошенника его же способом
7	231	0,59698	Я человек твердых убеждений
8	242	0,46627	Я люблю волнение и напряжение большого скопления людей
9	261	0,53656	Меня раздражает самоуверенная нетерпимость и фанатичность некоторых людей
10	291	0,49228	Я люблю читать о науке

Для лиц с высоким показателем по данной шкале будут свойственны активная личностная позиция, высокая поисковая активность, склонность опираться на собственное мнение, высокая самооценка. Они не идеализируют людей, но и не сторонятся их. Для лиц такого типа, по-видимому, будут свойственны следующие защитные механизмы, снижающие напряжение при невозможности реализовать насущную потребность: 1) рационализация с обесцениванием объекта фрустрированной потребности

(вариант «Лиса и виноград»; если желаемое недостижимо, то ценность его в глазах индивида снижается); 2) отреагирование во вне по внешне обвиняемому типу, когда человек дает волю своим негативным эмоциям, проявляя их в том или ином виде. Этот тип реагирования связан с защитным механизмом по типу проекции: индивид приписывает окружающим те негативные качества, которые присущи ему самому.

Стандартизация осуществлялась путем ранжирования всех опрошенных представителей молодежи на основании оценок по каждой шкале в соответствии с «сырым» показателем и в связи с законом нормального распределения и соответствия нормальной шкале им присваивались номера от 9 до 1, т.е. использовалось такое нелинейное преобразование, как шкала станайнов.

Подсчитывалось, скольким обследуемым соответствует каждый из выписанных в таблице процентов, а затем приписывались им соответствующие станайны. Результаты позволили создать шкалы перевода «сырых» оценок в станайны.

Таблица 6

Таблица перевода «сырых» счетов в станайны

Станайны	Шкалы			
	1	2	3	4
9	28 и выше	29 и выше	24 и выше	34 и выше
8	26–27	26–28	27–33	32–33
7	23–25	23–25	25–26	30–31
6	20–22	20–22	23–24	28–29
5	17–19	17–21	20–23	25–27
4	14–16	14–16	17–19	22–24
3	11–13	11–13	14–16	19–21
2	8–10	9–10	12–13	17–18
1	7 и ниже	8 и ниже	11 и ниже	16 и ниже

Представленную таблицу можно использовать для интерпретации данных по шкалам. Таким образом, получаем возможность сравнивать результаты обследуемого по каждой шкале, можем определить его место в выборке, сравнивая его результат с результатами других обследуемых, сравнивать результаты обследуемого по данному тесту с его же результатами по другим тестам.

Методика оценки самозащиты личности с помощью разработанных шкал

Методика содержит четыре шкалы, состоящие из десяти, а вторая шкала – из девяти утверждений, таким образом, опросник содержит тридцать девять утверждений, которые предъявляются индивидуально каждому обследуемому вместе с бланком для ответов и инструкцией, что позволяет проводить обследование не только индивидуально, но и в группе.

I шкала		II шкала		III шкала		IV шкала	
1	Критика и замечания всегда очень задевают меня	11	Временами я испытываю сильное желание сделать что-нибудь вредное или неприличное	20	Я нравлюсь большинству людей, которые меня знают	30	Большинству людей в глубине души жаль поступаться своими интересами ради других
2	Я часто тревожусь	12	Некоторые люди так любят командовать, что меня тянет делать все наоборот, даже если я знаю, что они правы	21	Я верю в будущее	31	У меня отсутствуют враги, которые всерьез желают мне навредить
3	В школе мне трудно говорить перед всем классом	13	Считаю, что некоторые мои поступки нельзя простить	22	Я люблю собирать цветы и выращивать комнатные растения	32	Огонь меня мало пугает
4	Меня никто не понимает	14	Я люблю поговорить на сексуальные темы	23	Я считаю, что моя жизнь столь же хороша, как у большинства моих знакомых	33	Если бы представилась возможность, я бы смог совершить дела, полезные всему человечеству
5	Я часто перехожу на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи с тем, кого я увидел	15	Раз в неделю или чаще я бываю возбужденным и взволнованным	24	Я вел (веду) дневник	34	У меня отсутствует страх перед водой
6	Бывает, что я отказываюсь от начатого дела потому, что не верю в свои силы	16	Люди часто разочаровывают меня	25	Я всегда следую чувству долга и ответственности	35	Мне бы доставило удовольствие провести мошенника его же способом
7	Я все принимаю близко к сердцу	17	Есть люди, которых я так не люблю, что в глубине души радуюсь их неприятностям	26	Если возникает такая необходимость, то я умею организовать и повести за собой людей	36	Я человек твердых убеждений
8	Я боюсь находиться в маленьком закрытом помещении	18	Я могу сослаться на болезнь, чтобы избежать чего-нибудь неприятного	27	Лучше всего быть искренним и откровенным	37	Я люблю волнение и напряжение большого скопления людей
9	Всякая грязь пугает меня и вызывает отвращение	19	Я берусь за дверные ручки без страха заразиться	28	Обычно я упорно отстаиваю свое собственное мнение	38	Меня раздражает самоуверенная нетерпимость и фанатичность некоторых людей
10	Иногда мне кажется, что я нахожусь на грани нервного срыва			29	Будь я художником, мне бы нравилось рисовать детей	39	Я люблю читать о науке

Инструкция предъявления методики

Вам предлагается ряд утверждений, касающихся самых разных аспектов Вашей жизни. Здесь не может быть ответов «правильных» или «ошибочных». Люди различны, и каждый может высказать свое мнение. Чтобы оценить степень согласия или несогласия с каждым из утверждений, используйте следующую шкалу:

- 4 – полностью согласен;
- 3 – скорее согласен, чем не согласен;
- 2 – трудно сказать;
- 1 – скорее не согласен, чем согласен;
- 0 – полностью не согласен.

Отвечать надо следующим образом: в соответствующей клеточке на бланке для ответов поставьте цифру, соответствующую степени Вашего согласия или несогласия с данным утверждением.

Не нужно тратить много времени на обдумывание ответов. Давайте тот ответ, который первым придет Вам в голову. Старайтесь не прибегать к промежуточному, неопределенному ответу «трудно сказать» слишком часто. Обязательно отвечайте на все вопросы подряд, ничего не пропуская.

Некоторые пункты покажутся Вам личными, но Вы можете быть уверены в том, что ответы не будут разглашены. Не старайтесь произвести хорошее впечатление своими ответами, они должны соответствовать действительности.

Если у Вас возникли какие-то вопросы, задайте их прежде, чем приступите к выполнению теста.

Бланк для ответов							
Фамилия, имя, отчество _____							
Пол _____ возраст _____ дата _____							
_____							
(другие сведения по указанию экспериментатора)							
1		11		20		30	
2		12		21		31	
3		13		22		32	
4		14		23		33	
5		15		24		34	
6		16		25		35	
7		17		26		36	
8		18		27		37	
9		19		28		38	
10				29		39	

Ключи к расшифровке ответов

Оценка по шкалам производится следующим образом:

- ответ «4» («полностью согласен») дает 4 балла;
- ответ «3» («скорее согласен, чем не согласен») дает 3 балла;
- ответ «2» («трудно сказать») дает 2 балла;
- ответ «1» («скорее не согласен, чем согласен») дает 1 балл;
- ответ «0» («полностью не согласен») дает 0 баллов.

Подсчитывается общая сумма баллов отдельно по каждой шкале: для первой шкалы суммируются баллы по пунктам от 1 до 10, для второй – от 11 до 19, для третьей – от 20 до 29, для четвертой – от 30 по 39. Максимальное количество баллов по первой, третьей, четвертой шкалам – 40 баллов, по второй шкале – 30 баллов. Для интерпретации показателей по шкалам рекомендуется использовать «Шкалу перевода «сырых» баллов в станайны».

Полученные результаты интерпретируются в качестве показателей степени выраженности и особенностей проявления психологической защиты личности. Каждому испытуемому может быть дана оценка по каждой шкале. Можно проводить сравнительный анализ испытуемых друг с другом по характеру психологических защит и степени их выраженности.

Заключение

Успешное развитие личности зависит от многих причин. Важную роль в этом играют механизмы психологической защиты личности. Набор защитных механизмов индивидуален и характеризует уровень адаптации. Поскольку роль защиты неоднородна, к тому же способность ее выполнять свои функции у разных людей неодинакова, возникает необходимость различать защиту, выполняющую профилактические функции, и защиту, которая может являться неадекватной формой адаптации. Поэтому психологу, работающему со школьниками, важно иметь такие диагностические методики, которые могут помочь определять основные тенденции, к которым тяготеет личность в плане психологической защиты себя в травмирующих ситуациях.

Создание таких методик требует основательного изучения проблемы, анализа ресурсов в имеющемся диагностическом инструментарии и разработки на его основе новых методик, которые могут быть доступны психологу, достаточно просты в обработке и при этом прогностичны [12]. Наше исследование и решает эту проблему.

Кроме того, в результате изучения установлено, что традиционная процедура разработки опросных личностных шкал может использоваться для разработки методов изучения психологической защиты личности. Стимульный материал ММПІ дает возможность для построения таких методов. На материале обследования старшеклассников были получены четыре отличающиеся шкалы, для которых характерна структурная валидность. Шкалы позволяют предполагать степень выраженности и основные стратегии психологических защит, к которым может тяготеть личность.

Результаты стандартизации и все методическое обеспечение готово к опытной эксплуатации. Обследуемому может быть дана оценка по каждой шкале, имеется возможность сравнения степени выраженности и особенностей психологической защиты разных обследуемых друг с другом. Для интерпретации данных желательно распола-

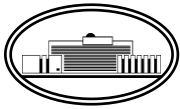
гать некоторыми сведениями о характере, поведении, условиях жизни, воспитания и обучения обследуемого. Это даст возможность сделать более обоснованное заключение об особенностях защитных стратегий и их роли в приспособляемости личности к среде.

Однако для широкого использования метода требуется дополнительная работа с определением внешней валидности (с использованием контрастных групп). В рамках данного исследования работы внешнюю валидность проверить не удалось, так как сложно подобрать ее адекватные критерии, мы не имеем таких контрастных групп, на которых можно осуществить подобную проверку. Таким образом, требуется дополнительная работа по нахождению критерия внешней валидизации. А также требуется проверка на наличие различий норм и стандартов для групп мужчин и женщин, однако для этого необходимо иметь большую выборку.

Л и т е р а т у р а

1. Соколова, Е.А. Связь психологических механизмов защиты с аффективно-когнитивным стилем личности у пациентов с повторными суицидальными попытками / Е.А. Соколова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 2006. – № 2.
2. Богомаз, С.Л. Самоанализ: подходы, тенденции, возможности и ограничения / С.Л. Богомаз // Веснік ВДУ. – 2005. – № 2(36).
3. Бассин, В.Ф. О силе «Я» и психологической защите / В.Ф. Бассин // Вопросы философии. – 1969. – № 2.
4. Журбин, В.И. Понятие психологической защиты в концепциях З. Фрейда и К. Роджерса / В.И. Журбин // Вопросы психологии. – 1990. – № 4.
5. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М., 1990.
6. Фрейд, З. О психоанализе. Пять лекций // Хрестоматия по истории психологии / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М., 1998.
7. Хармин, Г. Современный факторный анализ / Г. Хармин. – М.: Статистика, 1972.
8. Фрустрация, конфликт, защита // Вопросы психологии. – 1991. – № 6.
9. Фрейд, А. Психология «Я» и защитные механизмы / А. Фрейд. – М.: Педагогика-Пресс, 1993.
10. Грановская, Р.М. Защита личности: психологические механизмы / Р.М. Грановская, И.М. Никольская. – СПб: Знание, 1998.
11. Грановская, Р.М. Психологическая защита у детей / Р.М. Грановская, И.М. Никольская. – СПб.: Речь, 2000.
12. Янчук, В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход / В.А. Янчук. – Мн.: Бестпринт, 2000.
13. Грановская, Р.М. Психологическая защита / Р.М. Грановская. – СПб.: Речь, 2007.
14. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб.: Питер, 1999.
15. Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси, С. Урбина. – СПб.: Питер, 2002.
16. Клайн, П. Справочное руководство по конструированию тестов / П. Клайн. – Киев: ПАН Лт.д., 1994.
17. Урбах, В.Ю. Биометрические методы / В.Ю. Урбах. – М.: Наука, 1964.
18. Секун, В.И. Психология активности / В.И. Секун. – Мн.: Адукацыя і выхаванне, 1996.

Поступило 24.07.2008

УДК 521.1

Метод нелинейного времени в задаче двух тел

Ю.В. Трубников, А.М. Воронов

Как известно, основная задача небесной механики формулируется следующим образом: изучить движение материальной системы, состоящей из конечного числа материальных точек, обладающих постоянными массами и движущихся в абсолютно пустом пространстве под действием сил взаимных притяжений, определяемых законом всемирного тяготения Ньютона. Астрономические наблюдения показывают, что отличия искусственной математической теории от действительности, вообще говоря, достаточно малы. Разложения решений задачи Коши в степенные ряды по времени – классический метод небесной механики, однако, по-настоящему эффективным этот метод в процессе нахождения рядов с большим количеством слагаемых. Выполнить такие вычислительные операции в аналитическом виде возможно только с применением прикладных математических пакетов, что и сделано в настоящей статье.

Основной задачей небесной механики является движение системы, состоящей из некоторого конечного числа материальных точек, взаимно притягивающихся по закону Ньютона. Эта задача и называется задачей многих тел, частными случаями которой являются задачи двух, трех и т.д. тел.

Развитие всей небесной механики образно можно разбить на три течения. Первое вобрало в себя фундаментальные аналитические и качественные методы, составляющие квинтэссенцию небесной механики. Порожденные этим течением волны основательно питают второе направление, связанное с построением численно-аналитических (эфмеридных) теорий движения конкретных небесных объектов, включая определение числовых значений динамических характеристик небесных тел и их орбит: величин масс, значений гармоник гравитационного потенциала, элементов орбит и т.п.

Оба эти направления находятся в плену все более разрастающегося в масштабах «поставщика» новых объектов исследования: движение искусственных спутников Земли (ИСЗ) и межпланетных космических станций.

Разработка математических методов небесной механики в XX веке связана с работами А. Пуанкаре (1854–1912 гг.), А.М. Ляпунова (1857–1918 гг.) и К. Зундмана.

А. Пуанкаре дал приложения своих исследований к задаче о движении трех тел, изучил периодические решения задачи, асимптотическое поведение решений. Им введены методы малого параметра, уравнений в вариациях, разработана теория интегральных инвариантов, написаны труды об устойчивости движения небесных тел и о фигурах равновесия гравитирующей вращающейся жидкости.

А.М. Ляпунов создал современную строгую теорию устойчивости равновесия и движения механических систем, определяемых конечным числом параметров.

К. Зундману (1909–1912 гг.), а позднее Г. Мерману, который в 1958 г. применил к задаче трех тел специального вида ряды Миттаг-Леффлера, удалось решить задачу трех тел с помощью бесконечных степенных сходящихся рядов; сходимость этих рядов значительно улучшена в результате работ математиков школы А.Н. Колмогорова. Но оказалось, что эти бесконечные ряды сходятся настолько медленно, что практического значения не имеют. Более того, современные результаты свидетельствуют об отсутствии каких-либо надежд на успех в полном решении задачи трех тел.

Задачу двух тел в теории невозмущенного кеплеровского движения и по ныне предлагают решать методом Клеро–Лапласа [1, с. 430], либо записав уравнения невозмущенного движения в канонической форме и применив метод Гамильтона–Якоби [1, с. 431], либо перейти к цилиндрическим или сферическим координатам и использовать радиальную составляющую. Дифференциальное уравнение второго порядка для радиальной составляющей двух тел содержит сумму отрицательных степеней расстояния между двумя телами. Классический метод исследования [2, с. 43] этого уравнения состоит в получении зависимости $t = t(r)$ и последующего изучения свойств этой зависимости. Функцию $r = r(t)$ получают приближенно, используя приближенное решение уравнения Кеплера, выражающего соотношение между временем t и эксцентрисической аномалией $E = E(t)$ [3, с. 73].

Подкласс точных решений уравнения невозмущенного движения $x = x(t)$ имеется только в случае прямолинейного движения, притом начальная скорость и начальная координата связаны строгим равенством [1, с. 520]. Общего же аналитического решения нет.

Авторы статьи предлагают замену времени, приводящую в случае ньютоновского потенциала к явной параметрической зависимости от «нового» времени радиальной составляющей в задаче двух тел и, как следствие, в нахождении рядов Фурье декартовых координат невозмущенного кеплеровского движения.

В случае произвольного потенциала подстановка $\frac{dt}{d\tau} = r[t, \tau]$ приводит к удобному дифференциальному уравнению

$$\frac{d^2 r}{d\tau^2} = hr + \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \left[r^2 \cdot \frac{dU(r)}{dr} + 2rU(r) \right],$$

в котором τ – «новое» время, $U(r)$ – произвольная силовая функция, h, m_0, m_1 – постоянные.

Рассмотрим задачу движения двух тел с массами m_0 и m_1 в силовом поле с произвольным потенциалом $U(r)$, $r = \sqrt{x_1 - x_0^2 + y_1 - y_0^2 + z_1 - z_0^2}$, зависящим лишь от расстояния между телами.

Система дифференциальных уравнений, описывающая движение, в абсолютных декартовых координатах будет иметь вид:

$$m_0 \ddot{x}_0 = \frac{\partial U}{\partial x_0} = \frac{dU}{dr} \cdot \frac{\partial r}{\partial x_0} = -\frac{dU}{dr} \cdot \frac{1}{r} \cdot x_1 - x_0, \quad (1)$$

$$m_1 \ddot{x}_1 = \frac{\partial U}{\partial x_1} = \frac{dU}{dr} \cdot \frac{\partial r}{\partial x_1} = -\frac{dU}{dr} \cdot \frac{1}{r} \cdot x_1 - x_0, \quad (2)$$

Аналогичные уравнения получаются и для переменных y_0, y_1, z_0, z_1 .

Таким образом,

$$\ddot{x}_0 = -\frac{1}{m_0} \cdot \frac{1}{r} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot x_1 - x_0, \quad (3)$$

$$\ddot{x}_1 = +\frac{1}{m_1} \cdot \frac{1}{r} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot x_1 - x_0, \quad (4)$$

Вычтя из уравнения (4) уравнение (3), получаем

$$\ddot{x}_1 - \ddot{x}_0 = \left(\frac{1}{m_1} + \frac{1}{m_0} \right) \cdot \frac{1}{r} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot x_1 - x_0. \quad (5)$$

Уравнение (5) дает возможность перейти к относительной системе координат, положив

$$x = x_1 - x_0, \quad y = y_1 - y_0, \quad z = z_1 - z_0,$$

тогда получим систему уравнений

$$\ddot{x} = \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{1}{r} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot x, \quad (6.1)$$

$$\ddot{y} = \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{1}{r} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot y, \quad (6.2)$$

$$\ddot{z} = \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{1}{r} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot z. \quad (6.3)$$

Умножим обе части уравнения (6.1) на $\dot{x}$ (соответственно (6.2) на $\dot{y}$, (6.3) на $\dot{z}$) и сложим полученные равенства, тогда

$$\dot{x}\ddot{x} + \dot{y}\ddot{y} + \dot{z}\ddot{z} = \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{1}{r} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot (x\dot{x} + y\dot{y} + z\dot{z}) = \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{dU[r, t]}{dt},$$

т. е.

$$\frac{1}{2} \cdot \frac{d}{dt} (\dot{x}^2 + \dot{y}^2 + \dot{z}^2) = \dot{x}\ddot{x} + \dot{y}\ddot{y} + \dot{z}\ddot{z} = \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{dU[r, t]}{dt}. \quad (7)$$

Таким образом, интеграл энергии будет иметь вид

$$\dot{x}^2 + \dot{y}^2 + \dot{z}^2 = \frac{2 m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot U[r, t] + h, \quad (8)$$

где h – постоянная, определяемая начальными условиями.

Далее из системы (6.1)–(6.3) получаем

$$x\ddot{x} = \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{1}{r} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot x^2; \quad (9.1)$$

$$y\ddot{y} = \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{1}{r} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot y^2; \quad (9.2)$$

$$z\ddot{z} = \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{1}{r} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot z^2. \quad (9.3)$$

Сложим уравнения (9.1)–(9.3), тогда

$$x\ddot{x} + y\ddot{y} + z\ddot{z} = \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot r \cdot \frac{dU}{dr}. \quad (10)$$

Из (8) и (10) получаем следующее равенство

$$\begin{aligned} \frac{d^2}{dt^2} r^2 &= \frac{d}{dt} (2x\dot{x} + 2y\dot{y} + 2z\dot{z}) = 2(x\ddot{x} + y\ddot{y} + z\ddot{z}) + 2(\dot{x}^2 + \dot{y}^2 + \dot{z}^2) = \\ &= \frac{2 m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{rdU}{dr} + \frac{4 m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot U + 2h, \end{aligned} \quad (11)$$

т.е.

$$\frac{d^2}{dt^2} r^2 = \frac{2 m_0 + m_1}{m_0 m_1} \left[r \cdot \frac{dU}{dr} + 2U \right] + 2h. \quad (12)$$

С другой стороны

$$\frac{d^2}{dt^2} r^2 = 2 \dot{r}^2 + 2r\ddot{r}. \quad (13)$$

Приравняв правые части равенств (12) и (13), найдем, что

$$\dot{r}^2 + r\ddot{r} = \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \left[r \cdot \frac{dU}{dr} + 2U \right] + h. \quad (14)$$

Новизна метода состоит в замене времени

$$\frac{dt}{d\tau} = r \left[t, \tau \right]. \quad (15)$$

В силу такой замены справедливы равенства

$$\frac{dr}{d\tau} = \frac{dr}{dt} \cdot \frac{dt}{d\tau} = \dot{r}r, \quad (16)$$

$$\frac{d^2 r}{d\tau^2} = \ddot{r} r^2 + \dot{r}^2 \cdot r = r \left[\ddot{r} + \dot{r}^2 \right]. \quad (17)$$

Теорема 1. Подстановка (15) приводит уравнение для радиальной составляющей r к виду

$$\frac{d^2 r}{d\tau^2} = hr + \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \left[r^2 \cdot \frac{dU}{dr} + 2rU \right]. \quad (18)$$

При этом уравнения для координат будут иметь вид:

$$\frac{dt}{d\tau} \cdot \frac{d^2 x[t \tau]}{d\tau^2} - \frac{d^2 t}{d\tau^2} \cdot \frac{dx[t \tau]}{d\tau} - \left(\frac{dt}{d\tau} \right)^2 \cdot \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot x[t \tau] = 0, \quad (19.1)$$

$$\frac{dt}{d\tau} \cdot \frac{d^2 y[t \tau]}{d\tau^2} - \frac{d^2 t}{d\tau^2} \cdot \frac{dy[t \tau]}{d\tau} - \left(\frac{dt}{d\tau} \right)^2 \cdot \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot y[t \tau] = 0, \quad (19.2)$$

$$\frac{dt}{d\tau} \cdot \frac{d^2 z[t \tau]}{d\tau^2} - \frac{d^2 t}{d\tau^2} \cdot \frac{dz[t \tau]}{d\tau} - \left(\frac{dt}{d\tau} \right)^2 \cdot \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot z[t \tau] = 0. \quad (19.3)$$

Доказательство. Из равенств (17) и (14) получаем

$$\begin{aligned} \frac{d^2 r}{d\tau^2} &= r \left[\ddot{r} + \dot{r}^2 \right] = r \left\{ \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \left[r \cdot \frac{dU}{dr} + 2U \right] + h \right\} = \\ &= hr + \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \left[r^2 \cdot \frac{dU}{dr} + 2rU \right]. \end{aligned} \quad (20)$$

Для вывода уравнения (19.1) заметим, что

$$\frac{dx[t \tau]}{d\tau} = \frac{dx[t \tau]}{dt} \cdot \frac{dt}{d\tau},$$

и

$$\begin{aligned} \frac{d^2 x[t \tau]}{d\tau^2} &= \frac{d^2 x[t \tau]}{dt^2} \cdot \left(\frac{dt}{d\tau} \right)^2 + \frac{dx[t \tau]}{dt} \cdot \frac{d^2 t}{d\tau^2} = \\ &= \left(\frac{dt}{d\tau} \right)^2 \cdot \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{1}{r} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot x[t \tau] + \frac{dx[t \tau]}{dt} \cdot \frac{d^2 t}{d\tau^2} = \\ &= \left(\frac{dt}{d\tau} \right)^2 \cdot \frac{m_0 + m_1}{m_0 m_1} \cdot \frac{1}{\frac{dt}{d\tau}} \cdot \frac{dU}{dr} \cdot x[t \tau] + \frac{dx[t \tau]}{dt} \cdot \frac{d^2 t}{d\tau^2}. \end{aligned}$$

Умножив обе части полученного равенства $\frac{dt}{d\tau}$, получаем уравнение (19.1). Аналогично выводятся уравнения (19.2) и (19.3).

В частности, если

$$U \ r = \frac{fm_0m_1}{r},$$

то уравнение (18) становится линейным уравнением с постоянными коэффициентами. Действительно

$$\begin{aligned} \frac{d^2r}{d\tau^2} &= hr + \frac{m_0 + m_1}{m_0m_1} \left[r^2 \left(-\frac{fm_0m_1}{r^2} \right) + 2r \frac{fm_0m_1}{r} \right] = \\ &= hr + \frac{m_0 + m_1}{m_0m_1} - fm_0m_1 + 2fm_0m_1 = hr + f \frac{m_0 + m_1}{m_0m_1}, \end{aligned} \quad (21)$$

где f – гравитационная постоянная.

Теорема доказана.

Рассмотрим следующий пример ([4, с.22]). Пусть спутник движется в экваториальной плоскости Земли. Земля несколько сжата к своему экватору, поэтому сила, действующая на спутник, будет несколько отличаться от ньютоновской. Однако при движении спутника в плоскости экватора эта сила останется центральной, постоянно направленной к центру Земли. В этом случае потенциал $U \ r$ будет иметь вид:

$$U \ r = \frac{fm_0m_1}{r} + \frac{\varepsilon fm_0m_1R_0^2}{3r^3}. \quad (22)$$

Здесь первый член – обычное ньютоновское центральное ускорение, а второй член – возмущающее ускорение, вызванное сжатием Земли. При этом r – расстояние от спутника до центра Земли, ε – постоянная безразмерная величина, зависящая от степени сплюснутости Земли; для Земли можно принять $\varepsilon = 0,0016$, R_0 – экваториальный радиус Земли.

Запишем вид уравнения (18) для данного случая. Так как

$$\begin{aligned} r^2 \cdot \frac{dU}{dr} + 2rU \ r &= r^2 \left(-\frac{fm_0m_1}{r^2} - \frac{\varepsilon fm_0m_1R_0^2}{r^4} \right) + \\ + 2r \left(\frac{fm_0m_1}{r} + \frac{\varepsilon fm_0m_1R_0^2}{3r^3} \right) &= -fm_0m_1 - \frac{\varepsilon fm_0m_1R_0^2}{r^2} + \\ + 2fm_0m_1 + \frac{2}{3} \cdot \frac{\varepsilon fm_0m_1R_0^2}{r^2} &= fm_0m_1 - \frac{1}{3} \cdot \frac{\varepsilon fm_0m_1R_0^2}{r^2}, \end{aligned}$$

то

$$\frac{d^2r}{d\tau^2} = hr + \frac{m_0 + m_1}{m_0m_1} \left[fm_0m_1 - \frac{1}{3} \cdot \frac{\varepsilon fm_0m_1R_0^2}{r^2} \right] =$$

$$= hr + f m_0 + m_1 - \frac{1}{3} \cdot \frac{\varepsilon f m_0 + m_1 R_0^2}{r^2}. \quad (23)$$

Таким образом,

$$\frac{d^2 r}{d\tau^2} = hr + f m_0 + m_1 - \frac{1}{3} \cdot \frac{\varepsilon f m_0 + m_1 R_0^2}{r^2}. \quad (24)$$

Уравнение (24) можно исследовать следующим образом. Если известно, что движение финитное, т.е.

$$R_0 < r_{\min} \leq r \leq r_{\max}, \quad (25)$$

то, естественно, аппроксимировать функцию $\frac{1}{r^2}$ многочленом первой степени в чебышевской метрике, затем в явном виде решить уравнение (24) и результат подставить в уравнения для координат (19.1)–(19.3), которые являются линейными уравнениями с переменными коэффициентами.

Покажем, как этот алгоритм реализуется в более простом случае, когда

$$U(r) = \frac{fm_0 m_1}{r}.$$

Рассмотрим систему уравнений, описывающих невозмущенное кеплеровское движение в декартовых координатах:

$$\begin{cases} \ddot{x} = -\frac{\mu x}{r^3}, \\ \ddot{y} = -\frac{\mu y}{r^3}, \\ \ddot{z} = -\frac{\mu z}{r^3}, \end{cases} \quad (26)$$

где μ – некоторая постоянная, r – расстояние между телами, т.е.

$$r^2 = x^2 + y^2 + z^2.$$

Из системы (26) получаем, что

$$\begin{cases} x\ddot{x} = -\frac{\mu x^2}{r^3}, \\ y\ddot{y} = -\frac{\mu y^2}{r^3}, \\ z\ddot{z} = -\frac{\mu z^2}{r^3}, \end{cases} \quad (27)$$

Сложим уравнения системы (27), тогда

$$x\ddot{x} + y\ddot{y} + z\ddot{z} = -\frac{\mu}{r^3} (x^2 + y^2 + z^2) = -\frac{\mu}{r}. \quad (28)$$

Далее применим закон сохранения энергии [1, с. 436]:

$$\dot{x}^2 + \dot{y}^2 + \dot{z}^2 = \frac{2\mu}{r} + h, \quad (29)$$

где h – постоянная энергии.

В силу замены (15) справедливы равенства

$$\frac{dr}{d\tau} = \frac{dr}{dt} \cdot \frac{dt}{d\tau} = \dot{r}r, \quad (30)$$

$$\frac{d^2r}{d\tau^2} = \ddot{r}r^2 + \dot{r}^2 r = r \left[\ddot{r} + \dot{r}^2 \right]. \quad (31)$$

Следствие. Подстановка (15) приводит уравнение для радиальной составляющей r к виду

$$\frac{d^2r}{d\tau^2} = hr + \mu, \quad (32)$$

т.е. к линейному дифференциальному уравнению второго порядка с постоянными коэффициентами.

Доказательство. Преобразуем правую часть равенства (31) к более удобному виду. Для этого заметим, что

$$\frac{d}{dt} (x^2 + y^2 + z^2) = 2x\dot{x} + 2y\dot{y} + 2z\dot{z}$$

и

$$\begin{aligned} \frac{d^2}{dt^2} r^2 &= \frac{d}{dt} (2x\dot{x} + 2y\dot{y} + 2z\dot{z}) = \\ &= 2(x\ddot{x} + y\ddot{y} + z\ddot{z}) + 2[\dot{x}^2 + \dot{y}^2 + \dot{z}^2], \end{aligned}$$

следовательно из равенств (28) и (29) получаем

$$\frac{d^2}{dt^2} r^2 = 2\left(-\frac{\mu}{r}\right) + 2\left(\frac{2\mu}{r} + h\right) = \frac{2\mu}{r} + 2h. \quad (33)$$

С другой стороны

$$\frac{d^2}{dt^2} r^2 = 2\dot{r}^2 + 2r\ddot{r},$$

т.е. справедливо равенство

$$\dot{r}^2 + r\ddot{r} = \frac{\mu}{r} + h. \quad (34)$$

Подставив правую часть равенства (34) в правую часть равенства (31), получаем:

$$\frac{d^2r}{d\tau^2} = r\left(\frac{\mu}{r} + h\right) = hr + \mu. \quad (35)$$

Уравнение (35) является линейным дифференциальным уравнением второго порядка с постоянными коэффициентами.

Рассмотрим далее три случая. В случае эллиптического движения $h < 0$, тогда

$$r = r_0 + \frac{\mu}{h} \tau = \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] \cos \sqrt{|h|} \tau + \frac{\dot{r}_0}{\sqrt{|h|}} \sin \sqrt{|h|} \tau - \frac{\mu}{h}. \quad (36)$$

Правую часть равенства (36) подставим в уравнение (15), тогда

$$\frac{dt}{d\tau} = \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] \cos \sqrt{|h|} \tau + \frac{\dot{r}_0}{\sqrt{|h|}} \sin \sqrt{|h|} \tau - \frac{\mu}{h}, \quad (37)$$

т.е.

$$t = t_0 + \frac{1}{\sqrt{|h|}} \cdot \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] \sin \sqrt{|h|} \tau - \frac{\dot{r}_0}{|h|} \cos \sqrt{|h|} \tau - \frac{\mu}{h} \tau + t_0, \quad (38)$$

где t_0 – произвольная постоянная, а штрихом обозначена производная по параметру τ .

Таким образом, формулы (36) и (38) дают в явном параметрическом виде зависимость расстояния r и времени t от параметра τ . Постоянную t_0 можно выбрать так, чтобы выполнялось равенство $t_0 = 0$. Действительно,

$$t_0 = -\frac{\dot{r}_0}{|h|} + t_0$$

и, если положить

$$t_0 = \frac{\dot{r}_0}{|h|},$$

то равенство $t_0 = 0$ будет выполнено. В дальнейшем можно считать, что

$$t = t_0 + \frac{1}{\sqrt{|h|}} \cdot \left[r_0 - \frac{\mu}{h} \right] \sin \sqrt{|h|} \tau - \frac{\dot{r}_0}{|h|} \cos \sqrt{|h|} \tau - \frac{\mu}{h} \tau + \frac{\dot{r}_0}{|h|}. \quad (39)$$

Равенство (37) в этом случае можно записать следующим образом

$$r = r_0 + \frac{\mu}{h} \tau = \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] \cos \sqrt{|h|} \tau + \frac{\dot{r}_0}{|h|} \sin \sqrt{|h|} \tau - \frac{\mu}{h}. \quad (40)$$

В параболическом случае, т.е. когда $h = 0$, уравнение (35) будет иметь вид

$$\frac{d^2 r}{d\tau^2} = \mu, \quad (41)$$

т.е.

$$r \tau = \frac{\mu \tau^2}{2} + c_1 \tau + c_2 = \frac{\mu \tau^2}{2} + r' \tau + r_0. \quad (42)$$

Правую часть равенства (42) подставим в уравнение (15), тогда

$$\frac{dt}{d\tau} = \frac{\mu \tau^2}{2} + r' \tau + r_0,$$

т.е.

$$t \tau = \frac{\mu \tau^3}{6} + \frac{r' \tau^2}{2} + r_0 \tau + t_0. \quad (43)$$

Рассмотрим далее гиперболический случай, т.е. $h > 0$, тогда из уравнения (35)

$$\begin{aligned} r \tau &= \frac{1}{2} \left[r_0 + \frac{\mu}{h} + \frac{r'}{\sqrt{h}} \right] e^{\sqrt{h}\tau} + \\ &+ \frac{1}{2} \left[r_0 + \frac{\mu}{h} - \frac{r'}{\sqrt{h}} \right] e^{-\sqrt{h}\tau} - \frac{\mu}{h}. \end{aligned} \quad (44)$$

Уравнение (44) в этом случае будет иметь вид

$$\frac{dt}{d\tau} = \frac{1}{2} \left[r_0 + \frac{\mu}{h} + \frac{r'}{\sqrt{h}} \right] e^{\sqrt{h}\tau} + \frac{1}{2} \left[r_0 + \frac{\mu}{h} - \frac{r'}{\sqrt{h}} \right] e^{-\sqrt{h}\tau} - \frac{\mu}{h}. \quad (45)$$

Таким образом,

$$\begin{aligned} t \tau &= \frac{1}{2\sqrt{h}} \left[r_0 + \frac{\mu}{h} + \frac{r'}{\sqrt{h}} \right] e^{\sqrt{h}\tau} + \\ &+ \frac{1}{2\sqrt{h}} \left[r_0 + \frac{\mu}{h} - \frac{r'}{\sqrt{h}} \right] e^{-\sqrt{h}\tau} - \frac{\mu}{h} \tau + t_0. \end{aligned} \quad (46)$$

Теорема 1 доказана.

Поставим далее задачу получить уравнения, аналогичные уравнению (35), для координат $x \tau, y \tau, z \tau$ движущегося тела. Для этого заметим, что

$$\frac{dx[t \tau]}{d\tau} = \frac{dx[t \tau]}{dt} \cdot \frac{dt}{d\tau},$$

и

$$\begin{aligned} \frac{d^2x[t \tau]}{d\tau^2} &= \frac{d^2x[t \tau]}{dt^2} \cdot \left(\frac{dt}{d\tau} \right)^2 + \frac{dx[t \tau]}{dt} \cdot \frac{d^2t}{d\tau^2} = \\ &= -\frac{\mu x[t \tau]}{\left(\frac{dt}{d\tau} \right)^3} \cdot \left(\frac{dt}{d\tau} \right)^2 + \frac{dx[t \tau]}{dt} \cdot \frac{d^2t}{d\tau^2}. \end{aligned} \quad (47)$$

Умножая обе части уравнения (47) на $\frac{dt}{d\tau}$, получаем

$$\frac{dt}{d\tau} \cdot \frac{d^2x[t \ \tau]}{d\tau^2} - \frac{d^2t}{d\tau^2} \cdot \frac{dx[t \ \tau]}{d\tau} + \mu x[t \ \tau] = 0. \quad (48)$$

Уравнение (48) представляет собой линейное дифференциальное уравнение второго порядка с переменными коэффициентами. В случае эллиптического движения оно принимает следующий вид:

$$\left\{ \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] \cos \sqrt{|h|} \tau + \frac{\dot{r}_0 r_0}{\sqrt{|h|}} \sin \sqrt{|h|} \tau - \frac{\mu}{h} \right\} x'' \tau - \\ - \left\{ -\sqrt{|h|} \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] \sin \sqrt{|h|} \tau + \dot{r}_0 r_0 \cos \sqrt{|h|} \tau \right\} x' \tau + \mu x \tau = 0. \quad (49)$$

Для нахождения рядов Фурье решений уравнения (49) приведем коэффициенты этого уравнения к комплексной форме:

$$r \tau = \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] \cos \omega \tau + \frac{\dot{r}_0 r_0}{\omega} \sin \omega \tau - \frac{\mu}{h} = \\ = \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] \cdot \frac{e^{i\omega\tau} + e^{-i\omega\tau}}{2} + \frac{\dot{r}_0 r_0}{\omega} \cdot \frac{e^{i\omega\tau} - e^{-i\omega\tau}}{2i} - \frac{\mu}{h} = \\ = \frac{1}{2} \left\{ \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] + \frac{\dot{r}_0 r_0}{\omega i} \right\} e^{i\omega\tau} + \\ + \frac{1}{2} \left\{ \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] - \frac{\dot{r}_0 r_0}{\omega i} \right\} e^{-i\omega\tau} - \frac{\mu}{h} = \\ = a_2 e^{i\omega\tau} + b_2 e^{-i\omega\tau} + c,$$

где

$$\omega = \sqrt{|h|}, \quad c = -\frac{\mu}{h}, \\ a_2 = \frac{1}{2} \left\{ \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] + \frac{\dot{r}_0 r_0}{\omega i} \right\}, \\ b_2 = \frac{1}{2} \left\{ \left[r_0 + \frac{\mu}{h} \right] - \frac{\dot{r}_0 r_0}{\omega i} \right\}.$$

Перепишем уравнение (49) следующим образом:

$$a_2 e^{i\omega\tau} + b_2 e^{-i\omega\tau} + c x'' \tau - \\ - a_2 i \omega e^{i\omega\tau} - b_2 i \omega e^{-i\omega\tau} x' \tau + \mu x \tau = 0. \quad (50)$$

Запишем ряд Фурье $\frac{2\pi}{\omega}$ – периодического решения уравнения (50) в следующем виде:

$$x(\tau) = x_0 + \sum_{n=-\infty}^{n=-1} x_n e^{in\omega\tau} + \sum_{n=1}^{n=\infty} x_n e^{in\omega\tau}. \quad (51)$$

Теорема 2. Коэффициенты x_n , $n = 0, \pm 2, \pm 3, \dots$ в случае эллиптического движения можно выразить через два параметра x_{-1} и x_1 следующим образом:

$$x_n = x_{-1} \prod_{k=1}^{|n|-1} \frac{\mu - ck^2\omega^2}{a_2(k+1)(k+2)\omega^2} \quad n = -2, -3, \dots; \quad (52)$$

$$x_n = x_1 \prod_{k=1}^{n-1} \frac{\mu - ck^2\omega^2}{b_2(k+1)(k+2)\omega^2} \quad n = 2, 3, \dots; \quad (53)$$

$$x_0 = \frac{2\omega^2}{\mu} a_2 x_{-1} + b_2 x_1; \quad (54)$$

при этом коэффициенты x_{-1} и x_1 связаны с начальными условиями уравнениями

$$\begin{cases} a_3 x_{-1} + b_3 x_1 = x(0), \\ a_4 x_{-1} + b_4 x_1 = x'(0), \end{cases} \quad (55)$$

где

$$a_3 = \frac{2\omega^2 a_2}{\mu} + \sum_{n=-\infty}^{n=-1} \prod_{k=1}^{|n|-1} \frac{\mu - ck^2\omega^2}{a_2(k+1)(k+2)\omega^2};$$

$$b_3 = \frac{2\omega^2 b_2}{\mu};$$

$$a_4 = i\omega \sum_{n=-\infty}^{n=-1} \left[n \prod_{k=1}^{|n|-1} \frac{\mu - ck^2\omega^2}{a_2(k+1)(k+2)\omega^2} \right];$$

$$b_4 = i\omega \sum_{n=1}^{\infty} \left[n \prod_{k=1}^{n-1} \frac{\mu - ck^2\omega^2}{b_2(k+1)(k+2)\omega^2} \right];$$

$$a_2 = \frac{1}{2} \left\{ \left[r(0) + \frac{\mu}{h} \right] + \frac{\dot{r}(0)}{\omega i} \right\},$$

$$b_2 = \frac{1}{2} \left\{ \left[r(0) + \frac{\mu}{h} \right] - \frac{\dot{r}(0)}{\omega i} \right\}.$$

$$\omega = \sqrt{|h|}, \quad c = -\frac{\mu}{h}, \quad h < 0.$$

Доказательство. Подставим ряд (51) в уравнение (49), тогда должно выполняться равенство

$$\begin{aligned}
 & a_2 e^{i\omega\tau} + b_2 e^{-i\omega\tau} + c \left(-\sum_{n=-\infty}^{n=-1} n^2 \omega^2 x_n e^{in\omega\tau} - \sum_{n=1}^{\infty} n^2 \omega^2 x_n e^{in\omega\tau} \right) - \\
 & - a_2 i\omega e^{i\omega\tau} - b_2 i\omega e^{-i\omega\tau} \left(\sum_{n=-\infty}^{n=-1} in\omega x_n e^{in\omega\tau} + \sum_{n=1}^{\infty} in\omega x_n e^{in\omega\tau} \right) + \\
 & + \mu \left(x_0 + \sum_{n=-\infty}^{n=-1} x_n e^{in\omega\tau} + \sum_{n=1}^{\infty} x_n e^{in\omega\tau} \right) = 0
 \end{aligned} \tag{56}$$

Далее опишем алгоритм нахождения коэффициентов x_n $n = 0, \pm 1, \pm 2, \dots$. Прежде всего найдем коэффициент при $e^{i\omega\tau}$:

$$-a_2 \omega^2 x_{-1} - b_2 \omega^2 x_1 - a_2 i^2 \omega^2 - 1 x_{-1} + b_2 i\omega i\omega x_1 + \mu x_0 = 0,$$

т.е.

$$\mu x_0 = 2\omega^2 a_2 x_{-1} + 2\omega^2 b_2 x_1. \tag{57}$$

Покажем, что коэффициенты x_n с отрицательным индексом n можно выразить через коэффициент x_{-1} , а коэффициенты x_n $n = 1, 2, \dots$ через x_1 .

Найдем далее коэффициент при функции $e^{-i\omega\tau}$:

$$-a_2 4\omega^2 x_{-2} + c - \omega^2 x_{-1} - a_2 i\omega - 2i\omega x_{-2} + \mu x_{-1} = 0,$$

т.е.

$$\begin{aligned}
 & 6a_2 \omega^2 x_{-2} = \mu - c\omega^2 x_{-1}, \\
 & x_{-2} = \frac{\mu - c\omega^2}{6a_2 \omega^2} \cdot x_{-1}.
 \end{aligned} \tag{58}$$

Приравнивая к нулю коэффициент при функции $e^{-i2\omega\tau}$, получаем

$$\begin{aligned}
 & -a_2 9\omega^2 x_{-3} - b_2 \omega^2 x_{-1} + c - 4\omega^2 x_{-2} - \\
 & - a_2 i\omega - i3\omega + b_2 i\omega - i\omega x_{-1} + \mu x_{-2} = 0,
 \end{aligned}$$

т.е. с учетом (58)

$$x_{-3} = \frac{\mu - 4c\omega^2}{12\omega^2 a_2} \cdot x_{-2} = \frac{\mu - 4c\omega^2}{12\omega^2 a_2} \cdot \frac{\mu - c\omega^2}{6a_2 \omega^2} \cdot x_{-1}. \tag{59}$$

Применяя метод математической индукции, получаем, что при $n > 0$

$$x_{-n} = x_{-1} \cdot \frac{\mu - c\omega^2}{a_2 2^2 + 2\omega^2} \cdot \frac{\mu - 2^2 c\omega^2}{a_2 3^2 + 3\omega^2} \cdot \dots \cdot \frac{\mu - n - 1^2 c\omega^2}{a_2 n^2 + n\omega^2}, \tag{60}$$

т.е. при $n < 0$

$$x_n = x_{-1} \prod_{k=1}^{|n|-1} \frac{\mu - ck^2 \omega^2}{a_2 (k+1)(k+2)\omega^2} \quad n = -2, -3, \dots, \quad (61)$$

а при $n > 0$

$$x_n = x_1 \prod_{k=1}^{n-1} \frac{\mu - ck^2 \omega^2}{b_2 (k+1)(k+2)\omega^2} \quad n = 2, 3, \dots, \quad (62)$$

кроме того из равенства (57) вытекает равенство (54).

Из равенства (51) получаем, что

$$x' \tau = \sum_{n=-\infty}^{n=-1} in\omega x_n e^{in\omega\tau} + \sum_{n=1}^{n=\infty} in\omega x_n e^{in\omega\tau}. \quad (63)$$

Подставив в равенства (51) и (63) значения x_n , получим систему уравнений (55).

Выводы: рассмотрена задача движения двух тел с массами m_0 и m_1 в силовом поле с произвольным потенциалом, и с помощью подстановки $\frac{dt}{d\tau} = r[t \ \tau]$ получено удобное дифференциальное уравнение (18). В случае ньютоновского потенциала данная замена времени приводит к явной параметрической зависимости от «нового» времени радиальной составляющей в задаче двух тел и, как следствие, нахождение рядов Фурье декартовых координат невозмущённого кеплеровского движения.

Л и т е р а т у р а

1. Дубошин, Г. Небесная механика / Г. Дубошин. – М., 1975.
2. Ландау, Л.Д. Краткий курс теоретической физики. – Книга 1 / Л.Д. Ландау, Е.М. Лифшиц. – М., 1969.
3. Монтенбрук, О. Астрономия на персональном компьютере / О. Монтенбрук, Т. Пфлегер. – СПб., 2002.
4. Белецкий, В. Очерки о движении космических тел / В. Белецкий. – М., 1972.

Поступило 14.02.2008

УДК 550.47(476)

Сравнительная характеристика биогеохимии магния в ландшафтах Белорусского Поозерья

В.Л. Федотов

Изучены закономерности миграции и аккумуляции магния в ландшафте на моренно-суглинистых отложениях Белорусского Поозерья. Объектами исследований были породы (карбонатные моренные суглинки), почвы различной типовой принадлежности, природные воды и фитоценозы. Магний – активный мигрант в исследованном ландшафте. Его накопление в исследованных объектах определяется содержанием карбонатов в них, степенью гумусированности почв, характером растительности.

Магний принадлежит к числу биологически важных химических элементов. Входит в состав растительных и животных организмов – накапливается в них в тысячных – сотых долях процента. Магний – важнейшая составная часть хлорофилла и фитина, активизирует многие ферменты. Недостаток его в окружающей среде и кормах негативно сказывается на жизнедеятельности биоты. У растений развивается хлороз, животные заболевают тетанией.

Кальций и магний как щелочно-земельные металлы в значительной мере определяют величину суммы поглощенных оснований дерново-подзолистых почв, тем самым активно влияют на физические, физико-химические и биологические свойства почвы [2]. Высокие их концентрации уменьшают поступление в растения радиоактивного стронция из почвы.

В природе встречаются ландшафты, компоненты которых (почвы, воды, растения, породы) могут характеризоваться как высоким, так и низким содержанием магния, а это небезразлично для произрастающих растений, продуктивности животных и здоровья человека. Поэтому вопросы биогеохимии этого щелочно-земельного металла представляют значительный научный и прикладной интерес, позволяют глубже понять сущность природных процессов в конкретном ландшафте, более обоснованно решать вопросы эффективного природопользования.

Объектами биогеохимического изучения магния были два ландшафта. Один из них сформировался на моренно-суглинистых отложениях – Сенненский, Бешенковичский районы. Второй – на озерно-ледниковых песках – Полоцкий район. Массивы моренных суглинков в Белорусском Поозерье имеют значительное распространение – площадь почв на моренных суглинках составляет около 1,5 млн га, а площадь озерно-ледниковых песков составляет примерно 16 тыс. га.

В пределах каждого ландшафта были взяты для анализа образцы почв со всех генетических горизонтов. При этом исследовались автоморфные, полугидроморфные и гидроморфные почвы. Вблизи почвенных разрезов были взяты пробы фитомассы. Кроме того объектами исследований были и макрофиты местных озер (Сарро, Измок). Во-первых для анализа бралась как из почвенных разрезов и местных колодцев, так и озерная.

В пределах каждого ландшафта были проложены геоморфологические профили, охватывающие элювиальные (водораздел), транзитные (склон), супераквальные (понижения) и аквальные (водные) элементарные [по З] ландшафты, сопряжение которых и составляло геохимический ландшафт конкретной территории.

Таким образом обеспечивался сопряженный комплексный подход к изучению биогеохимии магния в конкретных ландшафтах, что позволило более полно изучить закономерности накопления, миграции и расселения магния в изученных ландшафтах. А это важно, так как имеющиеся отдельные отрывочные сведения по содержанию магния в отдельных компонентах ландшафта [1, 4, 5, 6, 7 и др.] недостаточны для понимания целостной картины закономерностей поведения элемента в конкретном ландшафте.

Содержание магния в исследуемых объектах определялось объемным трилонометрическим методом. Для определения содержания подвижных форм магния использовали различные вытяжки – NH_4Cl , H_2O . Результаты собственных исследований приведены ниже.

Почвообразующие породы. *Моренно-суглинистые отложения* Белорусского Поозерья являются сравнительно молодыми геологическими образованиями – своим происхождением обязаны последнему (валдайскому) оледенению, т.е. по сравнению с аналогичными отложениями остальной части республики для них характерна меньшая проявленность процессов гипергенеза. Это позволяет говорить о их геохимическом своеобразии.

В пределах исследованного региона моренные суглинки (на глубине ~ 2 м) карбонатные – рН в KCl – вытяжке 7,5 – 7,6. По гранулометрическому составу представляют собой средние суглинки, содержащие 31,2–33,7% частиц < 0,01 мм, в том числе 13,8–15,1% ила (< 0,001 мм); в них значительна фракция мелкого песка – 30,0–36,2%. Вариации механического состава связаны с различными фациальными особенностями формирования моренных отложений, а также с различной степенью их гипергенного преобразования.

Как показали наши исследования, валовое содержание магния (Mg^{2+}) в моренных суглинках Белорусского Поозерья изменяется от 1,60 до 1,82%; более высокие показатели были в породе депрессионных форм рельефа (табл. 1). Главнейшими носителями этого элемента в моренных суглинках являются карбонаты, доломит, каинит, полевой шпат и др.

Наряду с общим содержанием магния, мы определяли также обменный (вытяжка 1н NH_4Cl) и воднорастворимый магний; эти показатели несут информацию о формах нахождения магния в породе, о его геохимической подвижности.

По нашим данным, обменного магния содержится в моренных суглинках 0,02–0,05%, что составляет около 15–20% от его общего содержания. Совсем мало в них воднорастворимого магния ~ 0,002%.

Озерно-ледниковые пески широко распространены в Белорусском Поозерье. Встречаются в Полоцком, Верхнедвинском, Россонском и Шарковщинском районах, охватывая площадь около 16 тыс. га. Нами исследовался наиболее крупный массив этих отложений в Полоцком районе, в окрестностях деревни Малое Ситно.

Озерно-ледниковые пески отличаются тонкой сортированностью исходного материала, горизонтальной слоистостью. Минералогический состав их представлен в основном кварцем; в незначительных количествах встречаются также полевые шпаты, слюды, роговые обломки.

Изученный нами гранулометрический состав показал, что озерно-ледниковые пески отличает высокое содержание в них фракции мелкого песка (91%) и низкие количества физической глины (< 4%), мало пылеватых частиц.

Результаты анализов показали, что валовое содержание магния (Mg^{2+}) в исследованных нами песках (на глубине 190–220 см) составляет 0,24–0,25%. Как видно из приведенных данных, разница в показателях содержания магния в моренных суглинках и песках весьма существенна.

Кроме того, данные наших исследований показали, что озерно-ледниковые пески значительно богаче по содержанию магния флювиогляциальных и древнеаллювиальных песков [5].

Содержание подвижных форм магния в песках характеризуется очень низкими показателями обменного < 0,002%, воднорастворенного – следовые количества. Отношение подвижного магния к его общим количествам составляет около 2–5%, что говорит о низкой подвижности Mg в озерно-ледниковых песках.

Природные воды. В условиях ландшафта, формирующегося на моренно-суглинистых отложениях, исследовалась вода озера Сарро, а также вода со дна почвенных разрезов полу- и гидроморфных почв и колодцев (д. Павловичи Сенненского района). Результаты анализа показали, что природные воды исследованного ландшафта имеют слабощелочную реакцию (рН 7,1–8,0); сухой остаток солей составляет в воде почвенных разрезов 408–718 мг/л; в озере Сарро – 185 мг/л. Отношение прокаленного остатка солей к сухому (51–67%) свидетельствует о значительном содержании в ней органики, по-видимому, в форме гумусовых веществ, принадлежат к среднеминерализованным водам гидрокарбонатно-кальциевого класса [7].

Содержание Mg в воде различно самый низкий показатель оказался в воде оз. Сарро – 14,5 мг/л, а самый высокий – в воде торфяно-глеевой почвы – 131,2 мг/л. Вода колодцев, вода, взятая со дна почвенных разрезов минеральных почв, содержала примерно одинаковые количества магния – 26,0–37 мг/л. Рассчитанные нами коэффициенты водной миграции магния (отношение содержания элемента в сухом остатке воды к содержанию его в почвообразующей породе) изменялись в зависимости от источника воды от 3 до 5, что свидетельствуют о повышенной степени миграции магния в исследуемом ландшафте.

Бедность химического состава озерно-ледниковых песков обуславливает и слабую минерализованность природных вод, дренирующих эти отложения – сухой остаток солей в них (озеро Измок, гидроморфные почвы) составляет 160–220 мг/л, а содержание магния в них 8–11 мг/л; коэффициенты водной миграции в ландшафте на песках оказались более высокими ~ 15.

Почвы являются важнейшим звеном в цепи миграции и аккумуляции химических элементов.

Среднее содержание MgO в почвах северной провинции республики составляет 0,89% [7].

В условиях ландшафта, формирующегося на моренно-суглинистых отложениях, изучались дерново-подзолистые почвы водораздельных участков, а также полугидроморфные и гидроморфные почвы понижений – дерновые почвы различной степени заболоченности и торфяно-глеевые почвы.

Содержание гумуса в перегнойных горизонтах дерново-подзолистых почв составляет 1,36–2,18% с резким падением показателей в нижерасположенных генетических горизонтах. Реакция этих почв чаще среднекислая, хотя показатели pH колеблются в широком диапазоне – от 4,1 до 6,2.

Дерновые заболоченные почвы отличаются повышенной гумусированностью перегнойного горизонта (до 5,2%), слабокислой реакцией (pH 5,8), значительной емкостью обменного поглощения катионов (до 30,2 мг-экв/100 г) и высокой степенью насыщенности основаниями кальция и магния (> 85%).

Исследованные торфяно-болотные почвы развиваются на низинном гипново-осоковом среднеразложившемся торфе мощностью меньше 1 м.

Таким образом, состав, физические, физико-химические и др. свойства почвенной среды исследованного ландшафта существенно отличаются, что, естественно, не могло не отразиться и на биогеохимии магния.

Как показали результаты анализа, валовое содержание магния в различных генетических горизонтах (A_1 , $A_{\text{пах}}$, A_2 , В) исследованных почв изменяется от 0,28 до 0,84% (табл. 1, 2). Гумусовые горизонты почв водоразделов накапливают этого щелочно-земельного элемента 0,30–0,56%; в подзолистых горизонтах (A_2) отмечается уменьшение показателей почти в два раза, а в иллювиальных – увеличение до 0,60–0,84%, т.е. содержание магния довольно четко дифференцировано по вертикальному профилю как результат проявления элювиально-иллювиального процесса.

Нами выявлено, что дерновые глееватые и глеевые почвы (супераквальный элементарный ландшафт) в своих гумусовых горизонтах (A_1) накапливают примерно в 1,5 раза больше магния по сравнению с почвами водоразделов. Это связано с расположением их в депрессиях рельефа и проявлением процессов биогеохимического сопряжения состава почв, а также с аккумулярующей ролью естественной растительности.

В исследованных торфяно-глеевых почвах аккумулируется 0,2–0,4% магния в пересчете на абсолютно сухое вещество.

Отношение содержания магния в гумусовых горизонтах (A_1 , $A_{\text{пах}}$) к содержанию его в материнской породе меньше единицы (0,1–0,3), то есть накопление магния в верхней части почв за счет биогенного фактора значительно уступает потере этого элемента за счет выщелачивания.

Теперь о подвижных формах магния. Содержание обменнопоглощенного магния в исследованных почвах колеблется в пределах от 0,01 до 0,03%, воднорастворенного – 0,001–0,003%. Дифференциация показателей подвижных форм в горизонтах минеральных почв отражает проявление элювиально-иллювиального процесса – обеднение подзолистых горизонтов и аккумуляция в горизонтах «В».

Как видно из приведенных цифр, содержание подвижных форм магния составляет около 5% от валовых количеств.

Почвы, развивающиеся на озерно-ледниковых песках, относятся к дерново-подзолиственному типу. Бедность минералогического состава породы (явно преобладает кварц), скудная растительность (сосновые боры с произрастанием в напочвенном покрове вереска, мха Шребера, лишайников) обуславливает формирование почв с растянутыми, морфологически невыраженными горизонтами. Содержание гумуса в переходных горизонтах низкое – около 1%, рН солевой вытяжки 3,1–4,2. Вниз по почвенному профилю показатели рН возрастают до 5,2–5,7.

В этих природных условиях биогеохимия магния имеет свои особенности.

Валовое содержание магния в генетических горизонтах различных почв слабо отличается и колеблется от 0,20 до 0,33%. Однако несколько повышенные показатели магния в гумусовых горизонтах отмечаются в почвах пониженных участков (супераквальный элементарный ландшафт), что следует связывать с особенностями биогеохимической ситуации – с привносом подвижных соединений с повышенных участков, с более высокой гумусированностью почв.

Исследовались также торфяно-болотные почвы в условиях песчаных отложений. По типовой принадлежности это были низинные и переходные болота. В последнем случае ботанический состав торфа был древесно-осоковый, характеризовался среднекислотной реакцией (рН 4,8), зольность составляла 7,3%. Низинные торфа по ботаническому составу – осоковые, древесно-осоковые, их рН – 5,0; зольность около 10%.

Результаты анализа показали обедненность исследованных торфов магнием – 0,06–0,12%.

Если говорить о содержании подвижных форм магния в почвах ландшафта на песчаных отложениях, то следует констатировать факт очень низкого экстрагирования этого элемента в солевую (NH_4Cl) и водную вытяжку – $n \cdot 10^{-4-5} \%$.

Растительность. Мощным геохимическим фактором, влияющим на перераспределение химических элементов в ландшафте, являются живые организмы, и в первую очередь растения. Их химический состав является отражением экологического состояния среды обитания и может выступать своеобразным индикатором геохимических процессов в ландшафте.

В условиях ландшафта, сформированного на моренно-суглинистых отложениях, изучалась растительность, пробы фитомассы которой брались из разных мест, отличающихся положением по отношению к рельефу. На водораздельных участках (элювиальный элементарный ландшафт) нами были взяты и исследованы пробы растительной массы листьев и ветвей ольхи черной, различных ассоциаций – злаковой, злако-бобовой, злако-разнотравной и др. Как видно из таблицы 3, среднее содержание магния в пробах фитомассы составляет 0,25% при колебании показателей от 0,11 до 0,40%, обнаружено относительно высокое накопление магния листьями ольхи – до 0,40%. Следует отметить относительно низкую зольность растений водораздельных участков – в среднем 5,2%.

В условиях супераквальных участков (заболоченные почвы понижений) исследовались как пробы фитомассы различных ассоциаций (злаково-осоковая, осоково-

вейниковая, разнотравно-осоковая и др.), так и отдельные виды (гипнум, осока острая, листья и ветви ивы узколистной, ольхи серой).

Установлено, что растительность этого элементарного ландшафта по сравнению с растениями водоразделов отличается большей зольностью (7,0%) и более высоким содержанием магния – в среднем 0,29%. Среди растений заболоченных почв сравнительно повышенным накоплением магния выделяется гипнум, хвощ иловатый, погребок большой.

Нами исследовались также растения аквального элементарного ландшафта на примере макрофитов озера Сарро. Были взяты пробы фитомассы лютика жестколистного, элодеи канадской, рдеста пронзеннолистного, камыша озерного, тростника обыкновенного, харовых водорослей. Прежде всего следует отметить повышенную зольность макрофитов – в среднем 16,1%. Различные виды водных растений существенно отличаются по содержанию магния – мало этого элемента накапливается в тростнике обыкновенном, харовых водорослях (0,04–0,06%); относительно обогащены магнием рдест пронзеннолистный, элодея канадская.

Таким образом, растения различных элементарных ландшафтов в условиях моренно-суглинистых отложений севера Беларуси существенно отличаются по накоплению магния. Это, с одной стороны, результат действия экологического фактора, с другой – различие химического состава растений отдельного элементарного ландшафта связаны в большей мере с видовой принадлежностью растения.

Вычисленные коэффициенты биологического поглощения [по 7] изменяются от 3 до 4, то есть в условиях ландшафта, сформированного на моренно-суглинистых отложениях Белорусского Поозерья, магний – сильно накапливаемый элемент, а значит и велика роль растительности в биогеохимии магния; макрофиты по существу являются своеобразным барьером на пути миграции его в ландшафте.

Растительность ландшафта, сформированного на озерно-ледниковых песках, разнообразная, и ее видовой состав тесно связан с характером рельефа.

В условиях водоразделов растительность довольно скудная и носит характер лишайниково-кустарникового соснового бора. Древостой монодоминантный и состоит из сосны обыкновенной с небольшой примесью березы повислой. В подлеске изредка встречается можжевельник обыкновенный. В нижнем ярусе доминирует олиготрофическсерофиты – мох Шребера, вереск обыкновенный, марьянник лесной, ястребинка волосистая и др.

Результаты анализа показали, что в фитомассе растений водоразделов и склонов среднее содержание магния составляет 0,13%, при колебании показателей от 0,04 до 0,44%. Самые низкие цифры (0,04–0,09%) были обнаружены в фитомассе мха Шребера, вереска, хвои сосны, лесной подстилки (A_0), лишайника (кладония). Повышенным содержанием магния выделяется марьянник лесной (0,44%), известного, кстати, как полупаразит.

Осоковая и осоково-разнотравная растительность болотных почв накапливает от 0,14 до 0,44% магния.

Можно уверенно констатировать факт повышенного содержания магния в водных растениях на примере озера Измок – средний показатель составляет 0,67% при

варьировании его от 0,30 до 1,30%. У макрофитов и большая зольность – в среднем 15,2%. Это примерно в два раза выше зольности растений водораздельных участков.

Для макрофитов в значительной мере выражена дифференцированность показателей по магнию в связи с систематическим положением растений. Сравнительно много накапливают магния рдест пронзеннолистный (1,30%), телорез (1,01%), роголистник (0,80%). О первом можно сказать, что это растение не только кальциефил, но и магниефил.

Вычисленные коэффициенты биологического поглощения магния (отношение содержания магния в золе растений к содержанию его в почве) показали, что они в условиях минеральных почв составили около 2, то есть в условиях ландшафта на озерно-ледниковых песках этот показатель сравнительно невысок, хотя и свидетельствует о принадлежности магния к группе элементов высокого биологического захвата.

Выводы

1. Изучена сравнительная характеристика биогеохимии магния в ландшафтах на моренно-суглинистых отложениях и озерно-ледниковых песках с использованием комплексного подхода и применением методов геохимического сопряжения.

2. Почвообразующие породы (на глубине ~ 2м) исследованных ландшафтов, являясь их материальной основой, существенно отличаются своим составом и свойствами. Так, моренные суглинки карбонатны, в них значительные количества физической глины (до 36%), разнообразен их минералогический состав. Все это определило и повышенное содержание в них магния, как валового (до 1,82%), так и подвижного (до 0,03%). Почти на порядок ниже эти показатели в озерно-ледниковых песках.

3. Природные воды, дренирующие моренно-суглинистые отложения, по количеству солей являются средне, или сильноминерализованными (сухой остаток воды 400–700 мг/л) и содержат в своем составе сравнительно высокие количества магния (14,5–131,2 мг/л); для природных вод ландшафта на песках эти показатели уступают в 2–3 раза. Коэффициенты водной миграции магния в исследованных ландшафтах (3–15) свидетельствуют о том, что в изученных природных условиях магний – активный водный мигрант.

4. Почвы, по существу являются зеркалом происходящих в ландшафте геохимических процессов. Гумусовые горизонты почв ландшафта на моренно-суглинистых отложениях накапливают магния в 1,5–2 раза больше почв ландшафта на песках. Распределение магния по вертикальному профилю почв идет по элювиально-иллювиальному типу, в песчаных почвах эта закономерность практически не выражена. Выявлена тенденция большего накопления магния в почвах супераквального элементарного ландшафта. Содержание подвижных форм магния в гумусовых горизонтах 5–10% от его валовых количеств. В песчаных почвах обнаруживаются, по существу, только «следовые» количества подвижного магния.

5. Растительность исследованных ландшафтов разнообразная как по видовому составу, так и по продуцируемой фитомассе – наиболее скудный растительный покров в условиях ландшафта на песках. Растения этого ландшафта (за исключением макрофи-

тов) примерно в два раза меньше накапливают магния по сравнению с растениями почв на моренных суглинках. Коэффициенты биологического накопления (>2) свидетельствуют о принадлежности магния к группе элементов высокого биологического захвата, особенно в условиях ландшафта на моренно-суглинистых отложениях. Макрофиты исследованных озер благодаря их повышенной способности концентрировать в своем составе магний по существу являются своеобразным биогеохимическим барьером на пути миграции этого элемента.

6. Культурные растения с урожаем выносят 12–38 кг магния с одного гектара, а запасы подвижных форм этого элемента в гумусовых горизонтах дерново-подзолистых суглинистых почвах составляют около 480 кг/га, песчаных – около 24 кг/га, т.е. возделываемые сельскохозяйственные растения будут испытывать магниевое голодание в первую очередь на почвах легкого механического состава, а также на торфяно-болотных почвах. Для оптимизации пищевого режима растений поможет внесение на этих почвах доломитовой муки, каинита, калимагнезии и др.

Таблица 1

Содержание магния в почвах различных ландшафтов

№ почвенного разреза	Горизонт	Глубина взятия образца, см	Магний (Mg^{++}), %		
			валовой	обменный	воднорастворимый
I. На моренных суглинках					
а) элювиальный					
1	A ₁	7–20	0,44	0,012	0,001
		30–40	0,28	0,012	0,001
	A ₂	70–80	0,84	0,023	0,003
	B	120–130	0,98	0,028	0,002
	BC C	190–200	1,82	0,024	0,002
б) супераквальный					
5	A ₁	6–20	0,57	0,02	0,002
	A ₁ B	25–35	0,51	0,01	0,001
	B ₁	45–55	0,60	0,01	0,001
	B _{2q}	85–95	0,58	0,02	—
	C	180–190	1,60	0,02	0,002
II. На озерно-ледниковых песках					
а) элювиальный					
20	A ₁	3–9	0,27	$n \cdot 10^{-3}$ ↓	Следовые количества ↓
	A ₂ B ₁	20–30	0,25		
	B ₂	70–90	0,33		
	B ₃	140–150	0,26		
	C	180–190	0,24		
б) супераквальный					
21	A ₁	3–9	0,31		
	A ₂ B ₁	20–30	0,26		
	B ₂	60–70	0,32		
	B ₃	130–140	0,30		
	C	190–200	0,28		

Таблица 2

Биометрическая характеристика содержания магния в гумусовых горизонтах различных ландшафтов, %

Число проб	Валовой	Обменный	Воднорастворимый
	M±m lim	M±m lim	M±m lim
14	I. На моренных суглинках		
	а) элювиальный		
	0,42±0,02 0,30–0,56	0,02±0,001 0,01–0,03	0,001±0,0002
19	б) супераквальный		
	0,60±0,03 0,42–0,71	0,03±0,001 0,02–0,04	0,002±0,0001
7	II. На озерно-ледниковых песках		
	а) элювиальный		
	0,27±0,04 0,24–0,30	n · 10 ⁻³	«следы»
6	б) супераквальный		
	0,31±0,03 0,29–0,33	n · 10 ⁻³	—

Таблица 3

**Биометрическая характеристика содержания магния в растениях различных ландшафтов $M \pm m$, %
lim**

Число проб	На моренных суглинках			На песках		
	элювиальный	супераквальный	аквальный	элювиальный	супераквальный	аквальный
6–14	0,25±0,04	0,29±0,01	0,67±0,09	0,13±0,03	0,11±0,01	0,67±0,11
	0,11–0,40	0,17–0,34	0,47–0,87	0,04–0,44	0,06–0,13	0,30–1,30

Л и т е р а т у р а

1. Беус, А.А. Геохимия окружающей среды / А.А. Беус. – М., 1976. – С. 248.
2. Возбуждая, А.Е. Химия почвы / А.Е. Возбуждая. – М., 1968. – С. 420.
3. Глазовская, М.А. Геохимические основы типологии исследований природных ландшафтов / М.А. Глазовская. – М.: МГУ, 1964. – С. 230.
4. Ильин, В.Б. Элементный химический состав растений / В.Б. Ильин. – М., 1985. – С. 129.
5. Лукашов, К.И. Геохимические провинции покровных отложений БССР / К.И. Лукашов. – Мн., 1969. – С. 430.
6. Почвы Белорусской ССР / под ред. Т.Н. Кулаковской, П.П. Рогового, М.И. Смяна. – Мн., 1974. – С. 312.
7. Чертко, Н.К. Геохимия ландшафта / Н.К. Чертко. – Мн.: Изд. БГУ, 1981. – С. 255.
8. Якушко, О.Ф. Белорусское Поозерье / О.Ф. Якушко. – Мн., 1971. – С. 410.

Поступило 27.12.2007

УДК 621.015:796

Сравнительная характеристика регуляции метаболизма у ликвидаторов и воинов-интернационалистов

А.А. Чиркин, О.М. Балаева-Тихомирова, Е.О. Данченко,
Н.А. Степанова

Спустя 20 лет после аварии на ЧАЭС у ликвидаторов развиваются специфические метаболические нарушения, которые включают сочетанные изменения концентраций лептина, проинсулина и ХС ЛПВП. Эти изменения метаболизма являются ключевыми для понимания причин более частого выявления метаболического синдрома Х у ликвидаторов и развития заболеваний атеросклеротической природы, когда увеличение индекса атерогенности сопряжено со снижением концентрации ХС ЛПВП.

У воинов-интернационалистов выявлены адекватные механизмы адаптации метаболизма и его регуляции, которые препятствуют развитию гипохолестеролемии.

В настоящее время хорошо изучены особенности метаболизма и его регуляции при остром стрессе. Однако отдаленные последствия стресс-реакции изучены недостаточно как в эксперименте, так и в клинических наблюдениях на человеке. Особенно актуально изучение последствий хронического стресса, связанного с работой ликвидаторов на ЧАЭС и участием воинов-интернационалистов в военных действиях в Афганистане. Эти две большие когорты мужчин составляли военизированные подразделения и подвергались многомесячному стрессовому воздействию более 20 лет тому назад. При работе ликвидаторов действовал комбинированный стрессорный фактор, включающий облучение, у воинов-интернационалистов действовал стрессовый фактор военных действий без радиоактивного облучения.

Ранее было показано, что у ликвидаторов аварии на ЧАЭС в периоде 1993–2003 годы чаще регистрировались признаки метаболического синдрома Х (МСХ) [1–4]. Диагноз «Метаболический синдром Х» ставится при наличии 5 симптомов, включающих артериальную гипертензию, инсулинорезистентность, ожирение, гипохолестеролемию и гипертриацилглицеролемию. Это синдром не включен в классификаторы заболеваний (МКБ), но он является одной из ведущих причин случаев внезапной смерти в состоянии видимого здоровья. Расшифровка биохимических механизмов развития и создания строгих критериев выявления МСХ рассматривается как биологическая проблема, поскольку возникновение компонентов этого синдрома тесно сопряжено с общими негативными явлениями урбанизации общества. Одним из последних достижений в изучении особенностей обмена веществ у ликвидаторов явилась констатация важной роли лептина как в механизме развития МСХ, так и его адекватного выявления [5]. Целью работы был анализ изменений биохимических показателей сыворотки крови во взаимосвязи с оценкой эндокринного статуса обследуемых воинов-интернационалистов и

ликвидаторов. Под наблюдением были 60 воинов-интернационалистов и 154 ликвидатора с различными типами патологии (исключая заболевания опухолевой, эндокринной и врожденной метаболической природы, острые воспалительные процессы и свежие травмы), а также 23 практически здоровых воина-интернационалиста и 25 практически здоровых ликвидаторов (контрольная группа).

Биохимическое исследование сыворотки крови пациентов включало определение содержания общего холестерина, холестерина ЛПВП, триацилглицеролов, билирубина, мочевой кислоты, глюкозы, активности гамма-глутамилтрансферазы с помощью наборов фирмы «Кормей ДиАна» и анализатора «Кормэй-Мульти». Содержание гормонов определяли с помощью наборов фирмы DRG Instruments GmbH (США, Германия): лептин – Leptin (Sandwich) ELISA EIA-2395, проинсулин – Proinsulin ELISA, EIA-1560, С-пептид – C-Peptide EIA-1293, трийодтиронин – Triiodothyronine (T3) EIA-1780 и кортизол – Cortisol ELISA EIA-1887. Весь цифровой материал вводился для хранения и обработки в таблицы Microsoft Excel и Statistica. После проверки на правильность распределения цифровой материал обрабатывался методами параметрической статистики с использованием критерия t Стьюдента.

Зависимость метаболических и гормональных показателей от возраста воинов-интернационалистов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови воинов-интернационалистов в зависимости от возраста

Показатели	Возраст, лет			Контроль (n=23)
	<40 (n=9)	40–50 (n=31)	> 50 (n=20)	
ИМТ, кг/м ²	27,9±1,22 ¹	29,7±0,71 ¹	29,2±0,99 ¹	24,3±0,11
ОХС, ммоль/л	6,00±0,59	5,42±0,12 ²	5,63±0,18 ¹	4,93±0,20
ХС ЛПВП, ммоль/л	1,25±0,05	1,43±0,10	1,52±0,14 ²	1,25±0,06
ХС ЛПНП, ммоль/л	3,93±0,47 ²	3,11±0,15	3,43±0,18 ¹	3,00±0,15
ИА, у.е.	3,80±0,46	2,79±0,21	2,70±0,23	2,94±0,16
ТГ, моль/л	1,72±0,36	1,92±0,15 ¹	1,48±0,12	1,47±0,18
Глюкоза, ммоль/л	5,55±0,14	5,82±0,14 ¹	6,33±0,23 ¹	5,12±0,25
Билирубин, мкмоль/л	15,6±2,09	17,2±1,04 ¹	17,0±1,07 ¹	13,0±0,76
Мочевая кислота, мкмоль/л	323±33,2	398±28,8 ¹	368±17,8 ¹	314±9,54
Лептин, нг/мл	6,81±1,68	9,89±1,02 ¹	10,90±1,95 ¹	4,95±0,27
Проинсулин, пмоль/л	3,30±1,00	11,6±3,66 ¹	6,33±1,43 ¹	2,96±0,29
С-пептид, нг/мл	1,85±0,24	2,54±0,20 ¹	2,08±0,21	1,84±0,14
Т ₃ , нг/мл	1,39±0,18	1,79±0,16	1,37±0,11	1,64±0,13
Кортизол, нг/мл	181±35,0	167±11,6	189±18,4	173±15,6

Примечание: ¹p<0,05; ²p=0,1 –0,005;

ОХС – общий холестерол, ХС ЛПВП – холестерол липопротеинов высокой плотности, ХС ЛПНП – холестерол липопротеинов низкой плотности, ИА – индекс атерогенности Климова, ТГ – триацилглицеролы, Т₃ – трийодтиронин.

Установлено, что у воинов-интернационалистов моложе 40 лет практически отсутствуют нарушения обмена веществ и его регуляции. У обследуемых лиц старше 40 лет выявлен комплекс нарушений, имеющих признаки метаболического синдрома (избыточная масса тела, гипергликемия, гиперлептинемия, гиперурикемия), поражения печени (повышение уровня билирубина) и умеренная гиперхолестеролемиа на фоне нормального или повышенного содержания ХС ЛПВП. Эти изменения развиваются при увеличенной концентрации проинсулина и С-пептида, что указывает на напряжение системы синтеза инсулина. Возможно, это своеобразная приспособительная реакция, связанная с развитием инсулинорезистентности.

Зависимость метаболических и гормональных показателей от величины индекса массы тела воинов-интернационалистов представлена в табл. 2.

Таблица 2

Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови воинов-интернационалистов в зависимости от индекса массы тела

Показатели	ИМТ, кг/м ²			Контроль (n =23)
	<24,9 (n=12)	25–29,9 (n=21)	>30 (n=27)	
ИМТ, кг/м ²	23,9±0,3	27,6±0,43 ¹	32,9±0,43 ¹	24,3±0,11
ОХС, ммоль/л	5,41±0,22	5,58±0,14	5,66±0,24	4,93±0,20
ХС ЛПВП, ммоль/л	1,42±0,10	1,42±0,10	1,45±0,13	1,25±0,06
ХС ЛПНП, ммоль/л	3,34±0,22	3,33±0,20	3,35±0,22	3,00±0,15
ИА, у.е.	2,80±0,24	2,93±0,20	2,90±0,27	2,94±0,16
ТГ, моль/л	1,44±0,25	1,75±0,13	1,87±0,17	1,47±0,18
Глюкоза, ммоль/л	5,45±0,15	6,01±0,16 ¹	6,13±0,20 ¹	5,12±0,25
Билирубин, мкмоль/л	14,7±1,57	16,9±1,12 ¹	17,7±1,08 ¹	13,0±0,76
Мочевая кислота, мкмоль/л	408±88,8	377±23,4 ¹	354±19,3 ²	314±9,54
Лептин, нг/мл	6,12±2,57	7,74±1,05 ¹	12,9±1,11 ¹	4,95±0,27
Проинсулин, пмоль/л	2,92±0,68	7,37±1,50 ¹	12,0±3,40 ¹	2,96±0,29
С-пептид, нг/мл	2,21±0,29	2,18±0,20	2,40±0,21	1,84±0,14
Т ₃ , нг/мл	1,61±0,23	1,37±0,12	1,75±0,17	1,64±0,13
Кортизол, нг/мл	192±25,1	162±17,4	180±13,5	173±15,5

Примечание: см. таблица 1.

У воинов-интернационалистов, относящихся к подгруппе с нормальной массой тела, не выявлено нарушений обмена веществ и его регуляции. В то же время у обследуемых с избыточной массой тела и ожирением выявлен однотипный кластер биохимических изменений: гипергликемия, гиперурикемия и гипербилирубинемия на фоне

повышенных концентраций лептина и проинсулина. Поскольку указанные изменения не являются экстремальными по величине (т.е. находятся на уровне верхней границы нормы), их можно рассматривать как приспособительные. В частности, не исключено, что в условиях развивающейся инсулинорезистентности мочева кислота и билирубин выполняют антиоксидантные функции, результатом чего является нормальный спектр показателей транспорта холестерина в кровеносном русле.

В последующем анализе сделана попытка выявить наиболее значимые и взаимозависимые изменения обмена веществ и его регуляции у воинов-интернационалистов.

Зависимость метаболических и гормональных показателей от концентрации холестерина в сыворотке крови воинов-интернационалистов представлена в табл. 3.

Таблица 3

Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови воинов-интернационалистов в зависимости от уровня общего холестерина

Показатели	Холестерол, ммоль/л			Контроль (n =23)
	3,61–5,0 (n=15)	5,01–6,5 (n=36)	> 6,5 (n=9)	
ОХС, ммоль/л	4,63±0,07	5,60±0,07 ¹	7,29±0,40 ¹	4,93±0,20
ИМТ, кг/м ²	29,1±1,21 ¹	29,2±0,60 ¹	29,7±1,68 ¹	24,3±0,11
ХС ЛПВП, ммоль/л	1,23±0,07	1,42±0,07	1,89±0,34 ²	1,25±0,06
ХС ЛПНП, ммоль/л	2,63±0,10 ²	3,38±0,12 ²	4,54±0,48 ¹	3,00±0,15
ИА, у.е.	2,76±0,16	2,94±0,18	2,86±0,70	2,94±0,16
ТГ, ммоль/л	1,70±0,22	1,72±0,12	1,90±0,36	1,47±0,18
Глюкоза, ммоль/л	6,15±0,22 ¹	5,95±0,13 ¹	5,66±0,43	5,12±0,25
Билирубин, мкмоль/л	16,14±1,72	17,1±0,82 ¹	17,3±1,84 ²	13,0±0,76
Мочевая кислота, мкмоль/л	416±52,7 ²	348±20,9	394±25,4 ¹	314±9,54
Лептин, нг/мл	8,97±1,93 ¹	10,6±1,20 ¹	7,55±1,04 ¹	4,95±0,27
Проинсулин, пмоль/л	6,17±1,29 ¹	10,9±3,24 ¹	3,58±0,71	2,96±0,29
С-пептид, нг/мл	2,19±0,24	2,41±0,19 ¹	1,91±0,26	1,84±0,14
Т ₃ , нг/мл	1,66±0,17	1,59±0,14	1,47±0,22	1,64±0,13
Кортизол, нг/мл	206±17,4	157±11,7	203±33,5	173±15,5

Примечание: см. таблица 1.

Оказалось, что при нормальном содержании холестерина в сыворотке крови сохраняется триада изменений: гипергликемия + гиперлептинемия + гиперурикемия. У обследуемых с легкой гиперхолестеролемией на первое место выходит активация системы синтеза инсулина: гиперлептинемия + гиперпроинсулинемия + повышение концентрации С-пептида. У воинов-интернационалистов с высокой гиперхолестеролемией выявлено повышение ХС ЛПНП, ЛПВП, мочевой кислоты, билирубина на фоне повышенной кон-

центрации лептина. Если рассматривать выявленные изменения как этапы развития патологии, можно констатировать, что приспособительные реакции адаптационного плана проявляются (реализуются) при наличии легкой степени гиперхолестеролемии.

Зависимость метаболических и гормональных показателей от уровня глюкозы в сыворотке крови воинов-интернационалистов представлена в табл. 4.

Таблица 4

Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови воинов-интернационалистов в зависимости от уровня глюкозы

Показатели	Глюкоза, ммоль/л			Контроль (n =23)
	3,30–5,50 (n=19)	5,51–7,20 (n=36)	> 7,2 (n=5)	
Глюкоза, ммоль/л	5,16±0,10	6,10±0,08 ¹	7,92±0,27 ¹	5,12±0,25
ИМТ, кг/м ²	27,5±0,90 ¹	29,7±0,65 ¹	32,8±1,45 ¹	24,3±0,11
ОХС, ммоль/л	5,66±0,31 ²	5,53±0,13 ¹	5,62±0,46	4,93±0,20
ХС ЛПВП, ммоль/л	1,47±0,10 ²	1,37±0,07	1,78±0,57	1,25±0,06
ХС ЛПНП, ммоль/л	3,51±0,29	3,30±0,14	3,08±0,33	3,00±0,15
ИА, у.е.	2,85±0,30	3,04±0,18	2,16±2,1	2,94±0,16
ТГ, моль/л	1,47±0,15	1,89±0,14 ¹	1,66±0,39	1,47±0,18
Билирубин, мкмоль/л	14,5±0,99	17,5±0,91	21,8±2,64	13,0±0,76
Мочевая кислота, мкмоль/л	353±28,0	375±25,5 ¹	409±72,8 ¹	314±9,5
Лептин, нг/мл	7,72±1,70	10,8±1,07 ¹	9,96±2,46 ²	4,95±0,27
Проинсулин, пмоль/л	6,44±3,89	9,56±2,60 ¹	9,80±3,04 ²	2,96±0,29
С-пептид, нг/мл	1,86±0,25	2,46±0,17 ¹	2,58±0,40 ²	1,84±0,14
Т ₃ , нг/мл	1,54±0,14	1,60±0,14	1,73±0,16	1,64±0,13
Кортизол, нг/мл	161±19,1	181±12,5	203±29,3	173±15,5

Примечание: см. таблица 1.

Аналогичные рассуждения возможны при анализе состояния обмена веществ и его регуляции в зависимости от уровня гликемии. Оказалось, что адекватные реакции системы регуляции гомеостаза глюкозы прослеживаются у пациентов, относящихся к группе по содержанию глюкозы 5,51–7,20 ммоль/л: повышение показателей синтеза инсулина (проинсулин, С-пептид), концентрации лептина, мочевой кислоты, триацилглицеролов и общего холестерина. Подобные изменения сохраняются и при высокой выраженности гипергликемии.

Зависимость метаболических и гормональных показателей от концентрации лептина в сыворотке крови воинов-интернационалистов представлена в табл. 5.

Таблица 5

**Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови
воинов-интернационалистов в зависимости от уровня лептина**

Показатели	Лептин, нг/мл			Контроль (n =23)
	3,5 (n=12)	> 3,5–5 (n=3)	> 5 (n=45)	
Лептин, нг/мл	2,43±0,31 ¹	3,92±0,30 ¹	12,1±0,94 ¹	4,95±0,27
ИМТ, кг/м ²	25,0±0,60	25,6±0,37 ¹	30,7±0,55 ¹	24,3±0,11
ОХС, ммоль/л	5,32±0,18	4,89±0,16	5,70±0,16 ¹	4,93±0,20
ХС ЛПВП, ммоль/л	1,42±0,10	1,25±0,11	1,45±0,09 ²	1,25±0,06
ХС ЛПНП, ммоль/л	3,33±0,14	2,39±0,33	3,41±0,16 ²	3,00±0,15
ИА, у.е.	2,75±0,24	2,91±0,27	2,93±0,19	2,94±0,16
ТГ, моль/л	1,18±0,09	2,70±0,85	1,83±0,11 ²	1,47±0,18
Глюкоза, ммоль/л	5,59±0,23	5,82±0,11 ¹	6,06±0,13 ¹	5,12±0,25
Билирубин, мкмоль/л	14,9±1,40	22,7±8,84	17,1±0,75 ¹	13,0±0,76
Мочевая кислота, мкмоль/л	390±41,6 ¹	617±295	354±14,5 ¹	314±9,54
Проинсулин, пмоль/л	2,56±0,94	3,33±2,32	10,5±2,59 ¹	2,96±0,29
С-пептид, нг/мл	1,79±0,21	2,40±0,84	2,41±0,16 ¹	1,84±0,14
Т ₃ , нг/мл	1,56±0,22	2,08±0,31	1,57±0,11	1,64±0,13
Кортизол, нг/мл	182±25,4	200±24,9	173±11,4	173±15,5

Примечание: см. таблица 1.

Из анализа материалов таблицы 5 следует, что все нарушения обмена веществ сопряжены с повышенным содержанием лептина в сыворотке крови обследованных участников военных действий в Афганистане.

Обращает на себя внимание тот факт, что содержание трийодтиронина и кортизола не изменялось во всех группах обследованных воинов-интернационалистов по сравнению с контролем. Поэтому казалось важным установить наличие взаимозависимых изменений биохимических показателей при различных концентрациях этих гормонов в кровеносном русле воинов-интернационалистов.

Зависимость метаболических и гормональных показателей сыворотки крови воинов-интернационалистов при их ранжировании по уровню трийодтиронина представлена в табл. 6.

Установлено, что при сниженной концентрации трийодтиронина повышены концентрации ХС ЛПНП и ХС ЛПВП, а также лептина и проинсулина. Никаких закономерных изменений гормональных и метаболических показателей сыворотки крови воинов-интернационалистов в зависимости от уровня кортизола обнаружить не удалось.

Таблица 6

**Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови
воинов-интернационалистов в зависимости от уровня трийодтиронина**

Показатели	Трийодтиронин, нг/мл			Контроль (n =23)
	< 1,77 (n=41)	1,78–2,43 (n=13)	> 2,43 (n=6)	
Т ₃ , нг/мл	1,21±0,05 ¹	2,05±0,04 ¹	3,17±0,41 ¹	1,64±0,13
ИМТ, кг/м ²	29,1±0,63 ¹	30,0±1,12 ¹	28,8±2,13 ²	24,3±0,11
ОХС, ммоль/л	5,51±0,13 ¹	5,89±0,37	5,36±0,29	4,93±0,20
ХС ЛПВП, ммоль/л	1,48±0,10 ¹	1,29±0,06	1,42±0,21	1,25±0,06
ХС ЛПНП, ммоль/л	3,31±0,13	3,64±0,37	2,94±0,29	3,00±0,15
ИА, у.е.	2,72±0,19	3,57±0,29 ²	2,77±0,50	2,94±0,16
ТГ, моль/л	1,57±0,12	2,07±0,21 ²	2,16±0,34	1,47±0,18
Глюкоза, ммоль/л	5,91±0,14 ¹	6,20±0,28 ¹	5,72±0,11 ²	5,12±0,25
Билирубин, мкмоль/л	15,8±0,73 ¹	19,9±1,71 ¹	18,1±3,03	13,0±0,76
Мочевая кислота, мкмоль/л	366±14,5 ¹	424±95,4	325±45,8	314±9,54
Лептин, нг/мл	10,1±1,16 ²	9,07±1,06 ¹	9,24±3,46	4,95±0,27
Проинсулин, пмоль/л	8,98±2,50 ¹	5,81±1,50 ²	12,0±9,92	2,96±0,29
С-пептид, нг/мл	2,19±0,18	2,45±0,20 ¹	2,54±0,48	1,84±0,14
Кортизол, нг/мл	165±12,1	203±18,9	195±36,0	173±15,5

Примечание: см. таблица 1.

Особенности регуляции метаболизма у ликвидаторов

У ликвидаторов выявлена тенденция к росту заболеваемости ишемической болезнью сердца и состояний организма, связанными с нарушениями обмена веществ: ожирение, сахарный диабет, артериальная гипертензия, заболевания печени и щитовидной железы. У 55,7% ликвидаторов констатировано повышение индекса массы тела. Зависимость метаболических и гормональных показателей от возраста ликвидаторов представлена в табл. 7.

Учитывая, что контрольная группа формировалась из практически здоровых ликвидаторов, значения некоторых лабораторных показателей находились в пограничных зонах значений нормы (например, ХС ЛПВП, ОХС, ХС ЛПНП, ИА, лептин). Установлено, что независимо от возраста у всех ликвидаторов в сыворотке крови повышено содержание проинсулина и лептина. Величина индекса атерогенности повышена за счет уменьшения концентрации ХС ЛПВП у ликвидаторов старше 40 лет. У ликвидаторов старше 50 лет проявляется гипергликемия на фоне некоторого уменьшения концентрации билирубина. Следовательно, после 50 лет имеются биохимические предпосылки для развития клинических форм атеросклероза, инсулинорезистентности и сниженного антиоксидантного потенциала крови (билирубин рассматривается в настоящее время как антиоксидантная молекула).

Таблица 7

Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови ликвидаторов в зависимости от возраста

Показатель	Возраст, лет			Контроль (n=25)
	<40 (n=25)	40–50 (n=82)	> 50 (n=47)	
Индекс массы тела, кг/м ²	24,8±0,88	26,6±0,47	27,3±0,48	24,0±1,94
ОХС, ммоль/л	5,48±0,180	5,24±0,139	5,60±0,194	5,56±0,24
ХС ЛПВП, ммоль/л	1,04±0,085	1,01±0,054 ²	0,97±0,061 ¹	1,19±0,09
ХС ЛПНП, ммоль/л	3,91±0,185	3,68±0,121	4,13±0,166	4,01±0,220
ИА, у.е.	5,00±0,44	5,35±0,317 ¹	5,45±0,289 ¹	4,02±0,34
ТГ, ммоль/л	1,44±0,092	1,41±0,055	1,44±0,067	1,28±0,07
Глюкоза, ммоль/л	4,97±0,197	5,09±0,151	5,84±0,302 ¹	4,74±0,20
Билирубин, мкмоль/л	16,0±1,85	14,6±0,80	13,2±0,45 ²	16,5±1,61
Мочевая кислота, мкмоль/л	296±10,5 ²	288±7,2	274±11,6	265±13,9
ГГТ, Е/л	49,5±10,24	54,07±6,16	51,2±4,58	43,0±6,09
Лептин, нг/мл	17,4±2,22 ¹	17,2±1,44 ¹	17,6±1,49 ¹	12,1±1,26
Проинсулин, пмоль/л	9,07±1,151 ¹	6,10±0,47 ²	6,33±0,618 ²	4,91±0,49
С-пептид, нг/мл	12,3±0,68	11,2±0,47	11,4±0,72	11,4±0,82
Т ₃ , нг/мл	4,83±2,470	1,67±0,046	1,74±0,084	1,72±0,110
Кортизол, нг/мл	145±13,1	171±8,05	203±11,9	178±15,5

Примечание: см. таблица 1.

Зависимость метаболических и гормональных показателей от величины индекса массы тела ликвидаторов представлена в табл. 8.

Таблица 8

Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови ликвидаторов в зависимости от индекса массы тела (ИМТ)

Показатель	ИМТ, кг/м ²			Контроль (n=25)
	<24,9 (n=56)	25–29,9 (n=72)	> 30 (n=27)	
Индекс массы тела, кг/м ²	22,5±0,30	27,3±0,17	32,5±0,45 ¹	24,0±1,94
ОХС, ммоль/л	5,32±0,170	5,44±0,160	5,43±0,190	5,56±0,240
ХС ЛПВП, ммоль/л	1,06±0,070	1,01±0,050	0,88±0,087 ¹	1,19±0,09
ХС ЛПНП, ммоль/л	3,66±0,152	3,94±0,136	4,04±0,196	4,01±0,22
ИА, у.е.	5,09±0,350 ¹	5,20±0,280 ¹	6,14±0,510 ¹	4,02±0,340
ТГ, ммоль/л	1,39±0,060	1,41±0,046	1,53±0,127	1,28±0,070
Глюкоза, ммоль/л	5,09±0,178	5,36±0,200 ¹	5,59±0,280 ¹	4,74±0,200
Билирубин, мкмоль/л	14,8±1,06	14,4±0,80	13,4±0,99	16,5±1,61
Мочевая кислота, мкмоль/л	272±8,9	298±6,8 ¹	284±16,4	263±13,9
ГГТ, Е/л	49,1±8,20	55,6±5,36	51,4±2,94	43,0±6,09
Лептин, нг/мл	19,1±1,30 ¹	15,7±0,94 ¹	26,4±3,43 ¹	12,1±1,26

Окончание табл. 8

Проинсулин, пмоль/л	6,18±0,640	7,14±0,560 ¹	5,87±0,670	4,91±0,490
С-пептид, нг/мл	11,2±0,58	12,2±0,54	10,3±0,68	11,4±0,82
T ₃ , нг/мл	2,93±1,030	1,64±0,060	1,66±0,080	1,72±0,110
Кортизол, нг/мл	192±9,4	182±8,9	145±15,7	178±15,5

Примечание: см. таблица 1.

Независимо от массы тела у всех обследованных ликвидаторов синхронно повышены значения атерогенного индекса и уровни лептина. У ликвидаторов с повышенной массой тела увеличено содержание глюкозы в сыворотке крови, а у ликвидаторов с ожирением выявлена гипоальфахолестеролемия. Поэтому можно полагать, что с увеличением массы тела у ликвидаторов создаются метаболические условия для развития МСХ.

Зависимость метаболических и гормональных показателей от концентрации холестерина в сыворотке крови ликвидаторов представлена в табл. 9.

Таблица 9

Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови ликвидаторов в зависимости от уровня холестерина

Показатель	Холестерол, ммоль/л				Контроль (n=25)
	<3,6 (n=8)	3,61–5,0 (n=54)	5,01–6,5 (n=62)	>6,5 (n=30)	
ОХС, ммоль/л	3,34±0,07 ¹	4,40±0,05 ¹	5,64±0,04	7,29±0,13 ¹	5,56±0,24
Индекс массы тела, кг/м ²	25,6±1,16	26,7±0,51	26,8±0,55	25,9±0,78	24,0±1,94
ХС ЛПВП, ммоль/л	0,61±0,06 ¹	0,78±0,05 ¹	1,14±0,06	1,29±0,07	1,19±0,09
ХС ЛПНП, ммоль/л	2,25±0,16 ¹	3,10±0,06 ¹	4,07±0,09	5,39±0,13 ¹	4,01±0,22
ИА, у.е.	5,18±0,66	5,78±0,138 ¹	4,97±0,32 ¹	5,15±0,34 ¹	4,02±0,34
ТГ, ммоль/л	1,28±0,14	1,37±0,06	1,40±0,07	1,63±0,09 ¹	1,28±0,07
Глюкоза, ммоль/л	4,76±0,38	4,96±0,21	5,56±0,24 ¹	5,53±0,19 ¹	4,74±0,20
Билирубин, мкмоль/л	9,44±0,82 ¹	14,0±0,90	14,5±0,79	16,2±1,69	16,5±1,61
Мочевая кислота, мкмоль/л	285±16,2	282±9,4	298±7,64 ¹	274±14,6	263±13,9
ГГТ, Е/л	55,4±20,7	38,7±2,67	58,6±5,87 ¹	67,49±14,55	43,0±6,09
Лептин, нг/мл	11,3±2,01	19,5±1,67 ¹	18,5±1,78 ¹	13,6±1,07	12,1±1,26
Проинсулин, пмоль/л	3,96±0,87	7,18±0,66 ¹	7,18±0,67 ¹	5,28±0,37	4,91±0,49
С-пептид, нг/мл	9,19±1,30	11,3±0,56	11,5±0,57	11,9±0,85	11,4±0,82
T ₃ , нг/мл	1,63±0,13	3,10±1,08	1,56±0,08	1,71±0,06	1,72±0,11
Кортизол, нг/мл	211±9,00	163±9,5	177±11,6	194±11,3	178±15,5

Примечание: см. таблица 1.

Оказалось, что между величиной ИМТ и уровнем ОХС нет никакой зависимости. У ликвидаторов с гипохолестеролемией резко снижены концентрация ХС ЛПВП и ХС ЛПНП, но такое синхронное снижение не привело к изменению значений индекса ате-

рогенности. При нормальных значениях холестерина в сыворотке крови ликвидаторов зарегистрировано повышение величины индекса атерогенности за счет уменьшенной концентрации ХС ЛПВП. Эти изменения наблюдались при синхронном повышении уровней лептина и проинсулина в сыворотке крови. Такие изменения гормональной регуляции метаболизма сохранились и при легкой гиперхолестеремии. Однако, у этой группы обследованных появилось новое качество – гипергликемия, что могло свидетельствовать о развитии инсулинорезистентности. При более выраженной гиперхолестеремии гипергликемия сопряжена с явными изменениями показателей транспорта липидов по атерогенному типу. В то же время соотношение исследованных гормонов не отличалось от контрольной группы. Можно предположить, что на фоне увеличения концентрации холестерина до 6,5 ммоль/л сочетанные изменения уровней лептина и проинсулина обеспечивали напряженную регуляцию метаболизма при развитии инсулинорезистентности. При выраженной гиперхолестеремии, вероятно, такие адаптивные изменения системы гормональной регуляции метаболизма истощаются, что может привести к заболеваниям сердечно-сосудистой системы в сочетании с инсулиннезависимым сахарным диабетом. Поэтому представлялось интересным исследовать зависимость метаболических и гормональных показателей от уровня глюкозы (табл. 10).

Таблица 10

Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови ликвидаторов в зависимости от уровня глюкозы

Показатель	Глюкоза, ммоль/л				Контроль (n=25)
	<3,29 (n=5)	3,30–5,50 (n=95)	5,51–7,20 (n=42)	>7,2 (n=12)	
Глюкоза, ммоль/л	2,64±0,53 ¹	4,62±0,06	6,11±0,06 ¹	9,69±0,67 ¹	4,74±0,20
Индекс массы тела, кг/м ²	27,1±1,80	26,0±0,37	27,0±0,78	28,2±0,96 ²	24,0±1,94
ОХС, ммоль/л	4,32±0,43 ¹	5,22±0,11	5,73±0,20	6,10±0,44	5,56±0,24
ХС ЛПВП, ммоль/л	0,80±0,12 ¹	0,95±0,05 ¹	1,12±0,07	1,38±0,15	1,19±0,09
ХС ЛПНП, ммоль/л	2,96±0,30 ¹	3,72±0,10	4,03±0,19	4,73±0,30 ¹	4,01±0,22
ИА, у.е.	4,77±0,50	5,60±2,80	4,83±0,32	4,22±0,37	4,02±0,34
ТГ, ммоль/л	1,60±0,30	1,35±0,05	1,54±0,07 ¹	1,50±0,16	1,28±0,07
Билирубин, мкмоль/л	11,8±0,90 ¹	13,9±0,66	16,2±1,36	13,9±1,70	16,5±1,61
Мочевая кислота, мкмоль/л	284±7,8	288±6,7	298±8,1 ¹	136±33,3 ¹	263±13,9
ГГТ, Е/л	80,3±10,1 ¹	49,6±5,3	55,5±7,13	58,0±8,7	43,0±6,09
Лептин, нг/мл	12,0±4,1	16,3±1,24 ¹	20,7±4,8	13,8±1,16	12,1±1,26
Проинсулин, пмоль/л	3,50±0,63 ¹	6,71±0,53 ¹	6,44±0,52 ¹	7,32±1,40 ¹	4,91±0,49
С-пептид, нг/мл	11,8±1,61	11,0±0,42	12,1±0,74	12,6±1,60	11,4±0,82
Т ₃ , нг/мл	2,34±0,30 ²	1,66±0,04	3,10±1,30	1,71±0,12	1,72±0,11
Кортизол, нг/мл	208±29,8	179±7,9	158±10,5	216±24,1	178±15,1

Примечание: см. таблица 1.

Установлено, что с уровнем глюкозы в сыворотке крови ликвидаторов коррелирует концентрация проинсулина. Для состояния гипогликемии характерны метаболические изменения кахектического типа (снижение концентрации ОХС, ХС ЛПВП, ХС ЛПНП, билирубина, проинсулина) на фоне двукратного повышения активности мембранного фермента ГГТ в сыворотке крови и тенденции к повышению уровня трийодтиронина. Можно предполагать, что в эту группу вошли лица с поражениями печени и с легкой степенью гипертиреоза. При нормогликемии у ликвидаторов имеется сочетанное повышение уровней лептина и проинсулина на фоне сниженной концентрации ХС ЛПВП. При гипергликемии выявляется сочетанное повышение концентраций триацилглицеролов и мочевой кислоты в сыворотке крови. А при высокой степени гипергликемии повышенная концентрация ХС ЛПНП сопряжена со сниженной концентрацией мочевой кислоты.

Зависимость метаболических и гормональных показателей от концентрации лептина в сыворотке крови ликвидаторов представлена в табл. 11.

Таблица 11

Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови ликвидаторов в зависимости от уровня лептина

Показатель	Лептин, нг/мл		Контроль (n=25)
	0,1-15 (n=55)	>15 (n=99)	
Лептин, нг/мл	9,52±0,43 ¹	24,6±1,24 ¹	12,1±1,26
Индекс массы тела, кг/м ²	24,8±0,45	27,4±0,42 ²	24,0±19,4
ОХС, ммоль/л	5,61±0,17	5,28±0,12	5,56±0,24
ХС ЛПВП, ммоль/л	1,16±0,06	0,93±0,04 ¹	1,19±0,09
ХС ЛПНП, ммоль/л	4,08±0,15	3,74±0,12	4,01±0,22
ИА, у.е.	4,65±0,25	5,65±0,28 ¹	4,02±0,34
ТГ, ммоль/л	1,34±0,05	1,47±0,05 ¹	1,28±0,07
Глюкоза, ммоль/л	5,30±0,24 ²	5,30±0,15 ¹	4,74±0,20
Билирубин, мкмоль/л	14,8±1,20	14,2±0,62	16,5±1,61
Мочевая кислота, мкмоль/л	285±6,3	287±7,6	263±13,9
ГГТ, Е/л	52,6±8,0	52,4±4,40	43,0±6,09
Проинсулин, пмоль/л	^{5,07} ±0,42 ¹	7,64±0,50 ¹	4,91±0,49
С-пептид, нг/мл	11,9±0,57	11,2±0,45	11,4±0,82
Т ₃ , нг/мл	1,76±0,07	2,39±0,63	1,72±0,11
Кортизол, нг/мл	183±8,89	174±8,37	178±15,5

Примечание: см. таблица 1.

Оказалось, что для лиц с нормальным содержанием лептина в сыворотке крови характерна лишь тенденция к повышению уровня глюкозы до верхней границы референтных значений нормы и повышение концентрации проинсулина. Для ликвидаторов

с гиперлептинемией (повышение уровня лептина на 103%) характерно синхронное повышение концентрации проинсулина на 55,8%, а также изменения показателей, характерных для развития метаболического синдрома X (повышение величины ИМТ и ИА, уровней глюкозы, триацилглицеролов на фоне уменьшения содержания ХС ЛПВП).

В табл. 7–11 не были обнаружены изменения между изучавшимися показателями уровнями трийодтиронина и кортизола. Поэтому в табл. 12 представлены данные метаболических и гормональных показателей сыворотки крови ликвидаторов при их ранжировании по уровню трийодтиронина.

Таблица 12

Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови ликвидаторов в зависимости от уровня трийодтиронина

Показатель	Трийодтиронин, нг/мл			Контроль (n=25)
	<1,77 (n=64)	1,78–2,43 (n=35)	>2,43 (n=55)	
T ₃ , нг/мл	1,38±0,03 ¹	1,97±0,03 ¹	7,99±2,1 ¹	1,72±0,11
Индекс массы тела, кг/м ²	26,1±0,50	27,6±0,69	26,2±0,40	24,0±1,94
ОХС, ммоль/л	5,55±0,15	5,38±0,24	5,22±0,16	5,56±0,24
ХС ЛПВП, ммоль/л	1,08±0,05	0,94±0,08 ¹	0,97±0,07 ¹	1,19±0,09
ХС ЛПНП, ммоль/л	4,02±0,13	3,83±0,21	3,70±0,19	4,01±0,22
ИА, у.е.	4,86±0,26 ²	5,63±0,40 ¹	5,64±0,51 ¹	4,02±0,34
ТГ, ммоль/л	1,40±0,06	1,36±0,07	1,50±0,07 ¹	1,28±0,07
Глюкоза, ммоль/л	5,62±0,20 ¹	4,72±0,15	5,31±0,28	4,74±0,20
Билирубин, мкмоль/л	14,2±1,01	13,8±1,08	15,0±0,94	16,5±1,61
Мочевая кислота, мкмоль/л	303±7,4 ¹	279±7,74	271±6,15	263±13,9
ГГТ, Е/л	49,5±5,20	58,8±12,4	51,4±1,80	43,0±6,09
Лептин, нг/мл	16,1±1,05 ¹	20,9±2,7 ¹	15,2±1,50	12,1±1,26
Проинсулин, пмоль/л	6,72±0,54 ¹	6,18±0,40 ¹	6,74±0,23 ¹	4,91±0,49
С-пептид, нг/мл	11,4±0,59	10,6±0,60	11,9±0,58	11,4±0,82
Кортизол, нг/мл	171±10,0	182±12,2	191±9,9	178±15,5

Примечание: см. таблица 1.

Установлено, что при всех концентрациях трийодтиронина у ликвидаторов отмечается сочетанное повышение величин индекса атерогенности и уровня проинсулина. Для ликвидаторов со сниженной концентрацией трийодтиронина в сыворотке крови характерно повышение концентрации глюкозы и мочевой кислоты. Повышенное содержание трийодтиронина в сыворотке крови сопряжено с гипоальфахолестеролемией. При сниженных и умеренно повышенных концентрациях трийодтиронина в сыворотке крови отмечено сочетанное повышение концентрации лептина и проинсулина.

И, наконец, зависимость изучавшихся биохимических показателей от уровня кортизола сыворотки крови представлена в табл. 13.

Таблица 13

Изменения гормональных и метаболических показателей сыворотки крови ликвидаторов в зависимости от уровня кортизола

Показатель	Кортизол, нг/мл			Контроль (n=25)
	<50 (n=3)	50-230 (n=80)	>230 (n=71)	
Кортизол, нг/мл	45±3,15 ¹	149±5,4 ²	282±5,14 ¹	178±15,5
Индекс массы тела, кг/м ²	27,8±4,07	26,9±0,48	26,03±0,43	24,0±1,94
ОХС, ммоль/л	4,94±0,29	5,37±0,14	5,44±0,15	5,56±0,24
ХС ЛПВП, ммоль/л	1,30±0,56	1,07±0,05	0,93±0,05 ¹	1,19±0,09
ХС ЛПНП, ммоль/л	3,53±0,82	3,91±0,13	3,81±0,13	4,01±0,22
ИА, у.е.	3,87±2,07	4,94±0,26 ¹	5,80±0,32 ¹	4,02±0,34
ТГ, ммоль/л	1,21±0,23	1,35±0,04	1,53±0,07	1,28±0,07
Глюкоза, ммоль/л	5,09±0,48	5,16±0,16	5,47±0,22 ¹	4,74±0,20
Билирубин, мкмоль/л	14,6±0,29	14,6±0,87	14,2±0,77	16,5±1,61
Мочевая кислота, мкмоль/л	257±16,2	291±5,45 ²	281±10,1	263±13,9
ГГТ, Е/л	38,9±18,9	45,6±5,1	61,2±6,27 ¹	43,0±6,09
Лептин, нг/мл	51,6±29,2	17,1±1,20 ¹	15,9±0,98 ¹	12,1±1,26
Проинсулин, пмоль/л	8,93±5,40	6,78±0,57 ¹	6,18±0,38 ¹	4,91±0,49
С-пептид, нг/мл	13,0±1,10	11,9±0,45	9,87±0,62	11,4±0,82
Т ₃ , нг/мл	2,23±0,06 ¹	1,66±0,06	3,03±0,96	1,72±0,11

Примечание: см. таблица 1.

При повышении концентрации кортизола в сыворотке крови синхронно увеличиваются значения индекса атерогенности и уровни лептина. Содержание трийодтиронина достоверно снижено у пациентов с низкой концентрацией кортизола. Содержание глюкозы достигает верхней границы референтных значений нормы только у лиц с повышенной концентрацией кортизола в сыворотке крови.

Итак, получены следующие наиболее важные результаты при сравнении метаболических и гормональных показателей сыворотки крови ликвидаторов:

- независимо от возраста у всех ликвидаторов в сыворотке крови повышено содержание проинсулина и лептина;
- независимо от массы тела у всех обследованных ликвидаторов повышены значения индекса атерогенности и уровни лептина;
- на фоне увеличения концентрации холестерина до 6,5 ммоль/л сочетанные изменения уровней лептина и проинсулина обеспечивают напряженную регуляцию метаболизма при развитии инсулинорезистентности;
- с уровнем глюкозы в сыворотке крови ликвидаторов положительно коррелирует концентрация проинсулина;
- для ликвидаторов с гиперлептинемией характерно синхронное повышение концентрации проинсулина, а также изменения показателей, характерных для развития метаболического синдрома Х;

– при всех концентрациях трийодтиронина у ликвидаторов отмечается сочетанное повышение величин индекса атерогенности и уровня проинсулина;

– при повышении концентрации кортизола в сыворотке крови синхронно увеличиваются значения индекса атерогенности и уровни лептина.

Сравнительная характеристика диагностических коэффициентов у ликвидаторов и воинов-интернационалистов

Для объективизации полученных результатов у воинов-интернационалистов и ликвидаторов аварии на ЧАЭС были отобраны шесть коэффициентов, включающих биохимические характеристики наиболее важных метаболических процессов: коэффициент 1 – глюкоза/ХС ЛПВП (отображает проявление инсулинорезистентности и поражения печени); коэффициент 2 – лептин/кортизол (отражает процессы развития лептинорезистентности и неспецифической резистентности, определяемой глюкокортикоидами); коэффициент 3 – (лептин×ХС ЛПНП)/(кортизол×ХС ЛПВП) (фактически это производное коэффициента 2 и индекса атерогенности Климова); коэффициент 4 – (лептин×глюкоза)/(кортизол×ХС ЛПВП) (фактически это производное коэффициентов 1 и 2); коэффициент 5 – ОХС-ХС ЛПОНП/ОХС (индекс солибилизации холестерина по А.А. Чиркину и А.А. Чиркиной); коэффициент 6 – ОХС-ХС ЛПВП/ХС ЛПВП (индекс атерогенности А.Н. Климова). Усредненные данные приведены в табл. 14.

Таблица 14

Величины коэффициентов в зависимости от различных параметров ликвидаторов

Группа	К1	К2	К3	К4	К5	К6
В зависимости от возраста, лет						
<40	4,78	0,119	0,449	0,571	0,881	5,00
40–50	5,06	0,100	0,366	0,505	0,782	5,35
>50	6,025	0,087	0,368	0,521	0,884	5,42
В зависимости от ИМТ, кг/м ²						
<24,9	4,79	0,099	0,34	0,48	0,88	5,09
25–29,9	5,31	0,086	0,34	0,46	0,88	5,20
>30	6,34	0,182	0,80	1,15	0,60	6,14
В зависимости от уровня холестерина, ммоль/л						
<3,6	7,8	0,05	0,197	0,42	0,83	5,18
3,61–5,0	6,4	0,12	0,47	0,76	0,86	5,78
5,01–6,5	4,9	0,10	0,37	0,50	0,76	4,97
>6,5	4,3	0,07	0,29	0,30	0,89	5,15
В зависимости от уровня глюкозы, ммоль/л						
<3,29	3,30	0,06	0,20	0,03	0,83	4,77
3,30–5,50	4,86	0,09	0,36	0,44	0,88	5,60
5,51–7,20	5,45	0,13	0,47	0,70	0,88	4,83
>7,2	7,02	0,06	0,22	0,45	0,34	4,22

Окончание табл. 14

В зависимости от уровня лептина, нг/мл						
0,1–15	4,57	0,052	0,183	0,238	0,882	4,65
>15	5,69	0,141	0,567	0,804	0,800	5,65
В зависимости от уровня трийодтиронина, нг/мл						
<1,77	5,20	0,09	0,35	0,49	0,77	4,86
1,78–2,43	5,02	0,11	0,47	0,58	0,88	5,63
>2,43	5,50	0,08	0,30	0,44	0,87	5,64
В зависимости от уровня кортизола, нг/мл						
<50	3,90	1,15	5,26	7,58	0,89	3,87
50–230	4,80	0,11	0,48	0,63	0,79	4,94
>230	5,88	0,06	0,20	0,29	0,87	5,80
Контроль	3,98	0,068	0,229	0,271	0,854	4,02

Анализ материалов табл. 14 показал, что количественные изменения значений коэффициентов информативны для факторов: возраст – коэффициенты 1, 2, 3, 4, 6; масса тела – коэффициенты 1, 2, 3, 4, 6; уровень холестерина – коэффициенты 1,3; уровень глюкозы – коэффициент 1; уровень лептина – коэффициенты 1–6; уровень трийодтиронина – коэффициенты 1, 2, 5, 6; уровень кортизола – коэффициенты 1, 2, 3, 5, 6. Таким образом, для диагностики радиационного воздействия в прошлом целесообразно оценивать коэффициент 1 в любых лабораториях и остальные коэффициенты – в специализированных лабораториях.

В табл. 15 приведены данные об аналогичных диагностических коэффициентах у воинов-интернационалистов.

Таблица 15

**Величины коэффициентов в зависимости от различных параметров
воинов-интернационалистов**

Группа	K1	K2	K3	K4	K5	K6
В зависимости от возраста, лет						
<40	4,44	0,04	0,18	0,26	0,87	3,82
40–50	4,1	0,06	0,26	0,49	0,84	3,12
>50	4,2	0,06	0,16	0,29	0,88	3,02
В зависимости от ИМТ, кг/м ²						
<24,9	3,84	0,032	0,075	0,12	0,88	2,98
25–29,9	4,23	0,048	0,112	0,2	0,86	3,16
>30	4,27	0,072	0,166	0,3	0,85	3,32
В зависимости от уровня холестерина, ммоль/л						
3,61–5,0	5	0,044	0,09	0,22	0,83	2,90
5, 01–6,5	4,2	0,0676	0,161	0,28	0,86	3,21
>6,5	2,99	0,037	0,089	0,11	0,88	3,65

Окончание табл. 15

В зависимости от уровня глюкозы, ммоль/л						
3,30–5–50	3,5	0,048	0,115	0,168	0,88	3,09
5,51–7,20	4,45	0,059	0,144	0,266	0,84	3,28
>7,2	4,45	0,049	0,085	0,22	0,86	2,9
В зависимости от уровня лептина, нг/мл						
0,1–15	4,15	0,041	0,098	0,169	0,86	3,20
>15	4,09	0,151	0,298	0,62	0,83	3,13
В зависимости от уровня трийодтиронина, нг/мл						
<1,77	4	0,06	0,14	0,243	0,87	3,07
1,78–2,43	4,8	0,045	0,13	0,22	0,84	3,62
>2,43	4	0,047	0,098	0,191	0,82	3,08
В зависимости от уровня кортизола, нг/мл						
<50	4,6	0,82	2,29	3,77	0,85	3,5
50–230	4,3	0,063	0,15	0,27	0,85	3,26
>230	3,74	0,03	0,06	0,11	0,87	2,94
Контроль	3,98	0,068	0,229	0,271	0,854	4,02

Анализ материалов табл. 15 показал, что количественные изменения значений коэффициентов информативны для факторов: возраст – коэффициент 6; масса тела – коэффициент 3, 6; уровень холестерина – коэффициент 1, 3, 6; уровень глюкозы – коэффициент 3, 6; уровень лептина – коэффициент 2, 4, 6; уровень трийодтиронина – коэффициент 3, 4, 6; уровень кортизола – коэффициент 3, 6. Наиболее информативным в данном случае является коэффициент 3.

Заключение

Ранее было показано, что биохимическими признаками метаболического синдрома X у ликвидаторов являются гипергликемия, гиперлептинемия и пограничная триацилглицеролемиа при наличии сниженных концентраций ХС ЛПНП, ХС ЛПВП и кортизола в сыворотке крови. Гипоальфахолестеролемиа является устойчивым маркером имевшегося в прошлом радиационного воздействия независимо от величины индекса массы тела, возраста ликвидаторов и срока, прошедшего с момента облучения [6].

Удалось осуществить разграничение биохимических показателей метаболических изменений в зависимости от характера экстремального воздействия в прошлом: действие хронического стресса – повышение ХС ЛПВП и нормальные значения индекса атерогенности (участники войны в Афганистане); сочетанное действие хронического стресса и радиации – снижение ХС ЛПВП и повышение индекса атерогенности (ликвидаторы аварии на ЧАЭС). Выявленные биохимические различия между группами ликвидаторов и участников войны в Афганистане поддерживаются десять лет на постоянном уровне и сохраняются при развитии заболеваний [6].

Развитие адаптационных процессов включает активацию систем синтеза инсулина, лептина и эндогенных антиоксидантов (мочевая кислота и билирубин). Описан-

ные изменения метаболизма являются ключевыми для понимания причин более частого выявления метаболического синдрома X у ликвидаторов по сравнению с воинами-интернационалистами и развития заболеваний атеросклеротической природы, когда увеличение индекса атерогенности сопряжено со снижением концентрации ХС ЛПВП. У воинов интернационалистов выявлены адекватные механизмы адаптации, которые препятствуют развитию гипоальфахолестеролемии.

Итак, следует констатировать, что спустя 20 лет после аварии на ЧАЭС у ликвидаторов развиваются специфические метаболические нарушения, которые включают сочетанные изменения концентраций лептина, проинсулина и ХС ЛПВП. Эти изменения метаболизма являются ключевыми для понимания причин более частого выявления метаболического синдрома X у ликвидаторов и развития заболеваний атеросклеротической природы, когда увеличение индекса атерогенности сопряжено со снижением концентрации ХС ЛПВП.

Л и т е р а т у р а

1. Чиркин, А.А. Динамика заболеваемости ликвидаторов аварии на ЧАЭС за последние 10 лет / А.А. Чиркин, Е.О. Данченко, Н.А. Степанова, Д.С. Орехова // Медико-социальная экология личности: состояние и перспективы: матер. 2 Междунар. конф. – Минск: Издательский центр БГУ, 2004. – С. 127–129.
2. Степанова, Н.А. Особенности транспорта липидов при развитии метаболического синдрома / Н.А. Степанова, А.А. Марченко, И.С. Борисевич, Д.С. Орехова, Е.О. Данченко, А.А. Чиркин // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2005. – Т. 4. – С. 235–248.
3. Степанова, Н.А. Создание и апробация алгоритма выявления метаболического синдрома X / Н.А. Степанова // Вестник ВГМУ. – 2006. – Т. 5. – № 2. – С. 37–42.
4. Чиркин, А.А. Алгоритм выявления метаболического синдрома X / А.А. Чиркин, Н.А., Степанова, А.А. Чиркина // 3 Междунар. научно-технич. конф. «Медэлектроника – 2004»: матер. конф. – Минск: БГУИР, 2004. – С. 21–24.
5. Чиркин, А.А. Лептин как маркер радиационного воздействия / А.А. Чиркин, Д.С. Орехова, Н.А. Степанова, Е.О. Данченко // Фундаментальные, клинические и фармацевтические проблемы патологии человека. – Витебск: ВГМУ. – 2004. – Вып. 3. – С. 56–61.
6. Чиркин, А.А. Гормонально-метаболические показатели сыворотки крови при выявлении метаболического синдрома у ликвидаторов аварии на ЧАЭС / А.А. Чиркин, Н.А. Степанова, Е.О. Данченко, Д.С. Орехова // Сахаровские чтения 2006 года: Экологические проблемы 21 века. – Минск: МГЭУ им. А.Д. Сахарова. – 2006. – Ч. 1. – С. 168–171.

Поступило 27.05.2008

УДК 911.3:2(476)

Организация пастбищ и сенокосов культурных ландшафтов сельских агломераций Белорусского Поозерья

И.В. Пилецкий

Политические и экономические преобразования в государстве ведут к изменениям в земельной политике и земельных отношениях, что придает особую актуальность вопросам организации культурных ландшафтов. Ведущими факторами при разработке моделей и принятии решений по их организации выступают пашня, пастбища и сенокосы. Установлены закономерные колебания (тренд) урожайности трав на пастбищах и на пашне по отдельным годам в результате воздействия нерегулируемых природно-климатических факторов. Предложены уравнения, позволяющие вычислять среднюю урожайность трав на пастбищах, сенокосах и пашне в Белорусском Поозерье для любого года, когда сохраняется принятый характер тренда. Используя известные методы статистической обработки данных, можно прогнозировать и степень риска получения среднего урожая.

Удовлетворение потребностей человека, экономическая и экологическая ситуация в государстве, его продовольственная независимость напрямую зависят от интенсификации сельскохозяйственного производства, что требует больших материальных затрат и, в первую очередь, энергоресурсов. Поэтому рациональное использование и охрана земель с высоким естественным плодородием позволяет эффективно использовать энергоресурсы, а масштаб их использования характеризует уровень развития любого государства [7, 9]. С повышением уровня интенсификации сельскохозяйственного производства возрастают требования к охране земель и повышению плодородия почв.

Особо актуальны вопросы рационального использования и охраны земель в периоды политических и экономических преобразований; когда происходят изменения в земельной политике и земельных отношениях; при ломке устоявшихся отношений и систем ведения сельскохозяйственного производства [8]. Для таких периодов свойственны существенные изменения в структуре использования земельного фонда, поэтому вопросы организации культурных ландшафтов приобретают первостепенное значение. Под термином «организация культурных ландшафтов» следует понимать организацию хозяйственной деятельности на основании установленных закономерностей, определяющих эффективность самой деятельности, направленной на обеспечение требуемых объемов производства продуктов питания и сырья для перерабатывающей промышленности при достигнутом уровне развития производительных сил и позволяющей свести к минимуму отрицательное воздействие хозяйственной деятельности на сложившиеся ландшафты конкретного региона.

Уровень воздействия человека на ландшафты на всех этапах развития общества определяется, в первую очередь, потребностями населения в пище, воде и одежде, т.е.

основными жизнеобеспечивающими факторами. А так как именно этими требованиями формируется характер использования природных ресурсов Белорусского Поозерья, то земельные ресурсы в решении поставленной задачи должны играть основную роль. Характер и эффективность использования земель – пространственно ограниченного ресурса – во многом определяют социальную, экономическую и экологическую ситуации в государстве.

Последние десятилетия в Беларуси проявились заметными изменениями в земельной политике и земельных отношениях [6, 8, 10, 12]. В связи с ростом числа собственников земли, землевладельцев и землепользователей расширился круг участников земельных отношений. Динамика земельного фонда культурных ландшафтов Белорусского Поозерья за период с 1975 по 1996 гг. по категориям землевладельцев и землепользователей приведена в табл. 1. За исследуемый период площадь земель сельскохозяйственных организаций и граждан сократилась на 178 тыс. га. Это сокращение вызвано передачей земель другим землевладельцам и землепользователям: 88 тыс. га – организациям и учреждениям природоохранного, оздоровительного, историко-культурного назначения; 98 тыс. га – лесохозяйственным предприятиям. Смена землепользователей и землевладельцев на указанных землях не могла значимо отразиться на сформировавшихся ландшафтах. За тот же период из сельскохозяйственного оборота было выведено более 200 тыс. га, 179 тыс. га из них – это земли сельскохозяйственных организаций и граждан. Характер использования этих земель принципиально изменился, соответственно, изменилась их роль как ландшафтообразующих элементов. Сходные тенденции проявились и в целом по Беларуси (табл. 2).

В табл. 3 приведена динамика земель сельскохозяйственных организаций и граждан за рассматриваемый период по видам земель. Исследования показывают, что основными причинами происходящего уменьшения общей площади земель сельскохозяйственных предприятий стали постепенное сокращение объемов обрабатываемых сельскохозяйственных земель, а также передача лесных и прочих лесопокрытых территорий другим землепользователям. Уменьшение площади земель в сельскохозяйственных организациях под дорогами, прогонами, улицами, площадями и постройками на этом промежутке времени объясняется активным строительством улучшенных сельскохозяйственных дорог и сокращением земель под полевыми и грунтовыми дорогами. Объемы трансформации других видов угодий относительно небольшие.

Сейчас, во всем мире отмечается сокращение земель, используемых в сельскохозяйственном производстве. Это вызвано изъятием части земель для жилищного и промышленного строительства, под строительство водохранилищ, дорог, коммуникаций и др. Если в 1900 г. на одного жителя планеты приходилось 0,66 га пашни, то к 1980 г. этот показатель приблизился к 0,41 га. И это несмотря на освоение и вовлечение в сельскохозяйственное производство значительных объемов ранее не используемых земель. В Беларуси за период 1960–2000 гг. площадь сельскохозяйственных земель на одного жителя сократилась с 1,24 до 0,91 га, а пашни с 0,76 до 0,6 га. И только благодаря трансформации угодий и вводу в сельскохозяйственное использование ранее не используемых земель за счет масштабного осушения, темпы снижения удельных площадей в республике за рассматриваемый период были ниже среднемировых. В Белорусском Поозерье в 2002 году на 1 жителя приходилось 1,19 га сельскохозяйственных земель и 0,69 га пашни.

Таблица 1

**Динамика земель культурных ландшафтов по категориям землевладельцев и землепользователей
Белорусского Поозерья, тыс. га [3, 5]**

Виды земель	Категории земель, землевладельцев и землепользователей																
	земли с/х организаций и граждан		земли общего пользования в населенных пунктах		земли промышленности, транспорта, связи, обороны и иного назначения		земли организаций и учреждений, природоохран., оздоровительн., рекреацион., историко-культурного назначения		земли лесохозяйственных организаций		земли, занятые гидротехнич. и др. водохозяйственными сооружениями		земли запаса		ВСЕГО		
	1975	1996	1975	1996	1975	1996	1975	1996	1975	1996	1975	1996	1975	1996		1975	1996
Всего с/х земель в т.ч. пахотных	1878	1699	11,7	-	10,4	4,6	0,8	0,7	0,7	9,6	5,5	-	-	0,5	0,3	1911	1709
Лесных и прочих лесопользуемых	1183	1221	6,6	-	3,2	1,6	-	0,1	1,5	0,9	-	-	-	0,1	0,1	1194	1223
Болот	476	472	2,1	41,5	68,6	59,2	44,6	108,6	927,2	1023	0,1	-	-	1,2	2,4	1520	1706
Под водой	130	135	0,4	15,5	18,1	4,8	12,2	17,1	76,3	72,3	-	-	-	11,6	8,3	248	253
Под дорогами, просеками, трубопроводами, улицами, площадями и др. местами общего пользования, застройками и дворами	31	60	1,5	3,8	87,3	34,4	0,6	19,7	4,7	7,2	0,8	0,6	0,6	13,3	18,0	139	144
Прочие земли, включая нарушенные	66,5	49	14,8	28,6	14,2	37,6	0,5	1,1	8,9	11,7	-	-	-	-	0,1	105	128
ВСЕГО	2617	2439	35,4	99,2	233,9	157,7	58,7	147,5	1033	1131	0,9	0,6	0,6	26,6	30,4	4004,6	4004,7

Таблица 2

Динамика земель культурных ландшафтов по категориям землевладельцев и землепользователей в Беларуси, тыс. га [3, 5]

Виды земель	Категории земель, землевладельцев и землепользователей																	
	земли с/х организаций и граждан		земли общего пользования в населенных пунктах		земли промышленности, транспорта, связи, обороны и иного назначения		земли оградений и учреждений, родоохран., оздоровительн., рекреационного, историко-культурного назначения		земли лесохозяйственных предприятий		земли, занятые гидротехнич. и др. водохозяйственными сооружениями		земли запаса		ВСЕГО			
	1975	1996	1975	1996	1975	1996	1975	1996	1975	1996	1975	1996	1975	1996	1975	1996	1975	1996
Всего с/х земель в т.ч. пахотных	9724	9236	69,2	0,3	30,3	22,6	17,9	4,5	80,2	49,2	0,4	0,3	4,4	19,6	9927	9333	6230	
Лесных и прочих лесопокрытых	1709	1248	14,2	85,0	346,2	334,0	158,2	390,0	5922,1	6244,7	0,2	0,4	10,5	15,8	8161	8318		
Болот	470	515	1,5	31,7	111,2	76,1	15,6	41,8	245,1	243,6	0,4	0,4	32,5	38,7	877	947		
Под водой	176	231	4,8	14,0	133,5	77,5	12,7	26,9	11,9	19,0	24,8	322	69,9	73,7	434	475		
Под дорогами, просеками, трубопроводами, улицами, площадями и др. местами общего пользования, постройками и дворами	366	322	82,4	163,1	101,7	241,5	29,5	9,5	72,7	92,4	0,1	0,5	0,3	5,9	652	835		
Прочие земли, включая нарушенные	344	312	21,2	83,7	191,1	136,7	82,1	103,2	53,2	174,8	2,0	2,6	4,4	39,2	708	852		
ВСЕГО	12801	11864	193,3	377,8	914,0	888,5	316,0	575,9	6385,2	6823,7	27,9	36,4	122,1	192,9	20760	20760		

Таблица 3

Динамика земель культурных ландшафтов сельскохозяйственных организаций и граждан в Беларуси и Белорусском Поозерье, тыс. га

Годы	Общая площадь	Сельскохозяйственные земли		Лесные и прочие лесопользуемые земли	Болота	Под водой	Под дорогами, прогонами, улицами, площадями и постройками	Прочие земли
		всего	в т.ч. пахотные					
1975	<u>12801</u> 2616,6	<u>9724</u> 1878	<u>5702</u> 1182,6	<u>1709</u> 476,1	<u>470</u> 139,6	<u>176</u> 30,9	<u>366</u> 66,5	<u>355</u> 35,4
1980	<u>12576</u> 2535,1	<u>9570</u> 1741,2	<u>5743</u> 1194,2	<u>1576</u> 550,2	<u>517</u> 137,5	<u>183</u> 27,7	<u>362</u> 63,3	<u>367</u> 35,2
1985	<u>12377</u> 2494,6	<u>9534</u> 1746,1	<u>5741</u> 1192,6	<u>1349</u> 479,8	<u>546</u> 140,5	<u>171</u> 27,3	<u>331</u> 65,4	<u>445</u> 35,5
1995	<u>11894</u> 2464,4	<u>9244</u> 1707,7	<u>6201</u> 1222,4	<u>1240</u> 466,2	<u>518</u> 136,2	<u>248</u> 78,7	<u>324</u> 50,2	<u>320</u> 25,4
1996	<u>11864</u> 2438,5	<u>9236</u> 1697,9	<u>6198</u> 1220,6	<u>1248</u> 471,5	<u>515</u> 134,9	<u>231</u> 59,8	<u>322</u> 49,2	<u>312</u> 25,2
2000	<u>10915</u> 2001	<u>9152</u> 1648,4	<u>6133</u> 1135,4	<u>619</u> 159,5	<u>361</u> 60,7	<u>234</u> 63,4	<u>315</u> 45,6	<u>233</u> 23,4

Примечание: в числителе приведены данные по Беларуси, в знаменателе – по Белорусскому Поозерью.

Приведенные данные динамики земель не дают четкой картины ситуации, сложившейся в республике в период проведения крупномасштабных работ по мелиорации земель, так как они не учитывают весь комплекс и характер преобразований (трансформации) земель вследствие несовершенства механизма их учета. Фактически, на этом временном отрезке осуществлена значительная трансформация земель, которая далеко не в полной мере отражена в официальной отчетности. Кроме того, тенденцию поступательного сокращения сельскохозяйственных земель республики прервал резкий вывод из сельскохозяйственного оборота больших территорий, загрязненных радионуклидами в результате аварии на ЧАЭС.

Благодаря последовательному государственному регулированию к началу XXI в. этот процесс стабилизировался. На современном этапе формирование культурных ландшафтов сельских агломераций зависит в основном от объемов задействованных в сельскохозяйственном производстве земель и их структуры. Трансформация других видов земель не оказывает значимого влияния на этот процесс. Как показали исследования, регионам Беларуси присуще значительное варьирование структуры используемых в сельскохозяйственном производстве земель (табл. 4). Существование подобных различий обусловлено особенностями природно-климатических условий и сложившейся специализацией сельскохозяйственного производства в условиях бывшего Советского Союза.

На всех предыдущих этапах развития общества удовлетворение потребностей населения в продуктах питания и сырье для основных отраслей промышленности находилось в прямой зависимости от площади используемых в сельскохозяйственном производстве земель; на современном этапе сюда добавились еще и уровни агротехники и организации сельскохозяйственного производства с учетом качества земель и природно-климатических условий. Следовательно, удельный вес используемых в сельскохозяйственном производстве земель продолжает оставаться ведущим фактором, а посему определять процесс организации культурных ландшафтов сельских агломераций. Показатель площади земель, используемых в сельскохозяйственном производстве, при решении продовольственной программы определяется не абсолютной величиной, а их качественным составом, природно-климатическими условиями, уровнем агротехники, организацией сельскохозяйственного производства и другими параметрами [6, 8, 10, 12].

Таблица 4

Структура земель культурных ландшафтов, используемых в сельскохозяйственном производстве, по регионам Беларуси на 1.01.1996 г., тыс. га

Регионы Беларуси	Земли культурных ландшафтов	В том числе		
		пахотные	сенокосные	пастбищные
Брестское Полесье	1190	690	210	280
Белорусское Поозерье	1360	1000	140	210
Гомельское Полесье	1270	750	250	250
Западно-Белорусский	1110	740	140	220
Белорусской гряды	1540	1100	200	220
Восточно-Белорусский	1280	880	160	230
По Беларуси	7750	5160	1100	1410

Осуществляемые в последние годы преобразования в земельном фонде пока не сказались положительно на его качественном состоянии. Все отчетливее проявляется тенденция роста необрабатываемых земель. Практически заморожены принятые программы по мелиорации и культуртехническим работам, не в полном объеме осуществляются программы охраны и рационального использования земель [6, 8, 10, 12].

В условиях политических и экономических преобразований неизбежно происходит перераспределение земель как между собственниками и пользователями, так и категориями земельного фонда, что в ближайшей перспективе приведет к значительным изменениям в сложившихся культурных ландшафтах Белорусского Поозерья. Поэтому регулирование процессов формирования культурных ландшафтов на современном этапе приобретает особую актуальность. Проблему необходимо решать исходя из возможного для сложившихся экономических условий объема производства сельскохозяйственной продукции, соблюдения паритета природоохранного и сельскохозяйственного землепользования, учета социально-экономических аспектов конкретного региона [7, 9, 10]. На основании сказанного можно заключить, что модель организации даже для пространственно ограниченной территории (ландшафта) должна учитывать большое количество как экономических, так и природно-климатических факторов, которые между собой взаимосвязаны и взаимозависимы. К сожалению, в настоящее время пока не разработаны такие модели, которые позволяли бы количественно учитывать выраженные связи между указанными факторами.

Современное развитие моделей продуктивности сельскохозяйственных угодий идет в направлении создания экспертных систем на базе вычислительной техники. Согласно сформулированным к настоящему времени концепциям, экспертная система включает в себя четыре компоненты, отличающие ее от традиционных программ – базу знаний, механизм вывода, модуль извлечения знаний и систему объяснения (интерфейс) [1, 2, 13, 14]. База знаний экспертной системы содержит определенным образом структурированные данные и представления о том, как эти знания использовать для принятия решения. Механизм вывода содержит знания о способах нахождения решений задач и состоит из интерпретатора, определяющего каким образом применять правила для вывода новых знаний и диспетчера, устанавливающего порядок применения этих правил. Модуль извлечения знаний предназначен для внесения данных в экспертную систему на этапе создания и является, по сути, инструментом для создания базы знаний. Система объяснений содержит знания, необходимые для объяснения того, каким образом система пришла к тому или иному решению.

Моделирование технологических процессов возделывания сельскохозяйственных культур должно стать неотъемлемой частью экспертных систем сельского хозяйства, система ведения которого в основном и определяет создание культурных ландшафтов сельских агломераций. Естественно, при разработке моделей управления культурными ландшафтами наиболее остро стоит проблема максимально возможного количественного учета не только хозяйственно-экономических, но и природно-климатических факторов, применительно к конкретному культурному ландшафту. Наиболее типичным направлением создания экспертных систем, ставшим уже классическим, является система интеллектуальной поддержки принятия решений в конкретных, достаточно узких областях человеческой деятельности.

Анализ данных за последние 10 лет показывает, что в регионе (аналогично и в республике) складывается более-менее устойчивая структура земель, используемых в сельскохозяйственном производстве. Пахотные земли в этом объеме составляют около 67%, из них, в среднем, 47% используется для посева зерновых и зернобобовых культур и примерно 50% – для посева кормовых культур. На сеяные травы в структуре кормовых культур приходится почти 90%. Около 30% всех сельскохозяйственных земель – это сенокосы и пастбища, и лишь немногим более 1% – постоянные культуры. Удельный вес остальных культур в посевах региона незначительный, и если учесть, что в системе севооборотов размещение их постоянно изменяется, то можно заключить, что их ролью в составе ландшафтообразующих факторов можно пренебречь.

Следовательно, при разработке моделей и принятии решений по организации культурных ландшафтов основными ландшафтоформирующими элементами будут пахотные земли, пастбища и сенокосы. Правильность сделанного нами вывода подтверждает то, что, несмотря на все политические и экономические преобразования, произошедшие в последние десятилетия, соотношение этих угодий в структуре земель Белорусского Поозерья изменилось незначительно. При моделировании элементов культурных ландшафтов определяющими являются качественная характеристика земель и экономические факторы, так как они постоянны для конкретного региона. В то же время степень влияния их на урожайность отдельных культур может отличаться.

В общем случае пастбища относятся к экосистемам, в которых доминируют травы и кустарники, хотя лесные экосистемы также могут использоваться для выпаса. В качестве основного фактора при разработке моделей для пастбищ используется продуктивность растений в конкретном типе климата. Первыми моделями для пастбищ в США были статистические модели, в которых в качестве независимой переменной используется сумма осадков за период вегетации. Целью организации пастбищ является достижение максимально доступного для съедания домашними животными объема биомассы. Но при этом животные оказывают существенное влияние на динамику роста растений и конкурируют с ней. Поэтому ряд моделей включает динамику продуктивности животных. Практика показывает: чем значительнее влияние природно-климатических факторов, тем управление пастбищами должно быть более интенсивным.

Развитие моделей прошло путь от отдельных чисто эмпирических уравнений до больших имитационных моделей. Большинство моделей – это статистические модели для конкретного региона, представленные одним уравнением, в котором осадки выступают независимой переменной. В имитационных моделях включаются такие факторы, как влажность почвы, уровень минерального питания, фенологические фазы развития растений. Некоторые модели построены с учетом пожаров, орошения, альтернативных систем выпаса, а также неуправляемых природно-климатических факторов.

Эмпирические модели разрабатываются на основании многолетних данных анализа взаимосвязи между факторами внешней среды и продуктивностью растений. Эти модели обычно основаны на данных наблюдений на конкретном участке в течение нескольких лет или нескольких участках в течение одного сезона. Независимыми переменными в них используются такие факторы, как осадки, эвапотранспирация и др. В ряде моделей рассматривается пространственная гетерогенность посева, позволяющая имитировать разные культурные ландшафты.

В структуре используемых в сельскохозяйственном производстве земель территориальное расположение пастбищ постоянно меняется, так как значительная часть их входит в состав севооборотов. В значительной степени это относится и к сенокосам. Поэтому деление используемых в сельскохозяйственном производстве земель на пашотные, сенокосные и пастбищные при рассмотрении их как элементов культурного ландшафта носит условный характер, так как территориальное расположение их постоянно меняется. В табл. 5 приведена динамика структуры земель, используемых в сельскохозяйственных предприятиях в конце прошлого века. Как показывает анализ, значительная часть пашни в этом периоде использовалась под посевы кормовых культур, почти 90% которой составляли сеяные травы. Несомненно, определенная часть пашни ежегодно использовалась и в качестве пастбищ.

Разработка моделей для оценки продуктивности различных видов сельскохозяйственных угодий для различных по качеству земель с учетом влияния природно-климатических и экономических факторов должна быть основой в управлении процессом формирования отдельных элементов культурных ландшафтов. В последнее время используют системную динамику для включения обратной связи в процессы преемственности на пастбищах. В этих моделях составу растительных сообществ уделяется больше внимания, чем объему производимых кормов. Естественно, что для разработки такого рода моделей требуется большой объем достоверной исходной информации.

Простейшими моделями для оценки урожайности (продуктивности), а зачастую и наиболее точными, являются модели, основанные на учете осредненных статистических данных. Для оценки планируемой продуктивности конкретного участка необходимо знать его возможности в конкретных условиях, и под эту возможность планировать урожайность.

В силу того, что на урожайность оказывает влияние большой комплекс как экономических, так и природно-климатических факторов, которые взаимосвязаны и взаимозависимы и к настоящему времени не установлены точные зависимости для оценки влияния каждого из этих факторов, а тем более их сочетаний, то разработка статистических моделей должна осуществляться на основании данных наблюдений опытных участков и сортоиспытательных станций. Это продиктовано тем, что здесь наиболее точно выполняются все требования агротехники, а урожайность для конкретного типа почв может быть принята за действительно возможную (потенциальную) при складывающихся природно-климатических условиях конкретной зоны ($Y_{\text{пот.}}$). Тогда урожай, получаемый в производственных условиях ($Y_{\text{ф}}$) для идентичных типов почв рассматриваемой зоны и соответствующем уровне агротехники, будет определяться лишь уровнем организации сельскохозяйственного производства и должен рассчитываться по формуле 1:

$$Y_{\text{ф}} = k \cdot Y_{\text{пот}}, \quad (1)$$

где k – коэффициент, показывающий уровень организации сельскохозяйственного производства конкретного хозяйствующего субъекта.

Потенциальная и фактическая урожайность в производственных условиях изменяется по отдельным годам в результате изменчивости нерегулируемых (природно-климатических) факторов. Поэтому они должны устанавливаться по функциональным зависимостям, полученным в результате статистической обработки данных по урожайности за период (ряд лет), для которого уровень агротехники можно принять как постоянную величину.

Таблица 5

**Структура земель культурных ландшафтов, находящихся в пользовании сельскохозяйственных организаций
Беларуси и Белорусского Поозерья, тыс. га**

Годы	Все земли		В том числе											
	Беларусь	Белорусское Поозерье	пахотные					сенокосные					пастбищные	
			Беларусь		Поозерье			Беларусь		Поозерье			Беларусь	Поозерье
			Всего	из них под кормовые культуры	Всего	из них под кормовые культуры	Всего	из них под кормовые культуры	Беларусь	из них под кормовые культуры	Поозерье	Беларусь		
1985	9056	2411											5741	2340
1990	8728	2399	5620	2491	1117	514	1234	174	1810	335				
1991	8073	2213	5252	2464	1047	498	1147	150	1615	301				
1992	7802	2085	5109	2163	999	426	1111	135	1524	243				
1993	7803	2139	5094	2163	1000	427	1114	137	1538	252				
1994	7769	2126	5180	2208	1016	449	1098	143	1434	214				
1995	7753	2101	5157	2321	1003	486	1098	136	1443	211				
1996	7757	2075	5147	2394	997	484	1106	132	1450	210				
1997	7935	2088	5270	2396	938	518	1134	165	1478	216				
1998	7927	2030	5217	2367	936	466	1174	164	1480	216				
1999	7723	1677	5065	2421	928	501	1149	158	1469	212				
2000	7697	1637	5060		904	497	1140	169	1450	220				

На рис. 1 приведена динамика урожайности трав хозяйствующих субъектов Белорусского Поозерья и внесенные дозы минеральных удобрений под сеяные травы и на пастбища. Анализ данных показывает, что дозы внесенных минеральных удобрений на пастбищах практически такие же, как и под сеяные травы на пашне. Необходимо обратить внимание на то, что приведенные данные являются осредненными для разных типов почв, разного уровня агротехники и организации производства. Поэтому они дают лишь интегральную оценку влияния большого количества факторов на урожайность как экономических, так и природно-климатических. Более высокий уровень урожайности сеяных трав на пашне можно объяснить влиянием последствия более высоких доз внесенных ранее удобрений на пашню, чем на пастбища.

Дозы внесенных удобрений в разрезе отдельных сельскохозяйственных предприятий варьируют в большом интервале, особенно для пастбищ. Приведенные в отчетах хозяйств осредненные дозы внесенных удобрений на пастбища свидетельствуют о том, что они могли вноситься лишь на части площадей этих угодий, и в основном, при перезалужении, так как в таких дозах их просто технически невозможно было внести на всей площади угодий.

Анализ структуры вносимых в отдельных сельскохозяйственных предприятиях удобрений на пастбищах свидетельствуют о том, что она до настоящего времени является неудовлетворительной. В основном на эти угодья вносятся калийные и в небольшом количестве азотные удобрения. Фосфорные удобрения, согласно отчетности, вносились лишь в отдельных хозяйствах по несколько килограмм (1–6 кг д.в.) в расчете на 1 га этих угодий. Естественно, что такое количество удобрений могло быть внесено только на часть площадей и, видимо, лишь на отдельные участки при перезалужении.

Как следует из приведенных материалов, происходит определенная изменчивость урожайности трав на пастбищах и на пашне по отдельным годам. На фоне этих колебаний существует продолжительная тенденция изменения урожайности по отдельным годам (тренд), которая отражает поступательное снижение урожайности трав в Белорусском Поозерье, как на пастбищах, так и на пашне. Аналогичная тенденция наблюдается и в других регионах республики.

Снижение урожайности нельзя объяснить лишь резким снижением доз вносимых удобрений после 1991 г., так как после 1995 г. повышение их не привело к значительному увеличению урожайности. Это можно объяснить лишь влиянием нерегулируемых природно-климатических факторов. Кроме того, на рассматриваемом этапе на урожайность трав негативно повлияли снижение объемов перезалужения и, как следствие, повышение удельного веса выродившихся травостоев, а также резкое снижение уровня механизации технологических процессов.

С учетом сказанного, в Белорусском Поозерье прогнозные показатели средней урожайности трав на пастбищах на ближайшую перспективу можно рассчитать по уравнению 2:

$$Y_{\text{паст}} = Y_0 + kt, \quad (2)$$

где $Y_{\text{паст}}$ – прогнозируемая урожайность трав на пастбищах, цент.зел.массы/га;

Y_0 – урожайность трав на пастбищах в базовом году, ц.зел.массы/га;

k – коэффициент, зависящий от характера тренда урожайности в рассматриваемый период;

t – период (количество лет) от базового до прогнозируемого года.

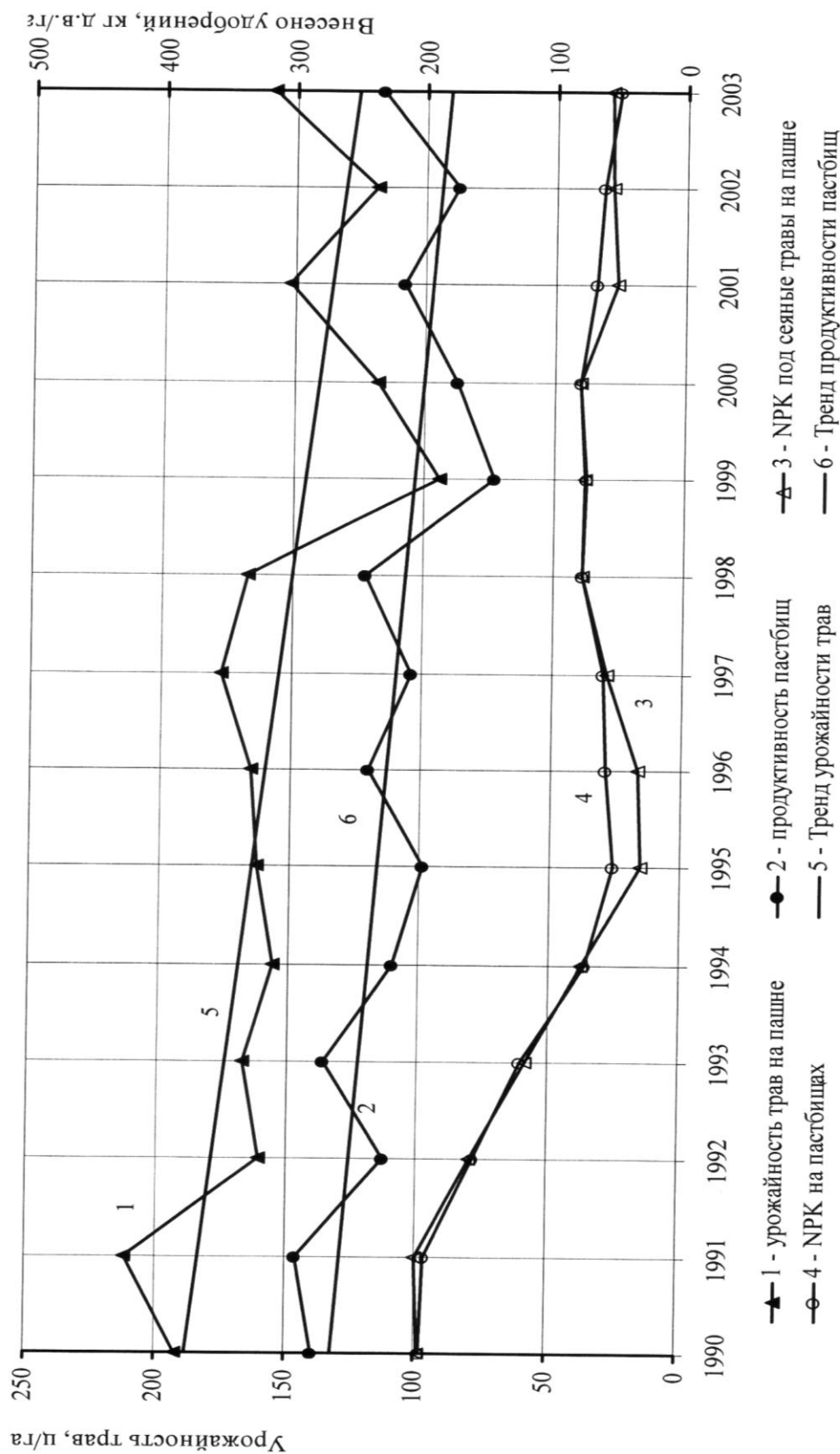

Рис. 1. Динамика урожайности зеленой массы трав и внесенных минеральных удобрений на естественных и улучшенных сенокосах в сельскохозяйственных организациях ландшафтов Белорусского Поозерья.

Для расчетов прогнозных показателей средней урожайности трав на пастбищах и на пашне в Белорусском Поозерье за базовый год принят 1990-й. В этом году значения базовых параметров для пастбищ составили: $Y_6 = 132$ ц/га, $k = -3,2$; для трав на пашне $Y_6 = 200$ ц/га и $k = -5,6$.

На основании аналогичного анализа (рис. 2) получены значения параметров уравнения для: естественных сенокосов – $Y_6 = 84$ ц/га, $k = -2,4$; улучшенных сенокосов – $Y_6 = 135$ ц/га, $k = -5,1$.

Если в перспективе тенденция не переменится, то это не означает, что характер тренда на рис. 2 будет сохраняться в течение длительного периода времени. При снижении урожайности до уровня соответствующего естественному плодородию тенденция снижения прекратится, и тренд будет представлен горизонтальной линией, но и при этом будут наблюдаться отклонения урожайности от тренда, обусловленные ее зависимостью от нерегулируемых природно-климатических факторов.

Приведенные уравнения позволяют вычислять среднюю урожайность трав на пастбищах, сенокосах и пашне в Белорусском Поозерье для любого года периода, когда сохраняется принятый характер тренда. Кроме того, используя известные методы статистического анализа по уже имеющимся данным об урожайности в каждом календарном году за рассматриваемый период можно прогнозировать в последующие годы степень риска получения урожая, отличного от среднего, то есть с учетом влияния изменчивости урожайности по годам, вызванной влиянием нерегулируемых природно-климатических факторов.

Как уже отмечалось, при любом уровне агротехники и организации сельскохозяйственного производства наблюдается колебание урожайности трав по отдельным годам, что вызвано различной долей участия нерегулируемых природно-климатических процессов в комплексе всей совокупности факторов, участвующих в формировании урожая в каждом конкретном году. Естественно, что у каждого хозяйствующего субъекта, в зависимости от качественной характеристики почв, уровня агротехники и организации сельскохозяйственного производства, значения показателей в уравнении 2 не совпадут с показателями, рассчитанными по средней урожайности для Поозерья. Поэтому они должны определяться на основании аналогичного анализа по урожайности в каждом конкретном хозяйстве. Если в конкретном случае тренд отражает рост урожайности на рассматриваемом периоде, то коэффициент « k » будет иметь положительное значение. Неоспоримым преимуществом предлагаемого анализа является то, что он дает возможность прогнозировать урожайность не от достигнутой в конкретном году, а от расчетной за рассматриваемый период с учетом изменчивости урожайности по отдельным годам, обусловленной влиянием нерегулируемых природно-климатических факторов. Кроме того он позволяет определить степень риска получения заданного значения прогнозируемого урожая.

Площадь пастбищ, сенокосов и сеяных трав на пашне определяется требуемыми для обеспечения поголовья крупного рогатого скота объемами зеленых кормов, в том числе и для приготовления травяных кормов на стойловый период. Примерно 60–70% всей производимой продукции растениеводства в хозяйствующих субъектах региона, а в отдельные годы и более, расходуется на корма. Из всех расходуемых кормов на долю травяных приходится 65–75%. Так как этот вид кормов является основным, то затраты на их заготовку составляют до 50% от всех затрат на материальное производство.

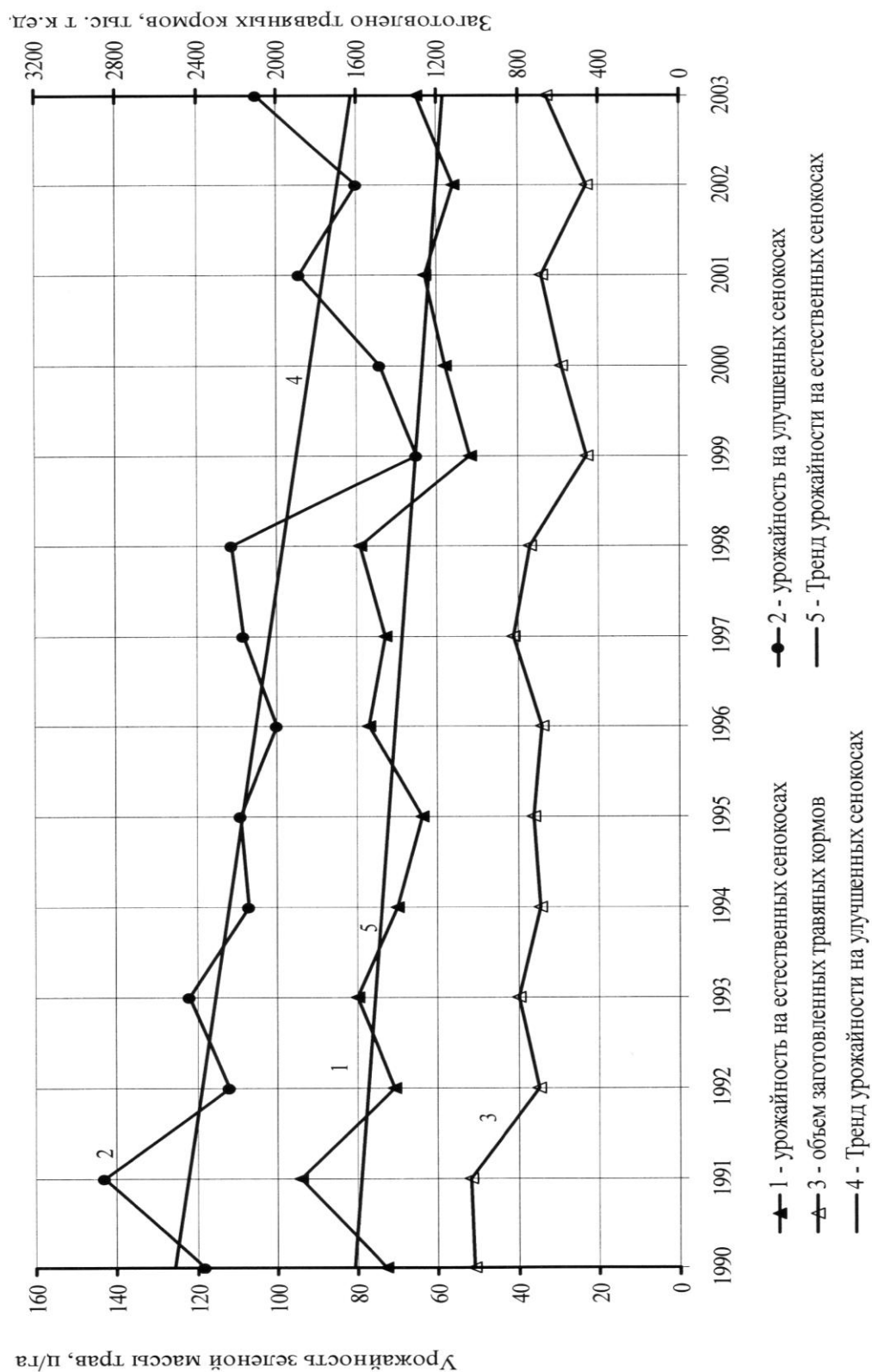

Рис. 2. Урожайность зеленой массы трав на естественных и улучшенных сенокосах и объемы заготовленных травяных кормов в сельскохозяйственных организациях культурных ландшафтов Белорусского Поозерья.

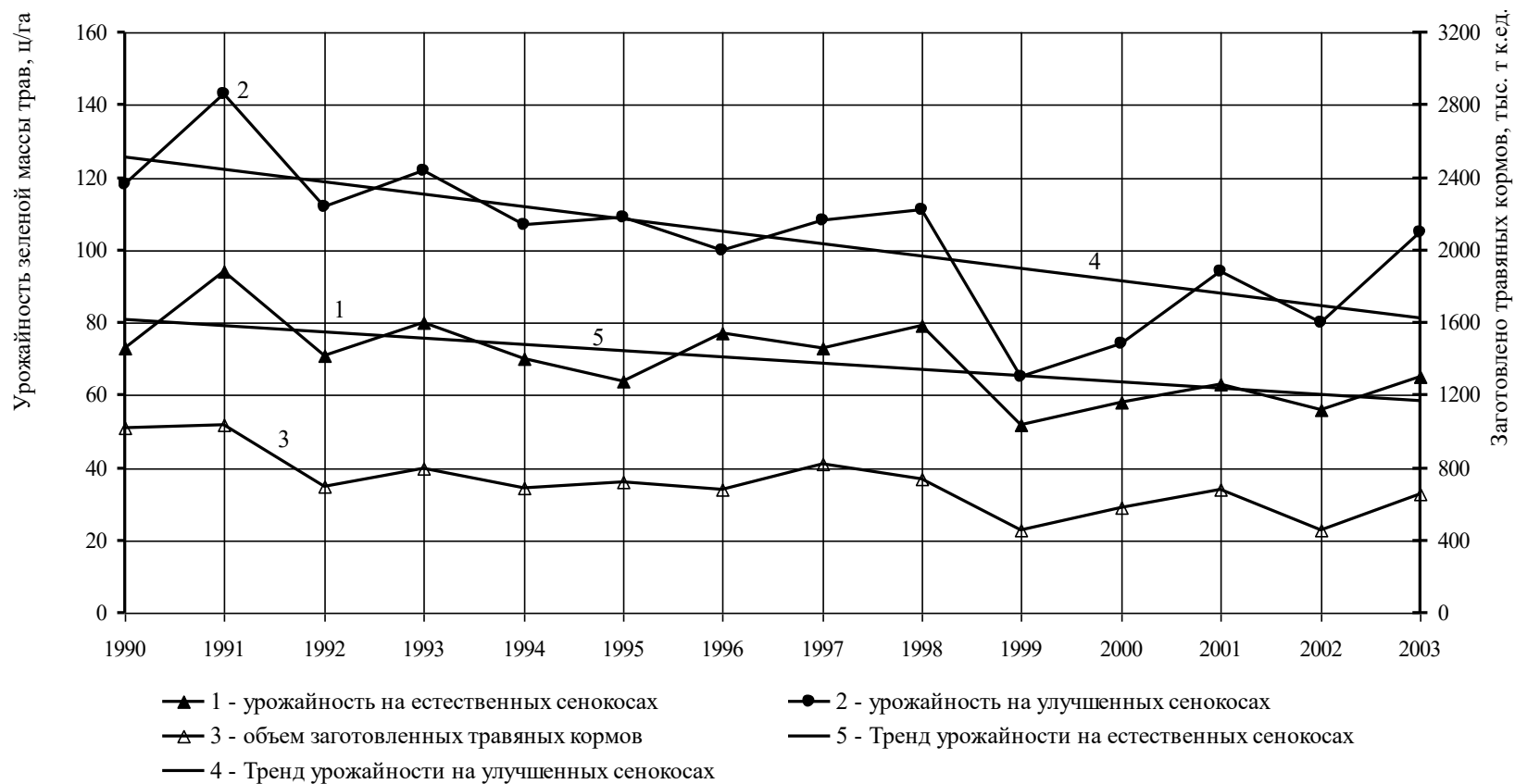

Рис. 2. Урожайность зеленой массы трав на естественных и улучшенных сенокосах и объемы заготовленных травяных кормов в сельскохозяйственных организациях культурных ландшафтов Белорусского Поозерья.

Объемы заготовленных травяных кормов в сельскохозяйственных предприятиях Белорусского Поозерья показаны на рис. 2. Проведенные исследования показывают, что снижение объемов заготавливаемых травяных кормов пропорционально снижению продуктивности сенокосов, пастбищ и пашни под сеянными травами. Снижение производимых объемов зеленых и заготавливаемых травяных кормов должно было неизбежно привести к снижению численности поголовья крупного рогатого скота [11]. Однако, стремление сохранить численность поголовья коров и более высокая рентабельность производства молока, чем мяса крупного рогатого скота (КРС) привели к более резкому сокращению численности молодняка, а низкая обеспеченность кормами в итоге – к снижению генетического потенциала скота.

Объемы производимой сельскохозяйственной продукции, изменяющиеся в отдельные годы в связи с влиянием на урожайность нерегулируемых природно-климатических факторов, неизбежно приводят к изменению численности поголовья скота. Г. Миниш и Д. Фокс [4] приводят изменение численности КРС в США за 100 лет, которая имеет явно выраженную цикличность. Эту закономерность авторы объясняют изменчивостью конъюнктуры рынка скота. По нашему мнению, конъюнктура рынка скота является не причиной изменения численности скота, а причиной изменения по отдельным годам урожайности и, соответственно, цены на корма.

Численность поголовья скота определяется площадью земель, используемых для производства кормов и их продуктивностью. Планирование объемов производства кормов при достигнутых к данному моменту времени уровнях агротехники и продуктивности конкретных видов угодий надо проводить с учетом изменчивости урожайности по отдельным годам под влиянием нерегулируемых природно-климатических факторов. С учетом этого обстоятельства стабилизация численности поголовья КРС и повышение рентабельности производства продукции животноводства возможны лишь при создании страховых запасов заготавливаемых кормов. Их объемы должны определяться разностью между планируемыми объемами по средним значениям за предшествующий период и наименьшими значениями, полученными в рассматриваемом периоде.

Продуктивность сенокосов Белорусского Поозерья в 2000 г. по оценочным данным составляла в среднем 10, пастбищ – 13 и трав на пашне – 17 ц/га кормовых единиц. Даже при такой чрезвычайно низкой продуктивности выход кормовых единиц при принятом биологическом урожае трав с этих угодий в регионе составлял

$$(169 \times 10) + (220 \times 13) + (506 \times 17) = 13150 \text{ тыс. ц к.е.,}$$

или 1315 тыс. т.к.е., где: 169 тыс. га – площадь сенокосов;

220 тыс. га – площадь пастбищ;

506 тыс. га – площадь трав на пашне.

В 2000 г. в хозяйствах всех категорий Белорусского Поозерья было произведено 700 тыс. тонн молока и реализовано скота и птицы в живом весе 118,3 тыс. тонн. Затраты на производство 1 кг продукции КРС согласно нормативам составляют: молока – 1 к.е.; мяса – 10 к.е.

Производство мяса КРС составляет около 1/3 от всего объема реализации мяса скота и птицы $18,3 \times 0,32 = 38$ тыс. тонн.

Общие затраты кормов на производство продукции КРС в Поозерье в 2000 г. по нормативам затрат на единицу продукции составили

$$(700 \times 1) + (38 \times 10) = 1080 \text{ тыс. т к.е.},$$

что значительно меньше, чем был фактический выход кормовых единиц с сенокосов, пастбищ и трав на пашне (1315 тыс. т к.е.). И это без учета произведенных кукурузы и кормовых корнеплодов. Но в производстве указанной продукции использовалось и зерно.

Таким образом, исследования позволяют сделать следующие выводы:

– несмотря на проведение существенной трансформации угодий в Белорусском Поозерье после 1960 г., удельный вес лесных земель и земель под водой в общей площади земель изменился незначительно. Основные изменения происходили за счет площадей сельскохозяйственных земель, которые до этого периода или не использовались в сельскохозяйственном производстве, или использовались крайне неэффективно с применением исключительно ручного труда из-за заболоченности, а также за счет изъятия этих земель для целей строительства (жилищного, промышленных объектов, дорог, коммуникаций и др.);

– несовершенство системы учета проводимых преобразований и ограничения доступа к отчетным данным по земельным преобразованиям во второй половине XX в. не позволяет дать точную количественную оценку этим преобразованиям. Однако можно однозначно говорить, что основные объемы работ по формированию культурных ландшафтов осуществлены за счет трансформации сельскохозяйственных земель;

– формирование культурных ландшафтов сельских агломераций в ближайшей перспективе будет определяться, в основном, объемами задействованных в сельскохозяйственном производстве земель и их структурой, которой свойственно существенное варьирование по регионам Беларуси. Это обусловлено особенностями природно-климатических условий и сложившейся специализацией сельскохозяйственного производства в условиях бывшего Советского Союза;

– происходящие в государстве политические и экономические преобразования связаны с процессами перераспределения земель как между собственниками и пользователями, так и категориями земельного фонда, что обуславливает значительные преобразования сложившихся культурных ландшафтов Белорусского Поозерья, исходя из возможного для сложившихся экономических условий объема производства сельскохозяйственной продукции, соблюдения паритета природоохранного и сельскохозяйственного землепользования, учета социально-экономических аспектов конкретного региона;

– основой организации культурных ландшафтов, в том числе и их элементов, должна стать разработка моделей, способных дать достоверную оценку продуктивности различных видов сельскохозяйственных угодий, учитывающих как качество земель, так и влияние природно-климатических и экономических факторов;

– существует определенная изменчивость урожайности трав на пастбищах и на пашне по отдельным годам, на фоне колебаний которой проявляется продолжительная тенденция изменения урожайности по отдельным годам (тренд), которая отражает поступательное снижение урожайности трав в Белорусском Поозерье, как на пастбищах, так и на пашне;

– разработанные нами модели позволяют рассчитывать среднюю урожайность трав на пастбищах, сенокосах и пашне в Белорусском Поозерье для любого года перио-

да, когда сохраняется принятый характер тренда, а также по имеющимся данным об урожайности в каждом календарном году за рассматриваемый период прогнозировать в последующие годы степень риска получения урожая, отличного от среднего, с учетом влияния изменчивости урожайности по годам, вызванной влиянием нерегулируемых природно-климатических факторов;

– планирование объемов производства кормов для животноводства при достигнутых к данному моменту времени уровнях агротехники и продуктивности конкретных видов угодий следует проводить с учетом изменчивости урожайности по отдельным годам под влиянием нерегулируемых природно-климатических факторов.

Л и т е р а т у р а

1. Брукинг, А. Экспертные системы. Принципы работы и примеры: пер. с англ.; под ред. Р. Форсайта / А. Брукинг, П. Джонс, Ф. Кокс [и др.]. – М.: Радио и связь, 1987, 224 с.
2. Брябрин, В.М. Диалоговые системы АСУ / В.М. Брябрин [и др.] – М.: Энергоатомиздат, 1983. – С. 5–125.
3. Государственный земельный кадастр Республики Беларусь (по состоянию на 1 января 1997 года), Государственный комитет по земельным ресурсам, геодезии и картографии Республики Беларусь. – Мн. Отпечатано на ротапринте института «Белгипрозем». Ответ. за выпуск Хрищанович В.А., 1997. – 76 с.
4. Миниш, Г. Производство говядины в США: мясное скотоводство / Г. Миниш, Д. Фокс. – М.: Агропромиздат. 1986. – С. 22–71.
5. Наличие и распределение земельного фонда Белорусской ССР (по состоянию на 11 ноября 1974 года) – Мн. Отпечатано на ротапринте института «Белгипрозем». Ответ. за выпуск Кожанов Е.В. 1975. – 90 с.
6. Пилецкий, И.В. Агропромышленные комплексы Беларуси и России в новых экономических условиях хозяйствования / И.В. Пилецкий // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. аграрных навук. – Мн. – С. 25–32. – № 3. – 2003.
7. Пилецкий, И.В. Вопросы социально-экономического развития культурных ландшафтов Белорусского Поозерья / И.В. Пилецкий // Геаграфія: праблемы выкладання. – Мн.: Адукацыя і выхаванне.– С. 9–11. – № 2(39). – 2005.
8. Пилецкий, И.В. Делить и отнимать – деревню потерять / И.В. Пилецкий // Белорусская нива. – № 97 (17618), 21 мая 2003. – С. 3.
9. Пилецкий, И.В. Культурные ландшафты Белорусского Поозерья и их социально-демографические проблемы / И.В. Пилецкий // Веснік ВДУ, 2005. – № 1(35). – С. 123–129.
10. Пилецкий, И.В. Проблемы реформирования агропромышленного комплекса Республики Беларусь / И.В. Пилецкий // Веснік ВДУ, 2003. – № 4(30). – С. 54–60.
11. Пилецкий, И.В. Сельскохозяйственное производство как фактор формирования культурных ландшафтов Белорусского Поозерья / И.В. Пилецкий // Веснік ВДУ, 2002. – № 2(24). – С. 133–142.
12. Пилецкий, И.В. Сравнительный анализ форм хозяйствования АПК Беларуси и России в новых экономических условиях / И.В. Пилецкий // Агроэкономика. Ежемесячный научно-производственный журнал. – Мн. – № 7, июль 2003. – С. 3–7.
13. Столяров, А.И. Методы системного анализа в мелиорации и водном хозяйстве / А.И. Столяров. – Л.: Гидрометеиздат, 1983. – 280 с.
14. Устерман, Д. Руководство по экспертным системам / Д. Устерман. – М.: Мир, 1989. – С. 37–144.

Поступило 23.09.2008

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Балаева-Тихомирова
Ольга Михайловна** – магистр, преподаватель кафедры химии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Богомаз
Сергей Леонидович** – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Боровко
Ванда Юльяновна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской литературы УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Бочков
Александр Александрович** – кандидат философских наук, доцент, декан юридического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Васильков
Петр Сергеевич** – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физического воспитания и спорта УО «ВГАВМ»
- Воронов
Андрей Михайлович** – аспирант кафедры геометрии и математического анализа УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Гашенко
Леонид Алексеевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Голубев
Сергей Викторович** – доктор философских наук, профессор кафедры философии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Гулидин
Петр Константинович** – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой легкой атлетики и лыжного спорта УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Данченко
Елена Олеговна** – доктор медицинских наук, профессор кафедры химии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Здольников
Виктор Викторович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Котович
Татьяна Викторовна** – доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Кунцевич
Зинаида Степановна** – профессор кафедры общей физико-коллоидной химии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Моторова
Людмила Алексеевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Моторова
Надежда Сергеевна** – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени БГУ

- Нестеренко Александр Андреевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Пилецкий Иван Васильевич** – кандидат технических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Прищепина Инна Михайловна** – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой анатомии, физиологии и валеологии человека УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Русецкий Аркадий Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, ректор УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Русецкий Юрий Аркадьевич** – кандидат исторических наук, директор ИПК и ПК УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Слемнев Михаил Александрович** – доктор философских наук, профессор кафедры философии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Смоленко Елена Дмитриевна** – кандидат медицинских наук, доцент кафедры анатомии, физиологии и валеологии человека УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Сухарев Андрей Александрович** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и теории права УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Степанова Надежда Алексеевна** – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры химии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Трацевская Людмила Федоровна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Трубников Юрий Валентинович** – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и теоретической физики УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Турковский Веслав Иосифович** – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе ОЗО УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Федотов Владимир Леонович** – кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Хорошко Геннадий Порфирьевич** – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской литературы УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Чиркин Александр Александрович** – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой химии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
- Янч Валерий Вацлавович** – кандидат философских наук, доцент истории и теории права УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

СОДЕРЖАНИЕ

I. *Общественные и гуманитарные науки*

Социология

- Русецкий А.В., Гащенко Л.А.* Изучение истории Великой Отечественной войны – важная составляющая гражданско-патриотической социализации учащейся молодежи 3
- Смоленко Е.Д., Прищепя И.М.* Моральные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи 27
- Гащенко Л.А., Васильков П.С.* Здоровье как ресурс нации 38

История

- Моторова Л.А., Моторова Н.С.* Участие органов городского самоуправления Витебской губернии в развитии системы народного образования (1875–1914 гг.) ... 49

Экономика

- Трацевская Л.Ф.* Реальность и перспективы малых и средних городов: региональный аспект 62

Правоведение

- Бочков А.А., Сухарев А.А., Янч В.В.* Проблемы формирования правовой культуры учащейся молодежи: теория и практика 74

Педагогика

- Кунцевич З.С., Турковский В.И.* Организационные подходы к оздоровлению образовательного пространства в условиях медицинского вуза 83

Филология

- Русецкий А.В., Русецкий Ю.А.* В начале пути: литературная жизнь Витебщины в послереволюционные годы (1918–1924) 110
- Нестеренко А.А.* Н.А. Некрасов и Л.Н. Толстой (опыт анализа творческой переключки поэта и прозаика) 131
- Здольников В.В.* Леонов и Достоевский: к вопросу о преемственности традиций .. 148
- Харошка Г.П.* Эволюция жанру драматычнай паэмы ў творчай спадчыне Янкі Купалы 162
- Бароўка В.Ю.* Этналітаратуразнаўства: спецыфіка, шляхі развіцця 172

Искусство

- Котович Т.В.* Структура хронотона театрального произведения 180

Философия

- Слемнев М.А.* Смена теорий в развивающейся науке: противоборство традиций и новаций 202
- Голубев С.В.* Ценности как основание и регулятив деятельности 219

Психология

- Богомаз С.Л.* Психологическая защита личности: методология, механизмы, инструментарий 228

II. *Естественные науки*

Механика

- Трубников Ю.В., Воронов А.М.* Метод нелинейного времени в задаче двух тел 255

Биология

<i>Федотов В.Л.</i> Сравнительная характеристика биогеохимии магния в ландшафтах Белорусского Поозерья	269
<i>Чиркин А.А., Балаева-Тихомирова О.М., Данченко Е.О., Степанова Н.А.</i> Сравнительная характеристика регуляции метаболизма у ликвидаторов и военных-интернационалистов	278
Сельское и лесное хозяйство. Экономика сельского хозяйства	
<i>Пилецкий И.В.</i> Организация пастбищ и сенокосов культурных ландшафтов сельских агломераций Белорусского Поозерья	295
Сведения об авторах	312

Научное издание

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»**

Том 7

Сборник научных статей

Редактор
Компьютерный дизайн
Корректор

А.И. Матеюн
Т.Е. Сафранкова
А.В. Говорова

Подписано в печать 24.12.2008. Формат 60x84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,71. Уч.-изд. л. 20,85. Тираж 70. Заказ 191.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»
Лицензия ЛВ № 02330/0056790 от 01.04.2004.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.